

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 2 (22) 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Лбова Л.В., Коломиец В.Л., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Клементьев А.М.** Природные обстановки и климат позднего неоплейстоцена Западного Забайкалья (по данным геоархеологических объектов) 2
- Волков И.А.** Геологические события конца позднеледникового в долинах Сибири и динамика природной среды 18

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

- Деревянко А.П.** Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита 22
- Аникевич М.В.** Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества 37

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Баркова Л.Л., Панкова С.В.** Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) 48
- Быков Н.И., Быкова В.А., Слюсаренко И.Ю.** Погребальные сооружения как источник по изучению лесопользования у пазырыкцев 60
- Доде З.В.** "Шелковый рай" на Северном Кавказе. Иранская лицевая ткань XVI века из коллекции Б.А. Куфтина 68
- Дьякова О.В.** Каменный склеп у с. Богополь в Приморье в контексте истории Дальнего Востока 77
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Узда с памятника Чоба-Баш в Горном Алтае 86
- Григорьев С.А.** Анализ шлаковых остатков с поселений Вишневка, Верхняя Алабуга и Коршуново в Тоболо-Ишимской лесостепи 95
- Кокшаров С.Ф., Погодин А.А.** Мастерская бронзового века на реке Ендырь 100

ДИСКУССИЯ

Проблемы изучения первобытного искусства

- Есин Ю.Н.** О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии 114
- Черемисин Д.В.** О семантике маскированных рогатых лошадей из пазырыкских курганов 129

ЭТНОГРАФИЯ

- Березкин Ю.Е.** Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа 141
- Майничева А.Ю.** Заимствования в церковном зодчестве Прибайкалья XVII–XIX веков в аспекте адаптационных возможностей русского этноса 151

ПЕРСОНАЛИИ

- Зоя Александровна Абрамова** 159

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 160

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 551.79+551.89+571.54+631.487

Л.В. Лбова¹, В.Л. Коломиец²,
М.И. Дергачева³, И.Н. Феденева³, А.М. Клементьев¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия

E-mail: lbova@bsc.buryatia.ru

² Геологический институт СО РАН

ул. Сахьяновой, 6а, Улан-Удэ, 670047, Россия

E-mail: kolomiets@gin.bsc.buryatia.ru

³ Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: mid@nsc.ru; fedeneva@archaeology.nsc.ru

ПРИРОДНЫЕ ОБСТАНОВКИ И КЛИМАТ ПОЗДНЕГО НЕОПЛЕЙСТОЦЕНА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (по данным геоархеологических объектов)*

Введение

Реконструкция палеогеографических условий в позднем неоплейстоцене является основой для оценки возможностей возникновения, развития и распространения культуры *Homo Sapiens Sapiens*. Оценка биологических ресурсов, климатической ситуации, а также особенностей каменного сырья необходима для разработки более достоверных моделей поведения и изменения адаптационных стратегий древнего человека. На материалах забайкальских геоархеологических объектов такие исследования начаты недавно, и результаты, позволяющих полностью характеризовать адаптационные стратегии как модели поведения на различных хронологических срезах, еще недостаточно.

Изучение континентальных верхнеплейстоценовых отложений на территории Западного Забайкалья, палеофаунистические и флористические исследования, а также интерпретация результатов анализа кернов, взятых на Академическом хребте в оз. Байкал, позволили представить картину изменения в плейстоцене

природной среды в регионе в целом. В настоящее время опубликованы довольно полные характеристики крупных климатохронов верхнего плейстоцена на территории Сибири и Забайкалья (см.: [Проблемы реконструкции..., 1998; 2000, вып. 2; Лбова, Резанов, Калмыков и др., 2003; и др.]).

Наши исследования в области реконструкции природной среды, проведенные в 1990–2002 гг. на опорных геоархеологических разрезах Удинской лесостепи, подтвердили предположение об отсутствии в Западном Забайкалье перигляциальных ландшафтов в позднем плейстоцене, а также дополнили материалы по микроклиматам долин Удинского бассейна (рис. 1).

Ниже приводится ряд результатов, полученных в ходе реализации проекта СО РАН «Изменения климата и природной среды в плейстоцене и голоцене Сибири» (1998–2002 гг.), которые уточняют общие построения палеогеографических реконструкций в Западном Забайкалье, и в частности в Удинской лесостепи. Геологические и стратиграфические наблюдения осуществлены И.Н. Резановым, В.Л. Коломийцем, Л.В. Лбовой, палинологические исследования – В.В. Савиновой, палеопедологические – М.И. Дергачевой, И.Н. Феденовой, Н.В. Васькович и др., датирование РТЛ-методом проводилось А.В. Переваловым и В.П. Резановой, по ¹⁴C – Л.А. Орло-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РАН и СО РАН (программа “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”), РФФИ (проекты № 04-06-80403, 04-04-49852).

Статья отражает позицию авторов.

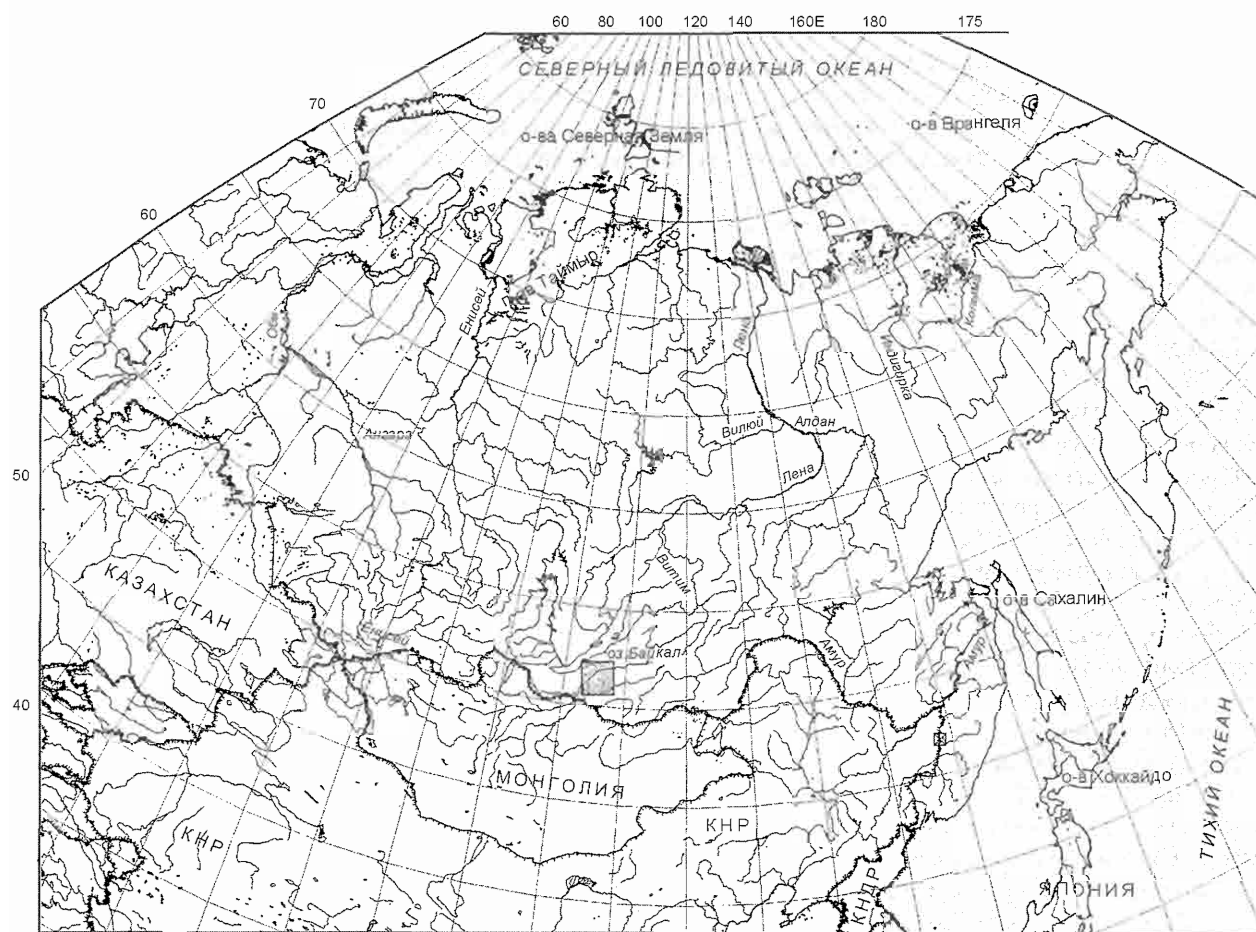

Рис. 1. Географическое положение территории исследования.

вой, палеонтологические определения выполнены М. Жермонпре, Н.П. Калмыковым, Ф.Э. Хензыхеновой, А.М. Клементьевым.

Характеристика отложений геоархеологических объектов Западного Забайкалья и палеогеографические реконструкции

Казанцевское время

Литология и стратиграфия. Отложения фрагмента IV террасы боковых притоков р. Селенги высотой 18–20 м подразделяются на три горизонта и прислонены к коренному склону. Нижний горизонт перстративного типа аккумуляции казанцевского времени ($110\,000 \pm 15\,000$, $148\,000 \pm 17\,000$ л.н.) сложен промытыми средне- и мелкозернистыми субгоризонтально-слоистыми песками (75–80 %) с включениями неокатанного и слабоокатанного обломочного материала (5–10 %) и добавлением тонкого субстрата (10–15 %). Палеопотамологические параметры свидетельствуют

о том, что водотоки (пра-Уды) принадлежали к полугорному типу с развитыми аккумулятивными формами, имели постоянное чистое русло без органических остатков и некоторые неправильности в направлении струй течения и рельефе дна. Максимальные глубины в меженный период составляли 0,3–0,8 м, в паводковый – 3,2–6 м. Ширина русла в момент выхода на пойму варьировала в больших пределах – от 80 до 200 м [Резанов и др., 1999].

III терраса боковых притоков 2-го порядка высотой 13–15 м соответствует по возрасту IV террасе притоков 1-го порядка, ее основание датируется $106\,000 \pm 11\,000$ л.н. Пески, слагающие террасу, средне и умеренно сортированы. Судя по палеопотамологическим показателям, аккумуляция могла происходить в неглубоком (2,5–4,0 м) озеровидном проточном бассейне. Палеопоток р. Оны, транспортировавший в него наносы, имел небольшие уклоны водного зеркала, незначительные скорости переноса частиц, максимальную глубину в меженный период 0,3–0,7 м, в половодье 2,1–3,5 м и ширину русла от 30 до 90 м. Водоток был полугорным, с хорошо

разработанным ложем, площадью водосбора $>100 \text{ км}^2$, со свободным течением воды в обычных условиях состояния речного дна. Стабильная динамика осадконакопления свидетельствует об относительно спокойном тектоническом режиме Удинской впадины в это время [Лбова, Резанов, Коломиец и др., 2000].

Палинология. В спорово-пыльцевом спектре нижнего горизонта III террасы р. Оны представлены древесно-кустарниковые породы (46,5 %), травянистая растительность (39,4 %), споры папоротниковых и плаунов (14 %). Встречена пыльца березы (*Betula* – 19,7 %), сосны обыкновенной (*Pinus silvestris* L. – 6,3 %) и кедровидной (*Pinus sibirica* – 3,5 %), верескоцветных (*Ericaceae* – 6,3 %), ольховника (*Alnaster* – 4,9 %), ольхи древовидной (*Alnus* – 3,5 %) и ели (*Picea* – 2 %); зонтичных (*Umbeliferae* – 8,4 %), лилейных (*Liliaceae* – 7,7 %), злаковых (*Gramineae* – 7,3 %), гречишных (*Poligonaceae* – 6,3 %), осоковых (*Cyperaceae* – 5,6 %), лебедовых (*Chenopodiaceae* – 4,9 %) (определения В.В. Савиновой). Такой состав спорово-пыльцевого спектра указывает на то, что во время накопления этого горизонта здесь были распространены сосново-березовые леса с темнохвойными элементами, перемежавшиеся с березовыми лесами. В подлеске произрастали брусничник, рододендрон, ольховник. По склонам, ближе к реке, встречалась ольха древовидная. Травянистая и споровая части спектра отражают растительные ассоциации влажных местообитаний, что подтверждает распространение лесов в климатических условиях, которые были теплее и влажнее современных. Предполагаемая среднегодовая температура в это время была ок. 0°C , среднеянварская – минус 18°C , среднеиюльская – плюс 17°C ; среднегодовое количество осадков составляло 600 мм [Там же; Лбова, Резанов, Калмыков и др., 2003].

Палеонтология. Макротериевая фауна казанцевского и раннезырянского времени практически не описана. Отдельные находки вызывают сомнение относительно их точной хронологической принадлежности.

Мелкие млекопитающие казанцевского времени в Западном Забайкалье представлены *Marmota* sp., *Spermophilus* (*Urocitellus*) *undulatus*, *Ochotona* cf. *daurica*, *Microtus gregalis*, *Lasiopodomys brandti*; в Восточном Забайкалье – *Ochotona daurica*, *Spermophilus* (*S.*) *dauricus*, *Allactaga sibirica*, *Mus* sp., *Cricetulus barabensis*, *Lagurus lagurus*, *Lasiopodomys brandti*, *Myospalax aspalax* [Алексеева и др., 2000].

Раннезырянское (ермаковское) время

Литология и стратиграфия. Геологические образования представлены аллювиальными и склоновыми

отложениями. В частности, относящиеся к зырянскому времени ($61\,000 \pm 7\,300$ и $65\,000 \pm 6\,500$ л.н.) средние горизонты террас притоков р. Селенги 1-го и 2-го порядка сложены отмытыми песками, в которых преобладают средне- и мелкозернистые песчаные фракции (до 80 %) с редкими дресвяно-щебнистыми включениями (5 %) и примесями глинисто-алевритовых частиц (15 %). Слоистость тонкая, волнистая.

Склоновые отложения нижней части разрезов Хотык и Хотогой-Хабсагай (сл. 9, глубина 1,8–2,3 м), Каменки и Варвариной Горы (сл. 8) сложены суглинками, обогащенными дресвой. Отмечается включение глинистых лент (длиной до 25–30 см) с карбонизацией в виде мелких точек. Высокое содержание грубообломочного материала свидетельствует об активизации выветривания и усилении делювиально-пролювиальных процессов [Резанов и др., 1999; Лбова, Резанов, Калмыков и др., 2003].

В.Л. Коломийцем и Л.В. Лбовой уточнено, что рыхлый покров на геоархеологическом объекте Варварина Гора подразделяется на два горизонта, резко отличающиеся друг от друга по генетико-структурным особенностям. Верхний (интервал 0,0–1,1 м) сложен дресвяно-щебнистым материалом с обильным включением малых, средних глыб и супесчаным заполнителем. Нижний горизонт представлен щебнисто-дресвяно-песчано-алевритовыми смесями (средневзвешенный размер частиц $x = 0,79 \dots 1,78$), в которых количество тонкопесчано-алевритово-глинистых частиц колеблется от 61,8 до 87 %, общая доля песков составляет 8–17,5 %, а суммарный процент псефитовых образований 5–20,7. Текстура массивная, к низу горизонта наблюдается слабовыраженная тонкая наклонная слоистость.

По статистическим параметрам отложения характеризуются как умеренно и плохо сортированные ($S_0 = 1,40 \dots 3,41$; $\sigma = 3,62 \dots 3,75$), им свойственна бимодальность распределения с большим интервалом значений коэффициента асимметрии ($\alpha = 2,48 \dots 6,47$), положительный эксцесс ($\tau = 5,63 \dots 44,02$) и высокие показатели коэффициента вариации ($v = 2,03 \dots 4,74$). Такой набор параметров указывает на стабильные условия среды седиментации и ее заметную активность, которая могла иметь место в квазистационарных водных системах с постоянным внедрением склонового материала без должной динамической обработки.

Осадконакопление осуществлялось постоянным или эпизодическим слабоподвижным либо подвижным извилистым “мутным” потоком полугорного (число Фруда $Fr = 0,19$) или горного низкогорного ($Fr = 0,31$) типа в обычных условиях состояния ложа (коэффициент шероховатости $n < 35$). Поверхностная скорость течения составляла 0,65–0,93 м/с, срывающая (приводящая в движение осадочный материал) –

0,4–0,6, скорость отложения – 0,3–0,4 м/с. Уклоны водного зеркала – 2,5–5,2 м/км, максимальные глубины – 2,8–3,6 м, режим осаждения переходный и турбулентный, что подтверждается значениями универсального критерия Ляпина ($\beta = 0,43...0,56$).

Описываемые события, по данным РТЛ-датирования, происходили $69\,000 \pm 7\,200$ л.н., что соотносится с ермаковской эпохой, когда климат все еще был достаточно влажным. Проба отобрана из отложений, подстилающих культуросодержащую пачку.

Дополнительные данные были получены по разрезу Каменка. Нижняя часть имеет двучленное строение. Верхняя пачка (интервал 8,15–9,05 м) сложена запесоченными суглинками с обильными включениями неокатанных и слабоокатанных дресвяно-щебенистых обломков гранитного состава. Наблюдаются слабо выраженная косая (сверху) и субгоризонтальная (снизу) слоистость, мощность прослоев 1–2 см. Нижняя пачка (интервал 9,05–10,6 м) представлена тонко- и мелкозернистыми алевролитистыми песками с повышенным содержанием псефитовых частиц (от 7 до 13 %). Текстура выражена слабо – субгоризонтальное чередование маломощных слоев песка и песчано-дресвяной смеси.

Отложения характеризуются как умеренно и недостаточно сортированные ($S_0 = 1,74...1,96$; $\sigma = 3,62...3,75$). Наблюдается асимметрия распределений – мода сдвинута в сторону мелких частиц. Повышенные значения коэффициента асимметрии ($\alpha = 3,74...4,69$) и положительный эксцесс ($\tau = 16,05...28,35$) указывают на некоторое увеличение водности и скорости течения в процессе седиментации на относительно стабильном тектоническом фоне. Значения коэффициента вариации ($v = 2,10...2,12$) соответствуют аквальному характеру протекания процесса осадконакопления в однонаправленных постоянных и эпизодических турбулентных потоках с сезонными колебаниями водности.

По палеопотамологическим данным, поступающий в бассейн седиментации материал привносился естественными блуждающими потоками полугорного грядового типа ($Fg = 0,18...0,24$) с площадью водосбора >100 км² в благоприятных условиях состояния ложа и свободного течения воды ($n = 32...35$). Поверхностные скорости течения палеоводотоков не превышали 0,76 м/с, уклоны водного зеркала составляли 2,4–3,7 м/км. Максимальная глубина в межень период была 0,25 м, в паводковый – 3,3–3,6 м, ширина русел в момент наибольшего заполнения водой до выхода на пойму варьировала в пределах 80–100 м; ф-критерий устойчивости русел определяет их как слабоподвижные (< 100 единиц). Очевидна и фациально-генетическая природа данных отложений – аллювиальные и аллювиально-пролювиальные пески русловых нестречневых фаций.

Палинология. По палинологическим данным, во всех разрезах эти горизонты практически не содержат пыльцу и споры. Только на геоархеологическом объекте Хотык (раскоп 2) получен обедненный вариант спорово-пыльцевого спектра, в котором представлены злаковые (Gramineae), сложноцветные (Compositae), полынь (*Artemisia* sp.), верескоцветные (Ericaceae), единично сосна обыкновенная (*Pinus silvestris* L.), что указывает на распространение открытых, безлесых ландшафтов, сформированных степными ассоциациями (пыльцевая зона III) (рис. 2) (данные В.В. Савиновой). Климат был сухой, неблагоприятный для произрастания растений, а щелочные условия захоронения не способствовали сохранению пыльцы и спор [Савинова, 1999]. Горизонты на глубине 8,5–9,5 м не содержат пыльцу и споры, что косвенно указывает на аридизацию климата, сильное похолодание и иссушение. Для этих отложений РТЛ-методом получена дата $49\,000 \pm 6\,000$ л.н. (ГИН СО РАН-340), сопоставимая с финалом зырянского времени.

В спорово-пыльцевом спектре нижних горизонтов разреза Каменка представлены древесно-кустарниковые породы (11,7 %), лесные виды (Lycopodiaceae, *Sphagnum* sp., Rosaceae, Cyperaceae, Plantaginaceae) травянистой растительности (41,2 %) и споровых (47,1 %). Выше по разрезу появляется пыльца березы обыкновенной (*Betula platyphylla*) и ольховника (*Alnaster* sp.). В травянистом спектре отмечаются представители зонтичных (Umbelliferae), подорожниковых (Plantaginaceae), осоковых (Cyperaceae), сложноцветных (Compositae), василистник (*Thalictrum* sp.) и полынь (*Artemisia* sp.), что свидетельствует о наличии сосново-березовых редколесий, лесного и лугового разнотравья. Климатические условия влажные, но прохладные.

Время образования самых нижних горизонтов разреза Каменка определено по РТЛ-дате $74\,000 \pm 8\,000$ л.н. (ГИН СО РАН-342) как ермаковское [Лбова, Коломиец, Савинова, Феденева, 2003].

Палеопедология. Педогенные характеристики представлены в материалах нижней части разреза Хотык (рис. 3). Выделена зона педогенеза 1, связанная с уровнем обитания 6. Отложения характеризуются невысоким содержанием органического углерода, незначительно увеличивающимся снизу вверх, постепенно возрастающим в этом же направлении количеством карбонатов кальция и уменьшающимся – поглощенных катионов. В составе гумуса существенно преобладают фульвокислоты ($C_{гк} : C_{фк}$ колеблется от 0,13 до 0,20), при этом в средней части зоны можно заметить относительное накопление гуминовых кислот. Судя по сочетанию признаков педогенеза, толща зоны 1 формировалась в очень суровых условиях, характерных для экстрааридных холод-

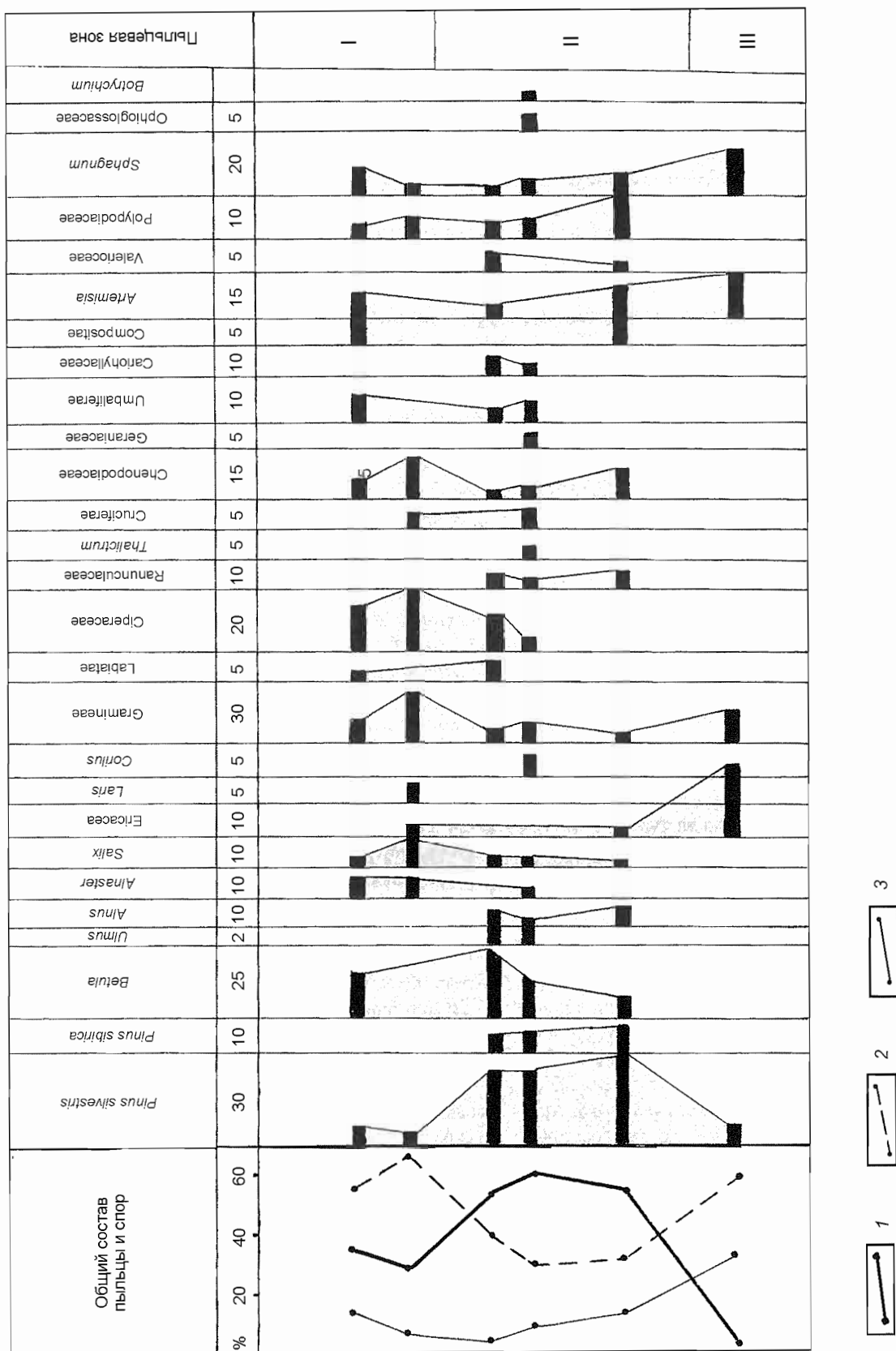

Рис. 2. Спорно-пыльцевая диаграмма разреза Хотык.
1 – пыльца деревьев и кустарников; 2 – пыльца травянистых растений; 3 – споры.

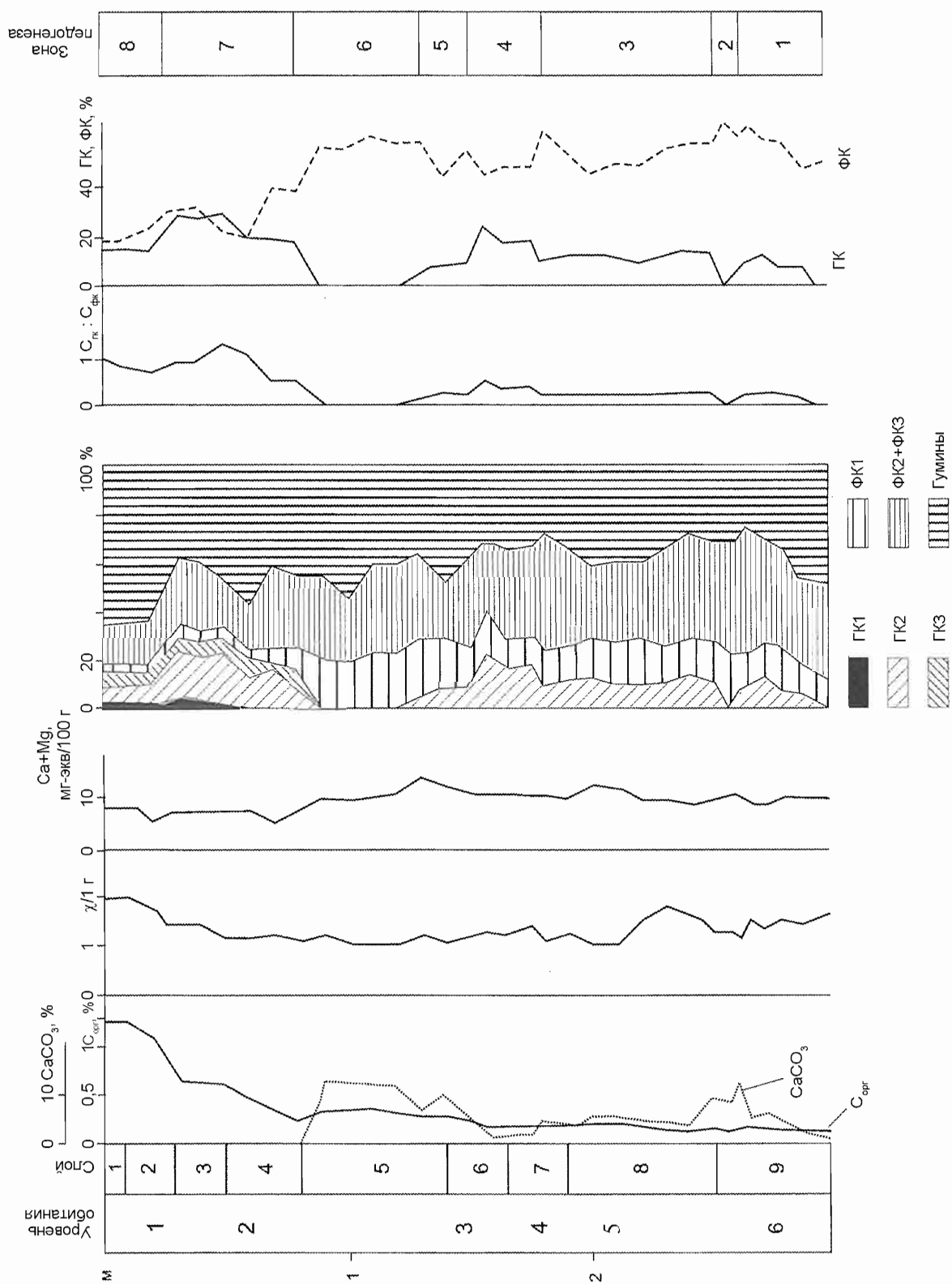

Рис. 3. Педогенные характеристики разреза (2001 г.) Хотык.

ных ландшафтов, типичных для современных сухостепных – полупустынных областей Центральной Азии. Количество атмосферных осадков не превышало 150–200 мм в год, а среднегодовые температуры воздуха были не выше $-5...-6^{\circ}\text{C}$.

Зона педогенеза 2, мощность которой составляет 5–10 см, отличается незначительным увеличением содержания углерода по сравнению с нижележащей, отсутствием гуминовых кислот в составе гумуса при возрастании количества фульвокислот, усилением окарбоначенности осадков и уменьшением величины удельной магнитной восприимчивости. Возможно, при формировании этих отложений еще большее, чем в период образования ниже- и вышеележащих, уменьшение теплообеспеченности сопровождалось дальнейшим увеличением аридности климата, а господствовавшие ландшафты были сравнимы с горными пустошами, распространенными в настоящее время на высокогорных ксероморфных участках Западного Забайкалья [Ногина, 1964]. Незначительная мощность зоны не позволяет диагностировать палеоэкологические условия формирования данной части толщи более достоверно. Можно лишь с уверенностью сказать: они были настолько суровыми, что процессы гумусо- и почвообразования практически не протекали.

Зона педогенеза 3 по педогенным характеристикам близка первой. Однако можно заметить незначительное возрастание количества органического углерода (до 0,2 %) и увеличение содержания гуминовых кислот в составе гумуса: до 13,9 % от $C_{\text{орг}}$ в нижней части зоны 3 и до 12,3 % – в верхней ($C_{\text{гк}} : C_{\text{фк}}$ составляет соответственно 0,24 и 0,27). Во втором из выделенных прослоев наблюдается сокращение доли фульвокислот, совпадающее с уменьшением величины удельной магнитной восприимчивости.

В целом природные условия образования отложений зоны 3 и 1 (уровни обитания 5 и 6 соответственно) близки, характеризуются низкой теплообеспеченностью и высокой аридностью. При этом формирование осадков зоны 3 сопровождалось незначительными колебаниями атмосферной увлажненности и температурных показателей климата, хотя ландшафтные условия не выходили за пределы типичных для сухих степей – полупустынь [Лбова, Резанов, Калмыков и др., 2003].

Палеонтология. К раннезырянскому времени позднего неоплейстоцена Э.А. Вангенгейм отнесла костные остатки *Bison priscus deminutus*, *Coelodonta antiquitatis*, происходящие из разных местонахождений [Равский и др., 1964]. При составлении схемы фаунистических комплексов для Забайкалья этим же временем были датированы палеонтологические материалы из Новоникольского обнажения (поздняя форма *Mammuthus primigenius*, *Coelodonta*

antiquitatis, *Equus caballus*, *E. hemionus*, *Ovis ammon*, *Procapra gutturosa*, *Spirocerus kiakhtensis*, *Cervus elaphus*, *Bison priscus*, *Bos primigenius*, *Ochotona* sp.) [Вангенгейм и др., 1975]. Дополнительная информация о раннезырянской фауне получена благодаря новейшим исследованиям комплексов 5-го и 6-го уровней геoarхеологического объекта Хотык. А.М. Клементьевым определены горный баран-аргали (*Ovis ammon*), бизон (*Bison* sp.), лошадь (*Equus* sp.), кулан (*Equus (Hemionus) hemionus*), дзерен (*Procapra gutturosa*). Установлено присутствие костных остатков двух особей тушканчиков в комплексе уровня 6 (определения Н.В. Мартыновича). Изучение остеологической коллекции 4-го уровня Хотыка (финал раннезырянского времени – начало каргинского) позволило установить наличие костей антилопы-дзерена, горного барана-аргали, лошади, шерстистого носорога, бизона, волка и лисицы-корсака [Лбова, Базаров, Клементьев, Савинова, 2003]. Из мелких млекопитающих известны сурок (*Marmota sibirica*) и суслик (*Spermophilus undulatus*) [Хензыхенова, 1999].

Каргинское межледниковье

Каргинские отложения Западного Забайкалья являются наиболее изученными [Базаров, 1968, 1986; Базарова, 1985; Базаров и др., 1982; и др.]. Установлено, что в то время лесостепные ландшафты перемежались со степными и с разреженными осветленными лесами с единичными экземплярами широколиственных пород (лещина, орех, дуб, бук, вяз) и довольно богатым травянистым покровом [Базарова 1985; Резанов, 1988]. Позднеплейстоценовый фаунистический комплекс Западного Забайкалья характеризуется присутствием видов с различной экологией существования.

При исследовании в Удинском бассейне палеолитических горизонтов и геологических разрезов вблизи археологических памятников нами получены новые материалы, которые вполне пригодны для локальной реконструкции палеогеографических условий каргинского периода в Западном Забайкалье.

Литоология и стратиграфия. Каргинскому времени соответствуют отложения аллювиально-озерного (II терраса рек Оны и Брянки) и делювиально-пролювиального (средняя часть разрезов Хотык, Хотогой-Хабсагай, Варварина Гора, нижняя часть разрезов Каменка, Мухор-Тала) генезиса. Верхний горизонт (позднекаргинский) III террасы р. Оны сложен средне- и мелкозернистыми песками (55–65 %) с дрсевой, щебнем, редким галечником (10–25 %) и глинистым алевритом (10–15 %). В строении II онинской террасы ($33\,000 \pm 6\,600$ л.н.) высотой до 10 м, вложенной в песчаные образования третьей, прини-

мают участие горизонтально-слоистые сортированные мелко-, крупно- и среднезернистые пески (до 90 %) с гравием (1 %) и алевритово-глинистыми частицами (до 10 %).

Средняя часть склоновых онинских разрезов (сл. 5–8, глубина 0,6–1,8 м), представленная лессовидными супесями и суглинками, датирована в интервале 60–25 тыс. л.н. Полученные здесь спорово-пыльцевые спектры отражают довольно теплые условия осадконакопления, что сопоставимо с каргинским временем. В нижней части разрезов отмечается наличие слоя тяжелого суглинка, обогащенного обломочным материалом, трещиноватого по структуре, с линзами крупнозернистого песка. Данную часть следует интерпретировать как зону, разрушенную мерзлотно-солифлюкционными процессами, и в силу того, что характер субаэральных образований первой половины каргинского межледникового в Забайкалье четко не определен, отнести ее формирование к раннекаргинскому времени или к финальному этапу раннезырянского (ермаковского) [Резанов и др., 1999].

По разрезу Каменка каргинскому времени соответствуют материалы, полученные из нижней пачки (интервал 4,95–8,15 м) средней части толщи, которая характеризуется более пестрым составом песков – от алевритистых, тонко- и мелкозернистых до средне- и мелкозернистых ($\chi = 0,25 \dots 0,5$). Слоистость четкая, развита повсеместно – от субгоризонтальной и слабоволнистой до косой и косоволнистой. Имеется небольшой процент включений неокатанного обломочного материала, характер распределения которого послойный.

Отложения хорошо и умеренно сортированы ($S_0 = 1,30 \dots 1,76$; $\sigma = 0,3 \dots 1,14$), асимметричны ($\alpha > 0$) – мода сдвинута в сторону крупных частиц, что указывает на относительно высокую энергетику среды седиментации (это подтверждается и существенным разбросом значений коэффициента асимметрии α). Положительный эксцесс свидетельствует о сравнительно стабильных тектонических условиях осадконакопления, постоянном привносе новых порций материала и довольно качественной его динамической обработке. Значения коэффициента вариации ($v = 0,89 \dots 2,44$) соответствуют аквальному характеру протекания процесса седиментации в однонаправленных стационарных и квазистационарных потоках с сезонными колебаниями водности.

По палеопотамологическим данным, осадконакопление осуществлялось блуждающими водотоками равнинного ($Fr < 0,1$), реже полугорного грядового ($Fr > 0,1$) типа с естественными постоянными руслами (площадь водосбора $> 100 \text{ км}^2$) в благоприятных условиях состояния ложа и течения воды (коэффициент шероховатости $n > 37$). Палеорусла имели уклоны 0,4–1,4 ‰, поверхностные скорости течения со-

ставляли 0,42–0,54 м/с, срывающие – 0,31–0,37, придонные скорости отложения – 0,20–0,23 м/с, максимальные глубины в меженьный период – 0,25–0,3 м, в половодье – 2,6–4,5 м при ширине в момент наибольшего заполнения водой 50–155 м. Универсальный критерий Ляпина ($\beta > 0,2$) указывает на образование в днищах русел мелкогрядовых подвижных форм высотой 0,08–0,14 м, длиной 0,9–1,6 м и скоростью их перемещения 0,2–1,0 мм/с. Значения числа Лохтина ($L = 1,5 \dots 1,8$) свидетельствуют о приближении водотоков к конечному водоему. В фациальном отношении эту толщу можно соотнести с русловой (средне- и мелкозернистые пески) и пойменной (тонко- и мелкозернистые, алевритистые пески) группами речной макрофации.

Палинология. Описанной части разрезов соответствует пыльцевая зона II разреза Хотык в интервале 1,0–1,8 м (см. рис. 2). По спорово-пыльцевым спектрам здесь зафиксированы распространение кедрово-сосново-березовых лесов южно-таежной флоры (*Pinus silvestris*, *Pinus sibirica*, *Ulmus*, *Alnus*, *Corylus*, *Betula*, *Alnaster*, *Salix*) и возрастание видового разнообразия трав и кустарников (Gramineae, Labiatae, Cyperaceae, Ranunculaceae, *Thalictrum*, Cruciferae, Caryophyllaceae, Valerionaceae, Umbeliferae, Geraniaceae, Chenopodiaceae). Среди спор появляются представители Polypodiaceae, *Botrychium*, *Bryalis*, Ophioglossaceae. Увеличение содержания пыльцы дендрофлоры с темнохвойными элементами и доминантой сосны обыкновенной свидетельствует о восстановлении хвойных лесов. На пониженных и прогреваемых участках встречались березовые колки с вязом, ольхой и лещиной, которые перемежались с луговыми ассоциациями [Савинова, 1999; Лбова, Резанов, Калмыков и др., 2003].

Более влажные и теплые по сравнению с предыдущим периодом климатические условия способствовали восстановлению лесов с широколиственными элементами. Спорово-пыльцевой спектр каргинского горизонта Хотогой-Хабсагая содержит 54 % древесно-кустарниковой и 32 % травянистой пыльцы, 14,0 % спор. В составе древесно-кустарниковых пород выявлены сосна обыкновенная (*Pinus silvestris* L.) и кедровидная (*Pinus sibirica* – 5 %), ель (*Picea* – 1 %), береза (*Betula* – 15 %), ольха древовидная (*Alnus* – 1 %), ива (*Salix* – 2 %), верескоцветные (Ericaceae – 3 %). Травянистая растительность представлена лютиковыми (Ranunculaceae), вьюнковыми (Convolvulaceae), злаковыми (Gramineae), гераниевыми (Geraniaceae), зонтичными (Umbeliferae), шейхцериевыми (Sheuchzeriaceae) и астровыми (Asteraceae). По спорам определены папоротниковые (Polypodiaceae – 8 %), сфагновые мхи (*Sphagnum* – 1 %), плауны (*Lycopodium clavatum* – 2 %), гроздовник (*Botrychium* – 2 %) и бриевые мхи (*Bryales* – 1 %).

Спорово-пыльцевой спектр указывает на то, что во время формирования каргинского горизонта существовали хвойные леса с темнохвойными элементами и верескоцветными в подлеске. В понижениях были распространены березовые рощи с ивами. В тенистых хвойных и березовых лесах или зарослях кустарников произрастали травянистые и споровые растения. На прогреваемых участках склонов росла ольха древовидная. Климатические условия были достаточно влажными и теплыми [Савинова, 1999; Лбова, Резанов, Коломиец и др., 2000].

Палинологические данные, полученные по разрезу Варварина Гора [Базаров и др., 1982, с. 88–89], свидетельствуют о наличии в культуросодержащих отложениях каргинского времени двух горизонтов с “теплым” спектром. Растительность характеризуется большим разнообразием, особенно травянистых ассоциаций. Пыльца древесных пород составляет 8 %, зафиксировано присутствие широколиственных деревьев: вяза, древовидной ольхи. Выше по разрезу отмечена зона похолодания и увлажнения с господством трав водно-прибрежных ценозов и споровых – плаунов и папоротников. В следующую эпоху некоторого потепления активно развивались луговые ценозы. Венчают верхнеплейстоценовую толщу отложения с “холодным” спектром степных ассоциаций (лебедовые, полынь, подорожник) сарганского периода [Там же].

В раннекаргинской части разреза Каменка появляется пыльца березы обыкновенной (*Betula platyphylla*) и ольховника (*Alnaster* sp.), а травянистая растительность представлена пылью зонтичных (Umbeliferae), подорожниковых (Plantaginaceae), осоковых (Cyperaceae), сложноцветных (Compositae), василистника (*Thalictrum* sp.) и полыни (*Artemisia* sp.). Приведенные данные свидетельствуют о наличии сосново-березовых редколесий с лесными видами споровых растений, плаунами, лесным и луговым разнотравьем (показатели наличия лиственных лесов). Спорово-пыльцевые спектры, полученные для верхней части песков каргинского возраста, указывают на общее потепление и увлажнение. Доминирует пыльца травянистых растений: злаковых (Gramineae – 19,6 %), зонтичных (Umbeliferae – 2,9 %), подорожниковых (Plantaginaceae – 3,6 %), осоковых (Cyperaceae – 19,4 %), лилейных (Liliaceae – 18 %), виоловых (Violaceae – 2,2 %), розоцветных (Rosaceae – 4,3 %), лютиковых (Ranunculaceae – 5,8 %). Доля древесно-кустарниковых пород составляет 37,7 %, в т.ч. сосны (*Pinus silvestris* L.) – 30,4, ели (*Picea* sp.) – 2,2, березы (*Betula* sp.) – 5,1. Споровая часть спектра представляет плауны (Lycopodiaceae – 1,1 %) и бриевые мхи (*Bryales* sp. – 3,3 %). Такая растительность отражает довольно теплые и достаточно влажные условия осадконакопления. Таким образом, по совокуп-

ности данных очевидно преобладание на территории Брянской долины лесостепных и степных ландшафтов в умеренно-теплых и достаточно увлажненных условиях каргинского периода [Лбова, Коломиец, Савинова, Феденева, 2003].

Палеопедология. Каргинский педокомплекс довольно информативно представлен на всех геоархеологических объектах Забайкалья. Наиболее полные характеристики получены по разрезам Хотык, Каменка и Варварина Гора. В первом из них каргинскому межледниковью соответствуют зоны педогенеза 4 и 5 (соответствующие уровням обитания 4 и 3) [Лбова, Резанов, Калмыков и др., 2003] (см. рис. 3). Зона 4 выделяется накоплением органического углерода в мелкоземной отложениях, возрастанием доли гуминовых кислот в составе гумуса и уменьшением – фульвокислот (отношение $C_{\text{тк}} : C_{\text{фк}}$ увеличивается до 0,40–0,52), а также снижением окисленности осадков (до 1–2 % CaCO_3).

В период образования отложений существовали степные ландшафты, широко распространенные в настоящее время на территории Забайкалья. В это время могли формироваться аналоги современных каштановых мучнисто-карбонатных почв (или степных криоаридных мало- и среднегумусных [Волковинцер, 1978]). Среднегодовые температуры воздуха составляли –2...–3 °С, сумма биологически активных температур достигала 1 900–2 000 °С, а осадков выпадало в среднем 200–260 мм в год.

Признаки педогенеза, в отложениях, относящихся к зоне 5, отчасти аналогичны рассмотренным выше характеристикам зоны 3 (особенно верхней ее части): содержание органического углерода ок. 0,2 %, отношение $C_{\text{тк}} : C_{\text{фк}}$ 0,16–0,18, удельная магнитная восприимчивость $1,1\text{--}1,2 \cdot 10^{-6}$ СГСЕ/г осадка, однако в отличие от зоны 3 здесь большее количество карбонатов (до 9 %).

Формирование этой части осадков происходило в условиях, переходных от более благоприятных для развития растительности и почвообразования, зафиксированных в зоне 4, к наиболее суровым для всей изученной толщи, которые характерны для периода образования вышележащих отложений, т.е. в условиях сухостепных – полупустынных ландшафтов. Уровень обитания 3 приурочен к зоне 4 и нижней части зоны 5.

В близком территориально разрезе Хотогой-Хабсагай каргинский педокомплекс характеризуется следующими особенностями. Содержание общего углерода здесь несколько повышается – до 0,3 %, а в гумусированных фрагментах – до 0,4–0,5 %. В составе гумуса дериватов почвы, фрагменты которой прослежены в разрезе на глубине 170–180 см, появляются в небольшом количестве гуминовые кислоты, связанные с кальцием. Отношение $C_{\text{тк}} : C_{\text{фк}}$ равно здесь 0,24–0,27.

В этом же фрагменте отмечается некоторое снижение содержания карбонатов и повышение содержания обменных Са и Mg. Подобная картина наблюдается в белесых глинистых прослоях, представленных фрагментарно. Довольно высокими продолжают оставаться значения $pH_{\text{водн}}$ (8,8–8,9). Представляется, что эту часть разреза можно интерпретировать как раннекаргинскую [Вашукевич и др., 1999].

В среднекаргинских отложениях визуально прослеживается некоторое увеличение гумусированности. Содержание карбонатов здесь достигает 10 %. Гумус данной части профиля имеет гуматно-фульватный состав, отношение $C_{\text{гк}} : C_{\text{фк}}$ близко к 1. Можно отметить отсутствие гуминовых кислот, связанных глинистыми минералами. Очень хорошо данный слой выделяется также по возрастанию коэффициента оптической отражательной способности и уменьшению магнитной восприимчивости. В целом он характеризуется относительным повышением $C_{\text{орг}}$ до 0,5–0,6 %, снижением значений $pH_{\text{водн}}$ до 8,2–8,5 и увеличением содержания обменных Ca^{2+} и Mg^{2+} . В гранулометрическом составе этих отложений уменьшается доля мелкого песка и возрастает процент крупной пыли. Говоря о педогенной преобразованности данного слоя, необходимо отметить наличие почвенного горизонта, сформированного в довольно теплых и относительно сухих условиях [Лбова, Савинова, Вашукевич, 1999; Вашукевич и др., 1999].

В разрезе памятника Варварина Гора, где по интенсивности и направленности почвообразовательных процессов, выраженных в характеристиках вещественного состава, выделены шесть зон педогенеза (рис. 4) [Лбова, Резанов, Калмыков и др., 2003], каргинскому времени соответствуют четыре (1–4).

Отложения зоны педогенеза 1 характеризуются очень невысоким содержанием органического углерода, отсутствием карбонатов кальция. В составе гумуса нет гуминовых кислот, а количество фульвокислот достигает максимальных для всего разреза значений. Условия образования отложений зоны 1 отличались крайней суровостью – низкой теплообеспеченностью и высокой аридностью. В это время интенсивно протекало осадконакопление, почвообразовательные процессы были выражены очень слабо и касались преимущественно преобразования минеральной массы. Как представляется, данную часть разреза можно отнести к финалу раннезырянского времени или началу раннекаргинского.

Отложения зоны педогенеза 2 (связана с уровнем обитания 3), так же как и нижележащей, характеризуются незначительным количеством органического углерода, однако здесь появляются гуминовые кислоты, содержание которых достигает 16 % от $C_{\text{орг}}$, а доля фульвокислот падает. Сочетание признаков педогенеза предполагает, что условия формирования

этой части толщи хоть и были достаточно суровыми, но все же позволяли проявиться процессам гумусо- и почвообразования. Вероятнее всего, осадконакопление происходило в экстрааридных холодных ландшафтах, характерных для современных сухостепных – полупустынных областей Центральной Азии. Количество осадков не превышало 150–200 мм в год, а среднегодовые температуры были не выше $-5 \dots -6^\circ\text{C}$.

Зона педогенеза 3 – небольшой мощности прослой, приуроченный к верхней части стратиграфического слоя 7. Отложения характеризуются увеличением содержания органического вещества, уменьшением величины магнитной восприимчивости, возрастанием доли гуминовых кислот в составе гумуса, сопряженным с относительным увеличением количества фульвокислот. Признаки педогенеза отвечают лесной стадии развития природной среды в районе памятника, распространению средне- и северотаежных ландшафтов и формированию аналогов современных мерзлотно-таежных почв. Среднегодовая температура воздуха могла составлять $-4 \dots -8^\circ\text{C}$, а количество атмосферных осадков достигать 450–600 мм в год.

Отложения зоны педогенеза 4 (связана с уровнем обитания 2) выделяются высоким содержанием карбонатов и органического углерода, относительным уменьшением удельной магнитной восприимчивости и увеличением pH. Гуминовые кислоты распределены в пределах зоны равномерно, их содержание незначительно повышается вверх по разрезу (что связано с переходом в вышележащую толщу), относительное количество фульвокислот невелико (30–46 % от $C_{\text{орг}}$). Образование отложений зоны 4 происходило, судя по сочетанию педогенных признаков, в относительно теплых и сухих условиях, характерных для ландшафтов сухих степей, а формировавшиеся почвы были аналогичны различным подтипам современных каштановых почв, широко распространенных в Западном Забайкалье.

Совокупность педогенных признаков отложений, изучаемых на поселении Варварина Гора, позволяет предположить тренд изменения природных условий от холодных аридных (криоаридные степи) финала раннезырянского или начала каргинского времени к более влажным раннекаргинским (нижняя часть разреза, см. рис. 4), затем, судя по характеристикам гумусового горизонта (глубина 1,4–1,6 м), к более теплым и менее влажным. Формирование горизонта с основными культурными остатками (уровень 2, глубина 1,1–1,2 м), по-видимому, происходило в степных условиях. Культурные горизонты могли быть связаны с относительными потеплениями, длительность которых была различна. Изменения климата не выходили за рамки умеренно-теплых, умеренно-холодных

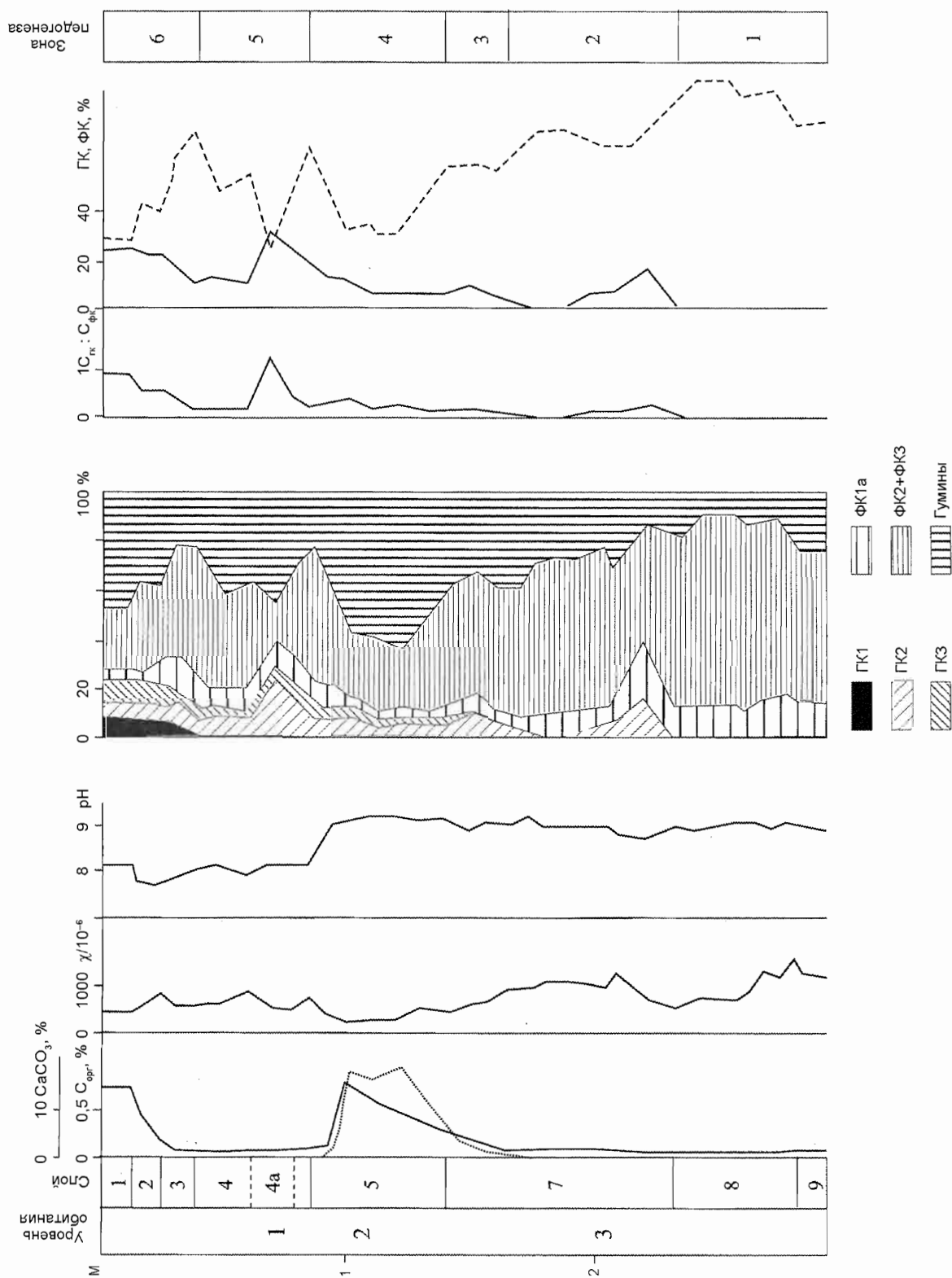

Рис. 4. Педогенные характеристики разреза Варварина Гора.

температурных режимов длительно промерзающих (ок. 5–8 мес.) фациальных подтипов почв [Дергачева и др., 1995]. Таким образом, уровни обитания человека в районе памятника Варварина Гора связаны с ландшафтами криоаридных степей (уровень 3), сухих и более теплых степей (уровень 2) и лесостепей – южной тайги (уровень 1).

Для каргинских отложений, выделяемых в разрезе Каменка, интерес представляет зона педогенеза, которая характеризуется невысоким содержанием органического углерода, постепенно увеличивающимся снизу вверх, накоплением CaCO_3 в средней части, сопряженным с увеличением pH и неоднозначным характером изменения магнитной восприимчивости, что может быть в большей степени связано с литогенными свойствами осадков, а не с их педогенной преобразованностью. Можно предполагать, что эта часть толщи (культурный комплекс Каменка-А) формировалась в сухих и, по-видимому, умеренно-теплых условиях, присущих современной зоне сухих степей Западного Забайкалья, а формировавшиеся почвы были аналогичны современным каштановым (светло-каштановым) мучнисто-карбонатным.

Зона педогенеза, к которой приурочен комплекс Каменка-Б, отличается большим накоплением гумусовых веществ при меньшем количестве карбонатов и более низких значениях pH. Магнитная восприимчивость изменяется также неоднозначно, наблюдается переслаивание осадков с более высокими ($325\text{--}470 \cdot 10^{-6}$ СГСЕ) и более низкими ($293\text{--}297 \cdot 10^{-6}$ СГСЕ) ее значениями. Формирование этой части отложений, судя по характеру педогенных признаков, происходило в более благоприятных условиях лесостепных – степных ландшафтов, относительно теплых и умеренно увлажненных, чередующихся с периодами относительной аридизации климата. Господствующими почвами были аналоги современных черноземов, а в периоды относительной аридизации – каштановых почв.

Таким образом, уровни обитания археологического памятника Каменка приурочены к отложениям, сформированным в относительно благоприятных условиях. Комплекс Б связан с теплыми и относительно увлажненными условиями лесостепных (степных) территорий, а комплекс А (С) – с ландшафтами сухих степей, т.е. с теплыми и сухими условиями [Лбова, Резанов, Калмыков и др., 2003].

Палеонтология. Каргинский период за последние два десятилетия довольно хорошо охарактеризован в фаунистическом отношении. Первые сведения о фауне этого времени в Забайкалье были получены Н.Д. Оводовым [1975] при обработке остеологических коллекций с памятников Варварина Гора и Сохатино-4. Позже определения были уточнены и допол-

нены исследованиями на вновь открытых археологических объектах [Каспаров, 1986; Оводов, 1987; Кириллов, Каспаров, 1990; и др.]. В составе каргинской ископаемой териофауны Забайкалья следующие виды крупных млекопитающих: верблюд, шерстистый носорог, два вида лошади, кулан, благородный олень, северный олень, косуля, большерогий олень (?), лось, бизон, байкальский як, дзерен, сайга, кяхтинский винторог, баран-аргали, сибирский горный козел, лисица, лисица-корсак, волк, пещерные гиена и лев, барсук, рысь, бурый медведь. Необходимо отметить, что в составе териокомплексов каргинского возраста практически нет мамонтов. В коллекциях имеются единичные поделки из мамонтовых бивней, встречены отдельные части скелета [Окладников, Кириллов, 1980; Лбова, 2000].

Микротиериофауна также хорошо известна. В каргинских отложениях присутствуют костные остатки зайцев (*Lepus tolai*, *L. timidus*), скелеты и кости представителей наземных беличьих (*Marmota sibirica* и *Spermophilus (U.) undulates*), пищух (*Ochotona sp.* и *Ochotona daurica*), полевок (*Microtus gregalis*, *M. fortis*, *M. sp.*, *Lasiopodomys brandti* и *Cricetulus barabensis*) [Каспаров, 1986; Оводов, 1987; Хензыхенова, 1988, 1998, 1999]. Из птиц известны клушица [Оводов, 1987], гусь, дрофа [Лбова, 2000], куропатка (*Lagopus sp.*), орел (*Aquila sp.*), речная утка (*Anas sp.*) (определения Н.В. Мартыновича, материалы памятников Каменка и Хотык).

Как и в современных условиях, очевидно, в каргинскую эпоху имела место специфичность микроклиматических обстановок отдельных территорий. Сочетание в фауне, представленной палеонтологическими материалами палеолитических стоянок и геологических разрезов, степных и лесных видов объясняется как мозаичностью ландшафтов, существующей и в современности, так и разнообразием стратегий освоения территорий древним человеком. В частности, в фаунистическом комплексе 2-го уровня памятника Хотык содержится остеологический материал млекопитающих различной экологии. Большей частью это костные остатки животных лесостепной зоны: *Ceolodonta cf. antiquitatis*, *Equus sp.*, *Ursus sp.*, *Canis cf. lupus*, *Cervus sp.*, *Capreolus sp.*, *Bison sp.*, *Gazella cf. gutturosa*, *Ovis cf. ammon* (определения М.А. Клементьева).

Фаунистический комплекс брянских памятников представляет виды степных и лесостепных ландшафтов. В материалах поселения Каменка преобладают кости *Equus caballus*, *Procapra gutturosa*, *Coellodonta antiquitatus*, *Bison priscus*, *Ovis ammo*, единичны костные остатки мамонта (*Mammuthus primigenius*), кулана (*Equus hemionus*), гигантского оленя (*Megaloceros giganteus*), винторогой антилопы (*Spiroceros kiakhtensis*), верблюда (*Camelus sp.*), пан-

теры (*Pantera Leo* sp.) (определения М. Жермонпре). Представлены преимущественно виды, обитающие в условиях степи [Germonpre, Lbova, 1996].

Близка по составу териофауна, выявленная по материалам памятника Варварина Гора: сайга, лошадь, бизон, носорог. Единичны в коллекции кости мамонта, винторогой антилопы, благородного оленя, архара. Обнаруженные здесь костные остатки сибирского горного козла – первое свидетельство обитания его в Западном Забайкалье в эпоху палеолита. Из хищников отмечены серый волк, лисица-корсак, из грызунов – сурок, из зайцеобразных – заяц-толай, из птиц – клушица [Оводов, 1975, 1987].

Сартанское время

Тенденции похолодания и аридизации на позднекаргинском этапе, отмечаемые практически всеми исследователями, привели к изменениям природного комплекса в сартанский период. Климат характеризуется как прохладный сухой, затем холодный увлажненный, а с 13 тыс. л.н. как умеренно-теплый, относительно сухой. В целом палеогеографические условия сартанского этапа были сходны с обстановкой раннезырянского времени.

Литология и стратиграфия. Накоплению аллювия I террасы, как и сформированных ранее (II и III), предшествовало широкое развитие эрозионных процессов, связанных с увлажнением климата и повышением водности рек [Резанов, 1988].

Сартанскими, датированными в пределах 25–20 тыс. л.н., являются 4-е литологическое подразделение основных разрезов Хотык и Хотогой-Хабсагай в Онинской впадине, лессовые суглинки и лессы мухор-галинских разрезов, пески верхней пачки средней части разреза Каменка. Маркерами служат клиновидные затеки и мерзлотные клинья из основания слоя в нижележащие горизонты, увеличение доли дресвяно-гравийного материала. В настоящее время подробное расчленение этой части разрезов практически невозможно. По литологическим характеристикам можно говорить об усилении аридности климата, похолодании и активизации эоловых процессов.

В строении верхней пачки (интервал 3,3–4,95 м, разрез Каменка) принимают участие хорошо промытые мелкозернистые пески ($x = 0,25...0,27$). Текстура отчетливая, субгоризонтально- и волнисто-тонкослоистая. Толща характеризуется совершенной сортировкой ($S_0 = 1,20...1,34$; $\sigma = 0,10...0,16$), одномодальностью распределений, положительным эксцессом. Эти параметры указывают на относительно спокойный и стабильный как динамический, так и тектонический фон. Особенности текстуры в сочетании с внешним обликом кумулятивных кривых и значениями коэффициента вариации ($v = 0,4...0,65$)

определяют происхождение этой пачки как аллювиально-озерное (рис. 5).

На основании палеопотамологических данных можно утверждать, что аккумуляция происходила в неглубоких стационарных мелководных (до 1,5 м) озеровидных проточных водоемах. Река (пра-Брянка), доставлявшая в озерный бассейн наносы, имела поверхностную скорость течения 0,4 м/с, срывающую – 0,31–0,32, придонную скорость отложения 0,2 м/с, уклон водного зеркала 0,37–0,45 м/км, меженную глубину 0,35–0,4 м и ширину русла 11–16,5 м. Слабоподвижное (величина Φ -критерия устойчивости русел < 100 единиц) русло равнинного типа (число Фруда $Fr < 0,1$) этого водотока с площадью водосбора > 100 км² находилось в естественных, весьма благоприятных условиях состояния ложа со свободным течением воды (коэффициент шероховатости $n > 40$). Значение числа Лохтина ($L = 1,7$) свидетельствует о приближении исследуемого потока к конечному водоему (придельтовые условия), динамика которого характеризовалась режимом осадконакопления, переходным между ламинарным и турбулентным ($0,1 < x < 1,0$), а также господством сальтационного способа транспортировки частиц ($x < 0,35$). Кроме того, по величинам универсального критерия Ляпина ($\beta = 0,22...0,23$) устанавливается присутствие в палеорусле подвижных форм низкогрядового рельефа высотой до 0,14 м, длиной до 1,6 м и скоростью их перемещения 0,2 мм/с. Благодаря этому по известной номограмме Ржаницына (см.: [Шванов, 1969]) легко определяется порядок пра-Брянки как V–VI, что близко современному порядку р. Брянки. В фациальном отношении исследуемые осадки принадлежат береговой фации и фации прирусловых отмелей (лимническая и речная макрофации).

Палинология. Сартанскому времени соответствует пылецевая зона I (глубина 0,2–0,6 м) разреза Хотык (см. рис. 2). Отмечается резкое снижение роли дендрофлоры. Палинологические данные свидетельствуют о распространении сосновых редколесий, появлении лиственницы, что следует связывать с похолоданием, об увеличении числа представителей таких видов, как береза, ольховник, ива. В составе спорово-пыльцевого спектра возрастает роль злаковых, верескоцветных, полыней и кустарников. В это время здесь площадь лесов сокращается и появляются открытые ландшафты, занятые кустарниками и разнотравно-осоковыми ассоциациями, а климатические условия характеризуются как относительно сухие и прохладные. На раннесартанском этапе климат был более холодным и довольно влажным. Дополнительная информация получена В.В. Савиновой по разрезу № 3012 на Хотогой-Хабсагае. В спорово-пыльцевом спектре карбонатизированных отложений мерзлотного клина на глубине 1 м 46 % пыльцы древесно-кустарниковых пород – сосны обыкновенной и березы.

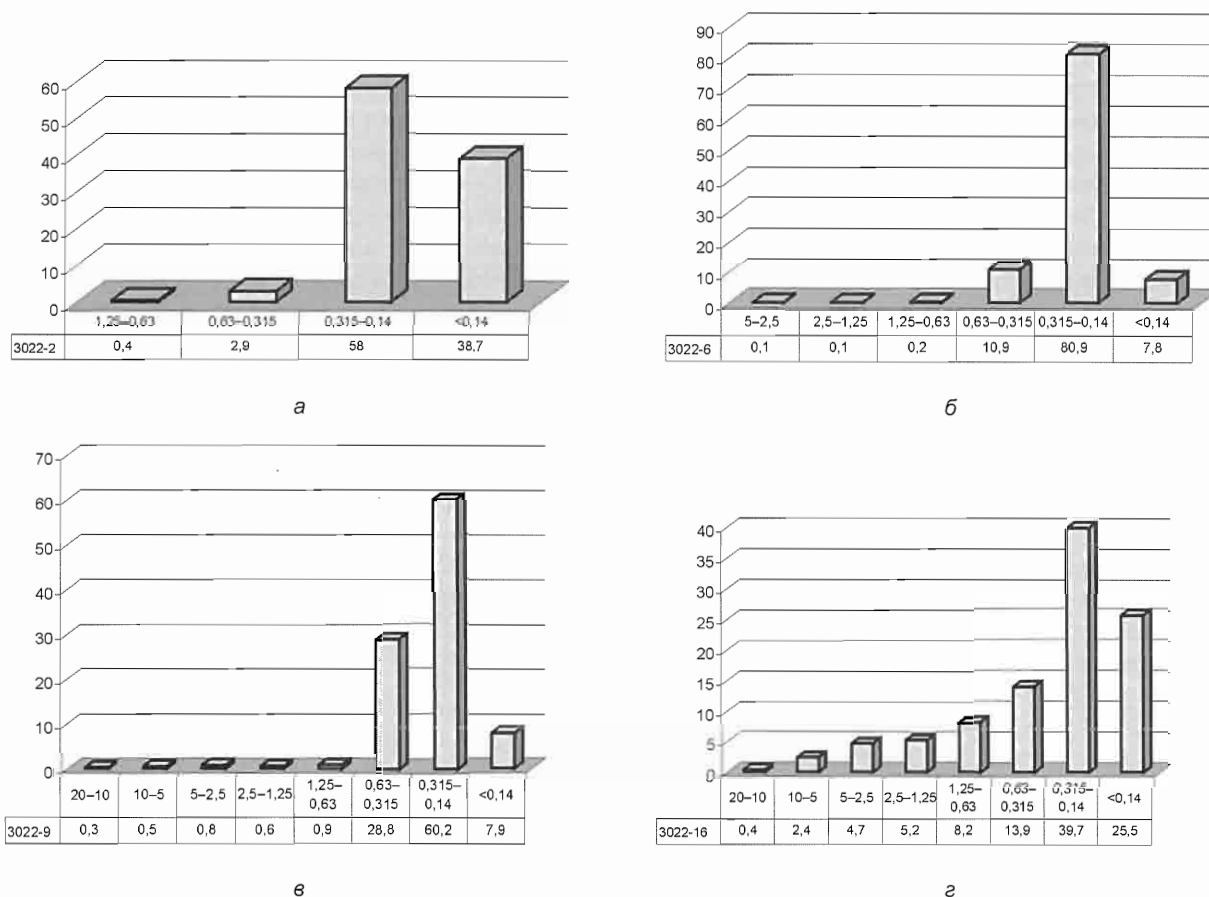

Рис. 5. Гранулометрический состав осадков разреза Каменка.

Ось Y – процентное содержание фракций; ось X – размер фракций (мм) и частный остаток на ситах (%).

а – образец 3022-2 (глубина опробования 2,15–2,85 м); б – образец 3022-6 (глубина опробования 3,8–4,3 м); в – образец 3022-9 (глубина опробования 4,95–5,15 м); г – образец 3022-16 (глубина опробования 9,05–10,05 м).

Травы представлены злаковыми и осоковыми. В споровой части определены грибы. Спектр указывает на распространение сосново-березового редколесья угнетенного типа в условиях прохладного и относительно увлажненного климата [Савинова, 1999].

Палеопедология. Характеристики наиболее мощной толщи сартанского возраста получены Н.В. Вашукевич по разрезу Мухор-Тала-4. В частности, пачки 2–4 характеризуют развитие педокомплекса в сыровых, холодных и сухих условиях сартанского времени. Здесь резко снижено содержание общего углерода до 0,1–0,2 %. Косвенным свидетельством возрастания сухости климата является высокая щелочность отложений (рН 8,4–8,7), а также значительно повышенное содержание обменного магния (до 20–30 мг-экв/100 г) в почвенном поглощающем комплексе. В средней части пачки 3 и нижней части пачки 4 можно отметить относительное возрастание гумусированности, что говорит о температурных колебаниях в период их формирования. Отложения сартан-

ского времени в делювиальных разрезах Онинского комплекса в целом характеризуются некоторым увеличением количества органического углерода, снижением значений $pH_{водн}$ и повышением содержания обменных кальция и магния. В гранулометрическом составе этих отложений снижается доля мелкого песка и возрастает – крупной пыли. Говоря о педогенной преобразованности данного слоя, необходимо отметить наличие почвенного горизонта, сформированного в более холодных и сухих условиях, чем педокомплекс каргинского возраста [Вашукевич и др., 1999].

Мощная (до 50 см) толща разреза Хотык (зона педогенеза б) предположительно сартанского возраста характеризуется относительно высоким содержанием органического углерода (до 0,3 %), отсутствием гуминовых кислот в составе гумуса и возрастанием доли фульвокислот. Увеличивается здесь также содержание карбонатов кальция в мелкозем, достигая максимальных для всей толщи значений (12–13 %). При этом все изученные параметры вещественного

состава мало изменяются на протяжении зоны 6 (см. рис. 3). Условия образования данных отложений отличались суровостью (максимальной для всего времени формирования осадков), господствовали пустынные ландшафты, основными почвообразовательными процессами были процессы преобразования минеральной массы, а формирование системы гумусовых веществ шло преимущественно по пути образования фульвокислот.

Низкая теплообеспеченность (среднегодовые температуры воздуха не выше $-6...-7^{\circ}\text{C}$) и высокая аридность (количество осадков, скорее всего, не превышало 100–150 мм в год) обуславливали активное осадконакопление и очень малую интенсивность процессов почвообразования. Слабо преобразованные педогенезом осадки зоны 6 можно рассматривать как почвообразующую породу постлитогенной стадии почвообразования, проявившейся наиболее ярко в признаках зоны педогенеза 7. В отложениях этой зоны отмечено увеличение снизу вверх содержания органического углерода и доли гуминовых кислот в составе гумуса. Только здесь выделяется прослой, в котором ГК преобладают над ФК, и отношение $C_{\text{гк}} : C_{\text{фк}}$ больше единицы (1,29). Удельная магнитная восприимчивость в нижней части отложений зоны 7 колеблется незначительно, в верхней возрастает.

Палеонтология. Из крупных млекопитающих сартанского времени известны лошадь Пржевальского, кулан, шерстистый носорог, бизон, байкальский як, кяхтинский винторог, дзерен, сайга, сибирский горный козел, благородный олень, лось, северный олень, кося, бурый медведь [Верещагин, 1954; Базаров и др., 1982; Окладников, Кириллов, 1980; Ташак, 1993]; из мелких – монгольский сурок, суслик, даурская пищуха, заяц-толай, бурундук (*Eutamias sibiricus*), бурозубка (*Sorex* sp.), полевки (*Alticola* sp., *Microtus gregalis*, *M. fortis*, *M. sp.*, *Lasiopodomys brandti*, *Lagurus lagurus*), слепушонки (*Ellobius talpinus* и *E. tancrei*), тушканчики (*Allactaga* sp., *Cricetulus barabensis* и *Myopus* sp.) [Верещагин, 1954; Хензыхенова, 1998; Алексеева и др., 2000]. На финальнопалеолитических памятниках встречены кости и чешуя рыб: щуки, налима, ельца, плотвы [Константинов, 1996].

Заключение

Приведенные результаты комплексных исследований в Западном Забайкалье демонстрируют развитие палеоклиматической ситуации в последние 100–150 тыс. лет. В частности, в Онинской и Брянской впадинах наблюдается следующий тренд изменений: теплые влажные условия в казанцевское время – суровые, холодные, относительно сухие в раннезырянское –

теплые, недостаточно влажные в каргинский период (с выделением наиболее аридных во время оптимума) – холодные, влажные в первой и относительно сухие во второй половине сартанской стадии – теплые, относительно влажные в голоцене – прохладные и сухие в современности. Необходимо отметить, что не все геоархеологические объекты могут служить надежными источниками палеоклиматической информации. В частности, активная деятельность человека по преобразованию поверхности (современного ему уровня обитания) приводит к нарушению и изменению отложений. Кроме того, генетически различные континентальные осадки, сформированные в течение длительного времени в условиях горной страны, неоднократно подвергавшиеся изменениям под воздействием природных факторов, могут оцениваться как корректные источники только при реконструкции природной среды и климата крупных геологических подразделений (периодов).

Список литературы

- Алексеева Н.В., Борисова Н.Г., Ербаева М.А., Хензыхенова Ф.И., Шушпанова Г.Г. Новые данные о похолодании климата в плейстоцене и этапы развития фауны млекопитающих Забайкалья // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Вып. 2. – С. 5–17.
- Базаров Д.Б. Четвертичные отложения и основные этапы развития рельефа Селенгинского среднегорья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. – 164 с.
- Базаров Д.Б. Кайнозой Прибайкалья и Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 182 с.
- Базаров Д.Б., Константинов М.В., Иметхенов А.Б., Базарова Л.Д., Савинова В.В., Семина Л.В. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1982. – 164 с.
- Базарова Л.Д.-Д. Палеогеографические реконструкции эпохи обитания первобытного человека в Юго-Западном Забайкалье: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Новосибирск: ИГ СО АН СССР, 1985. – 13 с.
- Вангенгейм Э.А., Ербаева М.А., Жегалло В.И., Сотникова М.В. К палеонтологическому обоснованию стратиграфии антропогена Западного Забайкалья // Изв. АН СССР. Сер. геол. – 1975. – № 10. – С. 87–95.
- Вашукевич Н.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Гранина Н.И. Педогенные характеристики и вещественный состав отложений объектов Хотык и Хотогой-Хабсагай // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 51–54.
- Верещагин Н.К. Байкальский як (*Poephagus baicalensis* N. Ver. sp. nova) из плейстоценовой фауны Восточной Сибири // Докл. АН СССР. – 1954. – № 3. – С. 445–450.
- Волковинцер В.И. Степные криоаридные почвы. – Новосибирск: Наука, 1978. – 208 с.

Дергачева М.И., Феденева И.Н., Лбова Л.В., Ануфриева Р.Г. Условия обитания позднепалеолитического человека на Варваринной Горе: реконструкция по педогенным признакам // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 115–123.

Каспаров А.К. Остатки млекопитающих из позднепалеолитического поселения Сухотино-4 в Забайкалье // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. – 1986. – Т. 149. – С. 98–106.

Кириллов И.И., Каспаров А.К. Археология палеолита: Проблемы и перспективы (эпоха палеолита) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симп. – Новосибирск, 1990. – С. 194–198.

Константинов М.В. Забайкалье до кочевников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Тез. докл. Междунар. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. – Ч. 2. – С. 30–32.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Лбова Л.В., Базаров Б.А., Клементьев А.М., Савинова В.В. Природные ресурсы и поведенческие модели человека начальной стадии верхнего палеолита (Западное Забайкалье, Удинский бассейн) // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 61–65.

Лбова Л.В., Коломиец В.Л., Савинова В.В., Феденева И.Н. Палеогеографические условия и среда обитания человека в верхнем плейстоцене Западного Забайкалья (геоархеологический объект Каменка) // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 65–68.

Лбова Л.В., Резанов И.Н., Калмыков Н.П., Коломиец В.Л., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Вашукевич Н.В., Волков П.В., Савинова В.В., Базаров Б.А., Намсараев Д.В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.

Лбова Л.В., Резанов И.Н., Коломиец В.Л., Савинова В.В., Дергачева М.И., Вашукевич Н.В., Перевалов А.В., Резанова В.П., Калмыков Н.П. Изменения природной среды и климата в позднем плейстоцене и голоцене в центральной зоне Западного Забайкалья (по данным геоархеологических объектов Онинского комплекса) // Изменения климата и природной среды Сибири в голоцене и плейстоцене в контексте глобальных изменений. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 2. – С. 288–301.

Лбова Л.В., Савинова В.В., Вашукевич Н.В. Биостратиграфический контекст отложений Хотыкского комплекса // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тез. Междунар. симп. – Улан-Удэ, 1999. – С. 45–47.

Ногина Н.А. Почвы Забайкалья. – М.: Наука, 1964. – 314 с.

Оводов Н.Д. Фауна палеолитических стоянок Сибири и проблема хронологических и палеоландшафтных толкований // Соотношение древних культур Сибири с культурами

сопредельных территорий. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 35–50.

Оводов Н.Д. Фауна палеолитических поселений Толбага и Варварина Гора в Западном Забайкалье // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1987. – С. 122–140.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 303 с.

Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Вып. 2. – 472 с.

Равский Э.И., Александрова Л.П., Вангенгейм Э.А., Гербова В.Г., Голубева Л.В. Антропогенные отложения юга Восточной Сибири. – М.: ГИН АН СССР, 1964. – 280 с. – (Тр. ГИН АН СССР; Вып. 105).

Резанов И.Н. Кайнозойские отложения и морфоструктура Восточного Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 128 с.

Резанов И.Н., Коломиец В.Л., Лбова Л.В., Перевалов А.В., Резанова В.П. Геология, геоморфология и хроностратиграфия Онинского геоархеологического района // Палеоэкология человека Байкальской Азии: Путеводитель к полевым экскурсиям. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 7–18.

Савинова В.В. Палинологические характеристики геоархеологических объектов Онинского района // Палеоэкология человека Байкальской Азии: Путеводитель к полевым экскурсиям. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 48–50.

Ташак В.И. Усть-Кяхта-17 – многослойное поселение на реке Селенге // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 47–64.

Хензыхенова Ф.И. Плейстоценовые грызуны Забайкалья // Проблемы археологии Северной Азии: Тез. докл. XXVIII РАЭС. – Чита, 1988. – С. 113–114.

Хензыхенова Ф.И. Археозоологические исследования в Забайкалье // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. XXXVIII РАЭС. – Улан-Удэ, 1998. – С. 163–164.

Хензыхенова Ф.И. Грызуны стоянки Хотык-3 и их палеогеографическое значение // Палеоэкология человека Байкальской Азии: Путеводитель к полевым экскурсиям. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 44–47.

Шванов В.Н. Песчаные породы и методы их изучения. – Л.: Недра, 1969. – 248 с.

Germonpre M., Lbova L. Mammalian Remains from the Upper Palaeolithic Site of Kamenka, Buryatia (Siberia) // Journal of Archaeological Science. – 1996. – N 23. – P. 35–57.

Материал поступил в редколлегию 17.05.04 г.

УДК 551.794(571.1/5)

И.А. Волков*Институт геологии нефти и газа СО РАН
пр. Академика В.А. Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия*

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ КОНЦА ПОЗДНЕЛЕДНИКОВЬЯ В ДОЛИНАХ СИБИРИ И ДИНАМИКА ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Введение

В последние годы обострилась необходимость надежного прогнозирования климатических изменений в ближайшем будущем. Для этого большое значение имеют данные о динамике природной среды на самых последних этапах геологической истории. Важные материалы по этому вопросу накоплены в результате палеофитологических (главным образом палеопалинологических) исследований. Созданы и прочно утвердились схемы, отражающие колебания климата времени последней дегляциации, позднеледниковья и голоцена. Эти схемы, однако, далеко не полностью охватывают накопленные в последние годы фактические данные. Не учтены, в частности, результаты палеопотамологических исследований, в особенности материалы по естественной истории основных крупных рек. Они дают возможность оценить новейшие изменения природной среды значительно более полно, чем это достигнуто. В настоящем сообщении изложены результаты полевых исследований долины Оби южнее и западнее Сургута, Кондинской низины, а также и всех основных долин Западной Сибири. Естественные обнажения в наиболее пониженной части долины Оби к югу и в особенности к юго-западу от Сургута несут весьма важную палеогеографическую информацию о динамике природной среды в новейшее время. Геологические и геоморфологические данные помогают существенно обогатить знания, полученные ранее.

Фактические данные

В осевой части долины Оби, к югу и юго-западу от Сургута, а также и южнее Оби (Высокий Мыс) бе-

реговые обнажения имеют сходное строение. Они вскрывают осадки некогда единой, почти горизонтальной поверхности, возвышающейся на 10–15 м над уровнем современного маловодья Оби и ее притоков. В качестве характерного примера можно привести одно из обнажений правого берега протоки Чухтинской в 1–2 км выше по ее течению от пос. Н. Тренька (рис. 1). В береговом обрыве здесь обнажены два слоя (сверху вниз):

А. Затронутый современными почвенными процессами на глубину до 0,8 м алеврит светлый, желтовато-серый, с правильными светлыми прослойками (до 1–3 см толщиной) тонкозернистого (внизу мелкозернистого) песка. Слоистость в основном горизонтальная, но ясно выражены ее пликативные и разрывные нарушения в виде “карманов” (провалов) над псевдоморфозами ледяных клиньев нижележащих отложений. Вверх по разрезу в “карманах” элементарные слойки постепенно выполаживаются до почти горизонтальных близ поверхности слоя. Характерно также повсеместное наличие мелкобугристого рельефа в стороне от бровки яра. При этом каждый бугор с относительной высотой 0,3–0,5 м разделен понижениями на месте “карманов” в слое алеврита. Условия залегания, состав и характер слоистости свидетельствуют о том, что этот осадок накопился в субаэральных условиях в результате осаднения атмосферной пыли. Основание слоя резкое, но неровное. Мощность 9 м.

Б. Коричневато- и голубовато-серый плотный легкий суглинок с прослойками (до 1–4 см) светлого разноморфного песка. Слоистость горизонтальная, местами мелкопучинчатая, косая, перемежающаяся. Слой уходит под урез воды осеннего (маловодного) уровня (абсолютная высота 17 м). Сверху

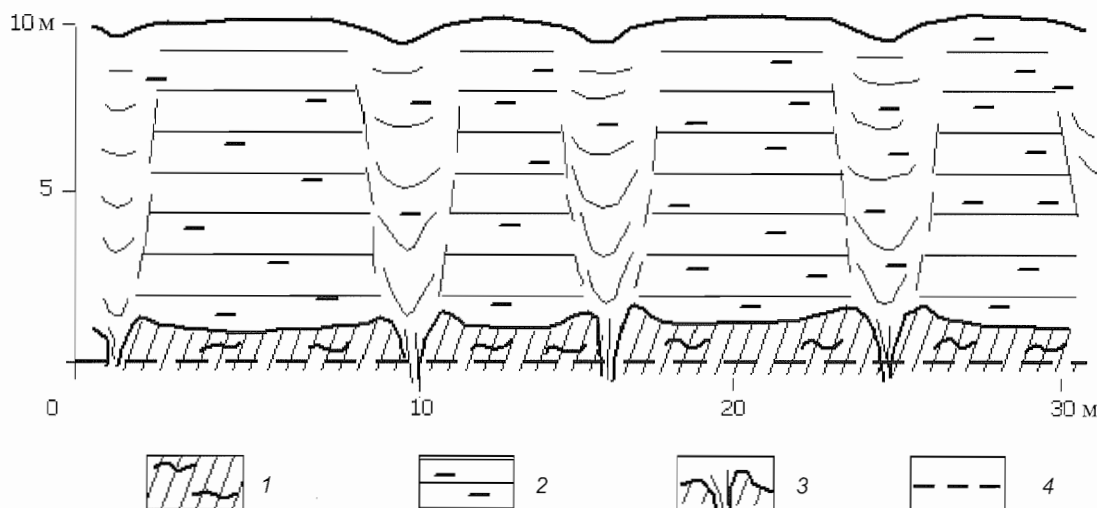

Рис. 1. Зарисовка части обнажения на правом берегу протоки Чухтинской в 1–2 км выше по ее течению от пос. Н. Тренька (осевая часть долины Оби юго-западнее Сургута).

1 – суглинок серый, темный, плотный, преимущественно горизонтально-слоистый, слой уходит под низкий осенний уровень воды; 2 – алеврит светлый, желтовато-серый, слоистость в целом близка к горизонтальной, характерны “провалы” над нижележащими псевдоморфозами, постепенно по мере вытаивания ледяных клиньев заполнявшиеся эоловым алевритом; 3 – псевдоморфозы ледяных клиньев в верхней части суглинков; 4 – низкий осенний уровень реки (маловодье, абсолютная высота 17 м).

в суглинок внедряются псевдоморфозы ледяных клиньев, полости которых заполнены песчано-суглинистым материалом, часто оржавленным. Ширина клиньев до 1 м вместе с зонами бокового отжима, а размеры полигонов между клиньями 5–8 м. Видимая мощность 1 м.

Разрезы, подобные охарактеризованному, в осевой части долины Оби многочисленны. Кроме изученных мной, такие разрезы описаны и в некоторых публикациях [Астахов, 1989, 1995; Кривоногов и др., 1993]. Местами эта эоловая толща выходит и за пределы дна долины на нижние участки прилежащих к ней склонов. Показательны, например, данные по району пос. Локосово (левобережье Оби, в 80 км выше Сургута). Здесь сверху залегает толща субэвальных супесей, которая формировалась в условиях ксеротического климата [Кривоногов и др., 1993]. Отчасти она распространена за пределами осевой части долины. Подобные же алевриты слагают относительно возвышенные останцы среди поймы Оби, в районе поселков Ларино и Александровское [Седых, Васильев, 1987].

Самую низкую поверхность дна долины Оби в Сургутском р-не образует первая терраса и слабо отличающаяся от нее по высоте пойма с прирусловым микрорельефом и современными руслами. Эту поверхность, следуя терминологии исследователей 1960–1970-х гг., правильно именовать луговой террасой. Она есть во всех долинах огромного по площади водосборного бассейна Оби, даже мелких. Наряду с наземными наблюдениями важнейшие

данные о строении этой поверхности получены в результате анализа материалов исследования дистанционными методами. На космических снимках мелкого масштаба, сделанных в зимнее время, ясно видно, что луговая терраса отражается светлым, почти белым тоном изображения, т.к. для нее характерно практически полное отсутствие лесной растительности, господство лугов и болот (рис. 2). На дне всех основных долин эта терраса протягивается в виде сплошных полос, отграниченных от более древних геологических образований невысокими, но четкими гидродинамически обусловленными и параллельными друг другу эрозионными уступами [Волков, 1984, 1987]. Выше устья Иртыша в Сургутском р-не ширина такой полосы Оби составляет 25–30 км. Реки в то время не меандрировали и занимали все дно долин. Это были гигантские русла обильного, экстремального стока, превышавшего современный во много раз [Волков, 1987]. В них отложился грубозернистый, преимущественно песчаный аллювий на уровне несколько более низком, чем поверхность современных пойм и меженный уровень рек. Сами же поймы возникли в основном в результате вторичной переработки осадков этих сверхрусел в голоцене.

Обсуждение фактов и обоснование выводов

Южная граница сартанского (позднеюрмского) ледника в Западной Сибири была сплошной и протягива-

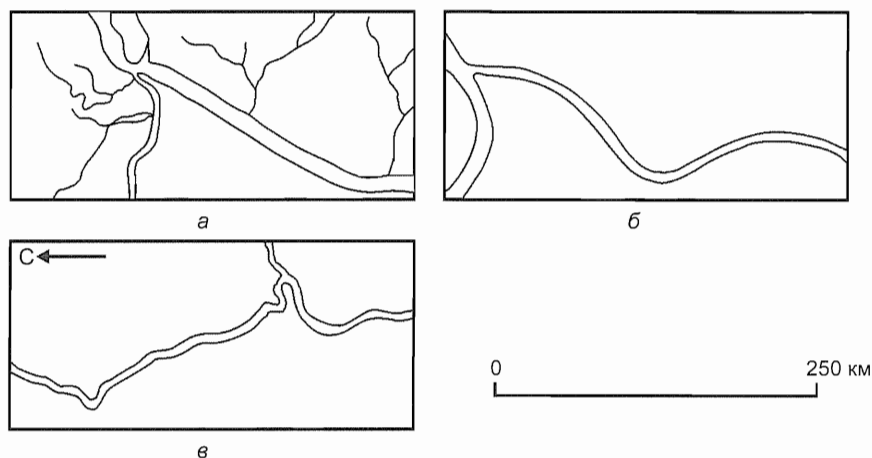

Рис. 2. Луговая терраса крупных рек Западной Сибири (1-я терраса и пойма).

Анализ дешифрирования мелкомасштабного космического снимка, сделанного в зимнее время [Волков, 1987]. Масштаб единый.

a – Обь на широтном отрезке и низовья Иртыша; *б* – Обь и низовья Чулыма;

в – Енисей выше и ниже Подкаменной Тунгуски.

лась в широтном направлении от Урала к Средней Сибири по Сибирским Увалам. Край ледника опускался в приледниковое (Мансийское) ледниково-подпрудное озеро на абсолютных отметках порядка 120–130 м [Волков, 1997]. Территория южнее ледника, включавшая долину широтного отрезка Оби, была дном озера. Все геологические образования, охарактеризованные в данном сообщении, возникли позже, уже после окончательного спуска вод этого озера. Они моложе структур гривного рельефа, ельцовского леса Западной Сибири и пока не имеют радиоуглеродных дат. Строение рельефа и отложений широтного отрезка Оби дано в ранее изданных работах [Волков, 1984, 1987; Архипов, Панычев, 1980]. Плотные суглинки в основании охарактеризованного разреза (слой Б) представляют собой озерные или речные осадки. Наличие в их верхней части и на поверхности системы полигональных псевдоморфоз ледяных клиньев указывает на существование в районе широтного отрезка Оби уже позже исчезновения озера субэврального режима в условиях холодного климата и вечной мерзлоты. Формирование полигональных мерзлотных грунтов в районе Сургута на абсолютных отметках порядка 15–17 м свидетельствует о том, что уровень воды в половодья был в Оби существенно ниже современного, а следовательно, и уровень Карского моря, куда она впадает, был несколько ниже, чем теперь. В основании разреза представлены мерзлотные структуры наиболее позднего, последнего периода существования вечной мерзлоты в центральной части Западной Сибири.

Важную палеогеографическую информацию несет слой А. Показательны как состав осадка (древ-

ний золотой нанос), так и особенности его слоистости. Элементарные слойки отражают годичный ритм седиментации. Они повсюду имеют толщину 2–3 см, в нижней части слоя часто несколько большую. Из этого можно заключить: весь горизонт мощностью 8–10 м накопился всего лишь за несколько сотен лет. Распространение фрагментов монотонной по составу, облику и строению толщи, аналогичной охарактеризованному разрезу, во всей осевой части долины свидетельствует о том, что формировалась она повсеместно и занимала все дно долины. Поверхностного стока не происходило, гра-

ница аридного гидротермического пояса располагалась в то время севернее широтного отрезка Оби. Атмосферная влага в пределах всего бассейна Оби испарялась, сохранялся дефицит влажности. Такое предположение согласуется с наблюдениями в Кондинской низине. Здесь распространены ясные следы дефляционных понижений и продольные господствовавшим в то время западным ветрам аккумулятивные субширотные гряды (по-местному мавры), сложенные древним песчаным влекомым золотым наносом [Волков, 1987]. Именно отсюда в основном переносился взвешенный золотой нанос (атмосферная пыль) в восточном направлении, в т.ч. и в долину широтного отрезка Оби.

Широкое развитие золотых образований в районе широтного отрезка долины Оби и в Кондинской низине свидетельствует, что это было время глубокого потепления и аридизации климата не только в Западной Сибири, но и во всей Северной Азии. Оно сопровождалось почти полным прекращением стока не только по мелким, но и по основным долинам рек.

Время формирования наиболее низкой ступени рельефа в долинах Оби и Енисея (т.е. всей Сибири) вырисовывается как короткий период очень резкого увеличения влажности климата. Кроме того, на космических мелкомасштабных снимках ясно видно, что важную, если не основную, роль в обильном обводнении главных долин играл транзитный сток по ним из горных областей [Там же].

Золотые образования, существовавшие в долинах в конце периода аридизации, во время формирования луговой террасы были почти полностью уничтожены катастрофическим стоком (они сохранились лишь на

некоторых островах и на склонах вблизи русел обильного стока), основным или весьма важным источником которого являлись горные области. Здесь происходило стайвание накопившихся больших объемов снега и льда. При накоплении этих масс снеговая граница значительно опускалась, а при таянии, наоборот, столь же резко и значительно поднималась. Главной причиной таких изменений были колебания притока тепла к земной поверхности. Похолодание привело к накоплению снега и льда, а резкое потепление вызвало стайвание и транзитный сток по основным долинам. Уже в голоцене значительная часть образований, связанных с обильным стоком, была переработана в пойму и отчасти заболочена.

Заключение

Полевые наблюдения в долине Оби, на ее широтном отрезке и вблизи Сургуты, вместе с результатами исследований в центральной части Западной Сибири и в других регионах азиатской части страны позволяют рассматривать Сургутское Приобье как один из ключевых районов, в пределах которого можно получить надежные данные о развитии природной среды всей Северной Азии в переходное от последнего оледенения к послеледниковью (голоцену) время. Эти данные важны, т.к. отражают становление современной природы, биogeосферы.

Можно наметить следующие, последовательно сменяющие друг друга во времени природные события, нашедшие отражение в рельефе и осадках указанного района.

1. Окончательный, полный спад ледниковых вод ледниково-подпрудного озера Западной Сибири (Мансийского озерного бассейна) от максимального уровня 125–130 м.

2. Субазральный режим в условиях холодного климата и многолетней мерзлоты (образование полигональных грунтов и системы морозобойных ледяных клиньев на дне долины Оби на абсолютных отметках 17–20 м и выше).

3. Резкое потепление и иссушение климата. Полное или почти полное прекращение стока по руслу Оби, широкое развитие эоловых процессов на дне ее долины и в Кондинской низине. Это была последняя кратковременная, но очень глубокая аридизация климата Северной Азии.

4. Резкое увеличение влажности климата, сопровождавшееся катастрофическим стоком во всех долинах водосборных бассейнов Оби, Енисея и других рек Северной Азии. Оно ознаменовалось формированием широких, почти не меандрировавших русел.

На широтном отрезке и близ Сургута русло Оби имело ширину 25–30 км.

5. Установление климатических условий, близких к современным. Умеренный речной сток. Частичная переработка поверхности и осадков луговой террасы в пойму современных рек. Активизация биогенных процессов, заболачивание, образование луговых почв, становление современных ландшафтов в Западной Сибири.

Важнейшей и первостепенной задачей дальнейших исследований представляется радиоуглеродное датирование содержащихся в осадках органических остатков. Оно позволит определить возраст геологических образований, обрисовать динамику климата и природы в переходное от последнего (сартанского, позднеюрмского) оледенения к голоцену время, которое отразилось на изотопных палеотемпературных кривых океанических илов как окончание терминации от второй стадии к первой.

Список литературы

- Архипов С.А., Паньчев В.А.** Террасы долины Оби // Палеогеография Западно-Сибирской равнины в максимум позднезырянского оледенения. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 42–64.
- Астахов В.А.** Позднеплейстоценовая обстановка осадконакопления в центре Западной Сибири // Плейстоцен Сибири: стратиграфия и межрегиональные корреляции. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 118–126.
- Астахов В.А.** Таежная зона Западной Сибири // История озер Севера Азии. – СПб.: Наука, 1995. – С. 40–46.
- Волков И.А.** Дистанционные методы и новейшие геологические образования центральной части Западной Сибири // Комплексные аэрокосмические исследования Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 79–86.
- Волков И.А.** Геолого-геоморфологическая основа ландшафтов центральной части Западной Сибири (на основе использования дистанционных методов исследования) // Дистанционные исследования ландшафтов. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 64–92.
- Волков И.А.** Пределы распространения сартанского ледника в Западной Сибири // Геология и геофизика. – 1997. – № 6. – С. 1049–1054.
- Кривоногов С.К., Бахарева В.А., Ким Ю.М., Скабичевская Н.А.** Новые данные к стратиграфии и палеогеографии позднего плейстоцена Сургутского Приобья // Геология и геофизика. – 1993. – № 3. – С. 24–37.
- Седых В.Н., Васильев С.В.** Аэрокосмические снимки в изучении лесов поймы Оби // Дистанционные исследования ландшафтов. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 96–138.

Материал поступил в редколлегию 20.01.05 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.2

А.П. Деревянко

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru*

ДРЕВНЕЙШИЕ МИГРАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИИ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Введение

Проблема происхождения человека, как и происхождения жизни, является одной из фундаментальных в науке и в течение многих сотен лет волнует ученых. Для ее решения необходимо определить:

во-первых, критерии, на основании которых можно сделать вывод о выделении нашего прямого предка, раннего *Ното*, из животного мира и установить время этого важнейшего события;

во-вторых, центр антропогенеза и направления движения миграционных потоков древних популяций.

Процесс расселения древних людей по планете имел всемирно-историческое значение, потому что с появлением человека начался новый – антропогенный, по определению геолога А.П. Павлова, – этап в эволюции биосферы или ноосферы, по определению В.И. Вернадского и Р. Тейяра де Шардена соответственно.

В качестве центра антропогенеза назывались разные регионы, например, Юго-Восточная Азия. В 1893 г. голландский ученый Э. Дюбуа нашел на о-ве Ява останки примитивного гоминида, питекантропа, что позволило ему заявить о существовании промежуточного звена между обезьяной и человеком.

В прошлом веке в литературе длительное время дискутировалась проблема рамапитеков, дриопитеков и сивапитеков, их место в эволюции человека [Jia Lanpo, 1980; Kelly, Pilbeam, 1986; Correns, 1986]. Эти антропоиды были обнаружены в Южном Китае, Пакистане и Индии в позднемiocеновых – раннеплиоценовых отложениях. Мнения ученых об их месте и роли в филогении человека диаметрально: от признания их наиболее ранней предковой формы в эволюции человека до отнесения к одной из форм с “орангоидной”

специализацией. Один из крупнейших приматологов Д. Пилбим считал, что рамапитеки не были предковой формой в эволюции человека. Такой же позиции он придерживался в оценке мегантропа яванского, которого некоторые исследователи рассматривали как азиатского австралопитека. В дальнейшем выяснилось, что возраст литологических горизонтов, в которых найден мегантроп, не превышает 1,5 млн лет. Австралопитековые в Восточной и Юго-Восточной Азии не найдены. Возраст бесспорных стоянок человека также не превышает 1–1,5 млн лет. Таким образом, антропологические и археологические находки свидетельствуют, что Южная и Юго-Восточная Азия не были прародиной человека.

В начале XX в. широкую известность получило предположение о том, что прародина человека – Центральная Азия. Добыть доказательства была призвана отправившаяся в 20-х гг. на территорию Монголии Американская Центрально-Азиатская экспедиция под руководством Р.Ч. Эндрюса. В ходе ее было сделано много важных открытий, в частности, найдено крупное кладбище динозавров в Баиндзаке, но так и не удалось решить поставленную задачу [Andrews, Osborn, 1926].

С середины прошлого века в Монголии действует Российско-Монгольская археологическая экспедиция: с 1949 г. – под руководством А.П. Окладникова, с 1983 г. – под руководством А.П. Деревянко, с 1995 г. в ее работе принимают участие американские археологи под руководством Д. Олсена. Только с 1983 г. здесь открыто более 1 тыс. палеолитических местонахождений, в т.ч. ок. 30 раннепалеолитических. Возраст наиболее ранних из них – менее 1 млн лет. На этой территории не выявлены ранние палеоантропологические

остатки. Современный уровень знаний с полным основанием позволяет утверждать, что Центральную Азию также не следует рассматривать как прародину человека [Каменный век Монголии..., 1990].

Во второй половине XIX в. обсуждалась экзотическая гипотеза М. Вагнера – А. Катрфажа – Э. Карталяка о североазиатско-европейской прародине человека. Эту гипотезу можно было бы и не упоминать, поскольку она не имела никаких археологических и палеоантропологических подтверждений, если бы не настойчивые и непрофессиональные попытки Ю.А. Мочанова реанимировать ее положения, давно ставшие историей науки. Ю.А. Мочанов в течение многих лет вел раскопки плохо документированной и недатированной стоянки Диринг-Юрях на р. Лене. В своей книге на основании раскопок в Диринг-Юряхе он дилетантски пытается рассуждать о внетропической прародине человека [Мочанов, 1992]. Книга Ю.А. Мочанова вышла после того, как были опубликованы сотни статей, в которых обсуждалась и доказывалась гипотеза африканской прародины человека. Безудержная самореклама Ю.А. Мочанова в различных газетах и популярных изданиях в течение последних десяти лет вызывала только скептические улыбки и породила много анекдотов у российских и зарубежных специалистов. Идея о якутской прародине человека настолько нелепа и абсурдна, что она серьезно и не рассматривалась научным сообществом. Почти не обсуждалась даже важнейшая проблема, касавшаяся реальных дат артефактов из Диринг-Юряха, потому что грубая неконструктивная реакция Ю.А. Мочанова на мнения, отличные от его собственного, справедливо сформировала у специалистов понимание бессмысленности полемики. Максимальная древность культуросодержащего горизонта в Диринг-Юряхе – 250–300 тыс., минимальная – 10–20 тыс. лет [Waters, Forman, Pierson, 1999].

Эту гипотезу, учитывая ее абсурдность, можно было бы и не затрагивать, если бы не публикация в форме препринта, изданного к циркулярному конгрессу, который состоялся в Ханты-Мансийске в 2002 г. [Мочанов, Федосеева, 2002]. В нем вновь излагается антинаучная идея не только о якутской прародине человека, но и об открытии в последние годы якутского ашеля, якутского среднего палеолита, якутского переходного этапа от среднего к верхнему палеолиту. Если появление идеи о возможности антропогенеза в Якутии можно объяснить некомпетентностью авторов, то заявление об открытии якутского ашеля, якутского мустье и др. следует считать явной фальсификацией и подтасовкой реальных фактов. В науке известны фальсификации с использованием научных данных. Эта фальсификация – грубейшая и является примером полной некомпетентности ее авторов. Если бы Ю.А. Мочанов понимал предмет дискуссии,

то ему следовало бы доказывать динамику индустрии древнейшего якутского предка до человека современного типа, используя другие названия и термины, потому что развитие самого физического типа человека и его индустрии вне тропической зоны должно было идти по другим законам.

Палинологические материалы разреза в Диринг-Юряхе зафиксировали растительные ассоциации, характерные для более холодного климата, чем современный. Двум прародинам человека (Африка и Якутия), находившимся на огромном расстоянии друг от друга в разных природно-климатических условиях, должны были соответствовать две линии эволюции человека и различные наборы орудий. Древний человек 2–3 млн л.н. при температурах –40... –50 °С мог выжить, только обладая достаточно совершенным орудийным набором, сооружая жилища, используя огонь и т.д. Все, что написано в статье якутских фальсификаторов, не имеет прямого отношения к теме моей статьи, но в декабре 2003 г. мне пришлось посетить недавно созданный музей при Институте гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия), концепция экспозиции которого основана на идеях Ю.А. Мочанова. Этот музей посещают школьники, студенты и все, кто интересуется древнейшим прошлым.

Пропаганда антинаучных идей Ю.А. Мочанова продолжается более 20 лет. Любые попытки объяснить Ю.А. Мочанову абсурдность его непрофессиональных рассуждений, а сейчас и очевидных для всех фальсификаций не дают положительных результатов. Не имея никаких бесспорных аргументов для обоснования гипотезы внетропической прародины человека, Ю.А. Мочанов настойчиво стремится навязать свою точку зрения [Ранов, 2005].

С 20-х гг. прошлого века после публикации Р. Дартом информации о первой находке в восточной части пустыни Калахари гоминида, названного австралопитеком [Dart, 1925], на первое место среди географических районов, претендующих называться прародиной человека, выдвигается Африка. За 80 лет в Южной и Восточной Африке были найдены сотни костных останков австралопитековых различной степени сохранности. Систематика австралопитековых рассматривалась во многих сотнях публикаций, были выделены различные роды и виды, прослежены их филогенетические взаимоотношения [Strait, Grine, Moniz, 1997; Tobias, 2003]. Период существования австралопитековых 7 (6) – 1,5 (1,0) млн лет. Они подразделяются на три основные группы: ранние, грацильные и массивные. Для всех австралопитековых характерны прямохождение и малые размеры клыков, в основном этим они отличаются от человекообразных обезьян.

Во второй половине XX в. в Южной и Восточной Африке были открыты ранние *Номо*, обитавшие

2–1,8 млн л.н. и изготавливавшие простейшие каменные орудия. К 80-м гг. прошлого века у большинства ученых не вызывало сомнения, что центром антропогенеза была Африка. Окончательный ответ на вопрос о прародине человека был получен благодаря молекулярной биологии. В 1987 г. в свет вышла работа, в которой были проанализированы различия в последовательностях мтДНК людей, разных по географической и расовой принадлежности, и на основе этого построено филогенетическое дерево, корни которого находились в Африке [Cann, Stoneking, Wilson, 1987]. Эта статья сыграла роль катализатора. В то время многих генетиков привлекала проблема происхождения человека, и выход первой работы, в которой дан анализ мтДНК, вызвал лавинообразное увеличение количества работ – к началу XXI в. их насчитывалось уже около тысячи. В настоящее время антропологи, археологи, генетики и представители других наук, занимающиеся проблемой эволюции человека, придерживаются мнения, что человечество едино и имеет одни корни.

За последние 10–15 лет археологами, антропологами, палеогенетиками и другими специалистами доказано, что родиной человека является Африка. Наиболее древние стоянки человека с каменными орудиями, чопперами, чоппингами, сфероидными, полиэдрами, грубо ретушированными отщепами, дислоцируются в основном в Восточной Африке в районе Восточно-Африканского рифта, тянувшегося в меридиальном направлении от впадины Мертвого моря через Красное море и далее по территории Эфиопии, Кении, Танзании. В бассейне р. Када Гона на 15 местонахождениях на поверхности и в слое обнаружено более 3 тыс. артефактов. Каменные орудия извлечены из слоя ниже уровня туфа, возраст которого составляет 2,6 млн лет. Очень важно, что эти находки позволили впервые установить их синхронность древним гоминидам [Semaw et al., 1997; Semaw, 2000]. Ископаемые остатки раннего *Homo*, обнаруженные в долине р. Омо (2,4–2,0 млн лет), в Хадаре (2,4–2,3 млн лет), также одновременны и достаточно надежно связаны с каменными орудиями. Индустрию с начала появления первых каменных орудий до раннего ашеля принято называть олдувайской. Для нее характерны галечные и дисковидные нуклеусы, различного типа чопперы, чоппинги, полиэдры, грубо ретушированные отщепы.

Первая миграционная волна древних популяций человека из Африки в Евразию

Около 2–1,8 млн л.н. *Homo ergaster-erectus* покинул свою “колыбель” и двинулся за пределы Африки, что

положило начало первому Великому переселению, ознаменовавшему событие величайшей важности – заселение человеком планеты (рис. 1). Процесс заселения Евразии древнейшими популяциями человека проходил медленно и мучительно. Он отмечен и успехами в освоении новых территорий, и драматическими событиями, когда под воздействием природных условий эйкумена существенно сокращалась. Двигаясь на восток, древние популяции не смогли преодолеть такие географические системы, как Тибет и Гималаи, и обошли их с севера и юга. С южной волной миграции связано заселение Южной, Юго-Восточной, Восточной Азии. Стоянки Убейдия и Гешер-Бенот-Яаков в Израиле датируются временем 1,4–0,9 млн л.н. [Tchernov, 1992; Бар-Йозеф, 1997]. Одними из крупнейших местонахождений доашельской эпохи являются стоянки пещерного типа, открытые в 1983–1988 гг. на юге Аравийского полуострова участниками Советско-Йеменской экспедиции [Амирханов, 1991]. Они сосредоточены в ущелье Аль-Гуза на небольшом расстоянии друг от друга. В пещере Аль-Гуза были исследованы рыхлые отложения мощностью ок. 15 м; в пещере Шархобаль и полости под карстовым навесом Аль-Амира – немногим более 3 м. В нижней части рыхлых отложений обнаружены каменные орудия олдувайского типа – двугранные, скребла, клювовидные орудия и т.д., датированные 1,65–1,35 млн л.н.

Движение представителей южной миграционной волны на восток нашло отражение в древнейших памятниках на территории Пакистана, Индии, Китая, Юго-Восточной Азии. В Пакистане найдены кварцитовые артефакты возрастом ок. 2 млн лет [Denne], Rendell, Nailwood, 1988]. Галечные орудия соанского типа, обнаруженные в Индии, также, видимо, можно связывать с первой волной древнейших популяций.

В Китае выявлены сотни палеолитических местонахождений, их материалы тщательно изучаются, однако многие фундаментальные проблемы истории заселения данной территории продолжают оставаться дискуссионными. Это можно объяснить несколькими причинами, но главными являются, пожалуй, две. Большинство палеолитических местонахождений не имеет достаточно полных геологического, топографического, стратиграфического, планиграфического описаний, что затрудняет их интерпретацию и ставит под сомнение некоторые выводы. До настоящего времени не выработаны единый подход и единая терминология описания каменного инвентаря, что также порой затрудняет понимание изучаемых местонахождений, хотя в целом уровень китайского палеолитоведения очень высок, и китайские ученые добились больших успехов в изучении древнейшего прошлого.

Среди исследователей есть сторонники мнения о древности китайского палеолита, однако опубликован-

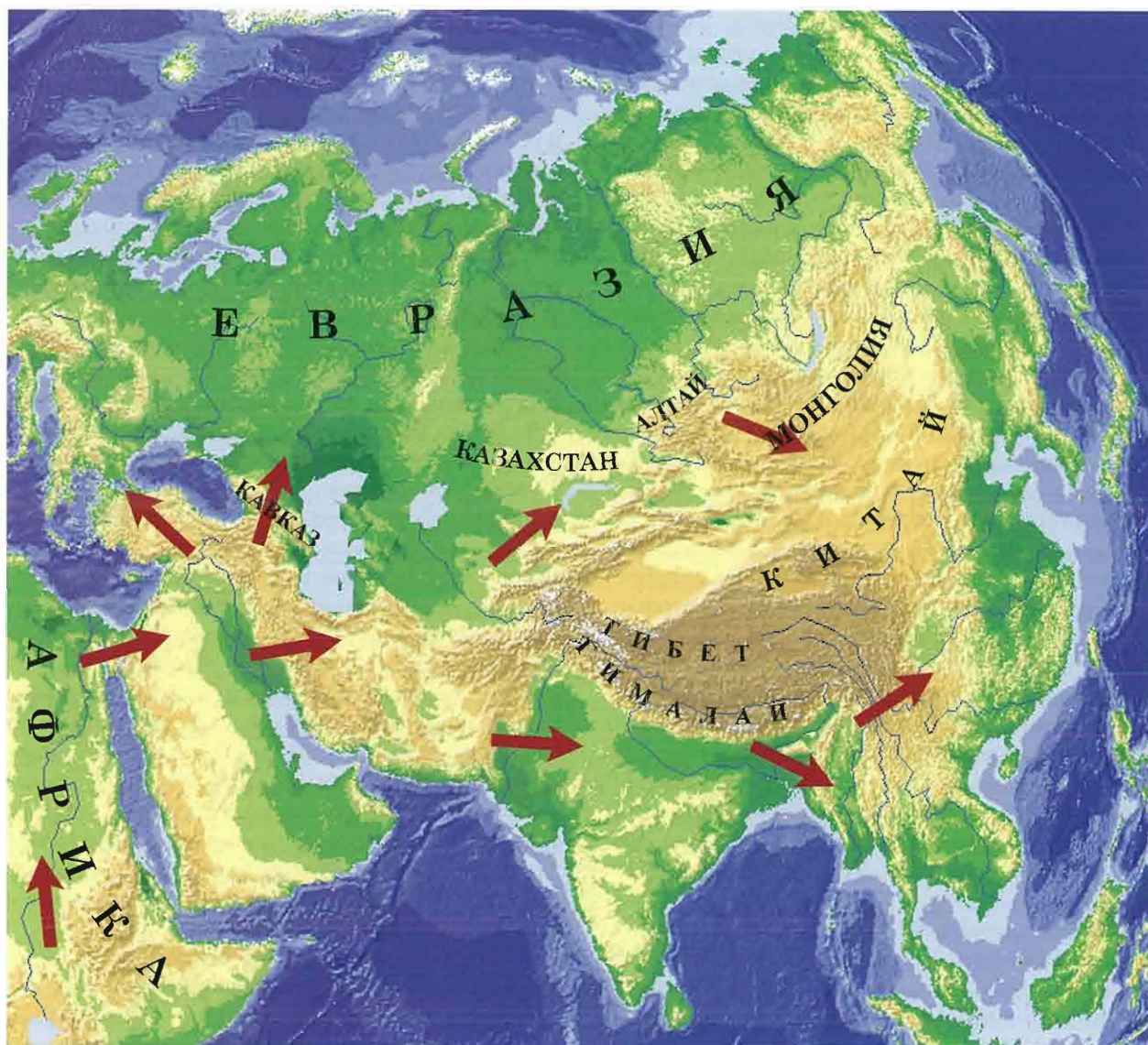

Рис. 1. Направления движения первой миграционной волны человека из Африки в Евразию.

ные материалы стоянок Лунгупо в Нихэваньской котловине, Сихоуду, Юаньмоу не могут убедить многих специалистов в том, что находки из этих памятников – результат деятельности человека. Палеоантропологические останки *Homo erectus*, выявленные в Юаньмоу, очень важные, но определение их возраста (1,5 млн лет) представляется более чем сомнительным [Ранов, 1999; Keats, 1994; Вэй Ци, 1989; Вэй Ци, Мэн Хао, Чэн Шэнцюань, 1983; Ю Юйчжу, 1989]. С моей точки зрения, к совершенно бесспорным следует отнести местонахождения Дунгута и Сяочанлянь, но возраст их, видимо, не превышает 1 млн лет. Неоднозначно оценивается специалистами возраст останков *Homo erectus*, найденных в Индонезии. Верхний возрастной предел самых ранних костных остатков сангиранских гоминидов, обнаруженных в пуканган-

ских горизонтах, ограничен хронологией лахара и не может быть более 1,7 млн лет [Semah, Saleki, Falgueres, 2000]. По мнению многих исследователей, возраст отложений с останками гоминидов на о-ве Ява около или немногим более 1 млн лет [Sartono, 1982; Swisher et al., 1999; Jacob, Curtis, 1971]. Все это свидетельствует о том, что *Homo erectus*, двигаясь из Африки, достаточно быстро преодолел огромные пространства и, видимо, не позднее 1 млн л.н. заселил Южную, Юго-Восточную и Восточную Азию.

Северная миграционная волна древних популяций человека через Ближний Восток проникла на территорию Ирана и далее на Кавказ и, возможно, в Малую Азию. Убедительным свидетельством этого расселения является местонахождение Дманиси (Восточная Грузия) – одно из выдающихся в Евразии

ское движение. Человек заселял определенную экологическую нишу, в течение длительного времени адаптировался в ней. Необходимость приспосабливаться к новым источникам сырья, окружающей фауне, растительным ресурсам, климату обусловила появление новых стратегий и определенных корректив образа жизни, приемов первичного расщепления и вторичной обработки каменных орудий. Дальнейший рост населения, изменение условий обитания заставляли часть популяции постепенно перемещаться на сопредельные территории. Эйкумена человека то расширялась, то сокращалась, и наши далекие предки спустя какое-то время могли возвращаться на прежние места обитания, считая их новой экологической нишей. Несомненно одно: человеку потребовалось около миллиона лет, чтобы постепенно заселить огромные пространства от Африки до Тихого и Индийского океанов. Но вся история и развитие культуры человека происходили в одной видовой среде *Homo erectus*.

Вторая миграционная волна древнего человека в Евразию

Около 450–350 тыс. л.н. с Ближнего Востока в Евразию начал двигаться второй миграционный поток, с которым связано распространение позднеашельской индустрии со следами леваллуазской системы первичного расщепления и бифасами (рис. 2). На многих территориях новая популяция человека встречала представителей первой миграционной волны, и поэтому там происходило смешение двух индустрий – галечной и позднеашельской. Смешение двух различных индустриальных основ на территориях Центральной Азии и Индии проявляется в разной степени: на одних больше прослеживаются ашельских элементов (в признаках первичной и вторичной обработки), на других – галечных. В Центрально-Азиатском регионе в индустриях позднего этапа раннего палеолита и среднем палеолите ашельские элементы наиболее ярко прослеживаются на территориях Туркмении и Казахстана. На территории Казахстана открыто более десяти местонахождений с бифасами и следами леваллуазского расщепления. Местонахождения с бифасами известны в западной, южной, центральной и северо-восточной частях Казахстана [Медоев, 1964, 1970; Волошин, 1987, 1988, 1990]. Новые ашельские местонахождения открыты на территории Казахстана в районе Мугоджарских гор в бассейне р. Эмбы в 1999–2000 гг. [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов и др., 1999; Деревянко, Петрин, Гладышев и др., 2001а,б]. Для них характерны бифасы, скребла различных модификаций, зубчато-

выемчатые орудия, леваллуазские и дисковидные ядрища. Как показало изучение ранних ашельских местонахождений, возраст которых ок. 350–300 тыс. лет, орудийный набор отражает не конвергенцию отдельных ашельских элементов и признаков первичной обработки, а переселение на территорию Казахстана с запада популяций человека с индустрией ашельского типа.

На территории Туркмении наиболее древние каменные артефакты обнаружены в Янгаджа-Каратенгирском комплексе местонахождений с бифасами [Любин, 1984; Любин, Вишняцкий, 1990; Вишняцкий, 1996]. С моей точки зрения, самые ранние из них относятся к позднему ашелю, типологически у них немало сходства с индустриальными комплексами Мугоджар.

На территории Таджикистана в индустриях местонахождений, относящихся к позднему этапу раннего и среднему палеолиту, проявляются преимущественно галечные элементы. Подобное характерно и для синхронных памятников на территориях Кыргызстана и Узбекистана.

В Монголии, где за последние 20 лет открыто более 1 тыс. стоянок каменного века, также хорошо фиксируется новый этап, связанный с появлением приемов леваллуазского расщепления и многих других элементов позднеашельской индустрии [Каменный век Монголии..., 1990, 2000; Археологические исследования..., 2000]. Одним из таких местонахождений является многослойная пещерная стоянка Цаган-Агуй, отложения которой накапливались 700 тыс. лет [Деревянко, Петрин, 1995; Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 1996]. В нижних культуросодержащих горизонтах (12, 13) Большого грота пещеры представлены нуклеусы ортогонального принципа расщепления. Орудийный набор включает бифасиальные и комбинированные орудия, отщепы и ретушированные обломки. Двенадцатый слой датирован 520 ± 130 тыс. л.н. (РТЛ-805). Леваллуазские ядрища регистрируются начиная с 10-го культуросодержащего горизонта пещеры. Леваллуазское расщепление на территории Монголии стало доминирующей техникой с позднего этапа раннего палеолита. Бифасиальная техника на палеолитических местонахождениях не проявилась в столь яркой и выразительной форме. В Монголии имеется несколько местонахождений с бифасами и признаками леваллуазского расщепления: Ярх, Дно Гоби, Нарийн-Гол-176, Хатан-Хайрхан-Уул-14 и др. Одним из самых ярких местонахождений с ашельской индустрией является Кремневая Долина на юго-востоке хребта Арц-Богдо, открытая в 1995 г. [Деревянко, Зенин, Олсен и др., 2002]. Древние поверхности здесь перекрыты плиоценовыми кремневыми брекчиями, которые в раннем и среднем палеолите постоянно ис-

Рис. 2. Направления движения второй миграционной волны в Евразии. Темным цветом отмечены территории, на которых не представлена позднеашельская культура.

пользовались как сырьевая база. На отдельных участках на 1 м² приходится до 400 артефактов, а площадь, занятая мастерскими, составляет ок. 20 км². Это уникальный в мире природно-антропогенный комплекс, в котором находятся миллионы артефактов, а эволюция индустрии представлена от позднего ашеля до позднего палеолита. На памятнике Кремневая Долина выделены комплексы с бифасами, поверхность которых сильно-, средне- и слабокоррадирована. Материалы этих и других местонахождений свидетельствуют о том, что бифасиальная техника наряду с леваллуазским расщеплением бесспорно использовалась на финальном этапе раннего палеолита и в среднем палеолите, но в Монголии бифасы сравнительно немногочисленны.

Ярким подтверждением связи второго миграционного потока популяций человека с финальноашельской – раннепалеолитической индустрией являются местонахождения Горного Алтая на юге Сибири. Под влиянием, видимо, природных факторов, похолодания климата древний человек с галечной индустрией был вынужден покинуть территорию Горного Алтая: в ее заселении был какой-то хронологический перерыв. В местонахождениях позднего ашеля – раннего этапа среднего палеолита на Горном Алтае не наблюдается “наложения” позднеашельской индустрии на галечную. В них фиксируются комплексы, которые по признакам первичной и вторичной обработки и основным технико-типологическим характеристикам близки к мугаранской традиции и ябрудьену Ближнего Востока [Деревянко, 2001].

На стратифицированных многослойных пещерных (Денисова, Каминная, Окладникова, Малояломанская, Бийке и др.) и открытых (Усть-Каракол-1, 2, Ануй-1–3, Кара-Бом, Тюмечин-1–4 и др.) стоянках прослеживается последовательность культуросодержащих горизонтов, которая убедительно свидетельствует о гомогенности индустрии и непрерывности ее развития на протяжении 300 тыс. лет [Derev'anko, 1990; Деревянко, Маркин, 1992, 1998, 2000; Деревянко, Молодин, Маркин, 1987; Археология и палеоэкология..., 1990; Археология, геология..., 1998; Деревянко, Зенин, 1990; Derevianko, Shunkov, 1992; Деревянко, Шуньков, Ульянов, 2000; Деревянко, Шуньков, 2003; Природная среда..., 2003].

Наиболее хорошо исследованной на территории Горного Алтая является Денисова пещера, где полевые работы непрерывно ведутся уже 20 лет. Пещера представляет собой один из уникальных природно-антропогенных комплексов в Евразии. В ней зафиксированы 14 палеолитических культуросодержащих и более 14 голоценовых горизонтов. Археологический материал из нижней части слоя 22 характеризуется ортогональными, леваллуазскими и дисковидными нуклеусами. В коллекции орудий 41,6 % – изделия, выполненные на отщепах, 20,8 – на леваллуазских пластинах, 37,6 % – на леваллуазских сколах. В орудийном наборе есть леваллуазские остроконечники, скребла, клювовидные острия, ножи, выемчатые и зубчатые орудия. Для нижней части горизонта 22 получена дата 282 ± 56 тыс. л.н. (РТЛ-548). По материалам всех остальных вышележащих культуросодержащих горизонтов пещеры четко прослеживается эволюция индустрии от раннего этапа среднего до начального этапа верхнего палеолита. Очень важно отметить, что индустрия культуросодержащих горизонтов Денисовой пещеры, несмотря на некоторую вариабельность, составляет единое целое как в технологическом, так и в типологическом плане.

Стоянка открытого типа Усть-Каракол-1 расположена в 3 км от Денисовой пещеры. Толща рыхлых отложений мощностью до 6,5 м вмещает в себя 20 основных литологических слоев и 20 уровней обитания палеолитического человека. Наиболее древний уровень палеолитических находок связан с культуросодержащим горизонтом 19. Артефакты залегали в пойменной фации аллювия и перекрывали русловой галечник, для которого получено две даты – 210 ± 42 тыс. л.н. (РТЛ-640) и 207 ± 41 тыс. л.н. (РТЛ-662). Литологический слой 19 датирован 133 ± 33 тыс. л.н. (РТЛ-661). Для всех 20 культуросодержащих горизонтов стоянки Усть-Каракол-1, как и для Денисовой пещеры, характерны леваллуазские и параллельного принципа расщепления ядрища, острия, пластины и отщепы леваллуа, а также

леваллуазские сколы, модифицированные ретушью и анкошем. Типичны также скребла различных модификаций, боковые скребки, ножи с обушком, угловые, боковые резцы, проколки, шило- и клювовидные орудия, зубчато-выемчатые и комбинированные формы, уни- и бифасиальные изделия, тронкированные сколы, пластины и отщепы со следами ретуши. Очень важно отметить, что в нижних горизонтах Усть-Каракола-1 и Ануй-3 (их возраст 100–90 тыс. лет) представлены хорошо оформленные бифасы.

Для верхних культуросодержащих горизонтов Денисовой пещеры (слой 11) и Усть-Каракола (слои 11–9), возраст которых 45–35 тыс. лет, характерна верхнепалеолитическая индустрия: продукты параллельного расщепления, направленного на получение удлиненных заготовок с одно- и двухплощадочных нуклеусов, в т.ч. призматических и клиновидных, скребки высокой формы типа карене, оформленные микропластинчатыми снятиями, и выразительная серия микропластин. Среди орудий преобладают продольные разновидности скребел, концевые скребки, ножи различных модификаций, угловые резцы, проколки, изделия из кости, в т.ч. иглы с ушками, различного рода украшения. Таким образом, культуросодержащие горизонты многослойных, хорошо стратифицированных стоянок в Денисовой пещере и Усть-Караколе-1 четко отражают эволюцию среднепалеолитической индустрии ашело-мустьерского типа и ее переход в верхнепалеолитическую. Начало перехода относится к 60–50 тыс. л.н., финал – к 45–40 тыс. л.н., а может быть, и к более раннему периоду [Деревянко, 2001].

Одна линия развития индустрии от среднего к верхнему палеолиту – усть-каракольская – ярко прослеживается по материалам верхних культуросодержащих горизонтов Денисовой пещеры и Усть-Каракола [Деревянко, Шуньков, 2004]. Другая – хорошо документируется культуросодержащими горизонтами стоянки Кара-Бом. Два финальных среднепалеолитических горизонта этой стоянки демонстрируют приемы первичной и вторичной обработки камня с многочисленными элементами верхнепалеолитической техники и типы орудий. Нижние горизонты обитания (5 и 6), относящиеся уже к верхнему палеолиту, датируются соответственно $43\,300 \pm 1\,600$ л.н. (GX-17596) и $43\,200 \pm 1\,500$ л.н. (GX-17597). Эти горизонты характеризуют, с одной стороны, культурная преемственность с нижележащими среднепалеолитическими слоями, с другой – появление многих качественно важных элементов, в т.ч. предметов искусства и символической деятельности человека верхнего палеолита или современного физического типа на территории Горного Алтая [Деревянко, Рыбин, 2003].

Проблема формирования культуры верхнего палеолита в Центральной и Восточной Азии

С открытиями, сделанными в последние 20 лет сибирскими археологами, связаны и новые подходы к решению проблемы происхождения человека современного физического типа *Homo sapiens sapiens*. Ранее существовало много гипотез о происхождении современного человека. После подключения к исследованиям популяционной генетики обсуждаются в основном две гипотезы. Одна из них – африканская теория, или “Ноев ковчег”. Суть ее состоит в том, что первоначальное расселение древнейших популяций человека привело к образованию трех родов: европейского, представленного неандертальцами (*Homo neanderthalensis*), восточного и юго-восточного, включавших питекантропов и синантропов (*Homo erectus*), и африканского, на основе которого 200–150 тыс. л.н. формировался древний человек (*Homo sapiens*), а в дальнейшем и человек современного физического типа (*Homo sapiens sapiens*). Согласно этой гипотезе, ок. 100 тыс. л.н. человек современного физического типа, двигаясь из Африки, начал заселять остальную часть эйкумены, замещая древнее население. Примерно 40–20 тыс. л.н. современный человек, которого характеризует культура верхнего палеолита, расселился по всей территории Земного шара.

Основные положения гипотезы мультирегиональной эволюции сводятся к тому, что *Homo erectus*, раселившись на значительной части Евразии, стал основой для формирования здесь человека современного типа и его культуры. Мультирегиональная эволюция подразумевает генетическую непрерывность между несовременным (древним) и современным населением в каждом регионе. Этим объясняется и то, что культуры раннего этапа верхнего палеолита (культура *Homo sapiens sapiens*) на обширной территории Африки, Евразии и Австралии существенно отличаются друг от друга. Если бы древнее население везде замещалось человеком современного физического типа, то культура верхнего палеолита на территории Земного шара была бы гомогенной.

Исследования на территории Горного Алтая свидетельствуют в пользу гипотезы мультирегиональной эволюции: материалы многих палеолитических местонахождений, возраст которых не менее 300 тыс. лет, отразили непрерывность эволюции и последовательность в динамике каменных орудий. Появление каменных орудий новых типов, например бифасов [Деревянко, Шуньков, 2002], или изменение в культуросодержащих горизонтах процентного соотношения отдельных категорий орудий следует считать не результатом прихода на эту территорию нового населения,

а следствием адаптации местного населения к меняющимся экологическим условиям, сутью поиска новых моделей и стратегий обитания. Решающим аргументом в пользу гипотезы мультирегиональной эволюции являются данные о том, что на территории Горного Алтая на основе финальных среднепалеолитических индустрий формировалась индустрия верхнего палеолита (усть-каракольская и кара-бумовская), характеризующая человека современного физического типа [Деревянко, Шуньков, 2004]. Эти выводы позволяют утверждать, что на территории Южной Сибири получила развитие среднепалеолитическая индустрия, которая последовательно перешла в верхнепалеолитическую, а также, возможно, была генетическая непрерывность в эволюции самого человека [Шпакова, Деревянко, 2000; Шпакова, 2000].

Заселение Горного Алтая и других районов Южной Сибири и Центральной Азии представителями второго миграционного потока, который начал двигаться 450–350 тыс. л.н. с Ближнего Востока, обусловило формирование на этих территориях современного человека. Очень важно отметить, что последние исследования позволили значительно расширить хронологические рамки мугаранской традиции Леванта: для слоев Ed–Ea пещеры Табун получена дата 350–270 тыс. л.н. [Jelinek, 1992; Bar-Yosef, 1995; Schwarcz, Rink, 1988]. На Ближнем Востоке развитие индустрий в среднем палеолите происходило под влиянием многих условий адаптационного и поведенческого характера, а также культурных диффузий и прямых инфильтраций популяции человека с сопредельных территорий. Несмотря на то, что Горный Алтай и Ближний Восток разделяют значительные пространства, переход от среднего к верхнему палеолиту на этих территориях произошел в одном и том же хронологическом диапазоне – 50–40 тыс. л.н., и, что очень важно, в процессе этого перехода нашли проявление некоторые общие тенденции в развитии приемов первичной и вторичной обработки камня, а также типологии каменных орудий. Этот феномен можно объяснить, видимо, существованием единой, более древней индустриальной основы для верхнего палеолита Леванта и Горного Алтая.

На территориях Ирана, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана и Монголии, через которые с Ближнего Востока двигался второй миграционный поток, также открыты многочисленные местонахождения, демонстрирующие леваллуазскую технологию первичного расщепления. Здесь, в отличие от Горного Алтая, сохранилось население, представлявшее первую волну мигрантов, и дальнейшее развитие палеолитических индустрий происходило путем наложения друг на друга более древней галечной и позднегалечной индустрий. В результате на одних территориях длительное время существовали галечные традиции

с элементами позднеашельских технологий, а на других — преобладали новые технические традиции.

Одним из выдающихся местонахождений на транзитной территории является грот Оби-Рахмат в Узбекистане. В течение шести лет он исследуется совместной Российско-Узбекской экспедицией. Как установлено в ходе раскопок, заселение грота человеком произошло на финальном этапе R-W. Артефакты, выявленные в верхней части культуросодержащего горизонта 21, приуроченного к пойменной фации разреза, могут быть отнесены к заключительному этапу 5-й кислородной стадии, их возраст составляет ок. 90 тыс. лет [Деревянко, Кривошапкин, Аношкин и др., 2001]. В литологических горизонтах 21–15 выявлено 17 горизонтов обитания древнего человека, по материалам которых прослеживается динамика индустрии на протяжении 50 тыс. лет. В Оби-Рахмате в четкой стратиграфической последовательности хорошо, как нигде в мире, зафиксировался переход от финального этапа среднего палеолита к верхнему. Он отмечен не только постепенным замещением леваллуазского первичного расщепления приемами параллельного скалывания, но и увеличением количества орудий, изготовленных на длинных ножевидных пластинах. Литологический горизонт 14, датруемый $48\,800 \pm 2\,400$ л.н. (AA-36746), представляет уже верхнепалеолитическую индустрию. Оби-Рахмат — наиболее изученное сегодня местонахождение в Евразии, на примере которого можно проследить в полном объеме весь процесс формирования верхнепалеолитической культуры в столь раннее время. Наиболее ранние даты (от $44\,430 \pm 2\,420$ л.н. (SMV-259) до $47\,280 \pm 9\,050$ л.н. (SMV-580)) для местонахождения Бокер-Тактит в Израиле, относящегося к самому раннему этапу верхнего палеолита, определены по образцам, залегающим не в столь безупречных стратиграфических условиях.

Чрезвычайно важные открытия были сделаны в Оби-Рахмате в 2003 г. в литологическом горизонте 16, возраст которого, по моему мнению, от 54 до 56 тыс. лет. Каменную индустрию из этого горизонта можно с полным основанием отнести к переходной от среднего к позднему палеолиту. Особое значение имеет палеоантропологический материал из этого культуросодержащего горизонта — шесть зубов хорошей сохранности и мелкие фрагменты черепных костей [Деревянко, Кривошапкин, Славинский и др., 2003]. По предварительному определению антропологов, эти одонтологические находки более близки к зубам современных людей, чем к зубам неандертальцев. Материалы, направленные на анализ мтДНК в Институт популяционной генетики человека им. М. Планка в Лейпциге, после проведения лабораторных исследований позволят более определенно ответить на этот вопрос.

На основании новых материалов с Горного Алтая и сопредельных территорий можно с полным основанием утверждать, что древние представители второй миграционной волны оставили после себя среднепалеолитическую индустрию, на базе которой формировалась верхнепалеолитическая культура, а также человек современного физического типа. Исследования в Южной Сибири, Монголии, Казахстане, Узбекистане позволили проследить эволюцию среднепалеолитической культуры в верхнепалеолитическую, которую следует считать неоспоримым доказательством мультирегиональной эволюции человека. Совершенно нет никаких аргументов в пользу гипотезы о замещении на этой территории автохтонного населения современными людьми, которые должны были принести и новую верхнепалеолитическую культуру.

Вторая миграционная волна распространилась на восток не далее Монголии и Индии. Со времени первоначального заселения человеком территории Китая и остальной части Восточной и Юго-Восточной Азии (ок. 1 млн л.н.) каменная индустрия в раннем, среднем и на начальном этапе верхнего палеолита на этом пространстве развивалась на основе региональной технологии, принципиально отличавшейся от традиции, преобладавшей в других частях Евразии. В Восточной и Юго-Восточной Азии не представлены леваллуазские приемы расщепления горных пород. В Чжоукоудяне-15, как показали последние исследования [Син Гао, 2000], сколы леваллуазского типа получены посредством других технологий. На палеолитических местонахождениях в Восточной и Юго-Восточной Азии встречаются бифасиально обработанные орудия, но их появление — результат конвергенции. Бифасы на этих территориях представляют не ашельскую традицию и не могут считаться диагностирующими элементами. Их распространение на территории Китая — результат, видимо, адаптационных стратегий древних популяций человека к менявшимся природным условиям, потому что стоянки (Гунванлинь, Лантянь, Кэхэ, Динцунь, Байсэ), на которых найдены эти артефакты, отделены друг от друга не только сотнями тысяч лет, но и значительными расстояниями [Hou Yamei, Potts, Yuan Baoyn et al., 2000; Jia Lanpo, Huang Weiwen, 1991].

Мультирегиональная эволюция человека и своеобразие развития каменной индустрии на территории Восточной и Юго-Восточной Азии, на мой взгляд, достаточно убедительно подтверждаются многочисленными фактами. Например, свидетельства заселения Австралии человеком более 40 тыс. л.н. [Allen, 1989; Roberts, Jones, Smith, 1990]. Несмотря на резкое понижение уровня Мирового океана в то время и возможное наличие обширного шельфа

и мелководья между островами, отделяющими п-ов Малакка и Австралию, преодолеть это пространство и заселить континент мог только человек, имевший достаточно высокий технический уровень и адаптационные способности. Дальнейшее развитие культуры и самого физического типа человека происходило в Австралии изолированно. Судя по проявлениям поведенческих и адаптационных стратегий, это был человек современного физического типа [Bowdler, 1992]. Об этом свидетельствует также появление искусства, возраст которого превышает 18–32 тыс. лет [Banh, 1994]. Имеется сообщение о зафиксированных в Южной Австралии петроглифах, датированных 42 700 и 43 140 ± 3 000 л.н. [Bednarik, 1992]. Эти факты, безусловно, требуют проверки, но игнорировать их на данном этапе не следует.

На территориях Восточной и Юго-Восточной Азии *Homo erectus*, первым заселивший эти пространства, дал начало формированию *Homo sapiens sapiens*, включая его ископаемый и *Modern Man* типы.

В данных регионах эволюция индустрии хотя и отличалась своеобразием, однако проходила в русле процессов, развивавшихся на остальной части Евразии в плейстоцене, в пользу чего можно привести немало аргументов. Вместе с тем, несомненно, это были два разных мира. На основании современных знаний о древнейших миграциях в Евразии можно вернуться к идее, высказанной Х. Мовиусом 60 лет назад [Movius, 1944]. Он писал, что палеолитическую индустрию Юго-Восточной и Восточной Азии отличает от культуры остальной Евразии, где представлены ручные рубила, широкое распространение чопперов и чоппингов. Эта проблема обсуждалась в сотнях статей и книгах, и вся дискуссия сводилась к поддержке или отрицанию идеи Х. Мовиуса. В настоящее время очевидно, что в Восточной и Юго-Восточной Азии в раннем и среднем палеолите присутствовали чопперы, чоппинги и ручные рубила. На этой территории на протяжении почти миллиона лет с момента первоначального заселения шел независимый процесс развития физического типа человека и его культуры. Современный человек (*Modern Man*) – результат генетической непрерывности между питекантропом (*Homo erectus*) и человеком разумным (*Homo sapiens sapiens*). Индустрия раннего этапа верхнего палеолита Китая, Японии, Кореи и регионов Юго-Восточной Азии существенно отличается от стадийно равнозначных технокомплексов других регионов Евразии. Если не признать мультирегиональную эволюцию человека реальностью, то придется считать, что путь развития протяженностью в миллион лет в истории человека этого огромного региона, где выявлены тысячи местонахождений палеолита и десятки ярких палеоантропологических находок, был тупиковым.

Если это так, то современный человек (*Homo sapiens sapiens*) в результате замещения автохтонных популяций смог бы утвердиться здесь не ранее 30–25 тыс. л.н., потому что его культура, основанная на пластинчатой технике, а именно та, с которой некоторые ученые связывают культуру раннего этапа верхнего палеолита, стала распространяться на территориях Китая и других регионов Восточной и Юго-Восточной Азии ок. 30 тыс. л.н.

Список литературы

- Алпысбаев Х.А.** Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 207 с.
- Амирханов Х.А.** Палеолит юга Аравии. – М.: Наука, 1991. – 342 с.
- Археологические исследования** Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах / А.П. Деревянко, Д. Олсен, В.Т. Петрин, С.А. Гладышев, А.Н. Зенин, В.П. Мыльников, Р.У. Ривс, А.И. Кривошапкин, П. Брантингхэм, Б. Гунчинсүрэн, Я. Цэрэндагва. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 384 с.
- Археология, геология и палеогеография** плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.К. Феденева, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.
- Археология и палеоэкология** палеолита Горного Алтая: Путеводитель Междунар. симп. (экскурсия № 1): К XIII конгрессу INQUA (КНР, 1991 г.) / А.П. Деревянко, Ю.В. Гричан, М.И. Дергачева, А.Н. Зенин, С.А. Лаухин, Г.М. Левковская, А.М. Малолетко, С.В. Маркин, В.И. Молодин, Н.Д. Оводов, В.Т. Петрин, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1990. – 159 с.
- Бар-Йозеф О.** Нижнепалеолитические стоянки Юго-Западной Азии – свидетельства расселения человека из Африки // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. – М.: Наука, 1997. – С. 41–63.
- Вишняцкий Л.Б.** Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европейский дом, 1996. – 213 с.
- Волошин В.С.** Вопросы хронологии и периодизации палеолита Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во Караг. гос. ун-та, 1987. – С. 3–13.
- Волошин В.С.** Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка-3 (Центральный Казахстан) // СА. – 1988. – № 4. – С. 199–203.
- Волошин В.С.** Стратиграфия и периодизация палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симп. / СО АН СССР. ИИФФ. – Новосибирск, 1990. – С. 99–106.
- Вэй Ци.** Первоначальные исследования палеолита в Дунгута // Нихэвань яньцзю луньвэнь сюань бянь (Избранные труды по Нихэваню). – Пекин: Вэньу, 1989. – С. 115–128 (на кит. яз.).

Вэй Ци, Мэн Хао, Чэн Шэнцзоань. Новые раскопки палеолитических местонахождений в многослойном комплексе Нихэвань // Жэньцзэй сюэбао. – 1983. – Вып. 4, № 3. – С. 105–114 (на кит. яз.).

Габуния Л., Векуа А., Лордкипанидзе Д. Новые находки костных останков ископаемого человека в Дманиси (Восточная Грузия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2 (6). – С. 128–139.

Герасимов И.П., Величко А.А., Любин В.П., Праслов Н.Д. Древние люди в Европе и условия их обитания (первые результаты совместных советско-французских исследований) // Вестн. АН СССР. – 1981. – № 10. – С. 13–24.

Гусейнов М.М. Пещера Азых. – Баку: Элем, 1981. – 84 с.

Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана (культура куручай и этапы ее развития. 1 500 000–70 тысяч лет назад). – Баку: Элм, 1985. – 96 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – Р. 70–103.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Аношкин А.А., Рыбин Е.П. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 65–69.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Палеолитическое местонахождение Ануй-1 // Комплексное исследование палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1990. – С. 31–42.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д., Петрин В.Т., Цвээндорж Д. Палеолитические комплексы Кремневой Долины. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – 285 с.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Аношкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 42–63.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Славинский В.С., Аношкин А.А., Чикишева Т.А., Вринн П., Милютин К.И., Колобова К.А. Анализ каменной индустрии и антропологических находок из слоя 16 Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 63–75.

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Малаева Е.М., Куликов О.А., Шуньков М.В. Нижний плейстоцен на северо-западе Горного Алтая // Докл. АН. Сер. геология. – 1992. – Т. 323, № 3. – С. 509–513.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Предварительные определения мустьерских индустрий Алтая // Валихановские чтения: Тез. республ. конф. 25–28 марта 1992 г. / АН Казахстана. Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. – Кокшетау, 1992. – С. 18–20.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтае-Саян // РА. – 1998. – № 4. – С. 17–34.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Пространственно-временные изменения палеолитических индустрий северо-за-

пада Алтае-Саянской горной страны // Палеогеография каменного века. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 32–34.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (Предварит. итоги сов.-япон. экспедиции). – Новосибирск, 1987. – 76 с. (Препринт / АН СССР. Сиб. отд.-ние. Ин-т истории, филологии и философии).

Деревянко А.П., Олсен Д., Цвээндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Ривс Р.У., Девяткин Е.В., Мыльников В.П. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1995 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – 328 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Исследования пещерного комплекса Цаган-Агуй на южном фесе Гобийского Алтая в Монголии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1995. – 80 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001а. – № 2 (6). – С. 20–36.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001б. – 136 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Палеолитические комплексы поверхностного залегания Мугоджарских гор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 1999 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 50–55.

Деревянко А.П., Попова С.М., Малаева Е.М., Лаухин С.А., Шуньков М.В. Палеоклимат северо-запада Горного Алтая в эоплейстоцене // Докл. АН. Сер. геология. – 1992. – Т. 324, № 4. – С. 842–846.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 27–50.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексенов Г., Петрин В.Т., Маркин С.В., Ефремов С.А. Исследование памятников каменного века на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1996 году // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – С. 80–86.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (10). – С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Поиски раннего палеолита в Горном Алтае // АО 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 356–357.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19). – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Зыкин В.С., Маркин М.М. Новый раннепалеолитический комплекс в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 84–89.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А. Изучение палеолитической стоянки в долине р. Ануй // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 99–104.

Каменный век Казахстана: Исследования Российской-Казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998–2001 гг.) / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, А.Н. Зенин, Ж.К. Таймагамбетов, С.А. Гладышев, А.А. Цыбанков, В.С. Славинский. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 184 с.

Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая / А.П. Деревянко, Д. Дорж, Р.С. Васильевский, В.Е. Ларичев, В.Т. Петрин, Е.В. Девяткин, Е.М. Малаева. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.

Каменный век Монголии: Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Д. Цэвээндорж, Е.В. Девяткин, В.Е. Ларичев, Р.С. Васильевский, А.Н. Зенин, С.А. Гладышев. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 440 с.

Любин В.П. Палеолит Туркмении // СА. – 1984. – № 1. – С. 26–45.

Любин В.П. Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // Археол. вести. – 1998. – № 6. – С. 15–39.

Любин В.П., Беляева Е.В. Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо-1 (Центральный Кавказ). – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2004. – 269 с.

Любин В.П., Вишняцкий Л.Б. Открытие палеолита в Восточной Туркмении // СА. – 1990. – № 4. – С. 5–15.

Медоев А.Г. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1964. – № 6. – С. 14–21.

Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – С. 200–216.

Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. – Новосибирск: Наука, 1992. – 252 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки // Тр. Приленской археол. экспед.: Докл. Междунар. Север. археол. конгресса, г. Ханты-Мансийск, 9–14 сент. 2002 г. – Якутск, 2002. – 60 с.

Окладников А.П. Улалинка – древнейшее палеолитическое поселение в Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1971. – Вып. 1, № 1. – С. 131–133.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аношкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Ранов В.А. Предисловие // М.М. Гусейнов. Древний палеолит Азербайджана (культура куручай и этапы ее развития. 1 500 000–70 тысяч лет назад). – Баку: Элм, 1985. – С. 3–5.

Ранов В.А. Ранний палеолит Китая (Изучение и современные представления). – М.: ИНКВА, 1999. – 110 с.

Ранов В.А. Проблема внетропического происхождения человека: миф и реальность // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1 (21). – С. 16–20.

Син Гао. Расщепление нуклеусов местонахождения Чжоукоудянь-15 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 2–12.

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 64–76.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 125–138.

Ю Юйчжу. Новые материалы палеолитического памятника Сяочанянь в провинции Хэбэй и проблемы его датировки // Нихэвань яньцзю луньвэнь сюань бянь (Избранные труды по Нихэванью). – Пекин: Вэнью, 1989. – С. 92–98 (на кит. яз.).

Allen I. When did humans first colonise Australia? // Search. – 1989. – Vol. 20. – P. 149–154.

Andrews R.Ch., Osborn H.F. On the trail of Ancient Man: A narrative of the field work of the Central Asiatic Expeditions. – N.Y.; L.: Garden City Publication Co., – 1926. – 370 p.

Banh P.G. New Advances in the Field of Ice Age Art // Origins of Anatomically Modern Humans / Eds. H. Matthew, D.V. Nitecki. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1994. – P. 121–132.

Bar-Yosef O. The Low and Middle Paleolithic in the Mediterranean Levant: Chronology and Cultural Entities // Man and Environment in the Paleolithic. – Liège: Université de Liège, 1995. – P. 247–263. – (Etudes et recherches Archéologiques de L'Université de Liège; N 62).

Bednarik R.G. Oldest dated rock art: A revision // The Artefact. – 1992. – Vol. 15. – P. 39.

Bowdler S. *Homo sapiens* in Southeast Asia and the Antipodes: Archaeological Versus Biological Interpretations // The Evolution and Aisprersal of Modern Humans in Asia / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusensha, 1992. – P. 559–589.

Cann R.L., Stoneking M., Wilson A.C. Mitochondrial DNA and human evolution // Nature. – 1987. – Vol. 325. – P. 31–36.

Coppens Y. Evolution de l'Homme // C.R. Acad. Sci Ser. Gen. – 1986. – Vol. 3, N 3. – P. 227–243.

Dart R. Australopithecus africanus. The man-ape of South Africa // Nature. – 1925. – Vol. 115. – P. 195–199.

Dennel R.W., Rendell H.M., Hailwood E. Artefacts du Pliocene Tardif dans le Nord du Pakistan // L'Anthropologie. – 1988. – Vol. 92. – P. 927.

Dennel R.W., Rendell H.M., Hailwood E. Early tool-making in Asia: Two million year old artefacts in Pakistan // Antiquity. – 1988. – Vol. 62, N 234. – P. 98–106.

Derev'anko A.P. Paleolithic of Northern Asia and the Problem of Ancient Migrations (inform-operative material) / Academy of Sciences of the USSR. Sibirian Division. Inst. of History, Philology and Philosophy. – Novosibirsk, 1990. – 123 p.

- Derevianko A.P., Deviatkin E.V., Petrin V.T., Semeihan T.** New Discoveries of the Lower Paleolithic in Mongolia and its Geological–Geomorphological Position // The INQUA Intern. Sympos. On Stratigraphy and Correlation of Quaternary Deposits in the Asian and Pacific Region. – Bangkok: CCOP Technical Secretariat, 1991. – P. 119–132.
- Derevianko A.P., Shunkov M.V.** Archaeological investigations in the Anui River basin // *Altaica*. – 1992. – N 1. – P. 8–12.
- Dzaparidze V., Bosinski G., Bugianshvili T., Gabunia L., Justus A., Klopotskaja N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Maisuradze N., Pavlenishvili E., Schmincke H., Sologashvili D., Tvalcrelidze M., Vekua A.** Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus) // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. – 1991. – Bd. 36. – S. 67–116.
- Hou Yamei, Potts R., Yuan Baoyun, Guo Zhengtang, Deino A., Wang Wei, Clark I., Xie Guangmao, Huang Weiwen.** Mid-Pleistocene Acheulean – like Stone Technology of the Bose Basin, South China // *Science*. – 2000. – Vol. 287, N 5458. – P. 1622–1626.
- Jacob T., Curtis H.** Preliminary Potassium / Argon Dating of Early Man in Java // *Contrib. Univ. of Calif. Arch. Res. Facil.* – 1971. – N 12. – P. 50–54.
- Jelinek A.J.** Problems in the Chronology of the Middle Paleolithic and the First Appearance of Early Modern *Homo Sapiens* in Southwest Asia // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia*. – Tokyo: Hokusen-sha, 1992. – P. 253–275.
- Jia Lanpo.** Early Man in China. – Beijing: Foreign Languages Press, 1980. – 60 p.
- Jia Lanpo, Huang Weiwen.** The Paleolithic Cultures of China // *Quaternary Science Reviews*. – 1991. – N 10. – P. 519–521.
- Keats S.G.** Archaeological Evidence of Hominid Behaviour in Pleistocene China and Southeast Asia // *Courier Forshungs Institut Senckenberg*. – 1994. – Bd. 171. – S. 141–150.
- Kelly J., Pilbeam D.** The Driopithecus: Taxonomy, Comparative and Phylogeny of Miocene Large Hominoides // *Comparative Primate Biology*. – 1986. – Vol. 1: Systematics, Evolution and Anatomy. – P. 361–411.
- Liubin V.P., Bosinski G.** The earliest occupation of the Caucasus region // *The earliest occupation of Europe*. – Leiden: University of Leiden, 1995. – P. 207–253.
- Movius H.L.** Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia. – Cambridge: Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, 1944. – 126 p.
- Ranov V.A.** The Loessic Palaeolithic in the Southern Tajikistan, Central Asia: industries, chronology and correlation // *Quaternary Science Reviews*. – 1993. – Vol. 14. – P. 731–745.
- Ranov V.A., Schäfer J.** Loessic Palaeolithic // *Archaeology, Ethnology and Ethnography of Eurasia*. – 2000. – N 2 (2). – P. 20–32.
- Roberts R.G., Jones R., Smith M.A.** Thermoluminescence dating of a 50 000-year-old human occupation site in northern Australia // *Nature*. – 1990. – Vol. 345. – P. 153–156.
- Sartono S.** Characteristics and Chronology of Early Man in Java // *Congrès Internationale de Paléontologie Humaine*. – Nice: [N.p.], 1982. – Vol. 1. – P. 491–533. – (Pretirage).
- Schwarcz H.P., Rink W.J.** Progress in ESP and U-Series Chronology of the Levantine Paleolithic // *Neanderthal and Modern Humans in Western Asia*. – N.Y.: Plenum Press, 1988. – P. 57–68.
- Semah F., Saleki H., Falgueres Ch.** Did Early man reach Java during the Late Pliocene? // *J. of Archaeological Science*. – 2000. – N 27. – P. 763–769.
- Semaw S.** The World's Oldest Stone Artifacts from Gona, Ethiopia: Their Implications for Understanding Stone Technology and Patterns of Human Evolution Between 2,6–1,5 Million Years Age // *J. of Archaeological Science*. – 2000. – N 27. – P. 1197–1214.
- Semaw S., Renne P., Harris I.W.K., Feibel C.S., Bernor R.L., Mowbray R.** 2,5 million-year-old stone tools from Gona, Ethiopia // *Nature*. – 1997. – N 385. – P. 333–336.
- Strait D.S., Grine F.E., Moniz M.A.** A reappraisal of Early Hominid Phylogeny // *J. of Human Evolution*. – 1997. – Vol. 32, N 1. – P. 17–82.
- Swisher C.C. III, Curtis G.H., Jacob T., Getty A.G., Suprijo A., Widiasmoro.** Age of the Earliest Known Hominids in Java, Indonesia // *Science*. – 1999. – N 263. – P. 1118–1121.
- Tchernov E.** Eurasien-African Biotic Exchanges through the Levantine Corridor During the Neogene and Quaternary: Mammalian Migration and Dispersal Events in the European Quaternary // *Courier Forshungs Institut Senckenberg*. – 1992. – Bd. 153. – S. 103–123.
- The Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations** / Eds. A.P. Derevianko, D.B. Shimkin, W.R. Powers. – Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. – 406 p.

Материал поступил в редколлегию 14.05.05 г.

УДК 903

М.В. Аникович

Институт истории материальной культуры РАН
 Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
 E-mail: niplaton@peterlink.ru

СУНГИРЬ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ И ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*

Предварительные замечания

Новые монографические публикации материалов знаменитой Сунгирской стоянки [Палеолитическое поселение Сунгирь..., 1998; Homo sungirensis..., 2000] заметно стимулировали интерес к этому памятнику, равно как и к связанному с ним кругу проблем, как локальных (хронология, культурная принадлежность и проч.), так и глобальных. Важнейшая среди последних – связи между средним и верхним палеолитом, между архаичными и современными формами гоминидов. Не случайно по последнему вопросу среди антропологов развернулась интересная полемика [Козинцев, 2003, 2004; Медникова, 2003, 2004]. Мне, как археологу-палеолитоведу, чьи научные интересы во многом связаны с вопросами перехода от среднего к верхнему палеолиту, данная проблематика отнюдь не чужда [Аникович, 1991, 1997]. В предлагаемой статье я хочу осветить именно *археологический* аспект проблемы, определяющий мое отношение к гипотезам, основанным на данных современной антропологии и генетики.

Стратиграфия, хронология, планиграфия

подавляющее большинство находок приурочено к погребенной почве (“брянской”), что отразилось в

термине “почвенно-культурный слой” (или “культурно-почвенный”) [Homo sungirensis..., 2000, с. 22 и др.]. Более тонких стратиграфических градаций культурного слоя провести не удалось.

Серия радиоуглеродных дат по Сунгирю дает разброс приблизительно от 28 000 до 20 000 л.н. [Там же, с. 30–32], что указывает на относительно молодой возраст памятника – в пределах ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы, начавшейся, по современному данным, ок. 45 000 л.н. [Аникович, 2003]. Этот разброс вновь поднимает старую проблему: является ли он погрешностью метода или объясняется характером накопления культурных остатков? Опыт изучения Зарайской стоянки [Амирханов, 2000] свидетельствует в пользу второго варианта интерпретации разброса дат. Вероятно, и в Сунгире культурный слой (слои?) накапливался тысячелетиями [Гаврилов, 2004]. Высказано предположение, что в процессе обитания на этом поселении можно выделить два основных этапа: относительно постоянное проживание (28 800–25 800 л.н.) и более или менее спорадические посещения (25 500–20 300 л.н.). Погребения относят ко второму, причем, судя по радиоуглеродным датам, захоронение мужчины было совершено позже (возможно, значительно позже) парного погребения детей [Homo sungirensis..., 2000, с. 41]. В этой ситуации планиграфия памятника не ясна. Надежно установленными объектами являются очаги, скопления костей и знаменитые погребения. Однако их хронологическое соотношение остается под вопросом. К тому же, судя по публикациям [Бадер, 1978, с. 18–19; Homo sungirensis..., 2000, с. 22–25], погребений в районе стоянки было больше. Карьерные работы, по-видимому, уничтожили уникальное

* Работа подготовлена в рамках проекта Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии” (№ 23: “Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа: глобальные и региональные аспекты процесса”).

явление – палеолитический могильник. “Жилища”, реконструированные *post factum*, не могут считаться достоверными объектами [Гаврилов, 2004].

Культурная принадлежность: методико-методологический аспект

Говоря о культурной принадлежности, равно как о культурном генезисе, происхождении, трансформации и проч., археологи обычно подразумевают то, что А.Н. Рогачев называл “этнографическими чертами”: *культурное своеобразие, выражающееся через культурные традиции*. Эти традиции раскрываются в специфических сторонах и явлениях различных сфер человеческой деятельности, в т.ч. (но не исключительно) и в специфических формах – *типах*.

Публикации сунгирских коллекций далеко не полны. Уже поэтому при сравнении их с материалами других археологических объектов приходится ориентироваться, в первую очередь, на качественные характеристики (с учетом того, что и они не полны). Однако прежде всего следует решить вопрос о гомогенности самой коллекции. С учетом возможной многослойности памятника вопрос этот далеко не праздный. Но поскольку проблема многослойности Сунгира не решена, нет и критериев для разделения коллекции. Напомню в этой связи, что даже для Зарайской стоянки, где произведена четкая стратификация структурных объектов культурного слоя на четыре стратиграфических горизонта (из которых верхний во всех отношениях может рассматриваться как самостоятельный культурный слой), осуществить соответствующее разделение коллекции каменных изделий, от первого до последнего кремня, невозможно. Отмечу и то, что, невзирая на разрыв в несколько тысячелетий, материалы всех трех нижних горизонтов и верхнего культур-

ного слоя Зарайской стоянки, несомненно, однокультурны. С учетом этих обстоятельств можно условно признать коллекцию Сунгира гомогенной и рассматривать ее как единое целое.

Сунгирь и костенковско-стрелецкая археологическая культура

Постановка проблемы. Костенковско-стрелецкая археологическая культура (АК) была впервые выделена А.Н. Рогачевым в середине 1950-х гг. [1957]. Более детальное ее обоснование было дано Г.П. Григорьевым [1963], а впоследствии мной [Аникович, 1977, 1991; Рогачев, Аникович, 1984]. После открытия Сунгирской стоянки сразу же возник вопрос о ее отношении к данной культуре. Несомненными были как черты сходства, вплоть до уровня типов (двусторонне обработанные треугольные наконечники с вогнутым основанием – ведущий тип стрелецкой АК), так и существенные различия. Не вдаваясь в подробности, отмечу: до сих пор преобладает точка зрения на Сунгирь как на самостоятельное культурное явление (“сунгирская культура”), Впрочем, бесспорно связанное со стрелецкой АК [*Homo sungirensis*..., 2000, с. 22].

Попытаюсь сформулировать черты сходства/различий между индустрией Сунгира и комплексами, определяющими костенковско-стрелецкую культуру, каковыми считаются Костенки-12/III (по стратиграфическому положению и ¹⁴C-датам, древнейший памятник этой культуры: > 36 тыс. л.н.), Костенки-1/V (хроностратиграфическая позиция спорна, но в любом случае возраст памятника не менее 28–32 тыс. лет) и Костенки-6 (Стрелецкая-2; материал ушербен, т.к. собран в отложениях древнего овражка, что не исключает наличия посторонних примесей):

Сходства	Различия
1. Сунгирская индустрия, как и стрелецкие, может быть охарактеризована в общем и целом как непластинчатая.	Это понятие относительное; пластины умели снимать и в Костенках, и в Сунгире, причем на Сунгирской стоянке пластинчатые заготовки использовались чаще.
2. И стрелецкие, и сунгирская индустрии относятся к типу архаичных: верхнепалеолитические орудия сочетаются с хорошо выраженным среднепалеолитическим комплексом.	Стрелецкие индустрии относятся к селетоидному техноккомплексу, сунгирская может быть охарактеризована, скорее, как ориньякоидная с селетоидными элементами.
3. Список основных технико-морфологических групп орудий (“категорий”) в рассматриваемых комплексах идентичен.	Но их конкретные характеристики и процентные соотношения заметно различаются.
4. В индустриях стрелецкой АК, как и в сунгирской, присутствует типологически устойчивый компонент среднепалеолитических форм орудий, прежде всего морфологически близких скребел и остроконечников.	В Сунгире их процент, по-видимому, ниже, а типологический состав беднее.
5. И там, и там техника резцового скола развита относительно слабо, резцы морфологически маловыразительны.	Специфический тип поперечного резца, известный в Костенках-1/V, отсутствует в Сунгире. Впрочем, его нет и на других памятниках стрелецкой АК.
6. Во всех рассматриваемых комплексах присутствует типологически устойчивая группа орудий с чешуйчатой подтеской.	В Сунгире такие орудия выразительнее, их процент выше.

7. В сунгирской коллекции, как и в костенковских, имеются листовидные двусторонне обработанные орудия: треугольные и миндалевидные наконечники, диски (две последние формы известны в Костенках-12/III).
8. И там, и там скребки преобладают над резцами. В Сунгире имеются типы скребков, близкие или аналогичные стрелецким: с расширяющимися к лезвию краями, сердцевидные, овальные.
9. В Костенках-12/IIa и в Сунгире имеются однотипные плоские подтреугольные подвески (рис. 1, 2). В Костенках-12/III найден продольно расчлененный фрагмент бивня.

Но в Сунгире их ничтожно мало.

Их мало, и они сопровождаются типами скребков, неизвестными на костенковских памятниках: округлыми и на пластинах.

Выразительный набор украшений, а также костяных и бивневых орудий, поделок, произведений искусства известен только в Сунгире; на костенковских памятниках ничего подобного до сих пор не обнаружено. Впрочем, судя по погребениям, в Сунгире этот набор относится к последнему этапу существования поселения.

Сопоставительный анализ позволяет сделать только один вывод: связь Сунгира с костенковско-стрелецкой культурой несомненна. Она прослеживается на всех уровнях – от самого общего, технологического, до уровня типа. В то же время на тех же уровнях наблюдаются и явные различия. Таким образом, однокультурность памятников неочевидна; отмеченному сходству могут быть предложены иные объяснения. Так, например, памятники павловского и виллендорфско-костенковского типов обладают бесспорным сходством культурно-генетического плана (на уровне специфических характеристик, включая типы). Долгое время предполагалось, что такое сходство – результат развития единых культурных традиций: “павловъен” наследует “виллендорфъену”. Но после появления серии радиоуглеродных дат для памятников павловского типа выяснилось: эти линии развивались параллельно. Иными словами, речь идет о двух археологических культурах – более ориньякоидной (виллендорфско-костенковская) и более граветтоидной (павловско-хотылевская), – имевших разные генетические корни, но в силу каких-то исторических обстоятельств образовавших культурное единство [Аникович, 1998]. Сопоставительный анализ показывает, что между стрелецкой АК и Сунгирем вполне могла быть сходная связь. Как же это проверить?

Для проверки можно предложить следующие логические посылы:

1) если Сунгирь представляет особую культурную традицию, параллельную костенковско-стрелецкой, то должны быть найдены памятники, типологически близкие Сунгирю, а хронологически – костенковским стоянкам стрелецкой АК;

2) если Сунгирь принадлежит костенковско-стрелецкой АК и различия между ними объясняются хронологически (этапы развития одной культуры), то должны быть обнаружены “промежуточные звенья” – индустрии, чья типология связала бы Сунгирь и Костенки в единое целое.

Опыт решения проблемы. Памятники, которые бы соответствовали первому предположению,

Рис. 1. Сланцевая подвеска из культурного слоя Костенок-12/IIa.

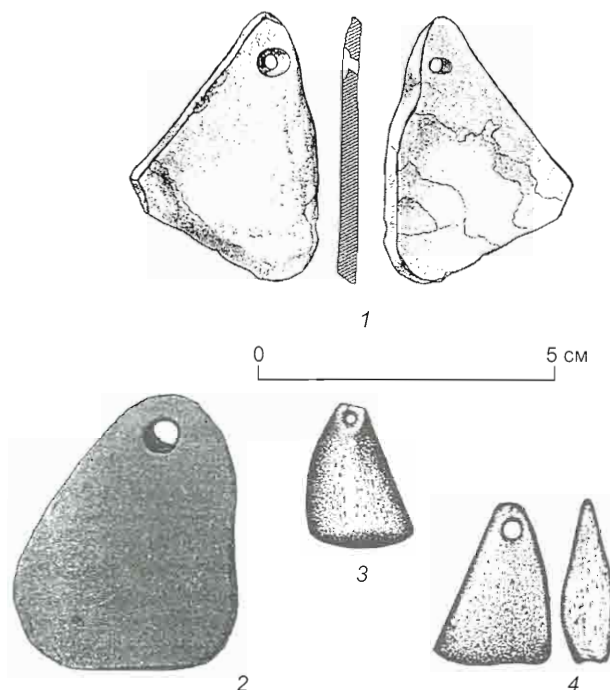

Рис. 2. Подтреугольные подвески.

1 – Костенки-12/IIa; 2–4 – Сунгирь (по: [Бадер, 1978, рис. 112, 113]).
1, 2 – сланец, 3, 4 – бивень.

до сих пор не найдены. Зато второму вполне отвечают материалы комплексов с треугольными наконечниками, открытых и исследуемых А.Е. Матюхиным в Бирючьей Балке (бассейн Северского Донца) [2002]. Для этих комплексов характерно следующее:

1) техника скола в целом непластинчатая, но пластинчатые сколы присутствуют; они использовались чаще, чем на костенковских памятниках стрелецкой АК;

2) тип индустрии архаичный, относящийся к селетоидному технокомплексу; набор среднепалеолитических орудий типологически соответствует стрелецким и сунгирскому;

3) среди орудий верхнепалеолитического облика преобладают двусторонне обработанные наконечники и скребки, техника резцового скола развита слабо;

4) среди скребков типично стрелецкие формы (подтреугольные и сердцевидные) сочетаются с сунгирскими (овальные и концевые на пластинчатых заготовках);

5) среди двусторонне обработанных острий преобладают треугольные наконечники стрелецкого типа, которые представлены подтипами, характерными для Костенок-1/V (включая мелкие наконечники стрел) и для Сунгира (равнобедренный вытянутый наконечник с прямым основанием); в небольшом количестве имеются наконечники с округлым основанием;

6) отмечены формы, характерные для костенковских памятников стрелецкой АК, но не выделенные в Сунгире (высокие подтреугольные стамески), и наоборот (острия на пластинах).

Сказанного вполне достаточно, чтобы сделать вывод: *на сегодняшний день более обоснованно было бы рассматривать Сунгирь как финальный этап развития костенковско-стрелецкой АК, а не как самостоятельную археологическую культуру.*

Долгое время о возрасте стоянок Бирючьей Балки, содержащих инвентарь стрелецкого облика, ничего не было известно. Сейчас ситуация меняется к лучшему: получены заключения геологов, палинолога Г.М. Левковской, а также первые AMS-даты [Матюхин, 2004]. Статья, подробно характеризующая эти важнейшие результаты, находится в печати. Здесь я сошлюсь лишь на общий вывод, который сам

А.Е. Матюхин рассматривает как сугубо предварительный: "...если принять имеющиеся радиоуглеродные даты, а также результаты палинологического исследования, то отложения, содержащие индустрии с треугольными остриями, охватывают промежуток времени от 26 (31) до 17 тыс. лет назад" [Матюхин, в печати]. Дата порядка 31 тыс. л.н. отвечает второму этапу развития стрелецких традиций в Костенках. Памятники стрелецкой АК с датами порядка 26 тыс. л.н. там неизвестны, равно как и более молодые. Таким образом, "стрелецкая" колонка Бирючьей Балки во времени "наследует" костенковской. Это вполне согласуется с приведенным выше выводом: и типологически, и хронологически стрелецкие индустрии Бирючьей Балки занимают промежуточное положение между костенковско-стрелецкими и сунгирской.

Периодизация костенковско-стрелецкой АК, как она выглядит на сегодняшний день, представлена в таблице.

Я ограничиваюсь примером развития только одного, хотя и ведущего типа данной культуры: треугольного наконечника с вогнутым основанием (рис. 3). Пример показателен: те, кто не забыл блестящую книгу Д. Кларка "Аналитическая археология", заметят, что эволюция этого типа в культурном контексте стрелецкой АК в общем и целом разворачивается в соответствии с основными закономерностями, подчеркнутыми и описанными британским теоретиком археологии: налицо "восходящая" и "нисходящая" линии развития типа [Федоров-Давыдов, 1970, с. 264].

Генезис костенковско-стрелецкой АК

Культурная трансформация. Мы располагаем и другими данными в пользу отнесения Сунгира к финальному этапу стрелецкой АК. В Костенках есть еще один памятник, который, по мнению некоторых исследователей, представляет костенковско-стрелецкую АК, – Костенки-11/III. Здесь был найден треугольный наконечник сунгирского подтипа: равнобедренный с прямым основанием. Однако прочие материалы этой индустрии не вписываются в стрелецкую традицию:

Периодизация костенковско-стрелецкой культуры

Этап	Время, тыс. л.н.	Памятники	Основные характеристики наконечников стрелецкого типа
IV	28–20	Сунгирь	Мало. Представлены двумя подтипами: характерными для I этапа и вытянутыми с прямым основанием
III	31(?) – 26	Бирючья Балка, "стрелецкие" слои	Много. Появляется новый подтип: равнобедренный, вытянутый, с прямым основанием
II	32–28	Костенки-1/V, 11/V, 12/la, Гарчи-1	Много. Разнообразны по размерам и формам – не менее четырех подтипов
I	> 36	Костенки-12/III и 6	Мало. Наконечники средних размеров с выраженным вогнутым основанием. Подтипы не выделяются

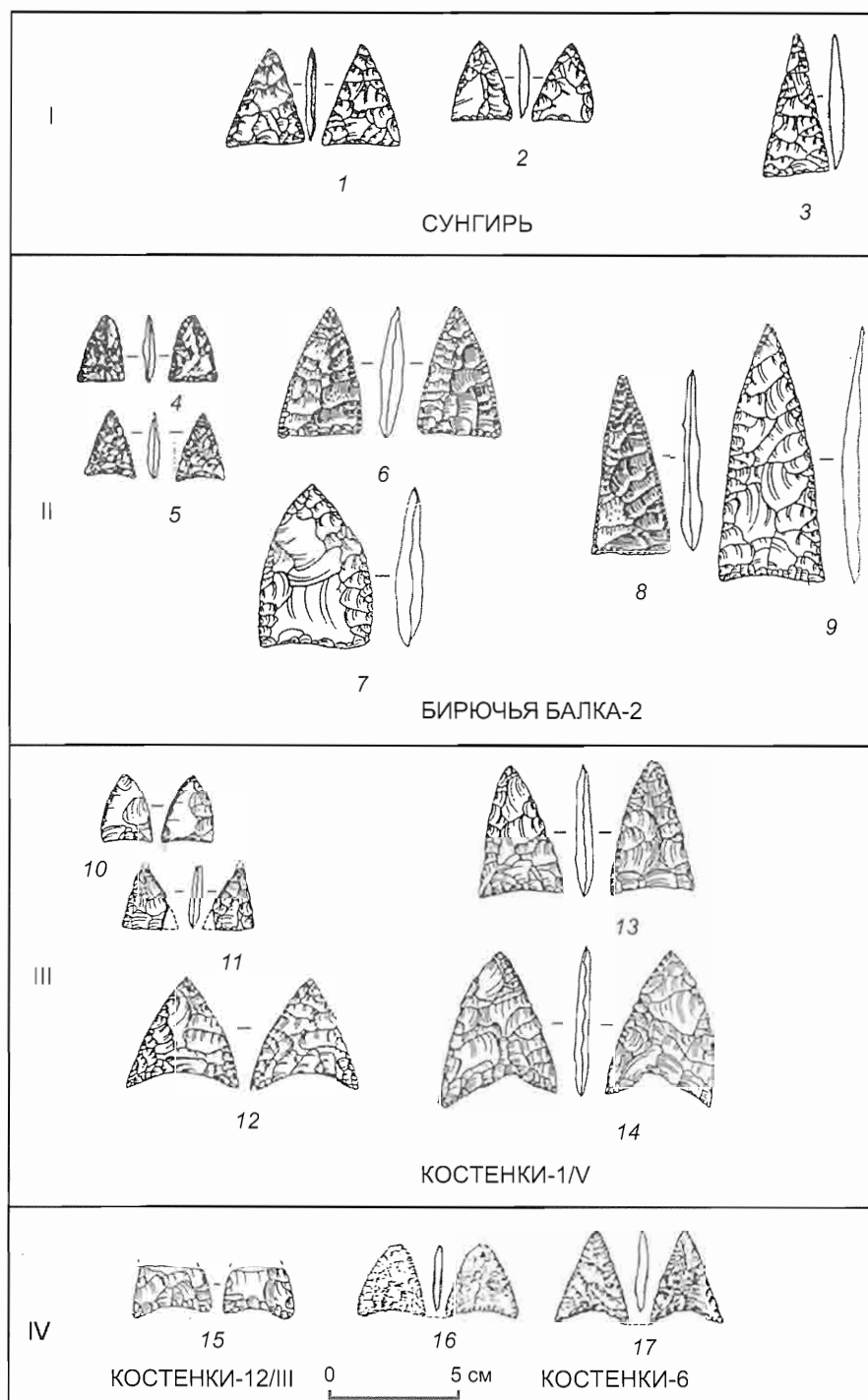

Рис. 3. Изменение типа треугольного наконечника с вогнутым основанием в контексте развития традиций формообразования в костяково-стрелецкой АК.

1) по общим технико-морфологическим характеристикам данная индустрия относится к ориньякоидному технокомплексу;

2) среднепалеолитические формы орудий в “классическом” виде не представлены;

3) характерной чертой являются острия различных типов, отсутствующие на стрелецких памятниках;

4) двусторонне обработанные орудия имеются (среди тех же острий), но выполнены они не в техни-

ке “тонкого бифаса”, применявшейся в стрелецких и сунгирской индустриях;

5) скребки отличаются от стрелецких, но по крайней мере один тип (подовальные, сужающиеся к лезвию) находит аналогии в Сунгире.

В Костенковско-Борщевском районе есть еще один памятник, близкий по основным характеристикам и индустрии Костенкам-11/III, – Костенки-8/I. Я объединяю их в одну, аносовско-тельманскую археологическую культуру, которую считаю генетически связанной с костенковско-стрелецкой. Типологические обоснования этих связей представлены на рис. 4.

Таким образом, сунгирскую индустрию можно рассматривать как финал костенковско-стрелецких

культурных традиций, как *этап, на котором уже проявляются черты новой археологической культуры*.

Происхождение. Разумеется, проблему происхождения костенковско-стрелецкой АК можно и должно ставить на материалах ее древнейших памятников. В первую очередь, это стоянка Костенки-12/III, изучение которой в последние годы заметно продвинулось благодаря нашему сотрудничеству с американскими коллегами. Одним из основных результатов проведенных работ стало выявление в Костенках целого пласта памятников (включая Костенки-12/III), достоверно датирующихся периодом 45–35 тыс. л.н. [Аникович, 2003].

Проблема происхождения костенковско-стрелецкой АК есть частный вариант проблемы установления генетических связей между археологическими эпохами. При этом я руководствуюсь следующими методологическими посылками: археологическая эпоха – понятие археологическое; границы между эпохами должны устанавливаться не по геологическим (плейстоцен/голоцен = палеолит/мезолит), а по собственно археологическим критериям. На мой взгляд, таким критерием может служить *активное внедрение в человеческую практику нового материала, использовавшегося прежде лишь спорадически и неадекватно своим технологическим возможностям*. С этой точки зрения верхний палеолит – “эпоха кости”, неолит – “эпоха керамики”, далее следуют эпохи бронзы и железа. Мезолит и энеолит утрачивают значение археологических эпох, оставаясь, впрочем, важными периодизационными подразделениями, завершающими соответственно верхнепалеолитическую и неолитическую эпохи [Аникович, 1992]. Таким образом, смена археологических эпох есть не что иное, как глобальная смена технологий. Из этого следует важный вывод: в поисках культур-

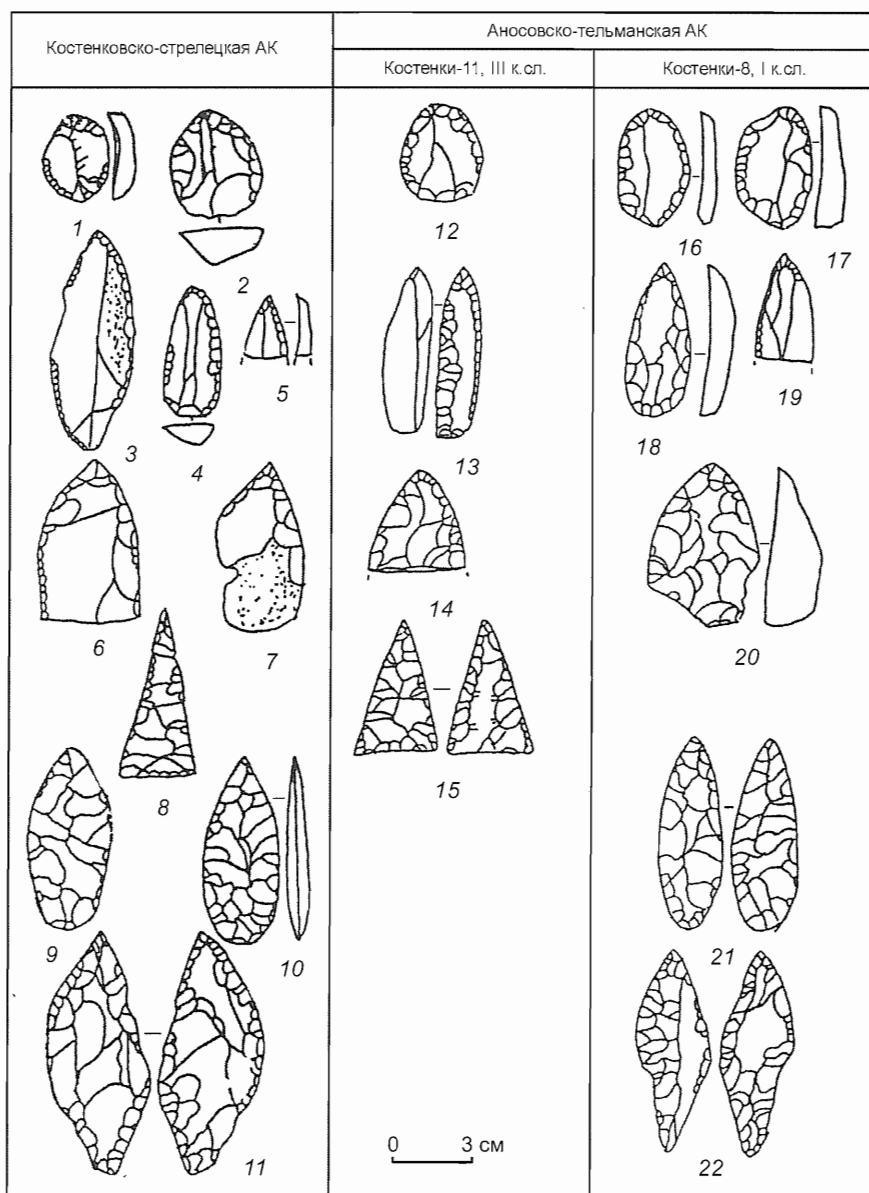

Рис. 4. Типологические параллели между костенковско-стрелецкой и аносовско-тельманской АК.

но-генетических связей между археологическими эпохами в принципе нельзя ориентироваться на технологическое сходство. Более того, следует признать заранее, что генетически связанные комплексы, принадлежащие разным эпохам, должны различаться в технологическом отношении.

Культурно-генетическое родство есть не что иное, как передача культурных традиций в более или менее полном либо в редуцированном виде. Естественно, при такой глобальной трансформации, как смена археологических эпох, речь может идти только о передаче в редуцированном (причем сильно редуцированном) виде. В каменных индустриях культурные традиции наиболее ярко проявляются в формообразовании.

Следовательно, при попытках установить связи между среднепалеолитическими и ранними верхнепалеолитическими комплексами нужно ориентироваться именно на сходство специфических форм орудий. Понятно, что сходство не одной, а ряда таких форм делает заключение о генетическом родстве более весомым.

По типологическим характеристикам наиболее подходящим кандидатом на роль среднепалеолитических предшественников костенковско-стрелецкой АК является т.н. крымский микок, поскольку только там прослеживается сходство не одной, а целого ряда орудийных форм, характерных для костенковско-стрелецкой АК, а именно:

1. Треугольные наконечники с вогнутым основанием представлены на памятниках “крымского микока” двумя разновидностями (рис. 5, 6, 7), зафиксированными и в Костенках (рис. 5, 16, 17). Само собой разумеется, техника “тонкого бифаса”, посредством которой изготавливались стрелецкие наконечники, и двусторонняя ретушь “крымского микока” технологически различны. В противном случае вопрос о сходстве типов стоял бы в иной плоскости: если бы аккайские наконечники были выполнены в технике “тонкого бифаса”, эти индустрии пришлось бы оценить как верхнепалеолитические и сделать соответствующие выводы об их культурной принадлежности. Соответственно, при мустьерской технике обработ-

ки коренным образом изменилась бы интерпретация стрелецких индустрий.

2. Хорошо известный тип “крымского микока” – “чокурчинский треугольник” (рис. 5, 3–5) – встречен также в Костенках-12/III и тоже не в одном варианте (рис. 5, 14, 15).

3. Наконечники с округлым основанием типа “лист тополя” и вытянутые известны как в Крыму (рис. 5, 9, 10), так и в Костенках (рис. 5, 19, 20).

4. И там, и там имеются специфические формы двусторонне обработанных острий с суженным основанием (рис. 5, 8, 18), возможно трансформировавшиеся в конечном итоге в миндалевидные, известные в Сунгире.

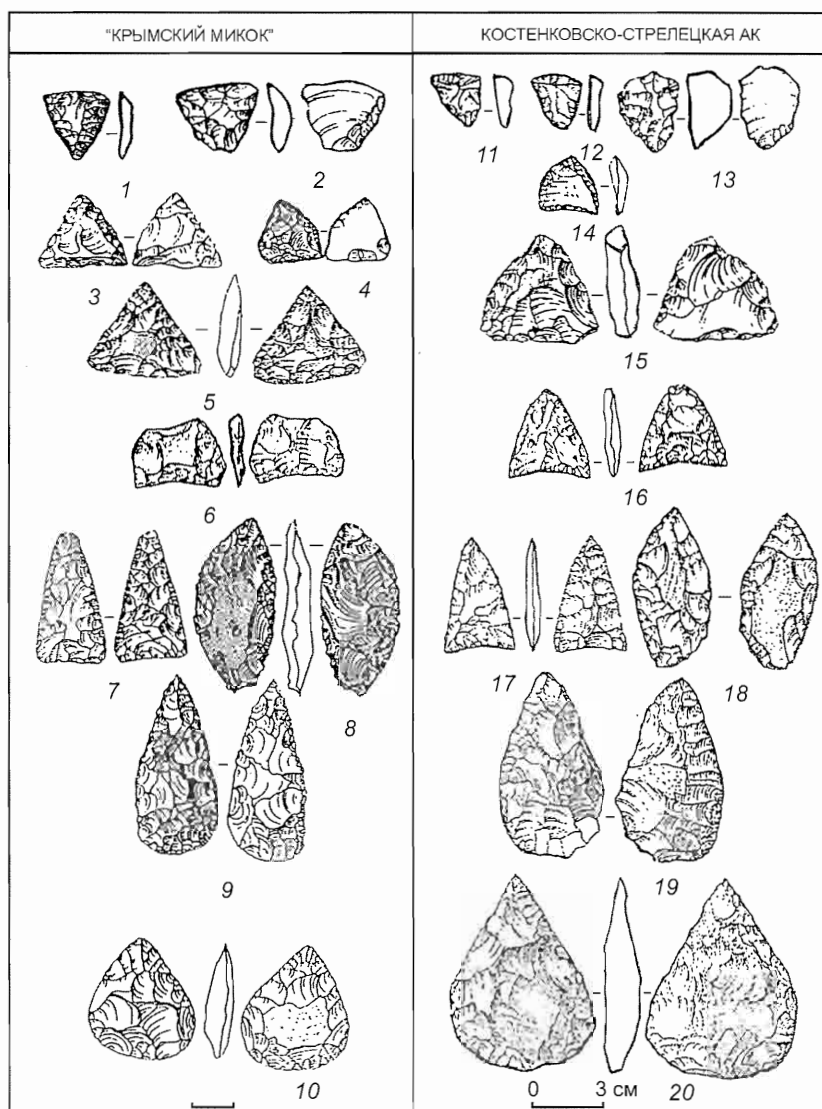

Рис. 5. Типологические параллели между “крымским микоком” (1–10) и костенковско-стрелецкой АК (11–20).

1, 2, 5, 6, 8, 10 – Заскальная-5/III–V; 3, 4, 9 – Чокурча; 7 – Пролом; 11–13, 17 – Костенки-1/V; 14, 15, 18, 20 – Костенки-12/III; 16, 19 – Костенки-6.

5. Типично стрелецкая форма – подтреугольные скребки (рис. 5, 11–13) – характерна и для аккайских индустрий, причем совпадают даже детали оформления, в частности вентральная подтека основания (рис. 5, 1, 2).

На сходство более “банальных” форм (простые продольные и угловатые скребла, мустьерские остроконечники и т.п.) я не обращаю особого внимания, на фоне отмеченных типологических соответствий это излишне.

Гипотеза была впервые сформулирована свыше десяти лет назад [Аникович, 1991]. Более детальное ее обоснование, а также подробный разбор критических замечаний даны в специальной статье [Аникович, 2001–2002]. Недавние замечания А.Е. Матюхина ничего нового в дискуссию не внесли. Мой оппонент объявляет отмеченное сходство типов случайным и высказывает следующие методологические соображения: “...сходство и идентичность типов вообще приблизительно и во многом зависят от субъективной оценки исследователя... Согласно М.В. Аниковичу, прием прямых аналогий позволяет выявить подлинный смысл типов, в данном случае культурный. Однако такой подход может обернуться формальной типологической подпоркой (?! – М.А.), наложением одних типов на другие (?! – М.А.), и, таким образом, искусственным созданием генетических линий. Выделенные в ходе типологического изучения условные типы имеют лишь аналитический смысл. Нелогично считать, что такие нехитрые схемы могут прямо отражать всю полноту их культурного значения, многообразие, содержание и развитие всего культурного процесса” [Матюхин, 2002, с. 94].

Что ж, насколько “случайны” и “банальны” сравниваемые типы – об этом читатель может судить по приведенным типологическим соответствиям. Само собой разумеется, и процентные соотношения, и техника изготовления орудий этих типов в аккайских и стрелецких индустриях различны. Иначе и быть не может! В противном случае речь шла бы не о поиске генетических связей между эпохами, а о культурной близости в рамках одной эпохи. Что же касается методологической стороны вопроса, то я действительно считаю, что научные знания достигаются сугубо посредством аналитических процедур и всегда неполны, ущербны. Поэтому я совершенно убежден: раскрыть некие “безусловные” типы, да еще во всей полноте “их культурного значения” можно разве что путем мистического озарения. Впрочем, если мой уважаемый оппонент владеет научными приемами, позволяющими достичь такого рода результатов, я готов выслушать его с предельным вниманием. На практике выясняется обратное. А.Е. Матюхин предлагает те же самые аналитические процедуры, что и я. Но у него они направлены на выявление не культур-

ной специфики, а “более общих типологических и технологических показателей, отражающих какие-то значимые тенденции в материальной культуре палеолита, например, факт присутствия двусторонних форм вообще или пластинчатых сколов” [Там же]. В результате А.Е. Матюхин приходит к следующему выводу: “...принципиальным в данном вопросе (о происхождении стрелецкой АК. – М.А.) является (вообще) присутствие в инвентаре мустьерских индустрий двусторонних форм, а не наличие точных копий тех или иных позднепалеолитических изделий” [Там же, с. 99]. Иными словами, в его интерпретации одного факта присутствия в мустьерском слое двусторонних орудий достаточно, чтобы, при желании, провозгласить их создателей предками носителей верхнепалеолитической культуры с двусторонними формами! Дополнительный фактор – “единство места”. По А.Е. Матюхину, для установления преемственности желательного, чтобы мустьерский культурный слой перекрывался соответствующим верхнепалеолитическим, наличие или отсутствие хронологического разрыва между ними не принимается в расчет. Читатель опять-таки может судить сам, насколько убедительным выглядит подобный подход к решению сложнейшей проблемы и в какой мере он действительно способствует раскрытию “всей полноты культурного значения” раскапываемых нами памятников.

“Культурный контекст” костенковско-стрелецкой АК на ее ранних этапах

Исследование в Костенках целого пласта памятников начальной поры верхнего палеолита (45–35 тыс. л.н.) все убедительнее подтверждает сделанный ранее вывод: на территории Восточной Европы начало верхнего палеолита знаменуется сосуществованием высокоразвитых верхнепалеолитических индустрий, не обнаруживающих сколько-нибудь выраженных среднепалеолитических характеристик, с архаичными, имеющими устойчивый и выразительный комплекс характеристик такого рода.

Индустрии костенковско-стрелецкой АК относятся ко второму типу. К нему же принадлежат такие культуры, как городцовская (Костенки-12/I, 14/II, III (?), 15; Мира/верхний слой в нижнем Поднепровье, стоянка Талицкого на Урале) и брынзенская (Брынзены-1/III, Бобулешты-6, Чунту на территории Северной Молдовы). Сюда же примыкает и целый ряд изолированных в культурном отношении памятников. Но все они моложе раннего этапа костенковско-стрелецкой АК и датируются по ^{14}C в пределах 32–20 тыс. л.н.

Индустрии, синхронные раннему этапу костенковско-стрелецкой АК, выглядят совершенно иначе. Это комплексы Костенок-12/II, IV, V, 14/IVa, 6 + “гори-

зонт очагов”, 17/II и с большой долей вероятности 8/IV. Археологический облик индустрий Костенок-12/IV, V не установлен вследствие малочисленности собранного материала, но во всех остальных случаях он типично верхнепалеолитический пластинчатый. Представлены типичный верхнепалеолитический набор каменных орудий, выразительная техника обработки кости, разнообразные украшения из бивня, галек, ископаемых раковин. Наличествует техника сверления, шлифовки поверхности. Отмечается геометрический орнамент и, по мнению А.А. Сеницына, фигуративное искусство. Нелишне еще раз напомнить: возраст указанных памятников по совокупности данных 36–45 тыс. лет.

Более детальные определения этих развитых индустрий начальной поры верхнего палеолита у разных исследователей неодинаковы. Я объединяю Костенки-17/II и 12/II в спицынскую археологическую культуру и отношу их индустрии к ориньякоидному технокомплексу, а Я. Козловский трактовал Костенки-17/II как “ранний граветт” [Debrosse, Koslovski, 1988] (обсуждение этого вопроса см.: [Аникович, 2000, 2003]). А.А. Сеницын справедливо подчеркивает культурное своеобразие древнейших материалов из Костенок-14, отказывая им также в ориньякской атрибуции [Сеницын, 2000, 2002]. Я, в принципе, не исключаю возможности того, что и в развитых индустриях начальной поры верхнего палеолита могут быть выделены иные технокомплексы, помимо ориньякоидного, хотя и не спешу с такого рода заключениями: материалы еще слишком скудны, да и сама пресловутая “ориньякоидность” разными исследователями трактуется различно. Но при любых вариантах интерпретации новые материалы не опровергают, а, напротив, подчеркивают два момента, исключительно важные для решения проблемы становления верхнепалеолитических культур Европы:

1) подтверждается факт изначального сосуществования на рассматриваемой территории верхнепалеолитических индустрий двух типов: развитых и архаичных;

2) местные среднепалеолитические корни с большей или меньшей долей вероятности обнаруживаются только для верхнепалеолитических культур архаичного облика. Для развитых ничего подобного не выявлено; учитывая высокий технологический и символично-стилистический уровень развития таких культур, можно предполагать более древний и, по-видимому, неевропейский источник их генезиса.

Из этого следует, что критикуемая А.А. Сеницыным [2000] “бинарная оппозиция” как основа для модели перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Европы отнюдь не утрачивает, а, напротив, усиливает свое значение. Несколько уточняется терминология: на смену парам ориньяк–шательпер-

рон, ориньяк–селет, спицынская–стрелецкая и т.п. приходит более обобщенное определение “развитые–архаичные”, но существо проблемы не меняется. Конкретные культурно-исторические характеристики этой пары будут, несомненно, уточняться и на уровне технокомплексов, и тем более на уровне археологических культур.

Важно отметить, что хроностратиграфическое положение древнейших культурных слоев Костенок-12 и 14 не позволяет представить “архаичные” комплексы более древними, чем “развитые”. Данное обстоятельство вкупе с новой серией дат [Аникович и др., 2002, с. 70; Сеницын, 2002, с. 235], на мой взгляд, делает все менее убедительными упорные попытки отнести все без исключения древнейшие ориньякские слои Западной и Центральной Европы к более позднему времени по сравнению с шательперроном и селетом [Zilhao, d’Errico, 1999].

Становление верхнепалеолитических культур Европы, по археологическим данным

Итак, новые данные, касающиеся генезиса и “культурного контекста” костенковско-стрелецкой АК, как нельзя лучше подтверждают предложенную ок. 15 лет назад аккультурационную модель становления верхнепалеолитических культур Европы [Allsworth-Jones, 1986; Аникович, 1991, 1997]. Ее узловые моменты таковы:

1. Древнейшие верхнепалеолитические культуры появились на территории Европы извне, в очень развитом виде. Их происхождение дискуссионно. Большая часть этих культур (“ориньяк 0”, Ишталлошкё/нижний слой, спицынская АК) относится к ориньякоидному технокомплексу. Во избежание недоразумений отмечу: из принадлежности индустрий одному технокомплексу вовсе не следует автоматически единство их происхождения. К тому же не исключено, что технологической основой древнейших “развитых” индустрий являлся не один ориньякоидный технокомплекс (Костенки-14/IVб).

2. Верхнепалеолитические культуры пришлого населения оказали стимулирующее влияние на некоторые местные среднепалеолитические, в силу чего в различных регионах Европы сформировались “архаичные” индустрии начальной поры верхнего палеолита. Связь их с местными среднепалеолитическими вполне может быть прослежена. Такого рода археологические культуры проходят длительный и сложный путь развития, на протяжении которого среднепалеолитические элементы техники и типологии изживаются, а верхнепалеолитические упрочиваются. История костенковско-стрелецкой АК – ярчайший пример такого рода.

3. Невзирая на культурную специфику, проявляющуюся в разных регионах Европы, именно для ранней поры верхнепалеолитической эпохи можно говорить о “европейском единстве” — общности культурно-исторических процессов на всем континенте. По моему мнению, исторический смысл этого единства заключался в аккультурации и частичной ассимиляции местных мустьерцев пришлым населением, принесшим сложившиеся ориньякоидные (а возможно, и не только ориньякоидные) традиции [Аникович, 1991, 1997, 2000, 2003].

Антропологический аспект проблемы. Значение данных по Сунгирю

Вопрос о возможности ассимиляции части европейских неандертальцев пришлыми кроманьонцами, принесшими верхнепалеолитическую культуру, естественно, выходит за рамки моей профессиональной компетенции. Тем не менее чисто археологические данные, недвусмысленно подтверждающие вероятность аккультурационной модели становления верхнепалеолитических культур Европы*, заставляют меня склоняться на сторону тех антропологов, которые отстаивают гипотезу гибридизации и метисации кроманьонцев и неандертальцев. В этом отношении дискуссия между А.Г. Козинцевым и М.Б. Медниковой [Homo sungirensis..., 2000; Козинцев, 1997, 2003, 2004; Медникова, 2003, 2004] для меня особенно интересна.

А.Г. Козинцев обстоятельно и, на мой взгляд, очень убедительно отвечает по всем пунктам критических замечаний в адрес своей гипотезы, в т.ч. и относительно данных генетики (точнее, по мтДНК), которым М.Б. Медникова придает едва ли не решающее значение в вопросе о возможности гибридизации кроманьонцев и неандертальцев [Homo sungirensis..., 2000, с. 387]. При этом выясняется неадекватность избранного М.Б. Медниковой метода поставленным задачам [Козинцев, 2003, с. 62–63; 2004, с. 22–23], а также “довольно неточное” изложение взглядов оппонентов на генезис сунгирцев [Козинцев, 2004, с. 19, 25]. Конечный вывод, сформулированный А.Г. Козинцевым, зву-

чит так: “Значительная ценность проведенных М.Б. Медниковой и ее коллегами палеоэкологических исследований сунгирской популяции не подлежит никакому сомнению, как и важность палеогенетики для антропологии. Вопрос состоит лишь в том, можно ли считать результаты всех этих исследований альтернативой хорошо обоснованной гипотезе о неандертальском субстрате у сунгирцев. На мой взгляд, нельзя. Обмен мнениями должен продолжаться, и только новые факты позволят подвести окончательный итог” [Там же, с. 26].

Таким образом, радикальный пересмотр прежних воззрений на наличие у сунгирцев неандерталоидных признаков никак нельзя считать установленным фактом. Это лишь мнение части антропологов, вполне убедительно критикуемое их коллегами. Я, как археолог, естественно, придерживаюсь той точки зрения, которая лучше согласуется с археологическими данными. Думаю, не ошибусь, если скажу, что в “ликвидации” неандерталоидных признаков у сунгирцев немаловажную, если не решающую, роль сыграли заключения палеогенетиков, категорически отрицающих возможность скрещивания неандертальцев и кроманьонцев. В науке нередко возникает ситуация, когда первые результаты, достигнутые новой дисциплиной, быстро “входят в моду” и активно используются в других дисциплинах без должной критической оценки. Так, в первой половине 1970-х гг. “молодые” радиоуглеродные даты, полученные для Костенок-1/І, привели кое-кого из моих коллег к весьма далеко идущим выводам, касающимся генезиса виллендорфско-костенковской культуры. Прошло время, усовершенствовался метод, появилась новая серия дат, вполне согласующихся и со стратиграфическим положением, и с археологическим обликом памятника. Сейчас о былом конфузе не вспоминают. Для меня же эта история послужила уроком: не “бежать вперед прогресса” и не торопиться отвергать то, что достигнуто в “своей” дисциплине, ради новомодных данных, полученных в тех областях, где я так или иначе останусь дилетантом.

Особое значение сунгирских антропологических находок я вижу в том, что, несмотря на “молодой” возраст (усредненно порядка 23 тыс. лет), они сохранили морфологические признаки, указывающие на неандертальскую прaosнову. Это позволяет надеяться на обнаружение в ходе дальнейших раскопок древнейших стоянок костенковско-стрелецкой АК (Костенки-12/ІІІ и 1/У) останков настоящих неандертальцев (как в Сен-Сезере).

Список литературы

Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. — М.: Науч. мир, 2000. — 245 с.

*Общая тенденция — не синоним правила без исключения. В Крыму, например, местные среднепалеолитические культуры, судя по серии новых ¹⁴С-дат [Степанчук, 2004], благополучно просуществовали до 20–18 тыс. л.н. Время от времени здесь появлялись носители различных верхнепалеолитических культурных традиций и бесследно исчезали, не оказав никакого влияния на местные среднепалеолитические. Ясно, что на Крымском полуострове смена археологических эпох проходила по иному сценарию. Нелишне подчеркнуть и то, что я говорю об аккультурационной модели становления верхнепалеолитических культур применительно к Европе, но не ко всему Старому Свету.

Аникович М.В. Каменный инвентарь нижних слоев Волковской стоянки // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л.: Наука, 1977. – С. 94–112.

Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1991. – 40 с.

Аникович М.В. К определению понятия “археологическая эпоха” // РА. – 1992. – № 1. – С. 85–94.

Аникович М.В. Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля: Глобальное расселение гоминид: Материалы симпозиума “Первичное расселение человечества”. – М.: ИЧП “Цветень”, 1997. – С. 143–155.

Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от “восточного граветта” к “восточному эпиграветту” // Восточный граветт. – М.: Науч. мир, 1998. – С. 35–60.

Аникович М.В. Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // *Stratum plus*. – 2000. – № 1. – С. 11–30.

Аникович М.В. Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между мустье и верхним палеолитом // *Stratum plus*. – 2001–2002. – № 1. – С. 266–290.

Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 15–30.

Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Форман Ст., Попов В.В. Новые данные о многослойной стоянке Костенки-12 (Волковская) в свете проблематики верхнего палеолита Восточной Европы // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: Академ Принт, 2002. – С. 68–72.

Бадер О.Н. Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 271 с.

Гаврилов К.Н. Типология и пространственное распределение каменных орудий Сунгирского верхнепалеолитического поселения // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Путеводитель и тез. докл. конф., посвященной 125-летию открытия палеолита в Костенках. – Воронеж, 2004. – С. 97–98.

Григорьев Г.П. Селет и костенковско-стрелецкая культура // СА. – 1963. – № 1. – С. 3–11.

Козинцев А.Г. Переход от неандертальцев к людям современного типа в Европе: Эволюция путем полового отбора? // Человек заселяет планету Земля. – М.: Ин-т геогр. РАН, 1997. – С. 109–114.

Козинцев А.Г. От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1 (13). – С. 58–64.

Козинцев А.Г. Сунгирь: старый спор и новые аргументы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1 (17). – С. 19–27.

Матюхин А.Е. О ранней поро и генезисе позднего палеолита в бассейне нижнего Дона // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Академ Принт, 2002. – С. 81–101.

Матюхин А.Е. Мустьерские и позднепалеолитические индустрии в бассейне Северского Донца // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Путеводитель и тез. докл. конф., посвященной 125-летию открытия палеолита в Костенках. – Воронеж, 2004. – С. 112–114.

Матюхин А.Е. Позднепалеолитические памятники с треугольными острями в бассейне Северского Донца и их место в верхнем палеолите Русской равнины // Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. – СПб. – Вып. 1 (в печати).

Медникова М.Б. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе: Дискуссионные аспекты таксономического ранга верхнепалеолитических скелетных остатков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4 (16). – С. 17–29.

Медникова М.Б. Об участии европейских неандертальцев в происхождении человека // РА. – 2004. – № 3. – С. 113–119.

Палеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). – М.: Науч. мир, 1998. – 270 с.

Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. – 1957. – Вып. 59. – С. 9–134.

Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 162–271. – (Археология СССР).

Синицын А.А. Нижние культурные слои Костенок-14 (Маркина Гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита // *Stratum plus*. – 2000. – № 1. – С. 125–146.

Синицын А.А. Нижние культурные слои Костенок-14 (Маркина Гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Академ Принт, 2002. – С. 219–256.

Степанчук В.Н. Новые данные о переходе к верхнему палеолиту на территории Украины // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Путеводитель и тез. докл. конф., посвященной 125-летию открытия палеолита в Костенках. – Воронеж, 2004. – С. 137–138.

Федоров-Давыдов Г.А. Понятия “археологический тип” и “археологическая культура” в “Аналитической археологии” Д. Кларка // СА. – 1970. – № 3. – С. 258–270.

Allsworth-Jones Ph. The Szeletian and the Transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. – Oxford: Clarendon Press, 1986. – 412 p.

Debrosse R., Koslowski J. Hommes et climats a l’age du mammoth: Le Paleolithique superieur d’Eurasie Centrale. – P.; Milan; Barcelone: MASSON, 1988. – 144 p.

Homo sungirensis: Верхнепалеолитический человек: Экологические и эволюционные аспекты исследования. – М.: Науч. мир, 2000. – 460 с.

Zilhao J., d’Errico F. The chronology and taphonomy of the earliest Aurignacian and its implications for the understanding of Neandertal extinction // Journal of World Prehistory. – 1999. – Vol. 13, N. 1. – P. 1–68.

Материал поступил в редколлегию 6.12.04 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.27(571.15)

Л.Л. Баркова, С.В. Панкова

*Государственный Эрмитаж
Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 191965, Россия
E-mail: oaves@hermitage.ru*

ТАТУИРОВКИ НА МУМИЯХ ИЗ БОЛЬШИХ ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНОВ (новые материалы)

Введение

Прошло более 50 лет со времени исследования С.И. Руденко Больших Пазырыкских курганов. Как известно, во Втором и Пятом курганах сохранились мумифицированные тела четырех погребенных: по двое (мужчина и женщина) в каждом кургане. Тело мужчины из Второго кургана оказалось покрыто татуированными рисунками [Руденко, 1953, с. 136–140]. Следующие открытия татуировок на мумиях пазырыкской культуры были сделаны новосибирскими археологами на плато Укок. В 1993 г. при раскопках могильника Ак-Алаха-3 в кург. 1 Н.В. Полосьмак обнаружила мумифицированное тело женщины с татуировкой на руках [Полосьмак, 2000, рис. 3]. В 1995 г. на могильнике Верх-Кальджин-2 В.И. Молодин исследовал кург. 3 с мумией мужчины, плечо которого украшала татуировка в виде фигуры копытного животного [Молодин, 2000, рис. 143].

На этих трех мумиях татуировки были обнаружены непосредственно при раскопках, т.к. синие рисунки хорошо выделялись на светлой коже [Полосьмак, 2001, с. 228]. Вскоре после извлечения из погребений кожа укокских мумий сильно потемнела, и рисунки на ней “исчезли”. Цвет кожи был восстановлен только после проведения специальных процедур [Козельцов, Ромаков, 2000, с. 104].

У других трех мумий из Больших Пазырыкских курганов кожа темно-коричневая, татуировок на ней не видно. По-видимому, такой она была не только при поступлении материалов в Государственный Эрмитаж, но и во время раскопок, т.к. изменения в ее цвете не

были отмечены ни С.И. Руденко, ни другими специалистами. Возможно, они произошли еще при вскрытии курганов древними грабителями.

Мумии, хранящиеся в Эрмитаже, многократно фотографировались, подвергались рентгеновскому обследованию, два раза в год их осматривали сотрудники службы биологического контроля, но никаких признаков татуировки на них обнаружено не было. Выявление рисунков оказалось делом счастливой случайности.

Методика выявления татуировок

Предтечей открытия изображений на трех мумиях из Больших Пазырыкских курганов стало обнаружение татуировки на мумии из таштыкского могильника Оглахты VI. Реставраторы, сняв с мумии одежды, заметили на ней блекло-синие фигуры неясных очертаний. Приглашенные для осмотра мумии судебно-медицинские эксперты посоветовали сфотографировать рисунки в инфракрасных лучах, чтобы “проявить” едва видимые изображения. Благодаря фотосъемке, проведенной в отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, удалось не только уточнить уже замеченные рисунки, но и обнаружить другие, невидимые глазом татуировки [Кызласов, Панкова, 2004]. Вскоре возникла идея провести ту же процедуру с пазырыкскими мумиями, наличие татуировок на которых было весьма вероятным.

В октябре 2004 г. три мумии из Второго и Пятого Пазырыкских курганов были сфотографированы в отраженных инфракрасных лучах. Оказалось, что на каж-

дой из них имеются татуированные рисунки. Метод фотографирования в инфракрасных лучах “работает” благодаря саже, входящей в состав использованного для татуировки красителя. Покрытые татуировкой участки кожи поглощают инфракрасные лучи, а чистая кожа интенсивно их отражает. В итоге темная кожа мумий на снимках выглядит совсем светлой, а татуировки выделяются на ней контрастно и четко.

Прорисовать изображения можно только по фотографиям, которые должны максимально полно отражать татуированные фигуры. Рисунки расположены на выпуклой поверхности тела, в т.ч. на конечностях, поэтому необходима целая серия последовательных снимков, чтобы сделать развертку изображений. Однако возможности фиксации ограничены. Во-первых, камера, закрепленная на стационарном штативе, может двигаться только по вертикали и по горизонтали. Чтобы охватить всю поверхность, приходится двигать под объективом, многократно поворачивать и закреплять в разнообразных положениях сами мумии, что не всегда безопасно для их сохранности и заставляет порой ограничиваться минимальным количеством снимков. Во-вторых, мумии находятся в одеревенелом состоянии, их конечности скованы. Изображения, расположенные на внутренней поверхности рук и ног, можно зафиксировать только под углом, а иногда и это невозможно. Малое число снимков, а также то, что некоторые из них были сделаны под углом, сказываются при прорисовке изображений: детали фигур не стыкуются или просто отсутствуют. В таких случаях приходится прибегать к реконструкции. Восстановление по фрагментам – сложная творческая работа, т.к. “механическая” стыковка фрагментов не обеспечивает достоверность изображений. Кроме того, работу художника осложняют многочисленные складки и швы на коже, искажающие фигуры и не позволяющие полностью воссоздать изображение. Хотя прорисовки максимально близки к оригиналам, о чем свидетельствуют приводимые фотографии, с появлением новых методов фиксации или более совершенной техники их желательно уточнять*.

* Съемка выполнена с.н.с. отдела научно-технической экспертизы А.В. Сизовым при участии С.В. Хаврина и К.В. Чугунова. Прорисовки сделаны Е.В. Степановой, А.В. Сильновым, Д.А. Кирилловой. Всем участникам этих работ авторы приносят свою глубокую благодарность.

Описание и характеристика татуировок

Татуировки обнаружены на мумифицированном теле женщины из Второго кургана, мумиях мужчины и женщины из Пятого кургана. Выявлено также изображение, дополняющее известные рисунки на мумии мужчины из Второго кургана. Его тело в процессе раскопок стало разлагаться и было препарировано, но кожу с татуировками удалось сохранить. Кроме того, сохранились отрубленные грабителями голова и кисть правой руки погребенного. Именно на кисти и было обнаружено изображение.

Изображение на кисти руки мужчины из Второго Пазырыкского кургана. На большом пальце запечатлена птица, обращенная головой к ногтю, с пышным хвостом, переходящим на пястье (рис. 1). У птицы небольшая головка с гребешком и бородкой; ее вытянутая шея покрыта оперением, оформленным в виде косой сетки. На лапках имеются шпоры, дополнительно указывающие, что изображен петух.

Изображения на теле женщины из Второго Пазырыкского кургана. В одной колоде с мужчиной была похоронена женщина чуть более 40 лет; ее тело сохранилось лучше, чем тело мужчины. Оно тоже было обезглавлено грабителями, отрубившими также кисть правой руки, стопы и голени. Кожа мумии сильно разрушена, и рисунки частично утрачены, однако сохранившиеся фигуры вполне узнаваемы благодаря сходству с другими известными татуировками.

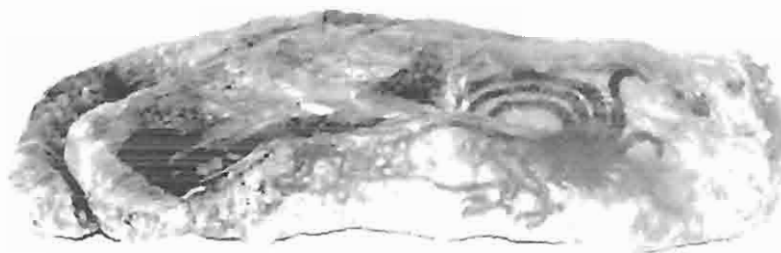

Рис. 1. Изображение птицы на правой кисти мужчины. Второй Пазырыкский курган.

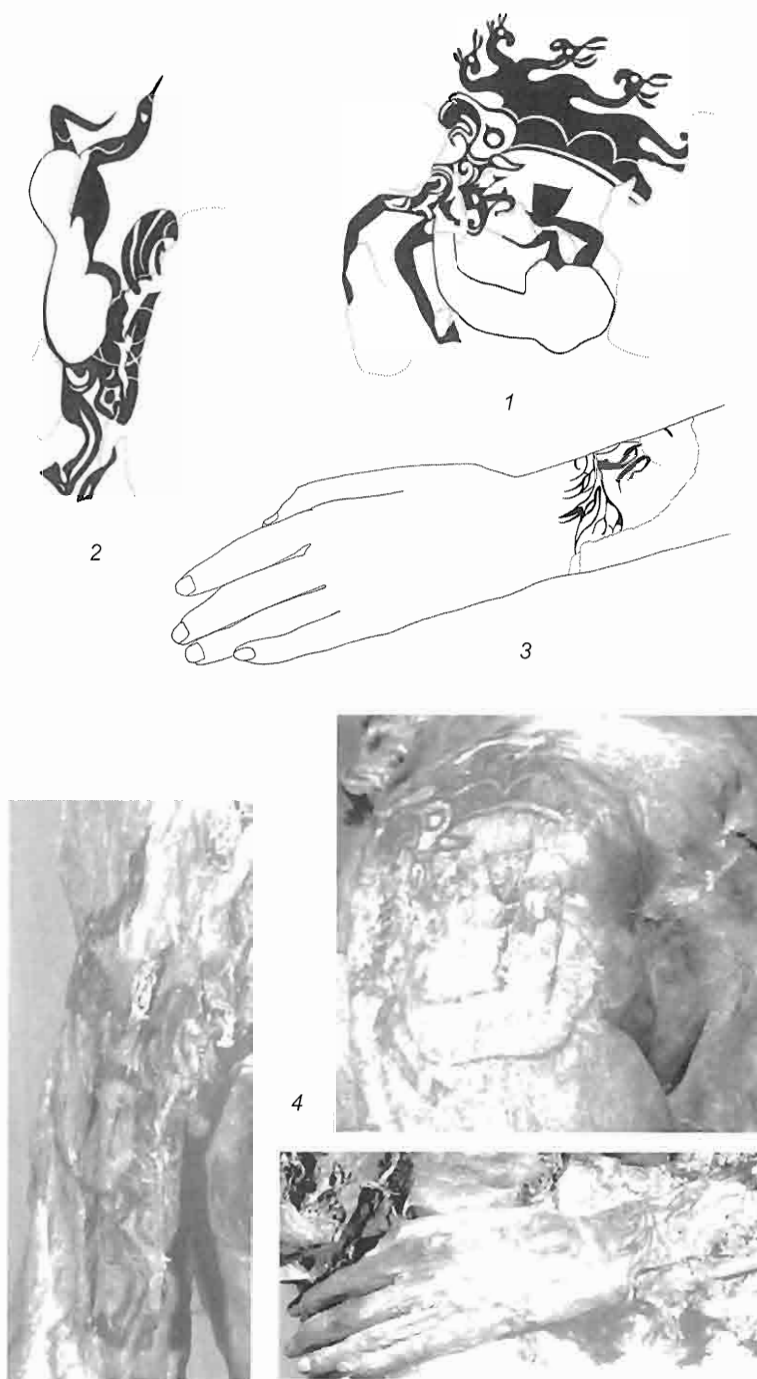

Рис. 2. Татуировки на теле женщины. Второй Пазырыкский курган.
1 – на левом плече; 2 – на правой руке (плечевая часть); 3 – на запястье;
4 – IR-фотографии тех же участков.

На левом плече женщины изображено фантастическое существо с телом копытного и головой хищной птицы (рис. 2, 1). У него прорисован большой круглый глаз, ухо листовидной формы, крючковатый открытый клюв с восковидной. Существо изображено с большими зачерненными рогами; один из рогов имеет отростки в виде птичьих головок. На основном стволе рога

они обращены вперед, а на двух передних отростках – назад. Задняя половина тела животного вывернута, а вся его фигура образует круговую композицию. Тело показано контуром, ноги зачернены. На груди фантастического существа угадываются зачерненные криволинейные фигуры, подобные декору аналогичных татуировок на других пазырыкских мумиях. Однако восстановить их очертания уже невозможно.

На плечевой части правой руки женщины изображена фигура архара с вывернутым крупом (рис. 2, 2). У животного круто изогнутый рог с годовыми кольцами и густая шерсть на груди. Тело и передние ноги показаны контуром, задние ноги зачернены и покрыты криволинейным узором.

Чуть выше запястья на наружной стороне левой руки – реалистичная прорисовка оленьего рога с множеством отростков (рис. 2, 3). При опущенной руке рог оказывается перевернутым. Трудно сказать, было ли это самостоятельное изображение или только часть фигуры оленя. По-видимому, татуировки располагались и выше, на предплечье, однако кожа здесь разрушена.

По манере исполнения изображения на женской мумии из Второго Пазырыкского кургана аналогичны татуировке на теле мужчины из того же комплекса. На обеих мумиях фигуры фантастического существа и архара расположены идентично. Фигуры женской татуировки отличаются несколько меньшими размерами и одиночным размещением. Перевернутый рог, показанный на левом запястье, аналогичен рогу, изображенному вместе с головкой оленя на теле женщины из Ак-Алахи-3. Таким образом, татуировка на теле женщины из Второго Пазырыкского кургана представлена рисунками, очень близкими ранее известным изображениям на мумиях из того же комплекса и курганов Укока.

Изображения на мумии мужчины из Пятого Пазырыкского кургана. Значительно лучше сохранились мумии погребенных в Пятом Пазырыкском кургане. Они представляют собой сухие легкие тела с темной морщинистой кожей (рис. 3). Мужчина 55 и женщина 50 лет были погребены в одной колоде [Баркова, Гохман, 2001].

Рис. 3. Мумия мужчины. Пятый Пазырыкский курган.

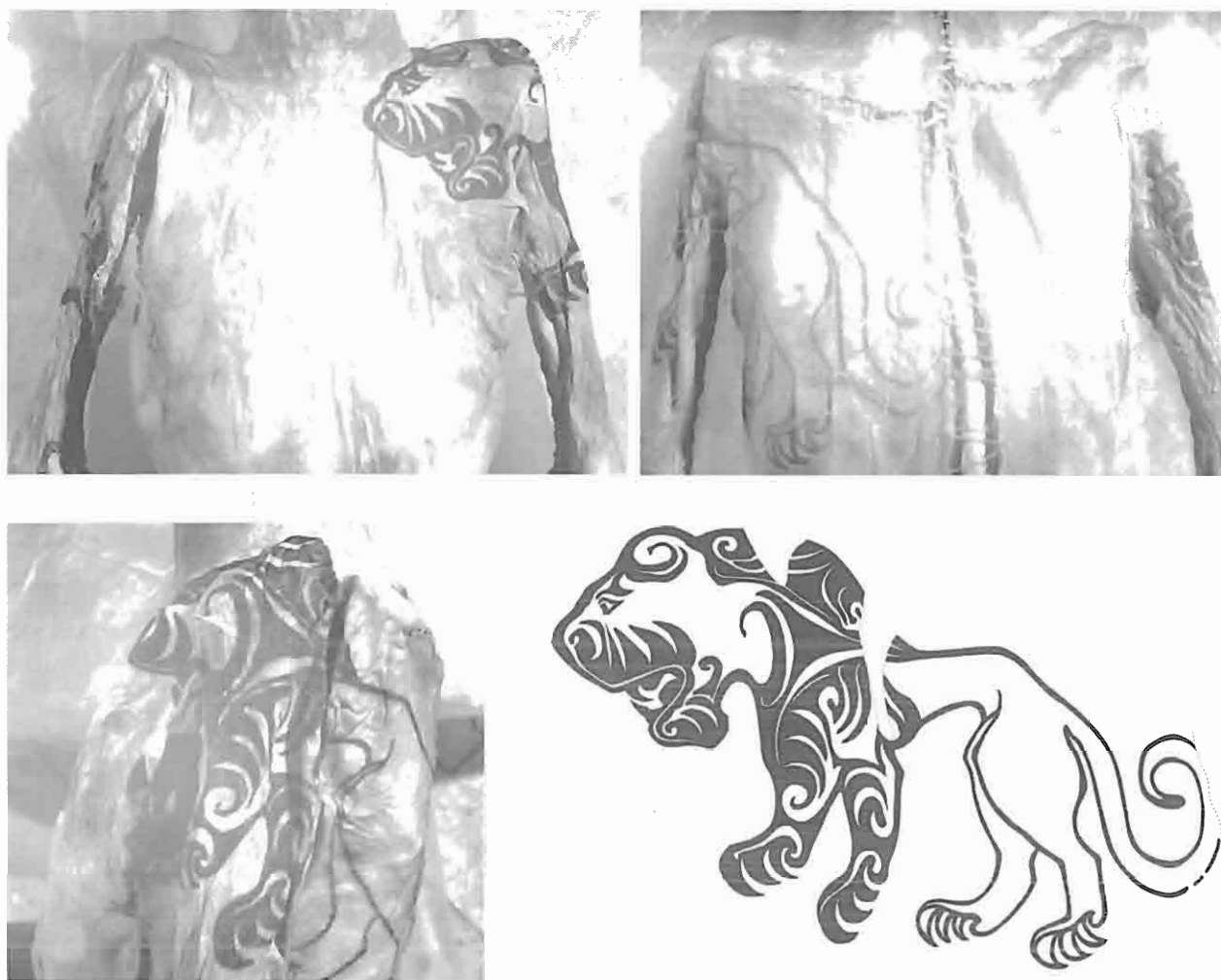

Рис. 4. Татуировка на левом плече мужчины. Пятый Пазырыкский курган.

На теле мужчины изображения располагаются на плечах, спине, руках и ногах ниже колен. Особенно впечатляет татуировка в виде хищника семейства кошачьих, охватывающая левое плечо: крупная голова, повернутая в профиль, занимает все плечо спереди,

передние лапы опускаются на руку, задняя часть туловища, лапы и хвост перекинута на спину, до самого позвоночника (рис. 4).

Передняя часть фигуры покрыта зачерненными узорами, образующими спирали и криволинейные тре-

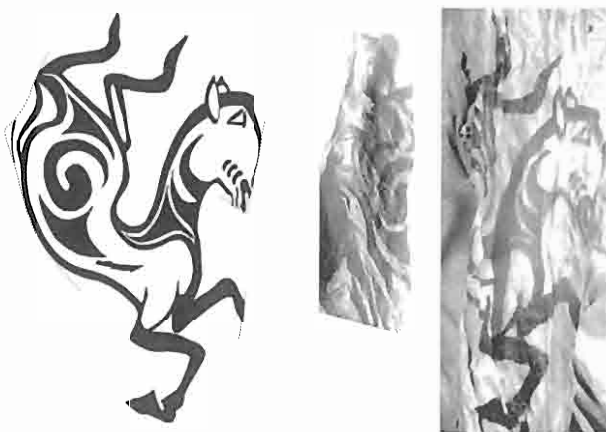

Рис. 5. Татуировка на правой руке мужчины (плечевая часть). Пятый Пазырыкский курган.

угольники, а задняя оставлена “чистой”, контурной. Задние лапы тигра показаны как бы в перспективе, соотношение передних лап неясно из-за пролегающей между ними складки кожи. Особенность рисунка – профильное изображение глаза хищника, редко встречающееся в пазырыкском искусстве. Ближайшим аналогом изображения тигра являются резные фигуры хищников на колоде из Второго Башадарского кургана [Руденко, 1960, рис. 21].

На плечевой части правой руки изображена лошадь с вывернутым крупом и закинутыми вверх задними ногами (рис. 5). Ее бедро и шея заполнены зачерненными криволинейными фигурами. Зачернены также ноги и грива. Лошадь показана с большими торчащими ушами листовидной формы, крупным, изображенным в профиль глазом с высоким верхним веком. Ее рот приоткрыт, складками серповидной формы передан оскал. Последняя деталь вместе с динамичной позой придают животному несколько агрессивный вид. К сожалению, изображение морды коня смазано глубокими складками кожи и не просматривается. Хвост животного полностью зафиксировать также не удается.

На предплечье той же руки изображены два зверя – кулан или лошадь и хищник с закрученным в кольцо полосатым хвостом (рис. 6). Фигуры ориентированы головами вниз (к кисти). У лошади вывернут круп. Ее хвост стянут в основании и на конце разделен надвое. Эта деталь, по мнению М.А. и Е.Г. Дэвлет, характерна для изображений жертвенных животных [2004]. Очень выразителен контурный рисунок головы лошади: показаны большой миндалевидный глаз и слегка приоткрытый рот с толстыми зачерненными губами. Не совсем понятен завиток на шее животного. Его трактовка художником как пряди гривы вызывает некоторые сомнения.

Полностью восстановить композицию не удастся, поскольку изображение хищника нарушено швом

и на фотографиях представлено фрагментарно. Прочтение сцены облегчает имеющееся сходство с изображением кулана с вывернутым крупом и хищника с полосатым хвостом на правом предплечье мужчины из Второго Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, рис. 82].

Две фигуры татуированы на спине и ягодице мумии (рис. 7). Одна из них, справа над талией, видна фрагментарно из-за глубокой складки, которая скрывает верхнюю половину изображения. По оставшемуся фрагменту можно представить, что изображено животное с четырьмя ногами и хвостом. Другое изображение, на левой ягодице, возможно, нарушено швом и в таком виде представляет какую-то свастикообразную фигуру, в которой видятся то ли ноги и голова животного, то ли композиция с грифоньей головкой. Можно отметить, что на снимках оно выглядит более блекло, чем другие фигуры татуировки.

Татуировки имеются и на кистях обеих рук мужчины. В основаниях больших пальцев симметрично показаны фигуры “шагающих” птиц, головы кото-

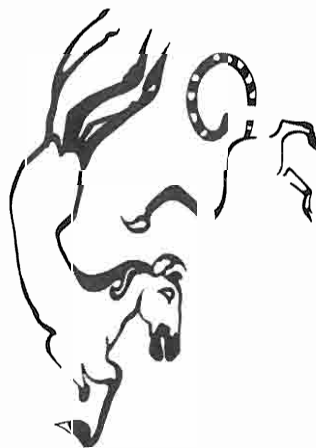

Рис. 6. Композиция на правой руке мужчины. Пятый Пазырыкский курган.

Рис. 7. Татуировки на спине мужчины. Пятый Пазырыкский курган.

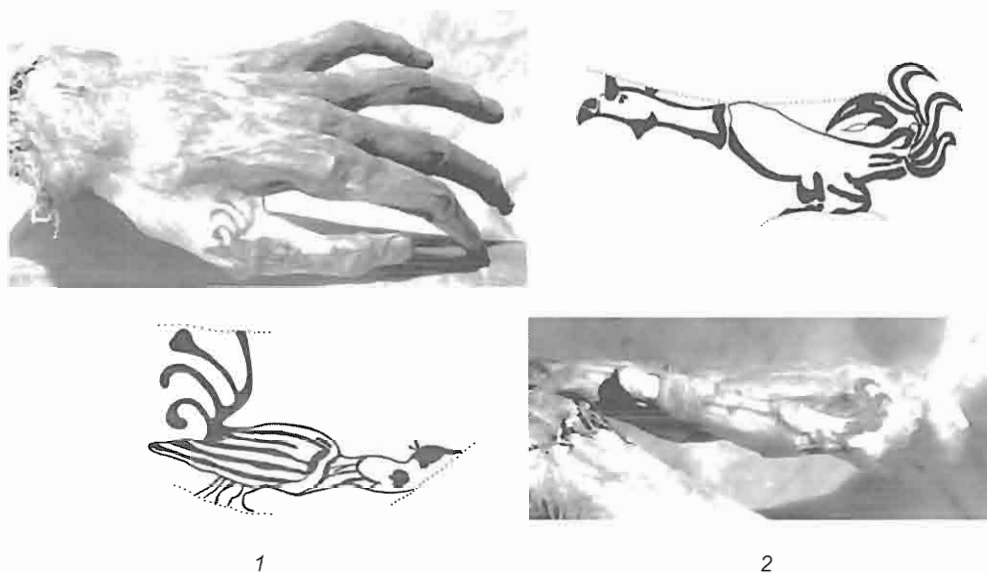

Рис. 8. Татуировки на кистях левой (1) и правой (2) рук мужчины. Пятый Пазырыкский курган.

рых обращены в сторону ногтя. На кисти правой руки (рис. 8, 2) представлена птица с вытянутой длинной шеей, небольшой головкой и изогнутым толстым клювом. Рисунок выполнен контурной линией. В очертаниях головы угадываются гребешок и борода. У птицы обтекаемой формы тело, лапки в “штанах”, а также большой пышный хвост, рулевые перья которого изгибаются в виде рогов. Вероятно, это изображение тетерева-косача или глухаря [По Брэму А.Э..., 1937, с. 267–268].

На левой руке изображена другая птица (рис. 8, 1). Очертания ее головы и шеи сохранились плохо. Сложенные крылья подчеркнуты зачерненными полосами, высоко поднят большой распущенный хвост. Трапезка крыльев в виде продольных полос соответствует манере изображения в пазырыкском искусстве водоплавающих птиц, для которых, однако, не характерны пышные хвосты.

Татуировкой покрыты обе ноги мужчины ниже колен. На левой ноге на внутренней поверхности голени

Рис. 9. Татуировки на левой голени мужчины.
Пятый Пазырыкский курган.

представлена композиция, состоящая из пяти животных (рис. 9). У колена изображена протема косули с передней ногой и выделенной лопаткой. Она развернута горизонтально в отличие от расположенной ниже вереницы копытных, движение которых направлено от стопы к колену. Три фигуры представляют самок косули или архара. У них одинаковые по пропорциям и размерам тела, головки приподняты, мордочки обведены четкой контурной линией, губы и рожки зачернены. Четыре изящные ножки каждой особи показаны в движении. С небольшим отрывом от них следует архар.

На правой ноге мужчины спереди, на месте перехода стопы в голень, представлены два копытных, идущих вверх (рис. 10). Вероятно, мастер изобразил козлов. Их головы, рожки и шеи зачернены, ноги слегка согнуты, лопатка и бедро оформлены завитками. Движение животных передают четыре раздвинутые в шаг ноги с тщательно выделенными копытами.

В целом фигуры животных на мумии мужчины из Пятого Пазырыкского кургана по манере изображения близки татуировкам на мумиях из погребений Укока и Второго Пазырыкского кургана. Их особенностью — заполнение передней части фигур криволинейными узорами (тигр), декоративное оформление изображе-

ний спиралями и треугольниками. Аналогии просматриваются и в самих сюжетах. Рассмотренная татуировка наиболее сходна с рисунками на теле мужчины из Второго Пазырыкского кургана: совпадают изображения птиц на больших пальцах рук, фигуры кулана (?) и хищника на правом предплечье, вереницы копытных на голени. Татуировки похожи и по системе расположения изображений, хотя фигуры размещены менее плотно и не образуют “коврового” орнамента.

Вместе с тем, на рисунках на теле мужчины из Пятого Пазырыкского кургана нет характерных для татуировок на погребенных во Втором Пазырыкском, Ак-Алахинском и Верх-Кальджинском курганах специфических фантастических персонажей, их место занимает фигура тигра.

Татуировки на теле мужчины из Пятого Пазырыкского кургана различаются по стилю исполнения. Например, фигуры тигра и коня на плечах выполнены с характерной стилизацией, тогда как фигурки копытных на левой голени переданы схематично. Вполне возможно, что отдельные татуированные рисунки были сделаны разными мастерами и, вероятно, в разные периоды жизни погребенного.

Изображения на мумии женщины из Пятого Пазырыкского кургана. По расположению они отличаются от других известных пазырыкских татуировок.

Рис. 10. Татуировки на правой ноге мужчины.
Пятый Пазырыкский курган.

На этой мумии нет рисунков на плечах – “наиболее заметных и удобных для нанесения татуировки поверхностях” [Полосьмак, 2001, с. 235], зато предплечья покрыты целыми сюжетными композициями (рис. 11).

На левой руке представлена сцена терзания: большая хищная птица вцепилась в загривок оленя (лося?) (рис. 12). Олень изображен падающим, его передние ноги подогнуты, задние беспомощно вытянуты, задняя часть тела вывернута. Голову, изображенную на внутренней поверхности руки, зафиксировать не удалось, просматриваются лишь ухо и лопатообразные рога. На одном роге видны отростки, но, к сожалению, непонятно, имеют они обычные очертания или представлены птичьими головками.

Изображение птицы нарушено швом и искажено складками кожи. На голове птицы показаны большие торчащие уши и хищно изогнутый клюв, на шее косой сеткой передано оперение. Четко видна когтистая лапа. Хвост или крыло птицы оканчивается птичьей головкой.

Отдельные татуированные фигуры представлены на кистях рук женщины (рис. 13). На большом пальце левой руки головой к ногтю изображена птица с пышным хвостом, переходящим на пястье (см. рис. 12; 13, 2).

Рис. 11. Татуировки на руках женщины. Пятый Пазырыкский курган.

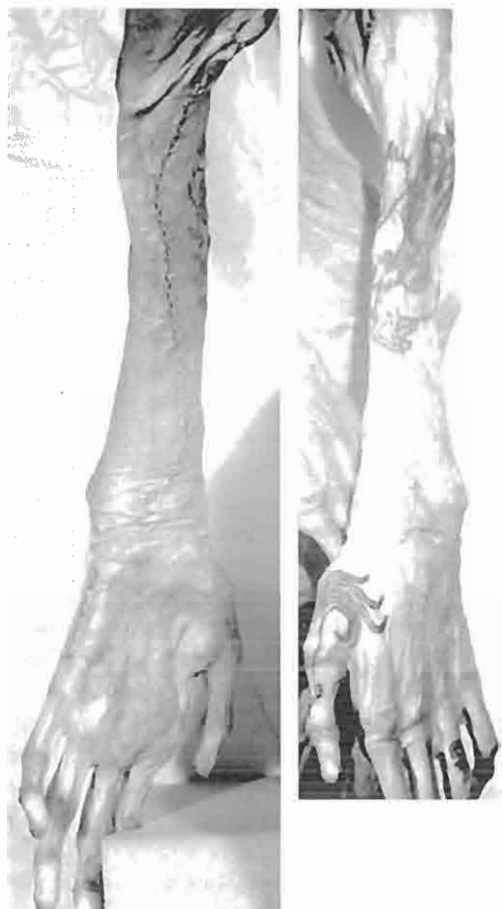
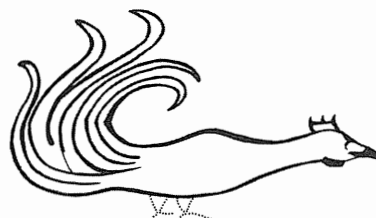

Рис. 12. Татуировки на левой руке женщины. Пятый Пазырыкский курган.

1

2

Рис. 13. Татуировки на кистях правой (1) и левой (2) рук женщины.
Пятый Пазырыкский курган.

У птицы гребешок на голове и маленькая зачерненная борода – вероятно, изображен петух. На безымянном пальце той же руки татуирована фигурка, в основе которой кружок с примыкающей к нему растительной композицией – бутон лотоса с двумя чашелистиками. На соседней фаланге того же пальца на снимке различим крест, хотя по тону он бледнее других татуировок (см. рис. 13, 2).

На безымянном пальце правой руки показана фигура в виде противопоставленных трехлепестковых пальметок (рис. 13, 1). Подобные пальметки распространены в декоре на пазырыкских войлоках, деревянных и кожаных предметах, однако в татуировках растительные мотивы встречены впервые.

На правой руке женщины от локтя до запястья развернута сложная многофигурная композиция. Изображены два тигра и барс, напавшие на оленя и лося (рис. 14).

Вверху запечатлен олень с огромными рогами, в горло которому готов вцепиться тигр, уже схвативший его за рога и переднюю ногу. Олень показан в профиль так, что хорошо видны две передние и две задние ноги с четко выраженными копытами. Голову животного венчает огромный дугообразно изогнутый

рог с несколькими отростками. У оленя изображена пара торчащих ушей листовидной формы, прорисованы миндалевидный глаз и открытый рот. Фигура напавшего спереди тигра дана в сложном ракурсе: задняя часть передана в профиль, передняя – в фас, а голова – как бы при взгляде сверху. Тело сплошь покрыто S-видными линиями, подчеркивающими фактуру тигриной шерсти.

В нижней части композиции представлен лось (или пятнистая лань?); в его тело вцепился барс, а за передние ноги схватил тигр. Лось с “перекрученным” крупом пытается отбиться от напавшего на него хищника. У лося показаны широколопастный рог с двумя передними отростками, крупный миндалевидный глаз и пара ушей, размещенных одно под другим.

Фигура барса (ирбис) изображена уже знакомым приемом: задняя часть тела повернута почти в профиль, передняя показана в фас, а голова – как при виде сверху. Тело хищника покрыто темными пятнами, причем особо акцентирован хребет, обозначенный сдвоенными пятнами от головы до лопаток. Изгиб спины барса и контур рога лося переданы одной линией. Не совсем ясно, как изображена левая лапа хищника – ее очертания соответствуют внешнему контуру шеи

лося, но показаны не полностью. Вообще, рисунок вокруг шеи лося не очень понятен. Между головой и передними ногами копытного на фотографии читается фигура в форме лапы, а выше нее – заполненный пятнышками участок.

Справа от лося помещена фигура тигра. Его гибкое тело сильно вытянуто и очерчено плавными линиями, задние лапы широко расставлены. Остается неясным положение правой лапы тигра. Шкура зверя проработана S-видными полосами.

В целом эта сложная многофигурная композиция носит замкнутый характер. Сверху она ограничена рогами оленя, слева – ногами копытных и телом барса, снизу – лежащим телом лося, справа – фигурами двух тигров. Все элементы композиции уравновешены и подчинены замыслу автора, что может указывать на существование эскиза или разметки, предвалявших татуировку.

Изображения на теле женщины из Пятого Пазырыкского кургана заметно отличаются от других известных татуировок. Они иначе стилизованы, не включают характерных фантастических фигур. Особенно выделяется татуировка на правой руке женщины: подобные сложные композиции не известны в пазырыкском искусстве, да и, пожалуй, среди произведений скифского звериного стиля в целом.

Однако по сюжету, позам хищников и отдельным приемам изображения эти рисунки, безусловно, находят аналоги в произведениях скифского искусства. Фигуры хищников, у которых передняя часть тела дана в фас, а задняя – в профиль, известны на изображениях из Семибратних курганов [Артамонов, 1966, с. 120, 122].

Хищники семейства кошачьих, запечатленные в таких же позах, как на татуировке, имеются среди зооморфных образов на седельных покрывах из Первого и Второго Пазырыкских курганов [Руденко, 1948, табл. V; Грязнов, 1950, рис. 35, 37]. Рисунок меха тигров в виде отдельных S-образных полос показан на ряде предметов, обнаруженных в Первом и Втором Пазырыкских курганах и кург. 1 Ак-Алахи-3 [Грязнов, 1950, рис. 35, 36; табл. XIII; Руденко, 1948, табл. VI; Полосьмак, 2001, рис. 141]. Мастер был,

Рис. 14. Татуировка на правой руке женщины. Пятый Пазырыкский курган.

безусловно, знаком с пазырыкской традицией изображения. И все же трудно отделаться от ощущения, что эта татуировка выполнена в какой-то иной художественной традиции.

Об этом могут свидетельствовать и другие имеющиеся параллели. Наиболее близкие аналоги рисунку меха тигров представлены на парных золотых бляхах с изображением борьбы животных из ордоского могильника Сигуопань, мог. 2 [Bunker et al., 1997, fig. A60]. Отсюда же происходят золотые накладки в виде

фантастических персонажей, аналогичных знаменитым “коне-грифонам” пазырыкских татуировок, причем на телах этих ордосских существ показаны такие же S-образные полосы [Ковалев, 1999, рис. 2, 3]. Подобным образом обозначен мех на бронзовой фигуре тигра с иероглифами, инкрустированной золотыми S-видными полосками [Скарпар, 2003, с. 2–3]. Названные предметы происходят с территории Китая и датируются соответственно концом IV–III в. до н.э. и эпохой Западной Хань. Нижний тигр на татуированной композиции своей позой напоминает фигуру хищника на зеркале из Ильмовой Пади [Руденко, 1962, рис. 65, б], отражающую иконографию ханьского времени [Скарпар, 2003, рис. 54–55; James, 1979, fig. 6; Hartman-Goldsmith, 1979, fig. 4]. Изображение барса характеризуется сочетанием двух особенностей: передняя часть тела показана анфас, подчеркнут хребет. Другие изображения, выполненные в такой манере, в пазырыкском искусстве неизвестны. Отмеченное сочетание представлено на керамической плакетке – фрагменте рельефной композиции III в. до н.э. с территории Северного Китая (Музей Гиме, случайная находка) [Mongolie, 2003, р. 207].

В целом татуированная композиция напоминает изображения на бронзовых бляхах “всаднической группы” культуры Диен (Дянь) в верховьях Янцзы [Деопик, 1979]. Для этих предметов, представляющих одну из разновидностей звериного стиля, характерны многофигурные сцены терзания, реалистичная манера исполнения и наличие картушей, замыкающих композиции, т.е. те же черты, которые отличают сцену на коже погребенной в Пятом Пазырыкском кургане.

Таким образом, изображения этой татуированной композиции отличны от “классических” пазырыкских и, возможно, как-то связаны с территорией Китая. Их аналоги, обнаруженные в этом регионе, относятся к более позднему времени, чем традиционная дата для Больших Пазырыкских курганов, однако по хронологическим определениям они соответствуют китайским вещам из Третьего, Пятого и Шестого Пазырыкских курганов (III в. до н.э.) [Bunker, 1991; Чугунов, 1993].

Заключение

С выявлением “новых” изображений число известных татуированных мумий – представителей пазырыкской культуры – удвоилось. Важно, что татуировки представлены на всех сохранившихся мумиях из Больших Пазырыкских курганов. На лицах этих мумий рисунков, к сожалению, нет.

Обнаруженные изображения показывают, что пазырыкские татуировки были разнообразнее, чем представлялось ранее. В частности, фантастические су-

щества, считающиеся одними из основных персонажей пазырыкской мифологии, не являются атрибутом всех татуировок. Изображения на коже погребенных во Втором Пазырыкском кургане, Ак-Алахе и Верх-Кальджине объединены общими стилистическими приемами и персонажами и составляют компактную серию. Именно для этой группы характерны фигуры фантастических “коне-грифонов”.

Татуировки, обнаруженные на мумиях из Пятого Пазырыкского кургана, заметно отличаются от рисунков на коже других погребенных. При этом изображения на теле мужчины все же сохраняют преемственность с татуировками из Второго Пазырыкского кургана. Татуировка на женщине выпадает из традиционного круга пазырыкских изображений. Приведенные для нее аналоги, относящиеся к разным районам Китая, вновь акцентируют внимание на проблеме хронологии курганов Большой Пазырыкской цепочки.

По данным дендрохронологии, из четырех комплексов, в которых обнаружены мумии с татуировками, первым был сооружен Второй Пазырыкский курган, примерно через 20 лет появились курганы Укока, еще через 26–28 лет – Пятый Пазырыкский курган [Слюсаренко, 2000, с. 128; Васильев, Слюсаренко, Чугунов, 2003, с. 25; Марсадолов, 2003, с. 94]. Следовательно, четыре татуировки “фантастической” серии связаны с относительно ранними памятниками.

Специфика татуировок на мумиях из Пятого Пазырыкского кургана может объясняться более поздним временем его сооружения. Однако более существенным может оказаться присутствие в материалах памятника изделий китайского происхождения, указывающих на соответствующие контакты.

Представленные материалы – богатейший источник, осмысление которого еще только начато. Авторы в основном сосредоточились на описании, хотя и позволили себе выразить некоторые суждения. Для получения более основательных выводов необходимы прежде всего время и углубленное исследование материала.

Список литературы

- Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. – Прага: Артия; Л.: Сов. художник, 1966. – 331 с.
- Баркова Л.Л., Гохман И.И. Еще раз о мумиях человека из пазырыкских курганов // АСГЭ. – 2001. – Вып. 35. – С. 78–90.
- Васильев С.С., Слюсаренко И.Ю., Чугунов К.В. Актуальные вопросы хронологии скифского времени Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Т. 2. – С. 24–27.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 90 с.

Деоник Д.В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант “звериного стиля” // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. – М.: Наука, 1979. – С. 62–67.

Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Об изображении лошади на Бейской стеле из Хакасии // Изобразительные памятники. Стил, эпоха, композиции: Материалы темат. науч. конф., 1–4 декабря 2004 года. – СПб.: Ист. фак. СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 296–300.

Козельцов В.Л., Ромаков Ю.А. Новый способ сохранения человеческих мумий // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 103–106.

Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской культуры Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 75–82.

Кызласов Л.Р. Панкова С.В. Татуировки древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // СГЭ. – 2004. – Вып. 62. – С. 61–67.

Марсадолов Л.С. Еще раз о последовательности сооружения Пазырыкских и Бертекских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Т. 2. – С. 93–103.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 86–119.

По Брэму А.Э. Жизнь животных. – М.: Учпедгиз, 1937. – Т. 4: Птицы. – 616 с.

Полосьмак Н.В. Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 95–102.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 63 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1953. – 401 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1960. – 351 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 204 с.

Скарпари М. Древний Китай. Китайская цивилизация от неолита до эпохи Тан. – М.: Аст; Астрель, 2003. – 292 с.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 122–130.

Чугунов К.В. Датировка Больших Пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тез. науч.-практич. конф. – Барнаул, 1993. – Ч. 1. – С. 167–169.

Bunker E. The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // Source. Notes in the history of art. – N.Y.: Arts Brevis Foundation, 1991. – Vol. 10, N 4. – P. 20–24.

Bunker E., Kawami T.S., Linduff K.M., Wu En. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collections. – N.Y.: The Arthur M. Sackler foundation, 1997. – 401 p.

Hartman-Goldsmith J. Art of the Han at China House Gallery // Oriental art. – 1979, Autumn. – Vol. 25, N 3. – P. 377–380.

James J.M. A provisional iconology of Western Han funerary art // Oriental art. – 1979, Autumn. – Vol. 25, N 3. – P. 347–357.

Mongolie. Le premier empire des steppes. – Monaco: Actes Sud / Mission archéologique Française en Mongolie, 2003. – 234 p.

Материал поступил в редколлегию 3.03.05 г.

УДК 903

Н.И. Быков¹, В.А. Быкова¹, И.Ю. Слюсаренко²¹Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, Барнаул, 656099, Россия

E-mail: bva@geo.dcn-asu.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: slus@archaeology.nsc.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ У ПАЗЫРЫКЦЕВ*

Введение

Археологические материалы позволяют судить о хозяйственной деятельности, жилищах и погребальных конструкциях, типе питания и прочих сторонах жизни древних обществ, проживавших на конкретных территориях, а стало быть, и о видах и масштабах природопользования. Интересной представляется возможность оценить, например, масштабы лесопользования на Алтае в период существования пазырыкской культуры (VI–II вв. до н.э.) (рис. 1). Пазырыкцы активно осваивали как горно-степные, так и горно-лесные ландшафты. Леса использовались для охоты и служили источником древесного сырья. Материалы многочисленных археологических памятников свидетельствуют о многообразном применении древесины. Она была основным сырьем для погребальных сооружений (срубов, колод, кроватей) (рис. 2–4), использовалась при строительстве жилых и хозяйственно-бытовых построек, для изготовления предметов вооружения, посуды, хозяйственно-бытовых принадлежностей, средств передвижения, украшений, предметов культа, музыкальных инструментов и т.д. [Мыльни-

ков, 1999]. Кроме того, древесина – один из видов топлива, необходимого для приготовления пищи, отопления, металлургического и гончарного производства.

Сколько древесины использовалось для тех или иных целей, иногда можно оценить косвенно. Для этого, например, необходимо знать продуктивность “кормящего” ландшафта, тип питания, хозяйства и жилья, а также климатические условия. Однако следует иметь в виду, что расчеты будут приблизительными. Потенциал “кормящего” ландшафта часто используется не полностью и в различной степени в разные годы. Поэтому рассчитанная численность проживавшего на конкретной территории населения может оказаться завышенной. Количество зафиксированных курганов по целому ряду причин также не отражает полностью численность населения.

Более достоверно можно судить о тех объемах потребляемой пазырыкцами древесины, которая использовалась в погребальном обряде. Среди деревянных предметов из курганов пазырыкской культуры по их функциональному назначению выделяются следующие категории: надсрубные сооружения (навесы, накаты, настилы), срубы, внутрисрубные конструкции (колоды-саркофаги, ложа-кровати, деревянные подушки, колыбели, столы), сопроводительный инвентарь (оружие, посуда, предметы хозяйственно-бытового назначения, средства передвижения, инструменты, украшения, музыкальные инструменты) [Там же, с. 19–20]. Основной объем

* Работа выполнена при финансовом содействии РФФИ (проект № 03-06-80331), РГНФ (проект № 04-01-00470а), Национального научного фонда США (грант BCS № 0207654) и гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (НШ-2286.2003.6).

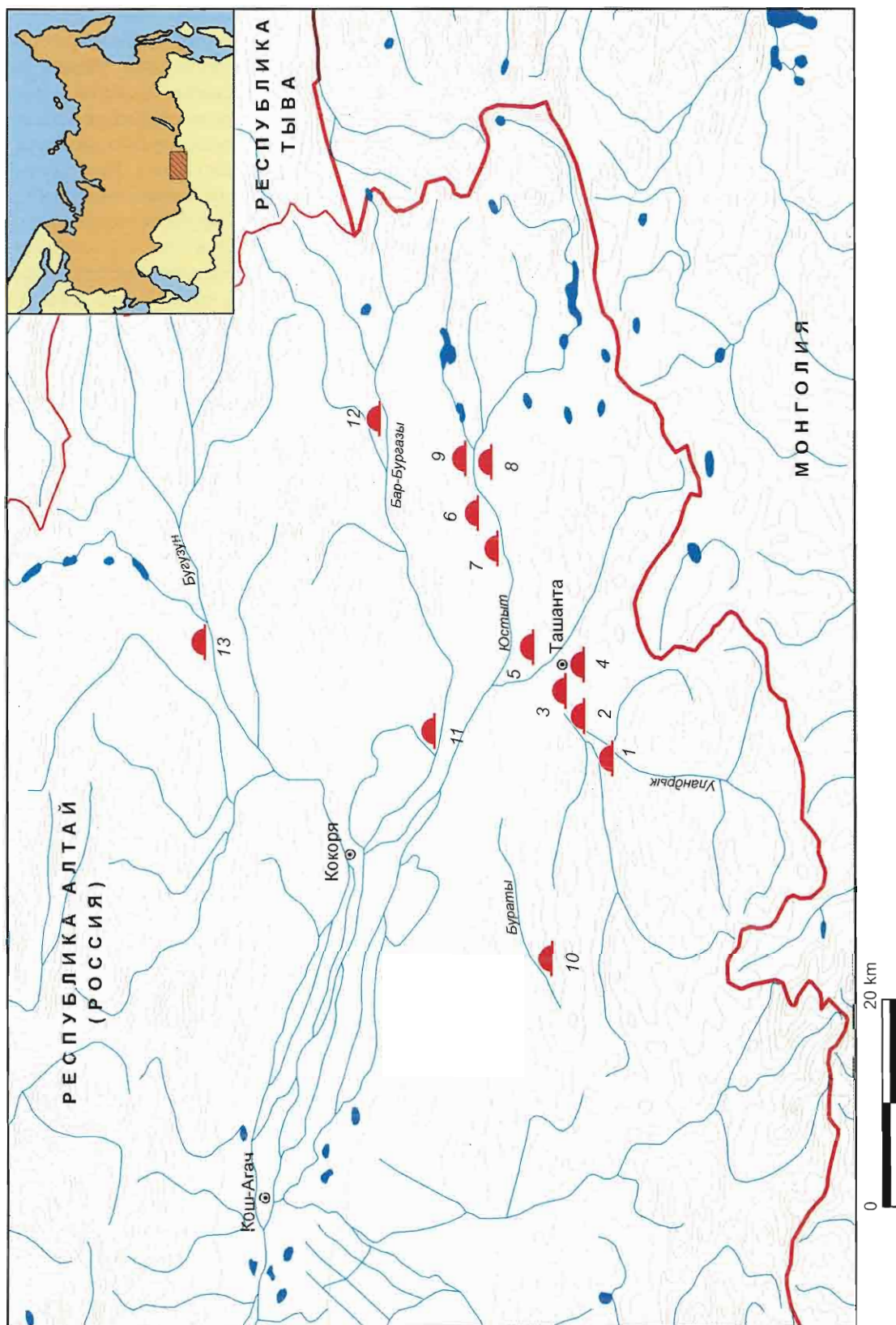

Рис. 1. Расположение исследованных курганных могильников пазырыкской культуры в районе Чуйской котловины.
 1 – Уландрык I; 2 – Уландрык II; 3 – Уландрык III–V; 4 – Ташанта I; 5 – Ташанта II; 6 – Ташанта III; 7 – Юстыл XII, XIII;
 8 – Юстыл XXII; 9 – Джолин I, II; 10 – Бураты; 11 – Барбургазы I; 12 – Барбургазы II; 13 – Малталу IV.

Рис. 2. Сруб, реконструированный на поверхности. Могильник Уландрык I, кург. 1. Фото И.Ю. Слюсаренко.

Рис. 3. Детский сруб, собранный на поверхности. Могильник Уландрык I, кург. 4. Фото И.Ю. Слюсаренко.

Рис. 4. Детская колода в погребальной яме. Могильник Уландрык I, кург. 6. Фото И.Ю. Слюсаренко.

древесины при этом приходится на сруб и надсрубные сооружения. Материалом для их изготовления служила лиственница и реже ель [Феномен алтайских мумий, 2000, с. 260].

Методы исследования

Решая задачу об объеме древесины, использованной для создания погребальных конструкций и предметов, мы сталкиваемся с двумя проблемами. Первая заключается в том, что учесть, сколько древесины было использовано при изготовлении многочисленных мелких предметов, например посуды, украшений, вооружения и т.д., практически невозможно. Поэтому остановим свое внимание лишь на погребальных конструкциях (срубах, колодах и надсрубных сооружениях). Вторая проблема заключается в том, что из известных многочисленных курганов пазырыкского времени раскопана лишь малая их часть. Кроме того, отсутствие до сих пор археологической карты Горного Алтая не позволяет оценить в целом количество существующих памятников этой эпохи. Поэтому о масштабах использования пазырыками древесины для погребальных сооружений можно судить, только применяя индикационные методы. Такой подход позволяет многократно снизить затраты труда при проведении исследований и избежать разрушения археологического памятника. Кроме того, он необходим в связи с тем, что по многим описаниям исследованных археологических памятников невозможно оценить объем древесины, использованной в погребальном сооружении, т.к. в них не зафиксированы необходимые для этого данные.

Наиболее удобным индикатором многих параметров погребального памятника является диаметр кургана. Его высота – менее точный индикатор, поскольку она может измениться в силу различных причин: 1) просадки грунта из-за его протаивания или разрушения сруба; 2) расползания каменной насыпи с течением времени; 3) нарушения насыпи при разграблении кургана. Археологи давно используют такой показатель, как диаметр насыпи, для оценки социального статуса погребенных. Размерам памятников отвечают параметры погребальных конструкций, количество и состав сопроводительного инвентаря и т.д. Однако количественных оценок с использованием данного индикатора, насколько нам известно, до сих пор не проводилось.

По материалам исследованных В.Д. Кубаревым курганов пазырыкской культуры [Кубарев, 1987, 1991] мы выяснили, что диаметр кургана очень тесно связан с другими параметрами. Так, например, коэффициент корреляции данного показателя и длины могильной ямы составил 0,92. Однако следует заметить, что такая связь наблюдается лишь для курганов диаметром до 15 м. При включении в выборку объектов большого диаметра коэффициент корреляции уменьшается ($k = 0,85$). Тесная связь диаметра курганов отмечается также с длиной и шириной сруба (k соответственно 0,89 и 0,83). Меньше корреляция

с высотой сруба ($k = 0,57$). Отсутствует значимая связь диаметра кургана с количеством венцов в срубе ($k = 0,3$).

Объем древесины погребального сооружения также хорошо коррелирует с диаметром кургана ($k = 0,82$), что дает возможность на основе уравнения регрессии оценивать его в неисследованных курганах (рис. 5). За значение объема древесины принималась величина, равная сумме объемов древесины стенок сруба и его перекрытия, а для кург. 1 могильника Ташанта I еще и навеса. Поскольку элементы этих деревянных конструкций представляют собой полубревна или плахи, у которых, как правило, имеется обзол, то учитывался и объем отсеченных частей. Доски пола не принимались в расчет, т.к. в большинстве случаев они плохо сохранялись и, кроме того, в данном случае очень трудно учесть отсеченные части. Для оценки связи между диаметром кургана и объемом древесины погребальной конструкции были использованы данные по 37 объектам (табл. 1).

Дополнительные исследования могильника Уландрык I, проведенные нами в 1999–2001 гг. (рис. 6), позволили уточнить размеры элементов срубов и перекрытий, соответственно, были внесены изменения в уравнение регрессии. Несовпадение данных В.Д. Кубарева и наших связано с тем, что во многих случаях исследователь приводил внутренние размеры срубов либо внешние, но без учета остатков венцов. Для наших расчетов необходимо учитывать полные размеры венцов. Естественно, объемы древесины, полученные с использованием данных В.Д. Кубарева и результатов замеров, выполненных нами, различаются (рис. 7). Связь между объемом древесины сруба и диаметром кургана при этом несколько улучшается (коэффициент корреляции соответственно составляет 0,84 и 0,88). Даже встречающиеся вместо срубов колоды не нарушают установленную зависимость. Ее можно представить как $V = 0,1913 + 0,1191D$, где V – объем древесины; D – диаметр кургана. Данное уравнение наиболее подходит для расчета объема древесины в курганах диаметром до 15 м. Коэффициент детерминации в этом случае составляет 0,77. Для курганов большего диаметра лучше использовать зависимость другого вида: $V = 0,328e^{0,1351D}$ (в нашей выборке таких курганов оказалось лишь три).

Результаты и их обсуждение

Используя данные уравнения, нам удалось установить, что суммарный запас древесины в погребениях могильников Уландрык I–V, Ташанта I–III, Юстыд I, XII, XIII, XXII, Джолин I, II составлял

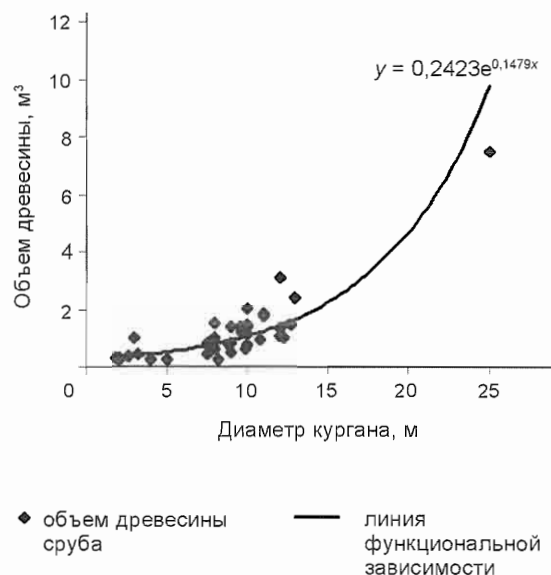

Рис. 5. Зависимость объема древесины в кургане от его диаметра.

156,9 м³. При этом по долине Юстыда учтена лишь пятая часть находящихся там курганов. К сожалению, в опубликованных работах отсутствует необходимая информация по остальным памятникам. Однако если предположить, что они в большинстве имеют средние размеры, так же как и курганы вышеперечисленных могильников, то следует ожидать наличие в них еще ок. 300 м³ древесины. Не полностью учтены и памятники долины р. Уландрыка. Поэтому можно предполагать, что в курганах долин Уландрыка и Юстыда и разделяющей их части Чуйской котловины содержалось ок. 500 м³ древесины.

Вместе с тем вычисленный объем древесины не позволяет напрямую оценить степень влияния погребальной практики пазырыкцев на древостой, т.к. мы не знаем, какая часть срубленного дерева при изготовлении каждого элемента сооружения шла в отходы. Частично решить данную проблему можно с помощью морфологического и дендрохронологического анализа элементов конкретной погребальной конструкции. Рассмотрим это на примере кург. 2 могильника Уландрык I [Быков, Слюсаренко, Быкова, 2000]. Погребальное сооружение в нем представляет собой двухвенцовый сруб (рис. 8) с перекрытием из двух плах и жерди. Все элементы – плахи и полубревна – имеют последнее годовое кольцо или близкое к нему. Данные дендрохронологического анализа представлены в табл. 2.

Наличие синхронности между некоторыми дендротипами позволяет сгруппировать их в дендротипы (см. табл. 2). Коэффициент корреляции между рядами одного дендротипа при этом достигает 0,93–0,97.

Таблица 1. Размеры курганов, погребальных конструкций и соответствующие им объемы древесины

Номер кургана	Диаметр кургана, м	Длина сруба, м	Ширина сруба, м	Количество венцов	Объем древесины, м ³	Уточненный объем древесины, м ³
<i>Уландрык I</i>						
1	3,2	1,4	0,75	2	0,431	0,914
2	2	1,1	0,6	2	0,336	0,62
3	9	2,3	1,5	3	1,42	1,77
4	1,8	1,2	0,5	2	0,295	0,34
6	2	1,2	0,6	—	0,339	0,34
8	9	1,7	1,45	2	0,523	1,08
9	12,7	2,1	1,9	3	1,45	1,78
11	10,75	2,2	1,6	2	0,981	1,551
12	12,3	2,3	2,2	3	1,01	1,8
13	5	1,0	0,6	2	0,242	0,293
14	12	2,2	1,45	3	1,07	1,402
15	9	1,7	1,3	2	0,83	0,976
<i>Уландрык II</i>						
1	8	1,65	1,3	2	1,0	
2	7,5	1,6	1,3	2	0,448	
3	9,5	2,1	1,7	2	1,377	
4	2	1,1	0,6	2	0,277	
5	8	1,95	1,25	2	1,537	
7	9,65	2	1,3	2	1,231	
8	2,6	1,25	0,6	—	0,353	
9	8,9	2	1,2	2	0,75	
11	9,85	1,8	1,3	2	0,633	
12	8,2	1,6	0,8	2	0,283	
<i>Уландрык III</i>						
1	10	—	—	4	2,011	
3	10	2	1,6	3	1,386	
4	10	2,05	1,45	3	1,122	
6	8	2,3	1,2	2	0,627	
7	10	2,1	1,5	2	0,733	
<i>Уландрык IV</i>						
1	13	2,6	2	4	2,436	
2	12	2,2	1,7	?	1,304	
3	11	1,8	1,1	4	1,776	
<i>Уландрык V</i>						
2	7,5	1,34	1,2	2	0,841	
<i>Ташанта I</i>						
1	25	3,46	2,2	3	7,508	
2	4	1,47	0,4	—	0,243	
<i>Ташанта II</i>						
1	3	1,5	1,06	2	1,04	
2	12	3	2,6	3	3,133	
3	11	2,4	1,8	2	1,838	
4	10	2	1,4	?	1,454	

Столь тесная связь позволяет предположить, что элементы сруба, на основе которых построены дендротипы, объединенные в один дендротип, изготовлены из одного бревна. Это также подтверждают результаты морфометрического анализа: каждый последую-

щий (снизу вверх) элемент сруба из одной группы по ширине меньше предыдущего, а по возрасту младше (рис. 9).

Таким образом, для погребальной конструкции кург. 2 могильника Уландрык I было использовано

Рис. 6. Вид на могильник Уландрык I с юго-запада.
Фото И.Ю. Слюсаренко.

четыре дерева. Суммарная длина всех элементов первого дендротипа составляет 6,73 м, второго – 5,1, третьего – 2,36 м. Жердь ко времени повторных раскопок сохранилась только с западной стороны в виде небольшого обломка. Однако она должна была иметь длину не менее 1,5 м. Если исходить из положения и размеров досок перекрытия, то диаметр восточного конца жерди составлял 6 см.

Высоту использованных для строительства деревьев можно определить как

$$h = d_{\max} \sqrt{l^2 - 1/4(d_{\max} - d_{\min})^2} / (d_{\max} - d_{\min}),$$

где h – высота дерева; $d_{\max}$ – максимальный диаметр нижнего элемента; $d_{\min}$ – минимальный диаметр верхнего элемента.

Таким образом, жердь была вырублена из дерева высотой не менее 6 м, объем стволовой древесины которого составлял 0,01 м³.

Для вычисления высоты других использованных деревьев необходимо выполнить еще одну операцию. Дело в том, что торцовые части элементов сруба были затесаны практически под прямым углом. Если учитывать, что стволы перерубаются обычно под углом 45° [Мыльников, 1999], то можно вычислить длину отсутствующей части между соседними элементами. Практически оказывается, что она равна радиусу ствола. Исходя из этого, к сумме длин элементов, полученных из первого дерева, необходимо прибавить еще 0,5 м. Решая последовательно эти задачи, получим, что высота первого дерева была не менее 21,7 м, второго – 24,1, третьего – 18,5 м. Объемы древесины соответственно составили 0,511 м³, 0,426 и 0,265 м³.

Таким образом, для сооружения сруба кург. 2 были использованы четыре дерева с общим объемом древесины 1,212 м³, что превосходит величины, полученные с использованием данных В.Д. Кубарева и уточ-

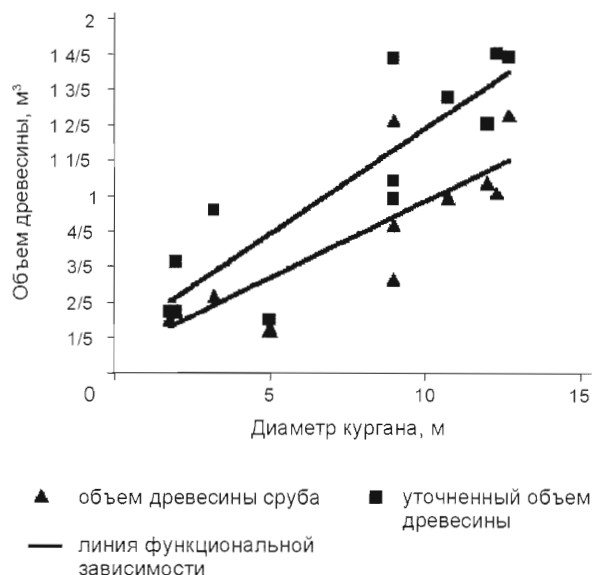

Рис. 7. Зависимости объема древесины от диаметра кургана, полученные с использованием литературных данных и уточненных в ходе полевых исследований.

Рис. 8. Угловое соединение сруба. Могильник Уландрык I, кург. 2. Фото И.Ю. Слюсаренко.

Таблица 2. Данные дендрохронологического анализа элементов сруба кург. 2 могильника Уландрык I

Элементы сруба	Относительная хронология, годы	Возраст элемента, лет	Диаметр поперечного сечения элементов, см (max-min)	Номер дендротипа
<i>1-й венец сруба</i>				
Южная сторона	1–203	203	26–23	II
Северная »	9–202	194	24–22	II
Восточная »	35–204	170	24,5–24	I
Западная »	74–213	139	23,5–22	III
<i>2-й венец сруба</i>				
Южная сторона	43–204	162	22,5–20	I
Северная »	31–202	172	21–20,5	II
Восточная »	43–206	164	24–23,5	I
Западная »	71–214	143	22–20,5	III
<i>Перекрытие</i>				
Южная доска	26–207	182	30–27	I
Северная »	30–205	176	0,26–25,5	I
Жердь	159–215	57	?–8	IV

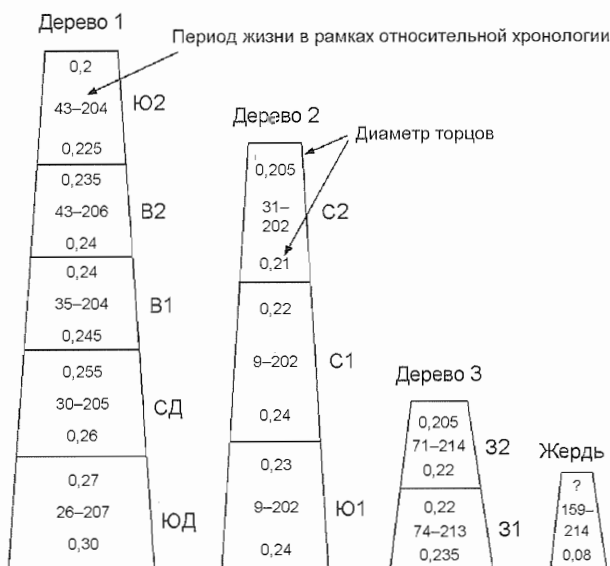

Рис. 9. Дендрохронологическая и морфологическая группировка элементов сруба кург. 2 могильника Уландрык I.

ЮД – южная доска перекрытия; СД – северная доска перекрытия; В1 – восточное бревно первого венца; В2 – восточное бревно второго венца; Ю1 – южное бревно первого венца; Ю2 – южное бревно второго венца; С1 – северное бревно первого венца; С2 – северное бревно второго венца; 31 – западное бревно первого венца; 32 – западное бревно второго венца.

ненных, соответственно в 3,6 и в 1,95 раза. Если предположить, что в других курганах соотношение объемов древесины погребальной конструкции и использованных для ее сооружения деревьев такое же, как и в кург. 2, то общий объем заготовленной дре-

весины для всех учтенных нами курганов пазырыкского времени в долинах Уландрыка и Юстыда составит ок. 1000 м³. Временной интервал, за который были произведены эти порубки, можно также приблизительно оценить при помощи данных дендрохронологического анализа. Как показывают результаты относительного датирования образцов древесины из ряда курганов Чуйской степи (могильники Уландрык I и IV, Ташанта I, Юстыд I и др.), эти курганы были сооружены примерно за 50 лет [Слюсаренко, 1997, с. 279]. Период функционирования пазырыкского могильника Уландрык I, определенный при помощи древесно-кольцевой хронологии, также составляет не более 50 лет, причем те курганы, для которых даты достаточно надежны (№ 1–4, 6, 11–13), были сооружены в течение 10 лет [Быков и др., 2004, с. 261]. Все это говорит о том, что интересующие нас порубки леса сделаны за очень ограниченный период.

В настоящее время средний запас древесины в лиственничниках Кош-Агачского лесхоза, в пределах которого находится исследуемая территория, достигает 141,5 м³/га [Парамонов, 1998]. Следовательно, для сооружения погребальных конструкций в курганах Уландрыка и Юстыда пазырыкцам пришлось заготовить объем древесины, равный общему запасу на 7 га лиственничников, что составляет 1/10 000 часть современного запаса древесины лиственницы в Кош-Агачском лесхозе. На первый взгляд, это незначительная величина. Однако следует помнить, что нами учтены далеко не все курганы в пределах Кош-Агачского лесхоза, к тому же потребности в лесоматериалах не ограничивались погребальной практи-

кой, на другие нужды их требовалось гораздо больше. Кроме того, вырубки, по всей вероятности, приводили к сокращению лесопокрытой площади, т.к. пастбищное животноводство – основа хозяйства пазырыкского населения – отрицательно сказывается на лесовосстановлении. Поэтому очевидно, что лесозаготовительная деятельность пазырыкцев была существенным фактором трансформации растительного покрова и, соответственно, их влияния на окружающую среду. К сожалению, исчерпывающую оценку масштабов лесозаготовок даже только для нужд погребального обряда пазырыкцев на сегодня дать невозможно вследствие того, что не проведена полная каталогизация археологических памятников на исследуемой территории.

Список литературы

Быков Н.И., Быкова В.А., Панюшкина И.П., Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическая и геодезическо-астрономическая оценка последовательности сооружения курганов в могильниках пазырыкской культуры Алтая // Комплексные

исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 258–264.

Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю., Быкова В.А. Дендрохронология кургана 2 могильника Уландрык-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – Вып. 11. – С. 182–184.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Парамонов Е.Г. Леса Республики Алтай. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1998. – 217 с.

Слюсаренко И.Ю. Начало дендрохронологических исследований в Институте археологии и этнографии СО РАН // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 276–280.

Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

Материал поступил в редколлегию 25.01.05 г.

УДК 904

З.В. Доде

Институт востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, 103031, Россия
E-mail: zvezdana_dode@yahoo.com

“ШЕЛКОВЫЙ РАЙ” НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

*Иранская лицевая ткань XVI века
из коллекции Б.А. Куфтина*

Рис. 1. Реконструкция кафтанчика из бирюзового шелка из коллекции Б.А. Куфтина.

В 1925–1926 гг. известный российский археолог и этнограф Б.А. Куфтин исследовал позднесредневековые склеповые могильники в Северной Осетии и собрал уникальную коллекцию женской одежды. Одним

из ярких предметов этой коллекции является кафтанчик из бирюзового шелка*. Однако он выпал из поля зрения Е.Н. Студенецкой, очевидно потому, что хронологически относится к более раннему периоду, чем материалы ее исследований**. Т.Д. Равдоникас лишь косвенно упомянула этот образец среди других, указав, что в коллекции встречаются кафтаны из полупшелковой узорчатой ткани, в т.ч. с изображениями людей и растений [1990, с. 115, 117]. В.Х. Тменов отметил кафтанчик как дополнение к коллекции одежды, собранной в городе мертвых Даргавсе [1979, с. 124].

Кафтанчик выполнен в типичной иранской манере, о чем свидетельствуют прямой крой и детали: прямые подкройные боковины с разрезами в нижней части, короткий рукав с фигурным вырезом по низу. Горловина округлой формы. К правой полочке у горловины пришита бронзовая пуговка-бубенчик. Длина кафтанчика 85 см, ширина в плечах 44 см, длина рукава 34 см. Швы выполнены вразутюжку. Очевидно, кафтанчик был посажен на подкладку. Изображение подобной одежды часто встречается на миниатюрах иранского круга и “лицевых” иранских тканях. Из “лицевого” бирюзового шелка изготовлен и сам кафтанчик (рис. 1).

“Лицевыми” в русских источниках XVI–XVIII вв. называются иранские шелка (парча, бархат или атлас) с изображениями людей, животных и растений. Эти ткани составляют особую группу иранского текстиля.

* Российский этнографический музей, инв. № 33483.

** Е.Н. Студенецкая и Т.Д. Равдоникас обратили внимание на отдельные предметы из этой коллекции в контексте изучения северокавказской одежды XV – первой половины XIX в. – См.: [Студенецкая, 1989; Равдоникас, 1990].

Среди предметов из привозных шелков, обнаруженных в позднесредневековых северокавказских памятниках Северной Осетии, Чечни и Кабардино-Балкарии, рассматриваемая находка является на сегодняшний день уникальной. Однако появление “лицевого” иранского шелка на Северном Кавказе – далеко не случайное явление.

В XVI–XVII вв. Северный Кавказ был ареной борьбы между Ираном и Турцией за сферы влияния. Противостояние проходило под формальным предлогом борьбы за чистоту веры. В этой войне сосредоточенное под королевским контролем в Персии и Порте шелковое производство играло важную роль в государственной консолидации экономической инфраструктуры*.

И султаны, и шахи широко использовали драгоценные шелковые ткани в качестве даров в дипломатических миссиях, вознаграждения союзникам, для подкупа врагов и как средство пропаганды своих идей. Впрочем, изображения на шелковых тканях оценивали как идеологическое средство исключительно шахи Ирана, где в качестве государственной религии утвердился ислам шиитского направления, проявлявший терпимость к созданию художественных образов живых существ в изобразительном искусстве. Исламские ткани, изготовленные в мастерских мамлюкского Египта, Испании и Османской империи, демонстрируют приверженность ортодоксальным нормам. В их дизайне господствовали геометрический орна-

* В Турции шелк изготавливали в Стамбуле и Смирне, одним из главных шелкоткацких центров являлась Бурса, которую иностранные путешественники описывали как покрытую шелковыми садами [Scott, 1993, p. 124]. В 1502 г. в Бурсе насчитывалось ок. 1 тыс. ткацких станков; согласно дворцовым инвентарным спискам 1504 г., в придворных мастерских изготавливались ткани 91 типа, многие из них пока не идентифицированы [5 000 Years of Textile, 1999, p. 86]. В 1525–1580 гг. было зафиксировано рекордное количество людей, связанных с придворным ткацким производством: во дворце работали 156 ткачей, 16 дизайнеров и ок. 50 рисовальщиков, готовящих картоны для ткачества [Ibid, p. 87]. Султан Селим I, захватив дворец шаха Исмаила в Тебризе, получил богатые трофеи, кроме того, он не только конфисковал все персидские товары у иранских, арабских и турецких купцов, но и переселил иранских художников и ремесленников в Стамбул [Scott, 1993, p. 124], чтобы использовать их творческий потенциал в интересах Турции.

В Персии, основное население которой составляло ок. 8 млн чел., в т.ч. 3 млн кочевников, людей, занятых в шелкоткачестве, было больше, чем в других ремеслах, только в четвертой части г. Кошана, где наряду с королевскими находились и частные мастерские, работало ок. 1 тыс. ткацких станков [Baker, 1995, p. 109]. Шах Аббас централизовал шелковое производство под королевским контролем и расширил ткацкое производство за счет создания шелковых мастерских на новых территориях, попавших под контроль Сефевидов [Scott, 1993, p. 146].

мент, цветы, арабески, куфические надписи [5 000 Years of Textiles, 1999, p. 80]. “Лицевые” мусульманские ткани производились исключительно в ткацких мастерских Ирана. Ислам суннитского толка, опиравшийся главным образом на слово, отказывался от пропаганды своих идей посредством художественных образов. Для иранских же шахов терпимость официальной религии к изображениям живых существ позволяла использовать их как важное средство внешней политики. Именно поэтому в иранских шелках важная роль отводилась характеру дизайнерского репертуара, который в ряде случаев отражает пропагандистские устремления Персии. Безусловно, далеко не все сюжеты “лицевых” иранских тканей имели идеологический характер. Большинство из них, как показывают собрания в текстильных музеях Европы и Соединенных Штатов Америки, иллюстрирует сюжеты из поэмы великих поэтов Персии, воспроизводит сцены охоты, пира или отдыха хорошо одетых людей в любимых персами цветущих садах. Определенная группа “лицевых” тканей, изготовленных при шахе Тампаса, иллюстрирует военные кампании. В сюжетах на этих шелках главными персонажами выступают доблестные иранские воины, победоносно захватившие в плен своих врагов. Так, на красном шелке XVI в., фрагменты которого хранятся в Музее декоративного искусства в Париже, Текстильном музее в Лионе и Музее Виктории и Альберта в Лондоне, запечатлен иранский воин, ведущий плененную им женщину [The Textile Museum Lyons..., п.у., p. 79]. Очевидно, что в данном сюжете отражена восточная кампания шаха Тампаса, который вел “священную войну против христианской Грузии” [Scott, 1993, p. 134] (рис. 2).

Содержание сцены на персидском атласе XVI в., хранящемся в Государственном Историческом музее [Восточные и европейские ткани..., б.г., с. 14], и на фрагменте такого же атласа из собрания Государственного музея Востока в Москве [Масленицына, 1975, № 18] связано с распространением идей о непобедимости Персии в борьбе с Османской империей. Внешность пленника с характерной прической и длинными опущенными усами вызывает однозначную ассоциацию с турецким подданным (рис. 3).

Вполне вероятно, что иранские шахи использовали ткани с подобными сюжетами для пропаганды своей силы и могущества и для укрепления своих позиций в международных отношениях того времени. Ткани, использованные в costume, передвигались вместе с человеком и были достаточно мобильным средством распространения вложенных в их сюжеты идей.

Иран и Турция, стремясь к установлению контроля над территорией Северного Кавказа, имели в виду и укрепление здесь ислама. Для вовлечения северо-

Рис. 2. Иранский шелк XVI в.
Воин с плененной женщиной.

Рис. 3. Иранский шелк XVI в.
Воин с пленным турком.

кавказских народов в орбиту мусульманского мира турецкие султаны, исповедовавшие ислам суннитского толка, могли опереться главным образом на слово Корана, читавшегося на арабском языке и далеко не всегда понятного безграмотному северокавказскому населению, даже представителям его высших слоев. Вполне возможно, что шиитский Иран вместе со словом использовал представленные на тканях образы Корана. Это был наиболее наглядный и доступный способ пропаганды. Документальным основанием нашей гипотезы является “лицевой” шелк кафтанчика из коллекции Б.А. Куфтина.

На бирюзовом фоне шелка выполнены белые и желтые изображения. Раппорт ткани состоит из четырех сюжетов, расположенных порядно. В сцене каждого ряда участвуют две группы персонажей. Четверо мужчин и четыре женщины в разных костюмах заняты определенным делом в контексте изображенных сцен, который предполагает диалог героев – их лица всегда обращены друг к другу. Люди запечатлены

среди пышно цветущих кустарников и гранатовых деревьев с плодами. На ветвях деревьев сидят птицы, в небольших озерах плещутся рыбы (рис. 4).

Нам известен еще один фрагмент такой же ткани из собрания Артура Попе*, хранящийся в Оружейной палате Московского Кремля. Рейнгард Ньюмен и Герхард Мурза опубликовали прорисовку изображений двух сюжетов на небольшом фрагменте этой ткани. Они отнесли находку к XVI в. [Neumann, Murza, 1988, S. 81], но не аргументировали данное определение. Изображенные персонажи – женщина, играющая на каноне, и полулежащий мужчина – аналогичны образцам многофигурной композиции, запечатленной на ткани, которая хранится в Музее Виктории и Альберта в Лондоне и, по мнению А. Попе, может быть датирована XVI в. [Pope, 1939, p. 1026]. Второй фрагмент этого же шелка из собрания барона А.Н. Штиг-

* Образец датирован А. Попе концом XVI или началом XVII в. [Pope, 1939, p. 1028].

Рис. 4. Иранский шелк из коллекции Б.А. Куфтина, третья четверть XVI в.

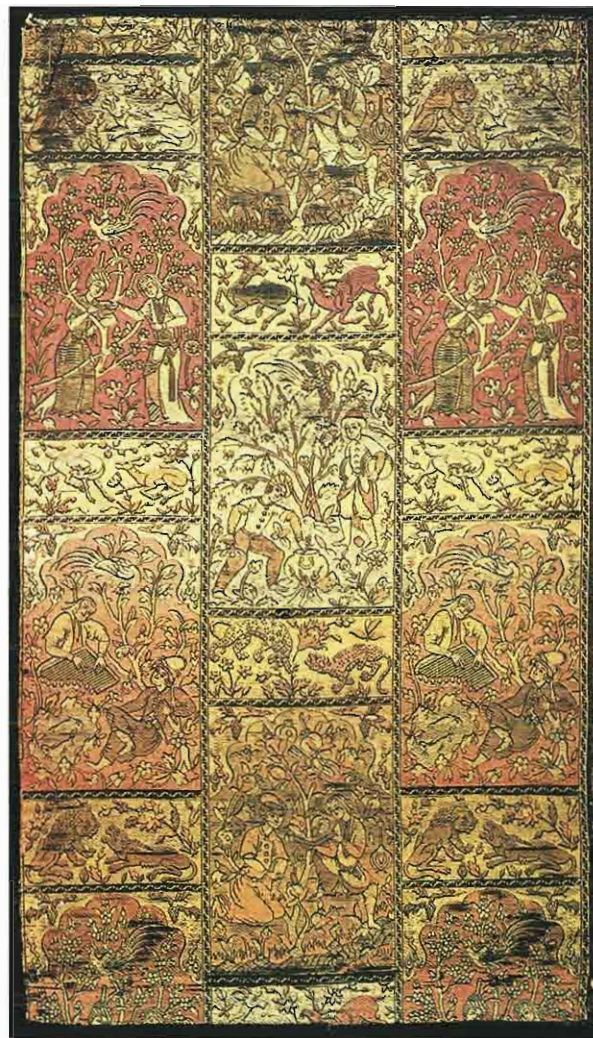

Рис. 5. Иранский шелк, третья четверть XVI в. Многофигурная композиция со сценами в иранском охотничьем саду – парадиз.

лица находится в Эрмитаже [Шедевры..., 1990, № 84] (рис. 5). Учитывая идентичность изображений персонажей, характера отдельных жанровых сцен, деталей и фонового декора, можно утверждать, что рисунки как для бирюзового шелка из коллекции Б.А. Куфтина, так и для тканей из Музея Виктории и Альберта и Эрмитажа были выполнены рукой одного художника. Шелк из коллекций А. Попе и А.Н. Штиглица, оформление которого напоминает миниатюры персидских мастеров второй половины XVI в. [Земное искусство..., 2000, с. 265, № 224], на основании анализа деталей костюма персонажей датируется третьей четвертью XVI в. [Шедевры..., 1990, № 84]. Таким образом, бирюзовый шелк кафтанчика из коллекции Б.А. Куфтина, как и ткань с жанровыми изображениями, можно отнести к третьей четверти XVI в.

Сюжет рассматриваемого шелка, на первый взгляд, можно связать с излюбленной темой наслаждения отдыхом в тени цветущего сада, характерной для персидского гедонизма. Однако более детальный анализ позволяет сделать вывод, что запечатлен не просто сад, а Джанну – мусульманский рай.

В сцене, отображенной в первом ряду, мужчина в чалме одет в застегнутый на пуговицы до талии кафтан с воротником (рис. 6). Полы кафтана подняты и подоткнуты за пояс. Такая манера ношения верхнего платья часто изображается на миниатюрах и “лицевых” тканях. Под верхним кафтаном отчетливо прослеживается нижнее распашное платье с боковыми разрезами и слегка отогнутыми полами. Мужчина одет в длинные штаны, заправленные в ноговицы, обут в мелкие башмаки. Через левое плечо перекинута свитка, возможно, еще один свернутый

Рис. 6. Сцена в первом ряду.

Рис. 7. Сцена во втором ряду.

кафтан. Подобный прием ношения одежды, судя по многочисленным изобразительным источникам, был достаточно распространенным. В левой опущенной руке мужчина держит кумган, под мышкой правой руки – дойра, ударный музыкальный инструмент типа бубна. Стоя на берегу арыка, который изображен в виде овала, очерченного растительными мотивами, с плещущимися в нем рыбками, человек оглядывается на играющую на каноне женщину. Она сидит, держа на коленях струнный щипковый музыкальный инструмент. На женщине надет

верхний распашной халат с короткими рукавами, фигурно оформленными по краю; под ним видна прямая рубаха с разрезом на груди посередине и длинными рукавами на манжете.

Во втором ряду изображены полулежащий мужчина, облокотившийся на цветущий куст, и танцующая перед ним женщина (рис. 7). Длинный кафтан с воротником, в который одет мужчина, застегнут на крупные пуговицы посередине. Кафтан подпоясан типичным иранским поясом с двумя массивными бляхами. За поясом – изящный кинжал. Ноги обуты в мягкие высокие сапоги. На голове – колпакообразный головной убор, обернутый шарфом. Танцующая женщина облачена в длинное нераспашное платье прямого силуэта, но с разрезными полами и короткими рукавами. В платье очень глубокий, до талии, V-образный вырез, в котором видно нижнее платье с округлой горловиной и разрезом посередине. У нижнего платья очень длинные рукава, которые закрывают кисти рук. На ногах женщины – длинные штаны, заправленные в узорные ноговицы, и маленькие мелкие туфли без задников, с загнутым носом. Женщина запечатлена в мягком головном уборе с диадемой, украшенной эгретом с пятью перьями. Возможно, к головному убору относится длинная лента, конец которой виден около левой ноги персонажа. Сцена происходит на берегу небольшого озера с плещущейся рыбой под деревом, в ветвях которого сидит крупная птица.

В третьем ряду показан мужчина, стоящий перед женщиной; она сидит под гранатовым деревом и держит в правой руке пиалу, а в левой – цветок (рис. 8). Женщина в длиннополом кафтане, застегнутом на пуговицы посередине, как и нижнее платье, которое просматривается в V-образном вырезе на груди. Кафтан с длинными рукавами, из-под которых видны длинные рукава нижнего платья. Женщина изображена в штанах, зауженных в щиколотке, босой. От правого плеча под локоть левой руки спускается перевязь или лента от головного

убора, один конец которой виден у правой ноги. На этой героине такой же головной убор, как и на танцующей женщине, запечатленной во втором ряду: мягкий платок и диадема с эгретом с четырьмя перьями. Стоящий перед ней мужчина держит в руках блюдо, на котором стоит сосуд с узким длинным горлом. Мужчина одет в длиннополый распашной кафтан с воротником и длинными рукавами, под который надета подпоясанная нижняя нераспашная длинная одежда с небольшим воротником, застегнутая на пуговицы посередине. На голове – чалма. Мужчина обут в мелкие туфли без задников, с острыми загнутыми носами.

В последней, четвертой, сцене мужчина сидит на коленях, опираясь на пятки, перед танцующей женщиной и играет на дойре (рис. 9). На его голове чалма. Длинный распашной кафтан с воротником подпоясан матерчатым поясом, который закручен в жгут и завязан узлом на животе. Кафтан застегнут до талии на пуговицы посередине. Левая пола заткнута за пояс. На мужчине – длинные штаны. Танцующая женщина одета в длинный распашной кафтан с короткими рукавами, фигурно оформленными по краю. На ней, очевидно, надеты длинные штаны. В штаны заправлена застегнутая на пуговицы рубашка с длинными рукавами и разрезом посередине до пояса. На голове этой женщины такой же убор, как на других женщинах, но без эгрета. Из-за спины до земли спускается длинная лента, очевидно, от головного убора, как будто перевязанная в нижней части бантом. В обеих руках женщина держит маленькие палочки – тут и кандыб, выполняющие роль кастаньет, которыми она аккомпанирует себе.

Среди мужских персонажей выделяется полулежащий мужчина, находящийся в абсолютной праздности и получающий удовольствие от музыки и танцев. Некоторые детали костюма отличаются своеобразием и, очевидно, подчеркивают особый статус героя.

Рис. 8. Сцена в третьем ряду.

Рис. 9. Сцена в четвертом ряду.

Мужчина запечатлен не в таком головном уборе, как другие персонажи. Трое мужчин показаны в чалме и лишь один, полулежащий, – в колпакообразной шапке из мягкой ткани, обернутой шарфом, как персонажи аристократического происхождения, изображенные на других тканях этого круга, например, на бархате из коллекции П.И. Шукина, хранящемся в Эрмитаже [Пирвердян, 1972, с. 157–162], и очень похожем на него бархатном фрагменте из собрания Текстильного музея в Лионе [The Textile Museum Lyons...],

п.у., р. 82]. Высокие сапоги также свидетельствуют о принадлежности их владельца к знатным людям. Остальные мужчины изображены в мелких башмаках без задников и гетрах.

Различия прослеживаются и по поясам. У мужчины, показанного в нижнем ряду, пояса не видно. У мужчин в третьей и четвертой сценах отчетливо обозначен матерчатый пояс, причем у запечатленного в четвертом ряду это матерчатый кушак, свернутый жгутом и завязанный узлом на животе. У мужского персонажа в третьем ряду пояс, охватывающий талию, завязан узким шнурком. Пояс интересующего нас персонажа во второй сцене украшен массивными фигурными бляхами. Как обязательный элемент мужского костюма пояс являлся маркером социального статуса владельца и мог быть выполнен “из простой дешевой хлопчатобумажной или дорогой златотканой материи” [Мукминова, 1979, с. 73]. Поскольку изображения вытканы на шелке, мы не можем точно определить, из какого материала изготовлены пояса. Однако, судя по бляхам, пояс рассматриваемого героя был элементом костюма, который предпочитали главным образом военные и знать [Горелик, 1979, с. 63]. За поясом – изящный короткий кинжал, символ аристократической принадлежности [Полякова, Рахимова, 1987, с. 53]. Кожаный пояс с золотыми бляхами и изысканный кинжал – атрибуты костюма султана Хусайна, изображенного на миниатюрах художника Бехзада [Там же]. Пояса, украшенные бляхами, “частные лица надевали под верхний халат, а сам эмир, высшее чиновничество и военные носили их поверх одежды” [Мукминова, 1979, с. 73]. Пояс с массивной бляхой и небольшой кинжал имеют аналоги в костюме мужчины, изображенного на хранящемся в Эрмитаже фрагменте бархата из коллекции П.И. Щукина. Исследователями этой ткани исходя из контекста сцены мужчина трактуется как “молодой принц, господин, повелитель” [Пирвердян, 1972, с. 157, 160]. Подобные пояса с крупными фигурными бляхами и изящные кинжалы – характерные элементы костюма принцев, молодых юношей аристократического происхождения, запечатленные на текстиле [The Textile Museum Lyons..., п.у., р. 78] и миниатюрах [Полякова, Рахимова, 1987, № 55 и др.]. Слуги на них изображены всегда в матерчатых кушаках.

Персонажи в первой, третьей и четвертой сценах одеты в костюмы, не имеющие принципиальных различий. В контексте сюжета все они заняты определенным делом, в отличие от праздно лежащего господина, что также указывает на их некоторое подчиненное положение. Можно предположить, что в образе полулежащего мужчины изображен отдыхающий в райском саду высокопоставленный праведник, которому прислуживают прекрасные юноши. Тогда женские фигуры следует рассматривать, очевидно, как образы гурий.

Обратим внимание на то, что одна женщина также пребывает в относительной праздности. Она сидит, поджав ноги, в правой руке держит пиалу, а в левой – цветок. В отличие от других женщин, она никому не прислуживает, скорее наоборот, готовится принять пиалу с напитком из рук стоящего перед ней мужчины, наслаждается красотой и ароматом цветка. Иными словами, эта женщина, как и полулежащий мужчина, получает удовольствие, отдыхая под гранатовым деревом с плодами. Поскольку ее статус ничем особым не обозначен, можно предположить, что это гурия. Однако “созданная из шафрана, мускуса, амбры и камфары, прозрачная и благоуханная” гурия вряд ли нуждается в пище или питье, в то время как интересующая нас женщина, очевидно, готова испить из чаши “напиток чистый”, “которому приправой будет имбирь”. Скорее всего, в ней следует видеть земную супругу главного персонажа. Может быть, босые ноги героини и являются знаком ее земного происхождения, как и пояс на верхнем платье – единственный элемент костюма, отличающий эту женщину от других женщин. Впрочем, еще одна деталь в изображении данного персонажа позволяет предположить, что в нем запечатлена земная женщина. Она держит в руках букет цветов на палочке. Скорее всего, это гульдаста, что в переводе с персидского означает намозильный букет, в котором цветы были прикреплены к основе в виде палочки. Возможно, по представлению средневекового художника, такой букет, поставленный на могилу, в ином мире попадал в руки умершего*. Учитывая своеобразие передачи в системе параллельной перспективы, женщина, изображенная в третьей сцене, в контексте сюжетного повествования находится рядом с главным героем. Коран открывает врата рая для верующих, “которые делают доброе, – мужчины ли, женщины ли будут они” (4:123).

Таким образом, раппорт ткани, согласованный с особенностями характерной для изобразительного искусства Персии параллельной перспективы, представляет единую сцену, подчиненную действиям, происходящим вокруг главного персонажа, возлежащего под сенью цветущих деревьев в райском саду.

В Будапеште находится иранский кожаный ковер с шелковой аппликацией, датированный серединой XVI в. На нем изображен молодой шах Тампас, пирующий в райском саду в окружении музыкантов, цветов и животных [Scott, 1993, р. 134]. Дата рассматриваемого шелка вполне совпадает со временем правления шаха (1524–1576 гг.). Однако у нас нет оснований персонифицировать главного героя на рассматриваемом

* Гульдаста – достаточно частый элемент на изобразительных памятниках иранского круга – фресковых росписях, книжных миниатюрах и лицевых тканях, семантика которого, на наш взгляд, требует специальной проработки.

мой ткани с Тампасом, хотя очевидно, что сюжет этого шелка связан с образом Джанны – мусульманского рая.

Интересно отметить, что семантика сцен на упомянутом выше шелке с многофигурной композицией из Музея Виктории и Альберта и из собрания барона А.Н. Штиглица, скорее, восходит к раннеиранским представлениям о *pairidaeza** – месте блаженства и успокоения духа в авестийской традиции. Об этом красноречиво свидетельствует композиционное решение: отдельные сцены, в т.ч. с разнообразными животными и птицами, заключены в прямоугольные композиции с ярко выраженным бордюром, сопоставимым с оградой охотничьего парка. Именно так представляли парадиз ранние иранцы. В поздний период, соответствующий времени бытования рассматриваемого шелка, парадиз воспринимался уже как образ исламского рая, тем не менее в декоре анализируемой ткани доминируют представления иранской мифологии, а не мусульманской догматики**. Почти реалистичные изображения на шелке кафтанчика из коллекции Б.А. Куфтина вполне соответствуют натуралистическому описанию рая в Коране: “Тень деревьев его над ними будет простираться, гроздь плодов их низко к ним будут опускаться. Их будут обносить серебряными сосудами, кубками, сделанными из хрусталя, который светлее серебра, в соразмерных по величине размерах. Там их будут поить из чаши питьем, которому приправой будет имбирь, из источника, называемого сельбиля. Кругом обносить их будут юноши, вечно юные: когда увидишь их, подумаешь, что это рассыпанный жемчуг, когда увидишь это, увидишь тогда блаженство и великое царство. Одежды из зеленого атласа и шелковых тканей будут на них, они будут украшены серебряными запястьями, и Господь будет поить их чистым питьем” (76:14–21). Изображения на куфтинской находке по сути отражают характерный для персидского искусства принцип “цитирования”, т.е. традиционное повторение одних и тех же сюжетов и образов в литературе и изобразительном искусстве. Чувственное описание образа рая в Коране вполне объяснимо, поскольку в исламе сила воздействия на верующих основана прежде всего на слове, натуралистические же художественные образы на шелке могли рассматриваться как изобразительный комментарий к слову Божию, недоступному тем, кто не понимал его оригинального языка. Но если средневековый перс воспринимал “изображение цветущих деревьев, открытой полянки с перерезающим ее журчащим арыком и толпой нарядно одетых юно-

шей и девушек <...> как формулу рая” [Полякова, Рахимова, 1987, с. 46], было ли адекватным восприятие этих образов иноплемениками?

Образы исламского рая нашли отражение в фольклоре кавказских горцев. Об этом наглядно свидетельствует чеченская песня о Хамзате, в которой говорится о прекрасных гуриях, ожидающих храбрецов, погибших в бою: “В этот день гурии райские смотрят из окон с неба, на нас любуются; и они ссорятся, выбирая из нас себе мужа. И тем из нас, кто будет храбрее, – каждая пред подругой своей будет хвастаться. А избранного, боязливее других, – она будет совеститься и закроет от него окно, отворотится” [Сборник сведений..., 1992, вып. 1, разд. 3, с. 30]. Сейчас сложно установить, что явилось первоисточником информации о Джанне для абрека из надтеречных аулов – слово Божие или его изобразительное отображение. Возможно, что Хамзат в своих познаниях опирался на сведения, почерпнутые у образованного муллы. Но, тем не менее, гипотеза о том, что “лицевые” ткани служили средством пропаганды исламских идей, кажется нам вполне допустимой. Не случайно в период правления Сефевидов шелковое производство находилось под контролем двора. Более того, шах Аббас, установив персидский контроль над Азербайджаном и следуя своей политике поощрения текстильного производства, настойчиво развивал текстильные мастерские в Кавказском регионе – в Ширване и Карабахе [Scott, 1993, p. 146].

Стремление создать “шелковый рай” оборачивалось крайней жестокостью захватчиков: слава Аббаса I тускнела перед его бесчеловечностью [История..., 1988, с. 320]. Иранская пропаганда на Северном Кавказе, очевидно, не имела успеха. Среди многих поколений горцев Дагестана память о последствиях иранских вторжений выразилась в ненависти горцев-суннитов к шиитам (азербайджанцам и таты-мусульманам), которая получила отражение в акушинской пословице: “Шиитом сшитое платье скоро порется” [Сборник сведений..., 1992, вып. 1, разд. 5, с. 15]*.

Безусловно, кафтанчик из бирюзового шелка, каким бы путем он ни был приобретен, не мог принадлежать представительнице рядового населения Северного Кавказа. На Северном Кавказе аршин некоторых привозных тканей стоил больше, чем “все имущество крестьянского двора” [Абдулвахובה, Мадаева, 1988,

* Авестийский термин, которому соответствует европеизированная форма слова “парадиз”.

** Подробный анализ семантики изображений на данной ткани не входит в задачи нашей статьи.

* Большая часть народов Северного Кавказа, исповедующих ислам, придерживается суннитского направления. Но это не означает, что вторжения турецких янычар были менее кровопролитными. Однако проблемы борьбы шиитского и суннитского направлений ислама в процессе утверждения на Кавказе мусульманства выходят за рамки настоящего исследования.

с. 106]. “Лицевые” атласы и бархаты, а также изделия из них иранские правители отправляли в качестве подарков первым лицам европейских государств – дожу Марино Гримани, королеве Кристине Шведской [Scott, 1993, р. 136], Елизавете I Английской, русским государям [Государственная Оружейная палата Московского Кремля, № 134, 135; Сокровища..., 1979, № 42]. Однако сведения о происхождении этого памятника ткацкого искусства слишком ограничены, чтобы связать его с определенной фамилией северокавказского нобилитета. Хотя В.Х. Тменовым установлена принадлежность трех склеповых сооружений города мертвых фамилиям Дзанаговых, Саламовых и Бежаевых, вопрос о социальной принадлежности склеповых сооружений горского населения остается открытым [1979, с. 143].

Между тем, очевидно, что кафтанчик из лицевого иранского шелка, несмотря на уникальность находки, – далеко не случайное культурное явление в позднесредневековой истории Северного Кавказа, приоткрывающее одну из новых страниц в истории почти тысячелетнего проникновения ислама на территорию Северного Кавказа.

Список литературы

- Абдулвахабова Б.Б.-А., Мадасева З.А.** Женская одежда горной Чечено-Ингушетии XVII–XVIII вв. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. – Грозный: [Б.и.], 1988. – С. 103–112.
- Восточные и европейские ткани** в собрании Исторического музея. – М.: [Б.и.], [б.г.]. – 36 с.
- Горелик М.В.** Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 49–69.
- Государственная Оружейная палата** Московского Кремля. – М.: Изобраз. искусство, 1969. – 228 с.
- Земное искусство** – небесная красота. Искусство ислама: Каталог выставки / Под общей ред. М.Б. Пиотровского. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. – 357 с.
- История** народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. – М.: Наука, 1988. – 543 с.
- Масленицына С.** Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусств народов Востока. – Л.: Аврора, 1975. – 199 с.
- Мукминова Р.Г.** Костюм народов Средней Азии по письменным источникам XVI в. // Костюм народов Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 70–77.
- Пирвердян Н.А.** К вопросу о персидских сюжетных тканях XVI–XVII вв. // Средняя Азия и Иран. – Л.: Аврора, 1972. – С. 157–162.
- Полякова Е.А., Рахимова З.И.** Миниатюра и литература Востока. Эволюция образа человека. – Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1987. – 284 с.
- Равдоникас Т.Д.** Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. – Л.: Наука, 1990. – 139 с.
- Сборник сведений** о кавказских горцах, издаваемый с соизволения Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою Армиею при Кавказском горском управлении. – Репр. воспр. текста изд. 1868. – М.: Адир, 1992. – Вып. 1. – 388 с.
- Сокровища** прикладного искусства Ирана и Турции XVI–XVIII веков: Из собрания государственных музеев Московского Кремля. – М.: Сов. художник, 1979. – 69 с.
- Студенецкая Е.Н.** Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1989. – 286 с.
- Тменов В.Х.** Город мертвых (позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). – Орджоникидзе: Ир, 1979. – 150 с.
- Шедевры** исламского искусства в Эрмитаже СССР. – Кувейт: Dar Al-Athar Al-Islamiyyah, 1990. – 208 с.
- 5 000 Years of Textiles** / Ed. J. Harris. – L.: British Museum Press, 1999. – 320 с.
- Baker P.L.** Islamic Textiles. – L.: British Museum Press, 1995. – 189 p.
- Neumann R., Murza G.** Persische Seiden. Die Gewebekunst der Safawiden und ihrer Nachfolger. – Leipzig: VEB E. A. Seemann, Buch- und Kunstverlag, 1988. – 242 S.
- Pope A.U.** A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present Arthur Upham Pope. – L.; N.Y.: Oxford University Press, 1939. – Vol. 6.
- Scott P.** The Book of Silk. – L.: Thames and Hudson, 1993. – 256 p.
- The Textile Museum Lyons: Guideto the Collection.** – Lyon: Editions Lyonnaises d’Art et d’Histoire, [n.y.] – 255 с.

Материал поступил в редколлегию 29.12.04 г.

УДК 904-03

О.В. Дьякова

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690950, Россия
E-mail: emelianova@front.ru*

КАМЕННЫЙ СКЛЕП У СЕЛА БОГОПОЛЬ В ПРИМОРЬЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Введение

История Приморья XV–XVII вв., как и всего российского Дальнего Востока, малоизвестна не только широкому кругу читателей, но и специалистам. Письменных источников по данному периоду сохранилось немного. Большая их часть написана на китайском языке, русскоязычные появились достаточно поздно, только с началом освоения первопроходцами дальневосточных земель, т.е. на заключительной стадии этого “темного периода”. Представлены они различного рода “скасками”, “распросными речами”, записками, содержащими, как правило, сведения о путях продвижения первопроходцев, транспортных системах в регионе, аборигенном населении, его быте и местах расселения. Очевидно, что этого явно недостаточно для объективной реконструкции исторических реалий. Поэтому на сегодняшний день мы располагаем только фрагментами исторической канвы того периода, сотканными в разное время усилиями многих специалистов – востоковедов, историков, этнографов, лингвистов [Васильев, 1857, 1863; Рудаков, 1902; Бантыш-Каменский, 1882; Горский, 1852; Дополнение к актам историческим, 1846, 1848; Мелихов, 1966а, с. 113–114; Мелихов, 1966б, с. 80–85; Лебедева, 1957; Долгих, 1959; Соловьев, 1973, с. 281; Палладий, Попов, 1888].

Понятно, что для воссоздания достоверной версии исторической ситуации необходимо задействовать весь корпус источников – нарративных, археологических, лингвистических, этнографических. Но прежде их необходимо выявить, что представляет определенные трудности и требует значительных

затрат времени. К тому же ситуация усугубляется укрепившимся в сознании исследователей впечатлением, что XV–XVII вв. в истории российского Дальнего Востока малоинтересны, т.к. после монгольского нашествия тунгусо-маньчжурские аборигены были угнаны в другие места, преимущественно в Маньчжурию, а Приморье и Приамурье оказались слабозаселенными и, будучи отодвинутыми на обочину мировой и региональной истории, в исторических перипетиях не участвовали. Поэтому данная статья является своего рода приглашением специалистов к обсуждению и разработке названной проблемы. В ней вводится в научный оборот новый, археологический, источник, экстраполяция которого на письменные свидетельства позволит реконструировать отдельные моменты в истории Приморья. Но прежде посмотрим, каков был исторический фон в регионе, запечатленный в нарративных документах.

Приморье и его население в свете письменных свидетельств

Из китайских источников “Дайцин и тунджи” известно, что территория Приморья в то время называлась Воцзи, а населявшие ее народы – духхай-воцзибу, что означает лесные племена Восточного моря. На южном берегу р. Сисэ (ныне Джигитовка, а до 1971 г. Иодзыхэ), согласно “Цилиньшэн ту” (Карта провинции Гири (Цилинь)), располагались стойбища племени ци-я-ка-ла (см.: [Соловьев, 1973, с. 45]). По данным П.И. Кафарова, “словом дацзы китайцы называ-

ют тунгусоязычные племена кя-ка-ла... Кя-ка-ла прозябают по Приморью от Владивостока до реки Исэ (Джигитовка. – О.Д.)” (цит. по: [Палладий, Попов, 1888, с. 148]). Японский исследователь Сей Вада, сопоставив разновременные китайские источники, пришел к выводу, что племя ци-я-ка-ла обитало в верховьях р. Иман. По его мнению, это были орочи или удэгейцы Сихотэ-Алиня, которых в период монгольской династии Юань китайцы называли “ньюйчжи е жэнь”, т.е. “дикие чжурчжэни” (см.: [Соловьев, 1973, с. 41–43]).

Г.В. Мелихов, работавший с китайскими и русскими источниками, связывал компактное проживание тунгусоязычного племени варка с бассейном р. Туманган и с верховьями р. Уссури, прослеживая ареал обитания этого племени к востоку и северо-востоку до морского побережья, включая острова [Мелихов, 1966б, с. 95].

Таким образом, опираясь на нарративные источники, все исследователи приходили к одному результату: на территории Приморья после нашествия на Дальний Восток в XIII в. монголов по западным и восточным склонам Сихотэ-Алиня проживали два крупных тунгусоязычных этнических объединения (или союза племен) – воцзи и варка – предки нанайцев, удэгейцев, орочей.

В китайских источниках сохранились сведения об административно-территориальных округах (лу), функционировавших в XVI–XVII вв. на территории Приморья: Хэлиньлу, Нимачалу, Суйфыньлу, Хуэлу, Яланьлу и др. (“Дайцин и тунчжи”, цз. 46, л. 5). Картирование этих округов позволило Ф.В. Соловьеву очертить географию каждого из них: “Восточное побережье Уссурийского залива, включая нынешний Шкотовский район от р. Майхэ и до зал. Восток, входило в округ Хэлиньлу; бассейн рек Сучана и Судзухэ от южных отрогов хребта Сихотэ-Алиня до моря охватывал округ Яланьлу; в бассейне р. Суйфун и прилегающей к нему территории располагался округ Суйфыньлу; в бассейне рек Даубихэ и Улахэ находился округ Хуэлу; р. Иман и прилегающие к нему районы включались в округ Нимачалу. Все округа назывались по имени рек, на которых они располагались... округ в территориальном отношении мог представлять собой единый, связанный системой рек и гор, географический район. Так, Суйфунский округ охватывал долину этой реки с ее притоками и горными системами; округ Ялань (Ярань) располагался на одноименной реке с ее притоками и близлежащими другими реками с подступающими к ним отрогами гор Сихотэ-Алиня и т.д.” [1973, с. 58–59] (рис. 1). Из китайских источников также известно, что при создании чжурчжэнями в начале XVII в. Маньчжурского государства их вожди Нурхаци и Абахай постоянно совершали походы в Приморье для угона населения в Маньчжурию с целью организации из них особых отрядов.

Напомню, что кроме родственных чжурчжэням тунгусо-маньчжурских племен варка и воцзи на территории Приамурья и Приморья проживали нивхи (гиляки) и айны. Известна следующая хронология походов по захвату населения.

В 1607 г. по распоряжению Нурхаци князь Баяла, высокопоставленный начальник Эиду и адъютант Хурхань с тысячным отрядом выступили против воцзи [Там же, с. 41].

В 1609 г. Хурхань с отрядом в тысячу человек вторгся в округ Хуэ (бассейн р. Даубихэ) и угнал 2 тыс. семей в Маньчжурию. В 1610 г. Эиду с таким же отрядом напал на округ Ялань (бассейн р. Сучан, ныне Партизанская), расположенный на территории воцзи, где захватил более 10 тыс. чел. [Там же].

В 1614 г. из округов Ялань и Силинь (восточный берег Уссурийского залива) было уведено в Маньчжурию 200 сдавшихся и 1000 плененных семей. В 1615 г. восьмизнаменные маньчжурские войска пошли в поход по двум дорогам на восточные племена. В сражениях было убито 800 чел., пленено 10 тыс. чел. и захвачено 500 семей [Васильев, 1857, с. 26].

8 февраля 1635 г. отряды Убахая и Цзингурдая выступили против племен варка, напали на местность Ниманя (Иман) и захватили более 1000 чел. 15 ноября того же года маньчжурские войска напали на Южное Приморье. Они шли четырьмя колоннами. Первая, под командованием Убахая, двигалась на Эхэйкулюнь и Элэюсо; вторая, возглавляемая Доцзили, – на Ялань, Лилинь и Хуэ; третья, во главе с Чжафунью, – на Акули и Нимань (Ваку и Иман); четвертая, под командованием Ушита, – на Нолэй и Авань [Маньчжурское владычество..., 1966, с. 91].

Из захваченных аборигенов были сформированы пять особых рот (ньюру), в две из них вошли жители бассейна р. Суйфуна (ныне р. Раздольная), а в три – обитатели бассейна р. Иман (ныне р. Большая Уссурка) [Там же, с. 86].

Однако наибольшую активность в отношении аборигенных племен Приморья проявил маньчжурский император Канси (1662–1722). Им были учреждены поощрительные награды за организацию военных походов. В “Хойдянь шилу” сообщается, что «в первые годы правления императора Канси по всеподданнейшему докладу было разрешено выдавать награды участникам походов по “привлечению” в подданство новых маньчжуров в следующем порядке: за 100 привлеченных семей давалось военное отличие первой степени (Тоудэн цзюньгун), за 80 семей – военное отличие второй степени (Эрдэн цзюньгун), за 60 семей – военное отличие третьей степени (Саньдэн цзюньгун), за 40 семей – военное отличие четвертой степени (Сыдэн цзюньгун), за 20 семей – военное отличие пятой степени (Удэн цзюньгун)» (цит. по: [Рудаков, 1903, с. 372]).

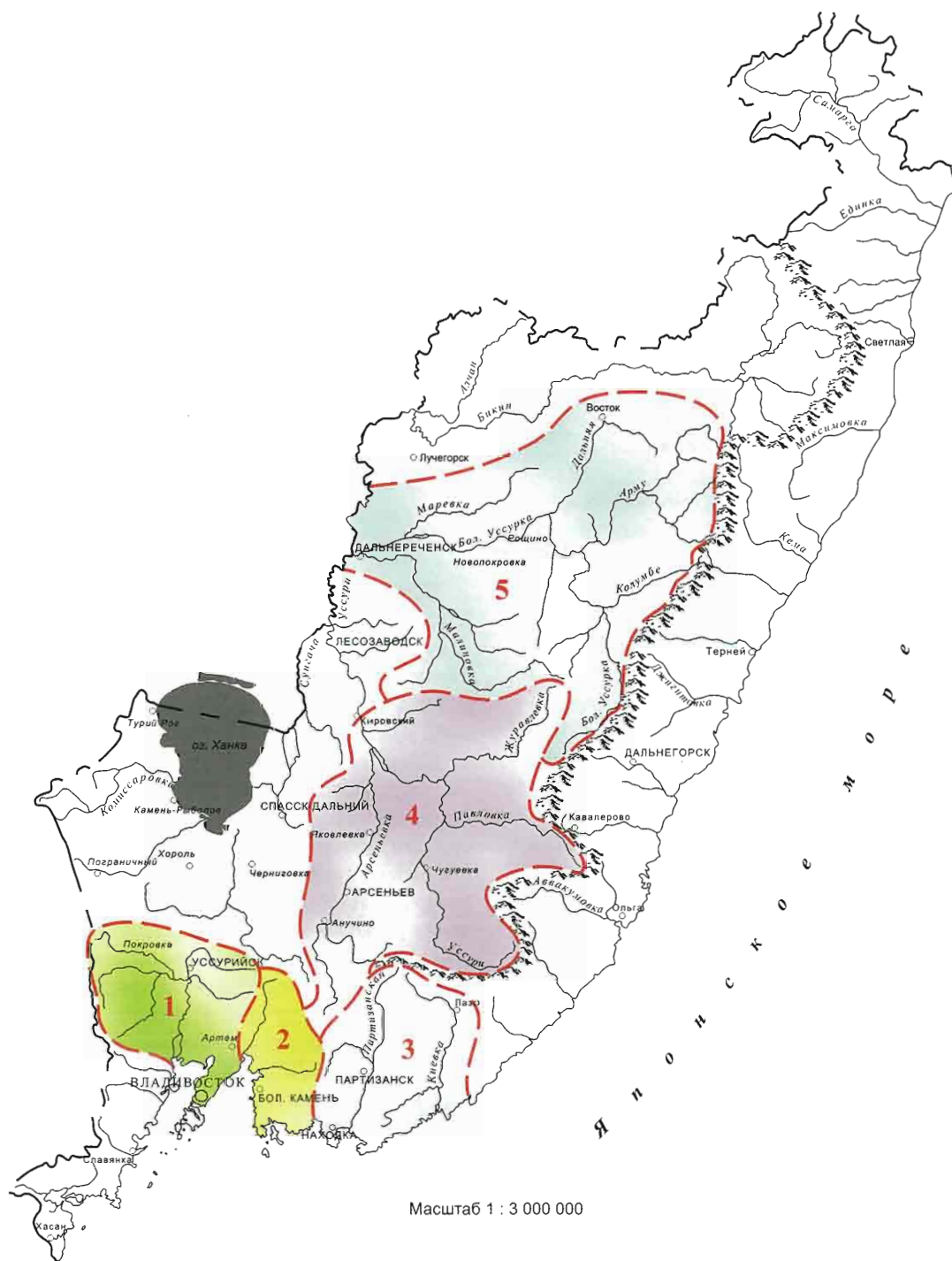

Рис. 1. Карта административно-территориальных округов, функционировавших в XVI–XVII вв. на территории Приморья (выполнена Е.Н. Шкрябиной).
1 – Суйфыньлу; 2 – Хэлиньлу; 3 – Яланьлу; 4 – Хуэлу; 5 – Нимачалу.

Такие действия маньчжурских властей неизбежно заставляли тунгусо-маньчжурские племена переселяться в более труднодоступные места – на север Приморья и в Приамурье. Тем более что перемещение на новые территории в случае затруднительных

ситуаций являлось для тунгусо-маньчжуров традиционной ответной психологической реакцией, ставшей их этнопсихологической чертой. Тому масса примеров. И. Надаров, обстоятельно исследовавший коренные народы Приморья, писал, что все гольды (нанай-

цы) Северо-Уссурийского края могут быть отнесены к оседлому населению, но это не привязывает их к одному постоянному месту жительства. При ухудшении условий гольд бросает свою фанзу и переходит на другое место, не стесняясь расстоянием, например, из устья Уссури может перейти в низовья Даубихэ (Арсеньевка), а с Даубихэ – на Амур [Надиров, 1887, с. 66–73].

Указанные события – походы с целью захвата населения и перемещения аборигенов – не могли не отразиться в археологических материалах. Одно из таких археологических свидетельств и было открыто в долине р. Зеркальной (Тадуши) у с. Богополь.

Описание памятника

В 2003 г. при проведении Амуро-Приморской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН разведочных изысканий в Восточном Приморье в долине р. Зеркальной местный житель с. Богополь Андрей Фролов показал мне объект, который он назвал печью, где он в детстве находил железные наконечники стрел и бронзовые украшения*.

Объект располагается в 2 км к западу от с. Богополь (Кавалеровский р-н Приморского края) на надпойменной террасе левого берега р. Зеркальной (рис. 2). Терраса окаймлена с востока сухим ручьем, с юга – дорогой и рекой. Она поросла вторичным лесом, поверхность достаточно ровная, плавно понижается в сторону реки, край террасы срезан дорогой.

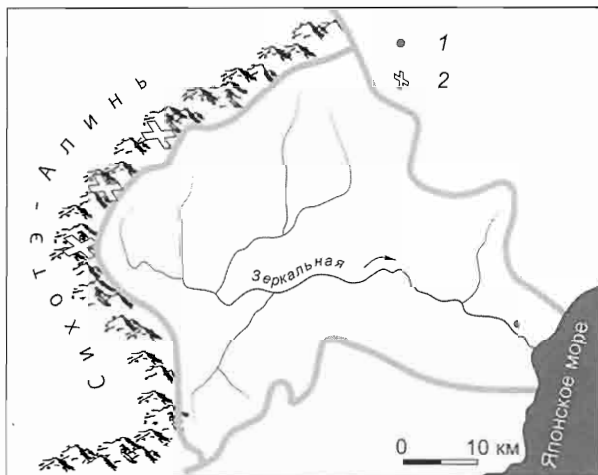

Рис. 2. Карта бассейна р. Зеркальной.
1 – каменный склеп у с. Богополь; 2 – горный перевал.

* Автор приносит благодарность участникам раскопок С.А. Сакмарову, Е.Н. Шкрябиной, А.Л. Шумковой и школьникам пос. Кавалерово.

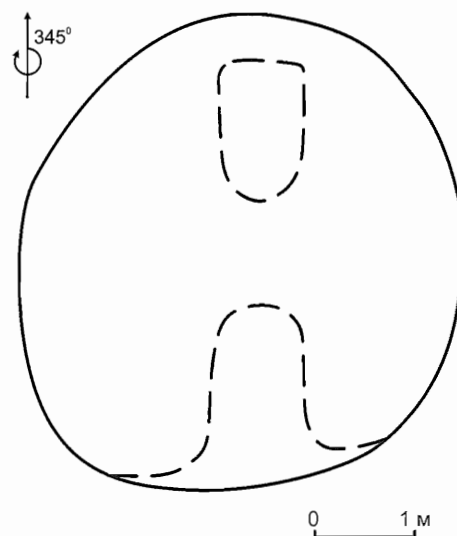

Рис. 3. План купола склепа.

Первичный осмотр памятника, казалось, подтверждал определение местных жителей: по внешнему виду объект был похож на гончарную печь, раскопанную в 1999 г. В.И. Дьяковым на поселении Петровка-5 в южном Приморье (Шкотовский р-н) [Дьякова, Дьяков, Сакмаров, 2002].

Среди высокой травы едва просматривалось куполообразное каменное сооружение с двумя зияющими провалами с южной и северной стороны. Высота его превышала 1 м. В плане купол имел форму правильного круга диаметром 4,5 м (рис. 3). Внешняя поверхность объекта была задернована. При проведении раскопок под дерном обнажилась насыпь, состоявшая из щебня, скальных обломков и суглинка. Выяснилось, что уцелели только верхняя часть купола и боковые своды (рис. 4). Внутри оказался каменный ящик прямоугольной формы, заполненный материалом рухнувшей насыпи и камнями.

Свод. Купол был выложен из камней разных размеров (от 10 до 35–40 см длиной) в виде арки (рис. 5). Техника арочной кладки требовала использования помимо прямоугольных камней каменных клиньев, загонявшихся между ними.

Основание каменного свода покоилось на горизонтально выложенных плоских камнях, являвшихся своего рода фундаментом.

Каменный ящик. Ниже фундамента, удерживавшего свод, находился каменный ящик прямоугольной формы размером 303×100 см (рис. 6, 7).

Восточная стенка длиной 303 см, высотой 82 см была возведена из плотно уложенных камней с плоскими сторонами (рис. 8). Она практически вертикальная, и тщательно подогнанные друг к другу камни образуют гладкую поверхность. Нижний их ряд высотой 40 см состоял из шести камней длиной 70–98 см,

Рис. 4. Каменный купол склепа (вид с юга).

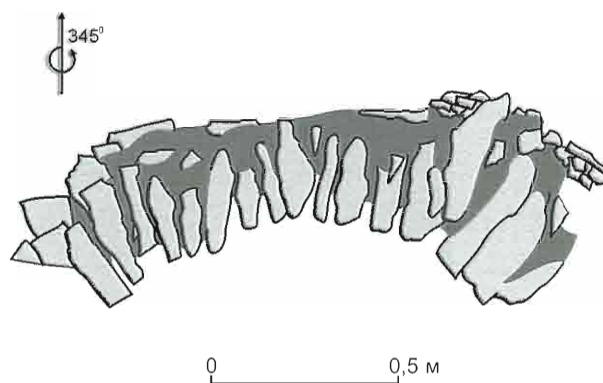

Рис. 5. Арочный свод.

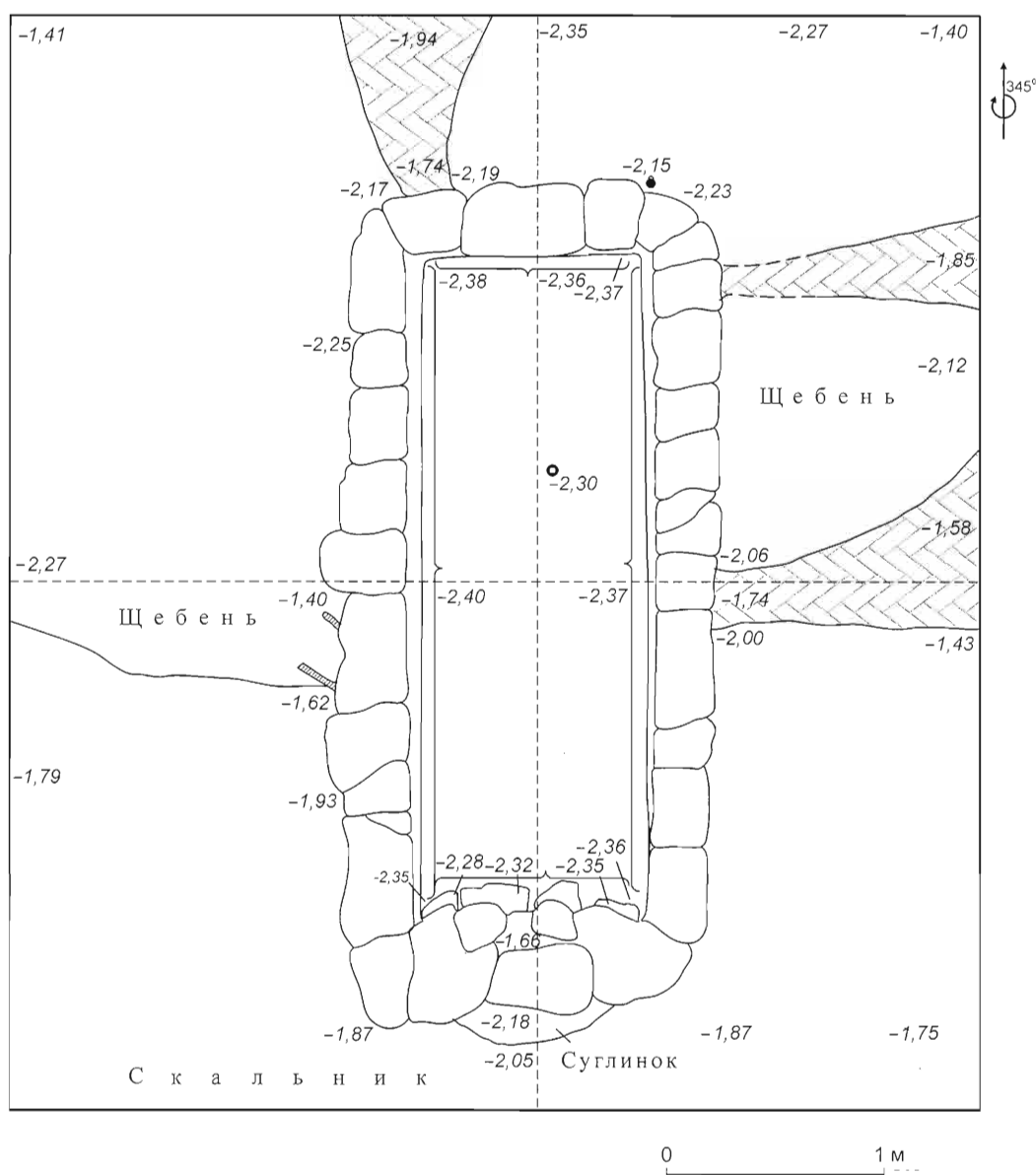

Рис. 6. План каменного ящика.

Рис. 7. Каменный склеп (вид с юго-востока).

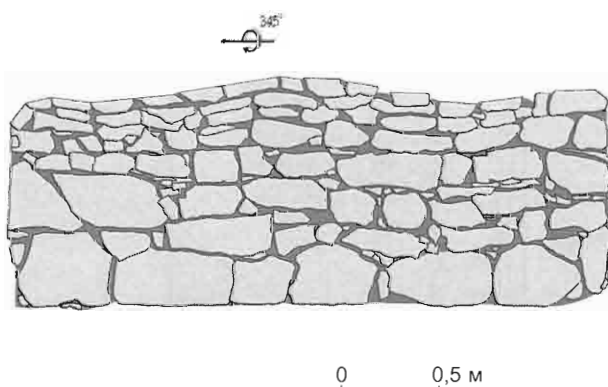

Рис. 8. Восточная стенка склепа.

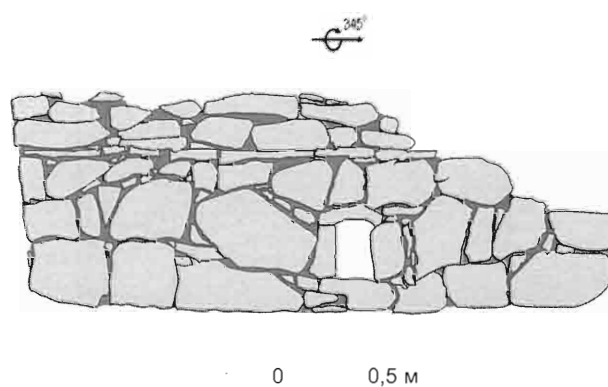

Рис. 9. Западная стенка склепа.

следующие два были сложены из камней прямоугольной формы меньшего размера (40–67 см длиной), четвертый – из 10 камней, выравнивавших верхнюю линию стены.

Западная стенка (рис. 9) длиной 301 см, высотой 82 см состояла из шести рядов камней. В основании находились крупные валуны с гладкой поверхностью. Второй ряд тоже сложен из крупных камней. В нем сооружена подпрямоугольная ниша размером 30×18 см и глубиной 10 см, условно названная “алтарь” (рис. 10). Третий ряд состоял из камней разного размера, уложенных так, что его верхний край представлял собой ровную горизонтальную поверхность, на которую помещены семь плиток толщиной 5–7 см для ее дополнительного выравнивания. Далее следуют еще два ряда камней

среднего размера (30–40 см длиной). Верхняя поверхность западной стенки оказалась неровной вследствие более поздних разрушений, особенно в северной части, где был сделан лаз для проникновения в могилу. Ниша в западной стенке и камни во многих местах сохранили следы огня в виде красных и черных прокалов. При беседе с местными жителями выяснилось, что это они разводили огонь, посещая склеп.

Северная стенка (рис. 11) значительно разрушена. Ее длина 100 см, высота сохранившейся части 78 см. В основании уложены два крупных камня, над ними еще два ряда камней разного размера. Верхней части стенки нет.

Южная стенка (рис. 12) также имеет значительные поздние повреждения. Ее длина 100 см, высота

Рис. 10. Ниша-алтарь в западной стенке.

сохранившейся части 90 см. На стыке с восточной стенкой три ряда камней и часть четвертого. Выше стенка разрушена.

Дно каменного ящика состояло из серо-зеленого суглинка без какой-либо каменной кладки. Поверхность его ровная, с небольшим уклоном к северу.

Котлован. Его глубина равна высоте ящика. Снаружи восточной и северной каменных стен три насыпи из ломаного камня, поддерживавшие стенки ящика.

Инвентарь. При разборке каменного и щебенистого завала, оказавшегося внутри каменного ящика, были обнаружены бронзовая монета и бубенчик (рис. 13).

Монета круглой формы, диаметром 2,6 см, с квадратным отверстием. Согласно определению А.Л. Ивлиева (устное сообщение), это маньчжурская монета Шунь чжи (1641–1661 гг.).

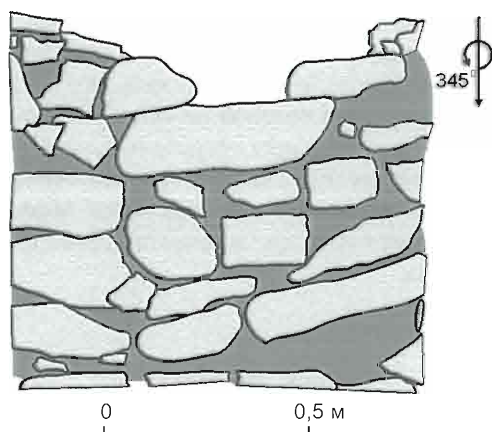

Рис. 12. Южная стенка склепа.

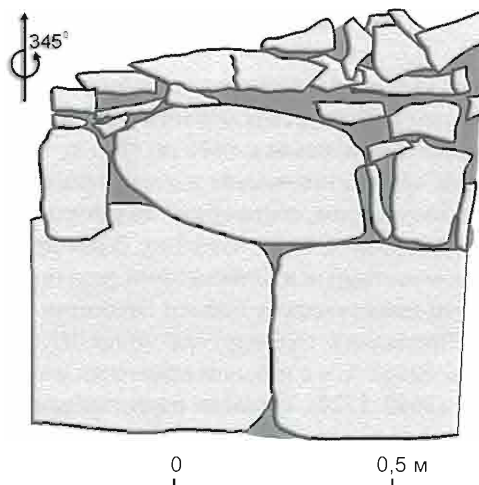

Рис. 11. Северная стенка склепа.

Бубенчик шаровидный, с круглой петелькой сверху. Его длина 2 см, диаметр 1 см. Подобные бубенчики в форме дракончиков и лягушек, но более крупного размера были широко распространены в I – начале II тыс. н.э. в средневековых культурах Дальнего Востока – мохэской, бохайской, амурских чжурчжэней [Памятники..., 1991, с. 226; Медведев, 1986, с. 47–101; Деревянко, 1975, с. 17–203; Дьякова, 1998, с. 204]. Бытовали они и в этнографическое время у тунгусо-маньчжурских этносов Приморья и Приамурья. В Китае подобные украшения используют для отпугивания злых духов до сих пор и нашивают на обувь, кошельки, одежду.

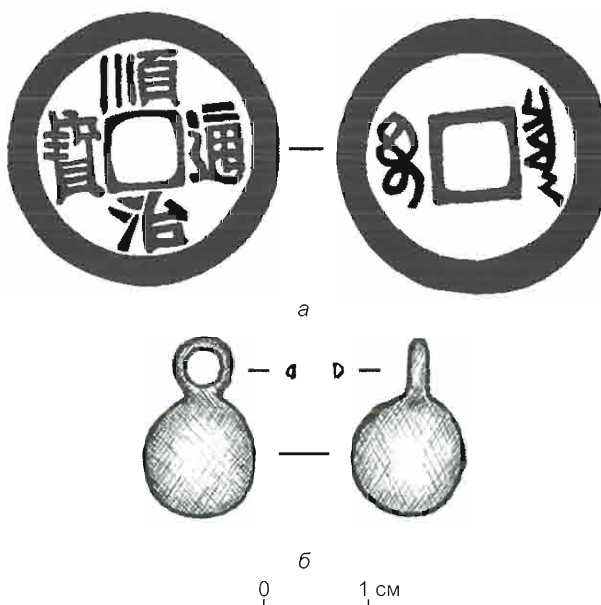

Рис. 13. Инвентарь каменного склепа у с. Богополь.
а – монета; б – бубенчик.

Обсуждение результатов

Каменный склеп у с. Богополь датируется по обнаруженной в нем маньчжурской монете Шунь чжи XVII в. Такие монеты выпускали с 1641 по 1661 г., что приходится на время становления и укрепления Маньчжурского государства, основанного чжурчжэнем Нурхаци. Чжурчжэни же, как известно, были прямыми предками маньчжуров и ближайшими родственниками тунгусо-маньчжурских племен Приморья и Приамурья. Последний год выпуска монет Шунь чжи вплотную смыкается с началом правления императора Канси (1662–1722), согласно нарративным источникам, наиболее активно осуществлявшего походы в Приморье и Приамурье с целью угона аборигенов в Маньчжурию и организации из них военных отрядов. Хождение же монет Шунь чжи в Маньчжурском государстве, естественно, выходило за хронологические рамки их выпуска. Поэтому возведение каменного склепа у с. Богополь может быть датировано не ранее 1641 г.

Для кого был построен этот каменный склеп?

Версия первая. Склеп предназначался для захоронения умершего католического иезуита, составлявшего по приказу маньчжурского императора Канси атлас Китайской империи и смежных с ней территорий, в частности Приморья. Данные о составлении карты дальневосточных земель иезуитами по приказу императора Канси сохранились в китайских источниках. В пользу этой версии говорят следующие факты: устройство каменного склепа, техника и приемы его возведения, кладка арочного свода, наличие в западной стенке ниши-алтаря. Напомню, что выявленная техника каменной кладки с арочными сводами – традиция, широко распространенная в античную эпоху в греко-римском мире, дошедшая до Северной Африки, в частности до Карфагена. На дальневосточную окраину она вполне могла быть принесена католиками-миссионерами, для погребения которых и использовалась.

Версия вторая. Склеп был сооружен для умершего или убитого на чужбине маньчжурского военачальника, отправившегося в поход в Приморье к родственным тунгусо-маньчжурским племенам для «привлечения» их в подданство императору Канси. В пользу этой версии свидетельствует то, что перед нами не рядовое захоронение человека из тунгусо-маньчжурского племени, а принципиально новая погребальная традиция, не свойственная аборигенам Приморья. Тунгусо-маньчжурские племена в эпоху средневековья, т.е. в I – первой трети II тыс. н.э., хоронили своих умерших, в т.ч. и зная, в грунтовых и курганных могильниках, а позже, в этнографическое время, большинство из них совершало воздушные захоронения [Деревянко, 1975, с. 104–130; 1977, с. 144 и др.;

Медведев, 1986, с. 17–163; Дьякова, 1998, с. 45–164]. Арочная каменная кладка на российском Дальнем Востоке в древности и средневековье неизвестна. На Корейском полуострове арки возводили при строительстве усыпальниц когурёссы (II–VII вв. н.э.), в Китае арочная кладка использовалась в эпоху династии Цзинь (265–420). Знали ее и кидани, возводившие склепы из кирпича в эпоху империи Ляо (916–1125) [Ивлиев, 1990]. Казалось бы, в пользу второй версии свидетельствует и обнаруженный в склепе бронзовый бубенчик – традиционное для тунгусо-маньчжуров украшение-оберег, нашиваемое на одежду. Однако миссионеры на Дальнем Востоке также часто носили китайские и другие национальные костюмы.

Выводы

Обособленность захоронения на возвышенности, устройство каменного склепа, арочный свод усыпальницы, несвойственный аборигенам погребальный обряд – все это свидетельствует о том, что погребенный не принадлежал к тунгусо-маньчжурскому населению долины р. Зеркальной. Время возведения склепа (XVII в.) позволяет интерпретировать эти факты в историческом контексте следующим образом: появление каменной усыпальницы с арочным сводом у с. Богополь – печальный результат одного из военных походов Маньчжурского государства в Приморье с целью угона родственного тунгусо-маньчжурского населения в Дунбэй. Сейчас невозможно установить, кем был человек, нашедший свой последний приют в приморской земле. Понятно лишь одно, что поход для него закончился трагически и случилось это, судя по характеру выкопанного котлована и каменной кладке, не зимой, а летом или осенью. К сожалению, до нас не дошли наконечники стрел и предметы из алтарной ниши, но они, по свидетельству местных жителей, были. Поскольку алтарная ниша располагалась в северной части западной стенки склепа, то можно думать, что погребенный был захоронен головой на север. Северная же ориентация соответствует погребальным традициям монголов. Последние, как утверждают китайские хроники, тоже входили в состав войск Маньчжурского государства, в т.ч. в качестве самостоятельных отрядов.

Список литературы

Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. – Казань: [Тип. Имп. ун-та], 1882. – 565 с.

- Васильев В.П.** Описание Маньчжурии // Зап. РГО. – СПб., 1857. – Кн. 12. – С. 1–77.
- Васильев В.П.** Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин. – СПб., 1863. – 371 с.
- Горский В.** Начало и первые дела Маньчжурского дома // Тр. членов Русской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1852. – Т. 1. – С. 295.
- Деревянко Е.И.** Мохэские памятники среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.
- Деревянко Е.И.** Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 223 с.
- Долгих Б.О.** Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сб. ст. по истории Дальнего Востока. – М., 1959. – С. 125–142.
- Дополнение** к актам историческим. – СПб., 1846. – Т. 2. – 295 с.
- Дополнение** к актам историческим. – СПб., 1848. – Т. 3. – 557 с.
- Дьякова О.В.** Мохэские памятники Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 316 с.
- Дьякова О.В., Дьяков В.И., Сакмаров С.А.** Поздне-средневековая гончарная печь памятника Петровка-5 в Приморье // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2002. – Вып. 4. – С. 193–204.
- Ивлиев А.Л.** Погребения киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 42–64.
- Лебедева Е.П.** Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII в. // Учен. зап. Лeningr. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – 1957. – Т. 132. – С. 69–110.
- Маньчжурское владычество** в Китае. – М.: Наука, 1966. – 387 с.
- Медведев В.Е.** Приамурье в конце I – начале II тысячелетия: Чжурчжэньская эпоха. – Новосибирск: Наука, 1986. – 205 с.
- Мелихов Г.В.** Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхаи и Абахае (1591–1644 гг.) // Маньчжурское владычество в Китае. – М.: Наука, 1966а. – С. 111–116.
- Мелихов Г.В.** К истории проникновения маньчжуров в бассейн верхнего Амура в 80-х годах XVII в. // Маньчжурское владычество в Китае. – М.: Наука, 1966б. – С. 90–96.
- Надаров И.** Северо-Уссурийский край. – СПб., 1887. – 168 с.
- Палладий, Попов П.С.** Китайско-русский словарь. – Пекин: [Тип. Тунь-Вэнь-Гуань], 1888. – Т. 1. – 628 с.
- Памятники истории и культуры Приморского края:** Материалы к своду. – М.: Внешторгиздат, 1991. – 267 с.
- Рудаков А.В.** Поземельный вопрос в Гиринской провинции в связи с ее заселением (перевод Цилинь тунчжи) // Изв. Вост. ин-та. – Владивосток, 1902. – Т. 3. – С. 396.
- Рудаков А.В.** Материалы по истории культуры в Гиринской провинции (1644–1902 гг.) – Владивосток: [Б.и.], 1903. – Т. 1. – 574 с.
- Соловьев Ф.В.** Китайские отходники и их географические названия в Приморье. – Владивосток: [Б.и.], 1973. – 281 с.

Материал поступил в редколлегию 26.11.04 г.

УДК 903.2

А.Ю. Борисенко¹, Ю.С. Худяков²¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aborisenko@ngs.ru² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: khudjakov@ngs.ru

УЗДА С ПАМЯТНИКА ЧОБА-БАШ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Введение

Со времени освоения верховой езды на рубеже позднего бронзового и раннего железного века кочевые народы степного пояса Евразии украшали принадлежности сбруи верховых коней. На памятниках археологических культур древних и средневековых кочевников Саяно-Алтая найдены многочисленные детали конского убранства, изготовленные из металла, кости, рога и дерева. Конская сбруя на протяжении существования кочевнических культур видоизменялась и совершенствовалась. Поэтому особенности ее функционально значимых и декоративных деталей являются важным хронологическим и этнокультурным показателем, различающим предметные комплексы древних и средневековых культур кочевников.

На территории Горного Алтая наборы металлических украшений конской узды, позволяющие выявить особенности конструкции оголовья из кожаных ремней, обнаружены на памятниках раннескифского времени [Шульга, 1998, с. 27–29]. Особой пышностью и вычурностью отличались декоративные детали узды в пазырыкской культуре Горного Алтая. Благодаря подкурганной мерзлоте в некоторых могилах, расположенных в высокогорных районах, были обнаружены не только металлические или роговые, но и деревянные резные украшения сбруйных ремней, передающие характерные образы скифского звериного стиля, эти фигурки обертывались золотой фольгой [Полосьмак, 1994, с. 44–56; Самашев, Мыльников, 2004, с. 217–224].

Значительно проще и незатейливее выглядели металлические декоративные детали конской узды в культурах первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 130–131; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 28]. Новый этап в развитии сбруйных украшений, в течение которого произошла смена трех стилей в оформлении металлической фурнитуры для уздечных ремней, выделяется в эпоху раннего средневековья. На памятниках кудыргинского типа, относящихся ко времени существования Первого Тюркского каганата, обнаружены бронзовые уздечные украшения, выполненные в геральдическом стиле [Худяков, Кочеев, 1997, с. 16]. Для последующего, катандинского этапа характерны декоративные детали с гладкой, неорнаментированной поверхностью и фигурными краями [Савинов, 1982, с. 115–116]. По мнению А.А. Тишкина и Т.Г. Горбуновой, «тюркская» традиция в оформлении конской амуниции отличалась «бедным» орнаментом или его отсутствием [2004, с. 61]. Однако в последующий период (VIII–X вв. н.э.), на курайском этапе развития древнетюркской культуры, так же как и в культурах уйгуров, енисейских кыргызов и кимаков, наблюдается настоящий расцвет растительной, зооморфной, орнитоморфной, антропоморфной орнаментации [Кызласов, Король, 1990, с. 96–140; Худяков, 1998, с. 33–37]. В это время предметы сбруйной фурнитуры изготавливались преимущественно из бронзы и иногда покрывались позолотой. В погребениях кочевой знати встречаются подобные изделия из благородных металлов.

В эпоху развитого средневековья в культурах степного пояса Евразии, в т.ч. Саяно-Алтая, получила распространение новая традиция: сбруйные принадлежности стали изготавливать из железа, инкрустировать серебром и украшать геометрическим орнаментом [Кызласов, 1983, с. 10]. Благодаря хорошей сохранности железных предметов, найденных на памятниках культуры енисейских кыргызов, подобные украшения изучены в комплексах Минусинской котловины [Худяков, 1982, с. 132–134]. Однако такие детали конской сбруи известны по кыргызским материалам и в других районах Саяно-Алтая, а также в кыпчакских комплексах Казахстана и в болгарских Восточной Европы [Акишев, Байпаков, 1979, с. 105; Руденко, 2001, с. 57–60].

Подобные сбруйные принадлежности продолжали широко использоваться тюркскими и монгольскими скотоводческими народами в периоды позднего средневековья и сохранились в традиционной культуре этих этносов вплоть до этнографической современности. На памятниках эпохи позднего средневековья наряду с обычными железными предметами конской сбруи иногда встречаются и бронзовые украшения узды. В составе уздечных наборов, характерных для традиционной материальной культуры теленгитов, выявлены двусоставные застёжки, составные тройники, пластины с шестилепестковыми розетками и прямоугольные накладки с одним треугольным окончанием [Савинов, 1977, с. 47]. Новыми формами украшений узды, известными по материалам памятников эпохи позднего средневековья в Горном Алтае и традиционной культуре кыргызов на Тянь-Шане, можно считать накладки в виде тройников, состоящих из широких прямоугольных пластин. Эти и другие накладки крепились вплотную к кожаным ремням таким образом, чтобы вся поверхность узды была покрыта металлическими украшениями. Изучению подобного уздечного набора с памятника Чоба-Баш в Горном Алтае посвящена настоящая статья.

Описание памятника и находок

Памятники, относящиеся к эпохе позднего средневековья, изучены в разных районах Горного Алтая. В 1982 г. захоронение в скальной расщелине в урочище Тожан на горе Межелик в окрестностях с. Ело в долине р. Урсул было доисследовано В.А. Кочевым [1983, с. 153–154]. В 1991 г. в долине р. Ак-Алаха на плоскогорье Уюк В.И. Молодиным проводились раскопки погребальных памятников Бертек-9 и 20, датированных временем развитого и позднего средневековья [Древние культуры..., 1994, с. 127–129]. В 1996, 1997, 2001–2003 гг. Ю.С. Худяков исследовал одно впускное и четыре основных захоронения под округ-

лыми и овальными каменными насыпями в долинах рек Эдиган и Чоба, правых притоков р. Катунь [Борисенко, Худяков, 2003а, с. 13–25].

В 2001 г. Южно-сибирским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН был раскопан памятник Чоба-Баш, где в составе сопроводительного погребального инвентаря обнаружены своеобразные бронзовые уздечные накладки. Он расположен на высокой террасе правого берега р. Чоба, к востоку от дороги Чемал–Кунос, в 16,3 км от с. Кунос в Чемальском р-не Республики Алтай.

Могила до проведения раскопок представляла собой пологую, интенсивно задернованную каменную выкладку овальной формы, площадью $4 \times 2,5$ м, высотой 0,1 м, ориентированную длинной осью по линии запад–восток. Надмогильное сооружение состояло из одного слоя массивных скальных обломков (рис. 1). Среди камней встречались остатки тризны – фрагменты лепных керамических сосудов, обломки костей овец, крупного рогатого скота и лошадей. Под каменной выкладкой была узкая прямоугольная могильная яма, заполненная землей и камнями. В заполнении встречались кости домашних животных и фрагменты керамики. На дне могильной ямы находился скелет взрослой женщины, погребенной в вытянутом положении на спине, с согнутой в локте левой рукой, головой на восток. Тело умершей было положено на берестяное полотнище и перекрыто таким же по-

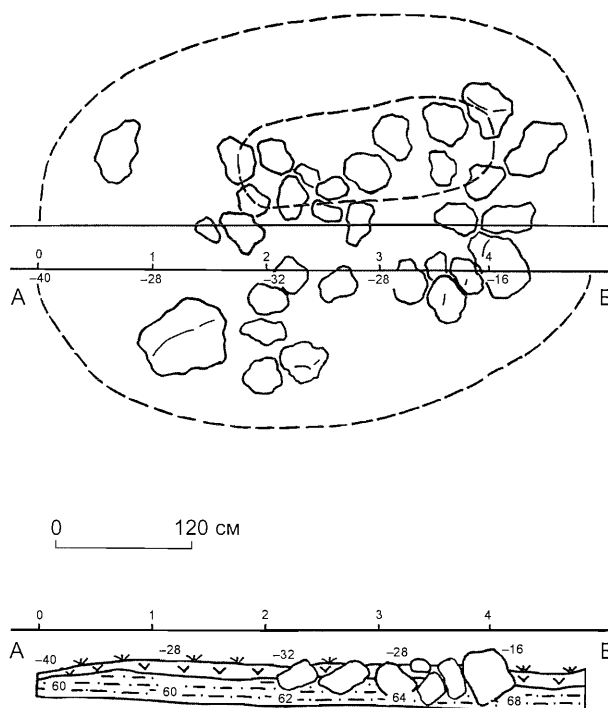

Рис. 1. План насыпи.

Рис. 2. Погребение.

лотником и жердями вдоль стенок могильной ямы (рис. 2, 3). На костях скелета находились украшения и бытовые предметы. При совершении погребения за головой умершей были помещены предметы сбруи: удила, уздечные ремни с накладками, железные стремена [Борисенко, Худяков, 2001, с. 254–256].

К числу принадлежностей конского оголовья относятся фрагменты сильно корродированных звеньев от железных двусоставных удили с массивными бронзовыми кольцами, на которых сохранились остатки кожаных ремней от узды и поводьев.

Двусоставные железные удила с кольчатыми псалиями в конском убранстве кочевников Горного Алтая появились в эпоху раннего средневековья [Гаврилова, 1965, с. 80–81]. В развитом и позднем средневековье они были наиболее распространенной формой [Худяков, 1999, с. 185; 2003, с. 102]. Однако кольчатые псалии у таких удили, так же как звенья, практи-

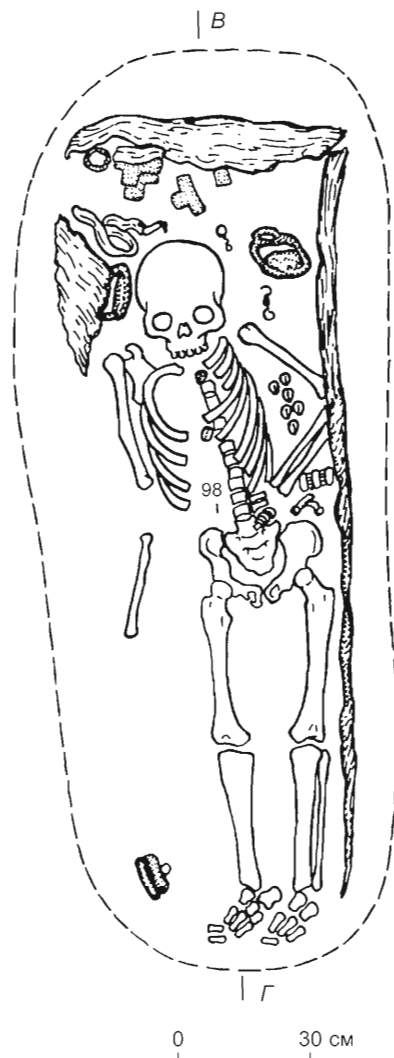

Рис. 3. План погребения.

чески всегда изготавливались из железа. Почему кольца чоба-башкой узды были сделаны из бронзы, трудно сказать. Возможно, изготовитель стремился к тому, чтобы они соответствовали накладкам, сделанным преимущественно из бронзы, хотя в наборе сбруйных принадлежностей имеются и железные пряжки, кольца и накладки.

Деталими конского оголовья являются бронзовые тройники, пластины, пряжки. Тройники – распределители ремней – имеют отходящую в сторону дополнительную короткую пластину. Среди четырех тройников два выделяются наибольшими размерами: длина пластин 12,8 см, ширина 2,5–3 см, длина ответвлений 4 см, ширина 2,6 см. У каждого из них по два пирамидальных выступа на длинной пластине и по одному на ответвлении. По периметру тройников пуансонным инструментом нанесен орнамент в виде двух параллельных полос, состоящих из неглубоких

прямоугольных вдавлений. Выполнен он не очень умело. На некоторых участках вдавления смещены и отрезки линии не стыкуются, а заходят друг за друга. Создается впечатление, что в отличие от пирамидальных выступов, оформленных в процессе изготовления тройников, эта орнаментация была выполнена не мастером, а владельцем сбруи, в дополнение к уже существующему украшению. Тройники крепились к кожаной основе с помощью железных шпунтов с расклепанными шляпками. На длинной пластине располагались четыре такие заклепки, на ответвлении еще одна (рис. 4, 1; 5, 7; 6; 7).

Третий тройник имеет длинную пластину меньших размеров: один ее конец обломан. На ответвлении есть узкая прорезь, а под ней железная перекладина. Длина сохранившейся части пластины 8 см, ширина – 2,5 см, длина ответвления 5 см, ширина – 2,5 см. С внутренней стороны тройника имеется железная прокладка. Длинная пластина украшена тремя пирамидальными выступами. На внешней ее стороне по периметру нанесен орнамент в виде двух параллельных прерывистых ли-

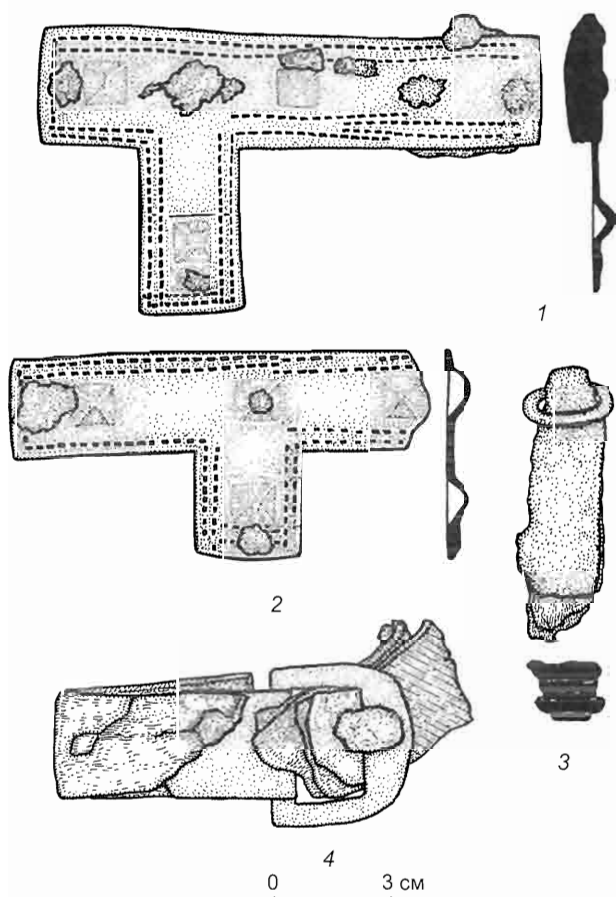

Рис. 4. Детали сбруи.
1, 2 – тройники; 3 – накладка с кольцом; 4 – пряжка.

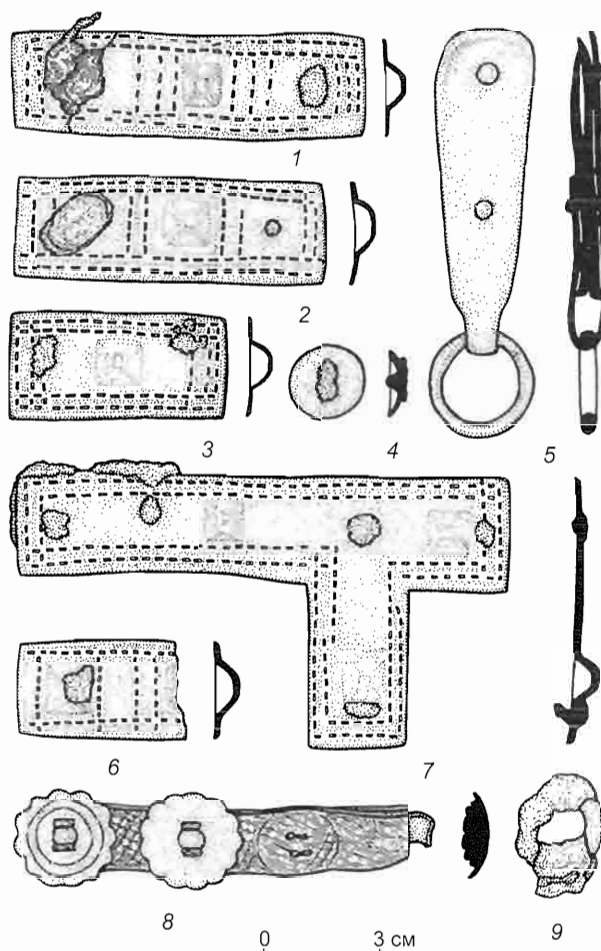

Рис. 5. Детали сбруи.

1–3, 6 – накладки; 4 – бляшка; 5 – накладка с кольцом;
7 – тройник; 8 – ремень с бляшками; 9 – кольцо.

ний из небольших вдавлений. На ответвлении такие линии есть с обеих сторон, но только до его середины, а пирамидального выступа нет. На тройнике имеются только две заклепки для крепления к кожаному уздечному ремню. Вероятно, на несохранившемся конце длинной пластины также была заклепка.

Четвертый тройник тоже сохранился не полностью: один конец длинной пластины обломан. Длина сохранившейся части 10,5 см, ширина 2,5 см, длина ответвления 2,5 см, ширина 2,5 см. На длинной пластине три пирамидальных выступа (на концах и в центре), на ответвлении один. Поверхность тройника украшена по периметру двойной прерывистой линией из небольших вдавлений. В некоторых местах они смещены и отрезки линии не стыкуются, заходя друг за друга. На одном конце длинной пластины линия только одна (см. рис. 4, 2).

Помимо тройников к уздечному набору могут относиться прямоугольные пластины разной длины, но примерно такой же ширины, что и пластины тройников.

Рис. 6. Тройники.

Рис. 7. Тройники, один с пряжкой.

Самая крупная накладка имеет длину 9,2 см, ширину 2,6 см. В центральной ее части находится пирамидальный выступ. По периметру пластина орнаментирована двумя параллельными прерывистыми линиями из неглубоких вдавлений, на одном конце таких линий не две, а три. Орнаментальное поле пластины разделено на три квадратных отсека. Центральный, с пирамидальным выступом, отделен от двух крайних тремя прерывистыми линиями. Накладка крепилась к кожаному ремню оголовья с помощью железных заклепок на обоих концах пластины (см. рис. 5, 1).

Вторая накладка несколько меньше по размерам: длина 8 см, ширина 2,6 см. В центральной части пластины имеется пирамидальный выступ. По периметру накладка украшена орнаментом в виде двойной прерывистой линии из небольших вдавлений. Такие же линии делят орнаментальное поле пластины на три квадратных отсека. На обоих концах накладки имеются железные заклепки, с помощью которых она крепится к кожаному ремню оголовья (см. рис. 5, 2).

Третья накладка еще меньше по размерам: длина 5,7 см, ширина 2,7 см. В центральной ее части находится пирамидальный выступ. Накладка орнаментирована по длинным сторонам двойной прерывистой ли-

нией, а по коротким – тройной. На обоих концах имеются железные заклепки для крепления к ремню оголовья (см. рис. 5, 3).

Четвертая накладка обломана. Длина сохранившейся части 4,4 см, ширина 2,6 см. На накладке два пирамидальных выступа: один на конце, другой на месте излома пластины, поэтому сохранился не полностью. Накладка орнаментирована по периметру прерывистой линией из неглубоких вдавлений. Целый пирамидальный выступ окаймлен со всех сторон прерывистой линией, образующей квадратный отсек, а обломанный отделен от остального орнаментального поля двумя такими линиями. На сохранившейся части накладки имеется одна железная заклепка для крепления к кожаному ремню оголовья. Ее шляпка находится на вершине полностью сохранившегося пирамидального выступа (см. рис. 5, 6).

В составе сбруйного набора имеется еще одна небольшая прямоугольная накладка с пирамидальным выступом в центре. Однако по ширине эта пластина значительно уже всех предыдущих. Поэтому она не могла крепиться к уздечным ремням, ширина которых, судя по размерам тройников и накладок, составляла ок. 2,5 см. Близкие по форме и орнаментации пластины были в составе украшений подфейного рем-

ня. Четыре такие накладки крепились к железному кольцу-распределителю. Одна обломанная пластина присоединялась с помощью петли к небольшому железному кольцу, в которое продевался сбруйный ремень. Эти накладки не могли относиться к числу уздечных украшений, поскольку отличались от них конструктивно или по своим размерам.

В состав узды должно было входить не менее двух пряжек. Одна из них крепилась на перекладине ответвления тройника, расположенного на нащечном ремне. Рамка и язычок пряжки не сохранились. Вероятно, они были изготовлены из железа и разрушились под воздействием коррозии. О расположении пряжки на этом ответвлении свидетельствует наличие железной перекладины и прорези на пластине, которая позволяла отводить железный язычок, крепившийся на перекладине. Еще одна пряжка с полуовальной бронзовой рамкой, плоским щитком и железным язычком должна была находиться на правом нащечном ремне. Длина ее рамки 3,5 см, ширина 4 см. Щиток пряжки прикреплен к кожаному ремню шириной 2,5 см. В рамку продет и закреплен на железном язычке двойной кожаный ремень шириной 2,5 см (см. рис. 4, 4; 8).

В составе сбруйного набора имеются еще несколько бронзовых пряжек с полуовальной рамкой, железным язычком, орнаментированными щитками в виде прямоугольных пластин с сердцевидными окончаниями и железные пряжки с прямоугольной рамкой и подвижным язычком. Среди бронзовых и железных сбруйных принадлежностей имеется железная пластина с бронзовым кольцом, бронзовая сферическая накладка и кольцо с остатками кожаного ремня (см. рис. 4, 3; 5, 4, 9). Вероятно, они должны относиться к седельным ремням, поскольку по оформлению и орнаментации накладок отличаются от тройников и пластин узды.

Судя по имеющимся находкам, в уздечном наборе из погребения Чоба-Баш было четыре тройника-распределителя, четыре накладки и две пряжки. Назначение и местоположение отдельных деталей в составе сбруйных украшений (см. рис. 5, 5, 8) не вполне ясно.

Реконструкция узды

Для реконструкции конского оголовья из погребения Чоба-Баш большое значение имеют хорошо сохранившиеся уздечки с металлическими удилами и накладками, характерные для традиционной культуры тюркских и монгольских народов.

На теленгитской узде скотоводов Сайлюгемской степи в Горном Алтае, изученной Д.Г. Савиновым, было два нащечных, наносный и подчелюстной рем-

Рис. 8. Пряжка.

ни с двусоставными застегками, накладками, наносной пластиной и розеткой, составными тройниками [1977, с. 47]. Уздечные ремни, характерные для культуры населения Баян-Ульгийского аймака Монголии, украшены фигурными бляшками, накладками и четырехконечными распределителями в местах соединения наносного и подчелюстного с нащечными ремнями [Цултэм, 1987, рис. 126].

Наибольшее сходство в форме накладок и тройников у чоба-башской узды наблюдается с украшениями уздечных наборов кыргызов Тянь-Шаня. Подобные богато украшенные уздечки, хранящиеся в коллекции Государственного исторического музея Кыргызстана в г. Бишкеке, были изучены одним из авторов настоящей статьи. Для таких уздечек характерно наличие двух нащечных, затылочного, наносного и подчелюстного ремней, к которым крепились по четыре тройника, наносная бляха, по две пряжки и наконечники. Судя по этим находкам, два крупных тройника на чоба-башской узде крепились ответвлениями вверх на нащечных ремнях, а ответвления прикреплялись к наносному ремню в месте его соединения с нащечным. Третий тройник с пряжкой располагался ответвлением вниз на левом нащечном ремне вслед за большим тройником. Его ответвление с пряжкой, служившей для продевания и затягивания подче-

люстного ремня, находилось в месте соединения последнего с нащечным ремнем. Четвертый тройник располагался ответвлением вниз на правом нащечном ремне в месте его соединения с подчелюстным ремнем. Прямоугольные накладки располагались на наносном ремне посередине, между ответвлениями крупных тройников, на обоих нащечных ремнях, выше третьего и четвертого тройников, на затылочном ремне посередине. Бронзовая пряжка со щитком должна была находиться на левом нащечном ремне, выше прямоугольной накладки. В нее продевался и затягивался затылочный ремень (рис. 9).

Подобная узда не имела налобного и подшейного ремней. Ее конструкция выглядит упрощенной модификацией в сравнении с уздечками, характерными для кочевнических культур Саяно-Алтая и всей Центральной Азии в периоды раннего и развитого средневековья. У кыргызских уздечек между тройниками с ответвлениями, направленными вверх по наносному ремню, находилась широкая дугообразно изогнутая пластина с расширением и завитками в обе стороны. Она напоминает аналогичную по конструктивным особенностям наносную накладку на теленгитской узде [Савинов, 1977, с. 47, рис. 13, 7]. На кыргызских уздечках четыре тройника располагались на нащечных

ремнях попарно, аналогично тому, как реконструировано их расположение на оголовье из погребения Чоба-Баш, но на тройнике, находившемся на правом нащечном ремне в месте крепления подчелюстного, было две пряжки. Одна из них затягивала подчелюстную, другая – затылочный ремень. Концы этих ремней были оформлены плоскими орнаментированными наконечниками, посередине затылочного крепилась прямоугольная или иной формы дугообразно выгнутая пластина. В отличие от украшений узды из погребения Чоба-Баш, все тройники, накладки и наконечники на кыргызских оголовьях изготовлены из железа, украшены серебряной чеканкой и богато орнаментированы.

Развитие уздечных украшений у кочевников Горного Алтая в эпоху позднего средневековья

Конское убранство было важной частью материальной культуры кочевников Горного Алтая. В средневековый период, как отмечалось выше, оно постоянно развивалось, пережило несколько этапов своей эволюции. Однако конское убранство в различных кочевнических культурах изучено весьма неравномерно, т.к. в разной степени исследованы комплексы раннего, развитого и позднего средневековья. Наиболее хорошо представлены принадлежности конской сбруи на древнетюркских памятниках эпохи раннего средневековья. На основе изучения этих находок прослежены особенности конструкции конского оголовья, оформления и орнаментации металлических украшений узды [Худяков, Кочеев, 1997, с. 16; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, с. 50–52; Тишкин, Горбунова, 2004, с. 61].

На рубеже эпохи развитого средневековья кочевники Горного Алтая стали изготавливать сбруйную, в т.ч. уздечную, фурнитуру из железа. Железные накладки этого времени обнаружены здесь на памятниках культуры енисейских кыргызов [Худяков, 2001, с. 166–169]. Традиция изготовления сбруйных украшений из железа прослеживается в разных культурах кочевников Горного Алтая и в период позднего средневековья. В раскопанных в долине р. Эдиган одиночных захоронениях по обряду ингумации под каменными насыпями и впускных погребениях по обряду частичной кремации обнаружены железные сбруйные пряжки и накладки разных форм, в т.ч. уздечные: односторонне выпуклые с вогнутыми сторонами и овальными окончаниями; плоские прямоугольные с одним овальным окончанием или двумя, орнаментированные рядами поперечных полосок. Некоторые из них имеют на одном конце узкую прорезь для закрепления накладки с раздвоенным окон-

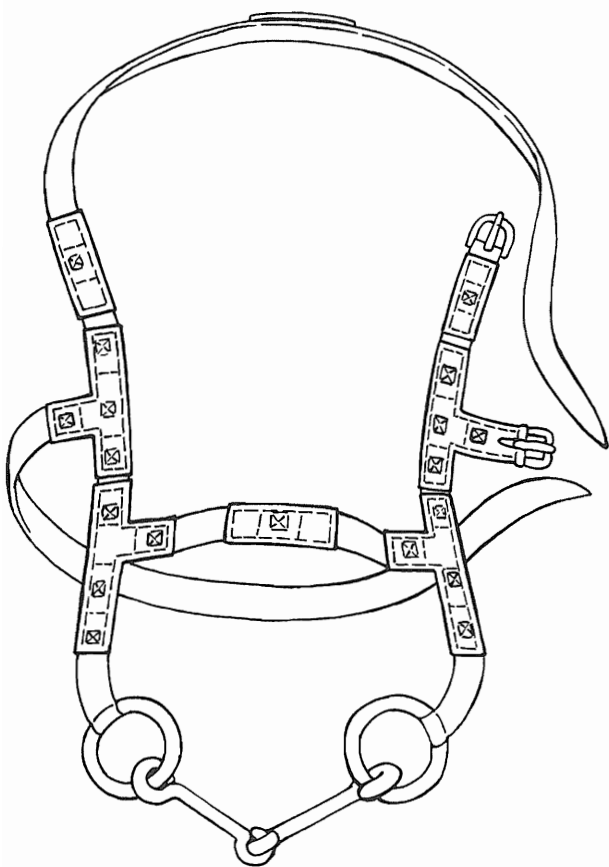

Рис. 9. Реконструкция узды с накладками.

чанием. Одна накладка соединена с прямоугольной пряжкой и подвижным язычком [Борисенко, Худяков, 2003а, с. 37–38].

Уздечные наборы с памятников Кок-Эдиган и Эдиган-Баш имеют заметные отличия от Хоба-башского: они изготовлены из железа, иначе оформлены и орнаментированы. Это может свидетельствовать о том, что в оформлении сбруйных принадлежностей у населения Горного Алтая существовали и развивались различные тенденции. Наряду с традиционными для культур Саяно-Алтая железными деталями изготавливались и бронзовые украшения конского оголовья, а для их оформления использовались образцы, характерные для тюркских и монгольских кочевников западных районов Центральной Азии. Распространение новых форм сбруйных украшений подтверждает, что культура кочевого населения Горного Алтая не оставалась в стороне от изменений, которые происходили в культурах народов всего региона.

Основные элементы уздечного набора из погребения Чоба-Баш находят аналогии в убранстве верхового коня у кыргызов Тянь-Шаня. Это сходство носит системный характер, а различия относятся к отдельным второстепенным деталям. Возможно, они объясняются использованием для изготовления сбруйных принадлежностей разных металлов. Чоба-башская узда стадияльно и хронологически должна предшествовать более развитым и законченным формам кыргызских уздечных наборов, что позволяет отнести ее к эпохе позднего средневековья или начальному этапу формирования традиционных этнографических культур некоторых этнических групп южных алтайцев, теленгитов или алтай-кижи. Рассматриваемые материалы подтверждают мнение многих ученых, языковедов, фольклористов и этнографов о наиболее значительном сходстве культур кыргызов и алтайцев в сравнении с культурами других тюркских народов [Асанканов, 2003, с. 17–18; Алымкулова, 2003, с. 131–139].

Заключение

Богато украшенная узда и другие принадлежности сбруи, вещи бытового назначения и детали костюма женщины, погребенной в одиночной могиле на р. Чоба, должны относиться к культуре одной из этнических групп южных алтайцев, теленгитов или алтай-кижи, о чем свидетельствует весь предметный комплекс памятника Чоба-Баш, в особенности женские украшения и принадлежности костюма, имеющие точные аналогии в одежде и аксессуарах именно этих этнических групп алтайцев [Борисенко, Худяков, 2003б, с. 165].

Рассмотренные выше принадлежности узды позволяют сделать вывод об устойчивых культурных связях кочевого населения Горного Алтая в эпоху позднего средневековья с тюркскими и монгольскими народами западных районов Центральной Азии, в т.ч. западными монголами-ойратами и кыргызами Тянь-Шаня. Вероятно, эти контакты относятся ко времени усиления Джунгарского ханства и его экспансии в направлении Восточного Туркестана и южных районов Алтая, когда земли, населенные теленгитами и тянь-шаньскими кыргызами оказались в зоне влияния джунгаров. Реконструированная чоба-башская узда представляет собой один из этапов развития сбруйных украшений, бытовавших в эпоху позднего средневековья.

Список литературы

- Акишев А.К., Байпаков К.М.** Вопросы археологии Казахстана. – Алма-Ата: Мектеп, 1979. – 159 с.
- Алымкулова С.К.** Общность в материальной культуре алтайцев и кыргызов // Материалы Международной археолого-этнографической экспедиции, посвященной 2200-летию кыргызской государственности. – Бишкек: Кыргыз. гос. пед. ун-т им. И. Арабаева, 2003. – С. 126–147.
- Асанканов А.А.** Кыргыз: этногенетические и этнокультурные связи с народами Саяно-Алтая (к постановке проблемы) // Материалы Международной археолого-этнографической экспедиции, посвященной 2200-летию кыргызской государственности. – Бишкек: Кыргыз. гос. пед. ун-т им. И. Арабаева, 2003. – С. 13–25.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.** Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 224 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Чоба-Баш – новый памятник эпохи позднего средневековья на средней Катунь // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – С. 253–257.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Изучение археологических памятников позднего средневековья в долине р. Катунь в Горном Алтае // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. – Новосибирск: ООО РТФ, 2003а. – С. 10–45.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Украшения и принадлежности женского костюма из позднесредневекового погребения Чоба-Баш в Горном Алтае // Древности Алтая: Межвуз. сб. науч. тр. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2003б. – № 11. – С. 160–169.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.
- Древние культуры Бертековской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, Т.С. Балуева, С.К. Васильев, И.Е. Гребнев, Б.В. Мельников, В.П. Мыльников, А.В. Новиков, И.В. Октябрьская, Н.В. Полосьмак, И.Ю. Слюсаренко, А.И. Соловьев, А.В. Чайко, Д.В. Черемисин, Т.А. Чикишева.** – Новосибирск: Наука, 1994. – 224 с.

Кочеев В.А. Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. науч.-исслед. ин-т ист., яз. и лит., 1983. – С. 153–162.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 126 с. – (САИ; Вып. Е 3-18).

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.

Полосьмак Н.В. “Стерегищие золото грифы”: (Ак-Ала-хинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: Исследование и каталог. – Казань: Заман, 2001. – 256 с.

Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // СЭ. – 1977. – № 1. – С. 31–48.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102–122.

Самашев З., Мыльников В. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: ОФ “Берел”, 2004. – 312 с.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 126 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск: Наука, 1982. – 239 с.

Худяков Ю.С. Искусство кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1998. – 120 с.

Худяков Ю.С. Позднесредневековое впускное погребение на могильнике Кок-Эдиган // Алтай и Центральная Азия:

культурно-историческая преемственность: Материалы Международ. науч. конф. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. ин-т гум. исслед., 1999. – С. 180–193.

Худяков Ю.С. Предметный комплекс из памятников кыргызов XI–XII вв. в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 161–171.

Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. – Вып. 1. – С. 99–109.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1997. – № 3. – С. 10–18.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1996. – № 3. – С. 46–53.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 95–150.

Цултэм Н. Декоративно-прикладное искусство Монголии. – Улан-Батор: Госиздательство, 1987. – 155 с.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – начала VI в. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 25–49.

Материал поступил в редколлегию 2.12.04 г.

УДК 903.05

С.А. Григорьев*Институт истории и археологии УрО РАН**ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия**E-mail: stgrig@mail.ru*

АНАЛИЗ ШЛАКОВЫХ ОСТАТКОВ С ПОСЕЛЕНИЙ ВИШНЕВКА, ВЕРХНЯЯ АЛАБУГА И КОРШУНОВО В ТОБОЛО-ИШИМСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

Введение

Одной из наименее изученных проблем в исследованиях древней металлургии Северной Евразии является производство меди населением, оставившим одиновско-крохалевскую, вишневскую, кротовскую и ташковскую керамику. До последнего времени свидетельства плавки руды этими племенами отсутствовали. Настоящая статья частично заполняет данный пробел, хотя количество материала, который оказался доступен для исследования, довольно ограничено. Просмотр ряда коллекций Западной Сибири, публикаций, консультации со специалистами** дали основание для вывода о том, что на памятниках этого региона металлургический шлак практически отсутствовал и, следовательно, плавка металла из руды здесь почти не производилась. В просмотренных коллекциях удалось обнаружить лишь семь образцов шлака, происходящих с трех поселений: Вишневка, Коршуново и Верхняя Алабуга. Все они были проанализированы. Собственно, для этих бедных медной рудой районов подобная ситуация неудивительна. До предпринятого аналитического исследования мы даже допускали возможность того, что

и те единичные образцы шлака, которые удалось обнаружить, являются свидетельствами металлообработки. Дело в том, что иногда внешне эти шлаки могут быть похожи. Вместе с тем мы исследовали уже сотни образцов, и шлаки, оставшиеся от металлообрабатывающего производства, были встречены лишь в единичных случаях. Вероятно, подобный шлак получали сравнительно редко. Это могло быть лишь в тех случаях, когда происходило нежелательное окисление меди. Кроме того, такой шлак мог впоследствии перерабатываться.

Вишневка, Коршуново и Верхняя Алабуга являются на территории Курганской области и Северного Казахстана практически единственными объектами с четко выраженным культурным слоем, в котором обнаружены материалы, относимые к периоду ранней бронзы. Отдельные образцы керамики найдены и на других поселениях, но культурный слой — только на этих трех. На всех названных памятниках обнаружены остатки металлургического производства, хотя и довольно скромные, если, конечно, вообще возможно делать такие выводы, оперируя лишь тремя объектами.

Датировка шлака, происходящего из Верхней Алабуги и Коршунова, довольно проблематична. На последнем памятнике шлак был обнаружен на участке с керамикой как эпохи ранней бронзы, так и раннего железного века. Поэтому связь этого образца с раннебронзовым временем окончательно не установлена, однако по технологическим характеристикам он все же достаточно близок прочим шлакам исследованной серии. В погребениях могильника Верхняя Алабуга представлены главным образом алакульские

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-96008).

** Особую признательность автор выражает В.И. Стефанову, который был настолько любезен, что не ограничился констатацией отсутствия шлака на западно-сибирских памятниках эпохи бронзы, а составил список памятников, где шлак отсутствовал.

материалы, хотя выделяется и ряд энеолитических захоронений. Вместе с тем в его западной и южной частях исследовано поселение эпохи ранней бронзы, где и были собраны проанализированные шлаки. По керамическому комплексу поселение признано наиболее западным памятником одиновско-крохалевского типа [Потемкина, 1985, с. 158–161]. Иные материалы там не выявлены. Поэтому отнесение шлака к раннебронзовому времени наиболее вероятно, тем более что для погребальных памятников такие находки совершенно нехарактерны. Связь с вишневым комплексом шлака с поселения Вишневка наиболее безупречна, поскольку это однослойный памятник с хорошо выраженным культурным слоем.

Исследования производились согласно методике, впервые примененной для шлаков синташтинской культуры и подробно описанной [Григорьев, 2000б]. Все образцы исследовались с помощью минералогического микроскопа в отраженном свете. Этот метод является базовым, поскольку позволяет выявить и довольно четко определить большинство включений в шлаке. Кроме того, два образца с поселений Верхняя Алабуга и Вишневка были подвергнуты химическому анализу (выполнен в химической лаборатории Челябинской геолого-съемочной экспедиции), а один из них (с поселения Верхняя Алабуга) оказался настолько интересен, что потребовал дополнительного исследования, которое было проведено с помощью сканирующего электронного микроскопа “Digital Scanning Microscope DSM-960” в Горной академии г. Фрайберга (Германия) Б. Бляйбе.

Описания анализов и обсуждение их результатов

Поселение Верхняя Алабуга, расположенное на Тоболе, в Курганской области, на территории одноименного могильника алакульской культуры, было изучено Т.М. Потемкиной [1985]. Из материалов этого поселения исследованию подверглись пять образцов шлака. Четыре из них (образцы 73–75, 77) представляют собой куски легкого, очень пористого уплощенного шлака, пятый (образец 66) – уплощенную, бесформенную, очень железистую шлаковую лепешку с включениями капель меди.

Основная группа образцов – это пористое стекло, в котором прошла вся слабая фаялитовая кристаллизация (иголки, мелкие призмы). Много растрескавшихся и расплавившихся зерен кварца, вероятно высокотемпературного. Магнетита мало, он представлен мелкими зернами, скелетами и дендритами. Очень редки мелкие корольки меди и частицы восстановленного железа. Иногда железо фиксируется внутри не-

больших зерен магнетита, что указывает на его восстановление из окисла. Изредка присутствуют мелкие корольки, имеющие промежуточные между железом и медью цветовые характеристики и, вероятно, являющиеся сплавом двух этих металлов. Из рудных минералов встречаются мелкие частицы куприта, малахита (но нет уверенности, что они не вторичны) и блестящие халькопирита. Изредка наблюдаются корольки медного сульфида, который образуется при металлургических реакциях и, будучи химически близок халькозину или ковеллину, отличается от них тем, что является оптически изотропным. По своим цветовым характеристикам он сближается с купритом, но не демонстрирует свойственных последнему внутренних рефлексов.

Несмотря на высокую скорость остывания расплава (что маркируется характером оливиновой кристаллизации), произошло очень хорошее отделение металла от шлака, потери незначительны. Плавка происходила в восстановительной среде, чему способствовал также характер исходного сырья. По-видимому, это был халькопирит, который распался на сульфиды железа и меди. Последние в силу низкой температуры перехода в жидкую фазу плавильной с дальнейшим выгоранием серы и переходили в медь. Сульфид железа окислялся до вюстита, который в случае сохранения восстановительной среды мог перейти в железо. Наличие корольков железа и указывает на этот процесс, однако вовсе не свидетельствует о том, что температура плавления железа была достигнута. Плавился вюстит, корольки которого подверглись дальнейшему восстановлению. Температура плавки, следовательно, вполне могла достигать 1400 °C (1360 °C – температура плавления вюстита). Не исключено, что этот шлак был излит, т.к. кристаллизация в нем прошла чрезвычайно слабо.

При подобном процессе в качестве попутного продукта возможно получение небольшого количества железа. Это подтверждается результатом анализа образца 66, который был исследован с помощью минералогического и сканирующего электронного микроскопов (табл. 1).

Основное включение в шлаке – железо, что показывают как минералогический, так и химический анализы (табл. 2). Оно имеет множество мелких и крупных каверн. Поверхность металла тоже неоднородна. Выделяются более темная и светлая части. Они образуют слоистый, иногда даже дендритный рисунок. Последнее, впрочем, не говорит о том, что железо было расплавлено. По краю железа может быть полоса вюстита, с другой стороны которой, по самому краю образца, восстанавливается медь. В зоне контакта с вюститом железо образует вытянутые ячеистые или дендритные структуры. То есть при удалении из халькопирита

медьсодержащей составляющей формируются полости. Далее полосы вюститита спекаются с железом и неравномерно уплотняются, в результате чего в металле остаются каверны. В самом железе зафиксированы крайне мелкие частицы меди, но очень редко. Медный сульфид по краю образца частично купритизирован. Дендриты в железе несколько темнее, и в них есть примесь углерода.

Таким образом, данная технология позволяла попутно получать железо именно тем способом, который практиковался, по-видимому, металлургами Ближнего Востока [Григорьев, 2000а].

Идентичный шлак был обнаружен на поселении Коршуново I, расположенном тоже в Курганской области, но не на Тоболе, а на Исети. Памятник довольно крупный, и на нем была выявлена керамика энеолита, ранней бронзы, раннего железного века и средневековья. Поселение частично раскапывалось М.П. Вохминцевым, и на участке с керамикой ранней бронзы и раннего железного века был обнаружен серый, с включениями медной зелени, пористый, бесформенный кусок шлака, подвергнутый анализу (образец 67). Стекло очень пористое. Фаялитовая кристаллизация в шлаке не прошла. Много крайне мелких октаэдров и скелетов магнетита, но далеко не на всех участках. Часто встречаются зерна кварца, слабо различимые на фоне стекла. В них изредка фиксируются мелкие включения куприта. Есть одно мелкое зернышко куприта в стекле. Иногда встречаются небольшие корольки меди и включения железа или скопления частиц железа. В центре зернышек магнетита также зафиксировано железо, что отражает процесс его восстановления. Есть скопления магнетитовой сыпи, частично замещенной железом. Изредка фиксируются небольшие зернышки малахита, возможно вторичного, образовавшегося уже в культурном слое памятника. Таким образом, плавка проходила в восстановительной среде, а температура была несколько ниже, чем в предыдущем случае, т.к. в шлаке отсутствуют корольки железа. Дата этого образца не до конца ясна, но типологически шлак близок происходящему с Верхней Алабуги.

Единственный образец шлака получен на поселении Вишневка I в Северном Казахстане, которое исследовано Г.Б. Здановичем и рассматривается как наиболее ранний памятник бронзовой эпохи в этом регионе [1973].

Образец (№ 54) представляет собой обломок крупной пористой шлаковой лепешки. Основным включе-

Таблица 1. Результаты анализа шлака из Верхней Алабуги, выполненного с помощью сканирующего электронного микроскопа

Анализ	Вещество	O	Fe
<i>Массовая доля, %</i>			
1	Железо	–	100
2	Вюстит	22,18	77,82
<i>Мольный процент</i>			
1	Железо	–	100
2	Вюстит	49,88	50,12

нием в шлаке являются большие оплавленные дендриты и частицы вюститита, которые часто образуют крупные решетчатые структуры. Много фаялита в виде длинных игольчатых кристаллов. Именно фаялит и вюстит дали такое высокое содержание FeO, которое показал химический анализ образца (см. табл. 2). Встречаются частицы (расплав?) изотропного медного сульфида, которые иногда замещаются медью. Изредка фиксируются мелкие корольки меди. Из рудных минералов выявлен только халькопирит.

Таким образом, здесь мы имеем дело с аналогичным плавильным процессом. В плавку поступал халькопирит, который при распаде формировал изотропный медный сульфид и решетчатые и дендритные структуры оплавленного вюститита. Процесс проходил в восстановительной среде при температуре, близкой к 1 400 °С. Впрочем, не исключено, что она была более высокой, поскольку проведенный рентгеноструктурный анализ образца выявил в нем высокотемпературную модификацию кварца – кристобалит при отсутствии тридимита и собственно кварца [Григорьев, 2000г]. Эта модификация образуется при остывании от температуры, превышающей 1 470 °С. Для небольших объемов достижение таких температур было вполне возможно. Отделение меди и переработка руды произошли почти полностью. Последнее достаточно характерно для плавки с использованием халькопирита, поскольку на начальной стадии довольно легко образуется штейн, который расплавляет руду намного лучше, чем собственно шлак. Остывание шлака проходило со средней скоростью, при этом шлак не изливался, т.к. сохранились достаточно крупные структуры вюститита и фаялита.

Таблица 2. Результаты химического анализа шлака, %

Образец	Памятник	SiO ₂	FeO	CaO	Cu	Fe	Fe ₃ O ₄
54	Вишневка	23,64	46,89	7,36	0,06	–	2,52
66	Верхняя Алабуга	2,34	–	0,44	1,99	81,4	–

Довольно проблематичным остается вопрос использования флюсов. Железистые флюсы вряд ли применялись, поскольку халькопирит содержит очень много железа. Не исключено использование кальцита, поскольку в шлаке из Вишневки содержание СаО превышает 7 % (см. табл. 2), однако это может быть связано и с характером руды.

Таким образом, по своим характеристикам образцы с Верхней Алабуги, Коршунова и Вишневки достаточно близки. Отличаются они лишь скоростью остывания расплава. Образцы с первых двух памятников застыли очень быстро, поэтому не исключено, что шлак был излит. Шлак с Вишневки явно не изливался, но и остывал быстрее по сравнению с синташтинскими шлаками, оформившимися в печи [Григорьев, 2000б], хотя по своим химическим характеристикам был достаточно текуч, получен при высоких температурах и должен застывать не столь быстро. Подобная ситуация наблюдалась на поселении Мосоловское в Подонье, где реконструируется плавка в тиглях с использованием аналогичного сырья [Григорьев, 2003]. Тигель не помещался в печь, а заполнялся углем и, возможно, обкладывался им снаружи. Ввиду малого объема тигля остывание шлака происходило быстрее, чем в печи. В данном случае об этом уверенно говорить нельзя, поскольку на всех трех поселениях отсутствуют как тигли, так и металлургические печи.

Необходимо отметить, что металлургические печи не обнаружены и на других памятниках этого культурно-хронологического пласта. На Новокусовской стоянке с игрековской керамикой были найдены обломки литейной чаши с ошлакованной бронзой на поверхности [Косарев, 1981, с. 73], а на одиновском поселении Марково-2 – тигель прямоугольной формы [Молодин, 1985, с. 31]. Впрочем, возможно, это свидетельства металлообрабатывающего производства, тем более что тигель с Маркова-2 имеет небольшие размеры, как и кротовские, объем которых не превышал 100 см³ [Там же, с. 60]. Однако на поселении Колыванское I, относящемся к елунинской культуре, было установлено, что плавка руды осуществлялась в тиглях объемом 0,5 л [Алехин, Демин, 1988, с. 85–86]. При среднем весе медных руд (смесь сульфидных и окисленных) 3 г/см³ подобный тигель мог вместить ок. 1,5 кг руды, однако для плавильного процесса необходима загрузка древесного угля в соотношении с рудой 1 : 2 [Bamberger, 1992, p. 157; Bamberger, Wincierz, 1990, p. 123]. Не исключено, что при тигельной плавке его требовалось меньше, в особенности из-за присутствия серы в сульфидных рудах. Поэтому данная плавка потребовала бы минимум 0,5 кг угля. Так как плотность березового угля составляет 380 кг/м³, общий его объем составит ок. 2 000 см³. Следовательно, тигель может вмещать не более 300 г руды. Довольно сложно сказать,

какое количество меди могло быть произведено таким способом за одну плавку, но цифра 50–100 г представляется реалистичной.

Если это действительно так, то мы имеем дело с распространением тигельной плавки сульфидной руды, что было зафиксировано при исследовании шлаков Лявляканской, Беш-Булакской и Аякагитминской котловин Внутренних Кызылкумов [Григорьев, 1996]. Исходным регионом данной технологии был Северный Иран, откуда она проникла в Среднюю Азию и далее на Алтай и в Западную Сибирь. С синташтинской традицией плавки окисленных руд и реже вторичных сульфидов в печах эта технология не связана. Совершенно невероятно и обратное заимствование. Поэтому остается неясным, с какими историческими процессами было связано появление данной традиции.

Заключение

Археологические объекты одиновско-крохалевского типа датируются первой третью II тыс. до н.э. в системе традиционной хронологии и рассматриваются как предшествующие всем прочим культурным типам эпохи бронзы в Западной Сибири [Потемкина, 1985, с. 158–161]. В.Т. Ковалева считает, что ташковские, одиновские, логиновские и вишневские памятники относятся к доандроновскому и частично досинташтинскому времени [1997, с. 75]. По мнению Г.Б. Здановича, вишневский культурный тип предшествовал петровскому, который сформировался именно на его основе [1988, с. 139]. Однако я, а также В.И. Стефанов и О.Н. Корочкова пришли к выводу, что памятники елунинского, одиновско-крохалевского, кротовского и ташковского типов относятся к более позднему времени – периоду распространения сейминско-турбинских и самусьско-кижировских бронз [Григорьев, 1999, с. 191–204; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 84–92]. Таким образом, они могли существовать в постсейминское время, в XVI в. до н.э., хотя ранние материалы соответствуют сейминско-турбинским и частично синташтинским, но синташтинская культура имеет более раннюю нижнюю дату. Вместе с тем аналогии части керамического комплекса поселения Верхняя Алабуга могут быть обнаружены в федоровской культуре (см.: [Григорьев, 2000в, рис. 35; Молодин, 1985, рис. 48–50]). Последняя, напротив, должна датироваться более ранним временем, чем это принято считать [Григорьев, 2000в, с. 354]. Кстати, для федоровских металлургов тоже свойственно более активное использование первичных сульфидных руд.

К сожалению, на вишневских, одиновских и ташковских памятниках практически отсутствуют изделия из металла. Единственным исключением является обнаружение на поселении Верхняя Алабуга брон-

зового рыболовного крючка, отнесенного к Волго-Уральской группе [Потемкина, 1985, с. 162; Кузьминых, Черных, 1985, с. 356–357]. На памятнике Ташково II анализ капель и всплесков выявил присутствие олова и позволил отнести исследуемый образец к Волго-Камской группе [Ковалева, 1988, с. 39–40]. Обе эти группы характерны для памятников эпохи поздней бронзы. Анализ материалов Приуралья показал, что такой металл получается в результате плавки сульфидных руд, чему соответствует рассмотренный шлак.

Таким образом, вышеперечисленные обстоятельства, как и характер выявленной металлургической технологии, использовавшейся для плавки халькопирита, противоречат ранней хронологической позиции данных комплексов и предполагают их датировку не ранее сейминско-турбинской эпохи.

Существует еще один аспект проблемы. Как уже отмечалось выше, реконструируемая технология, по-видимому, распространялась с территории Ирана через Среднюю Азию на север и далее в западном направлении. Это соответствует тем реконструкциям культурных процессов на юге Западной Сибири, которые предполагают проникновение туда в начале II тыс. до н.э. племен с Ближнего или Среднего Востока, обусловившее дальнейший бурный культурогенез на данной территории [Дремов, 1988, с. 42; Григорьев, 1999; Кирюшин, 2002, с. 52; Малолетко, 2002, с. 96; Солодовников, Тур, 2002].

Список литературы

- Алехин Ю.П., Демин М.А.** Предварительные результаты исследований 1982–1987 гг. на поселении древних металлургов Колыванское I // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 86–88.
- Григорьев С.А.** Производство металла в Средней Азии в эпоху бронзы // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 97–123.
- Григорьев С.А.** Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: Рифей, 1999. – 444 с.
- Григорьев С.А.** Древнее железо Передней Азии и некоторые проблемы волго-уральской археологии // Изв. Челябинского научного центра. – Снежинск: RFYC-VNIITF, 2000а. – Вып. 1. – С. 73–76.
- Григорьев С.А.** Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск: Рифей, 2000б. – С. 444–531.
- Григорьев С.А.** Эпоха бронзы // Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск: Рифей, 2000в. – С. 242–443.
- Григорьев С.А.** Опыт применения рентгеноструктурного анализа в исследовании древней металлургии // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск: Ин-т евразийских исследований; Ин-т степи УрО РАН, 2000г. – С. 92–96.
- Григорьев С.А.** Минералогия шлака Мосоловского поселения // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. – Вып. 17. – С. 123–133.
- Дремов В.А.** Антропологические данные о южных связях населения Сибири в эпохи неолита и бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 40–43.
- Зданович Г.Б.** Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопр. археологии Урала. – 1973. – Вып. 12. – С. 21–43.
- Зданович Г.Б.** Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 181 с.
- Кирюшин Ю.Ф.** Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху энеолита и ранней бронзы // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура: Сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 51–53.
- Ковалева В.Т.** Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приобья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – С. 29–46.
- Ковалева В.Т.** Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1997. – 131 с.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – Л.: Наука, 1981. – 278 с.
- Кузьминых С.В., Черных Е.Н.** Спектроаналитическое исследование металла бронзового века лесостепного Приобья // Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобья. – М.: Наука, 1985. – С. 346–367.
- Малолетко А.М.** Пришлое население Сибири и его этническая привязка (энеолит и эпохи бронзы и раннего железа) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура: Сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 96–98.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Потемкина Т.М.** Бронзовый век лесостепного Приобья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.
- Солодовников К.Н., Тур С.С.** Материалы к краниологии эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура: Сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 124–128.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.** Андроновские древности Тюменского Приобья. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 105 с.
- Bamberger M.** The working conditions of the ancient copper smelting process // Furnaces and Smelting Techniques in Antiquity: British Museum Occasional Paper / Ed. by P.T. Graddock, M.J. Hughes. – 1992. – N 48. – P. 151–157.
- Bamberger M., Wincierz P.** Ancient Smelting of Oxide Copper Ore // Rothenberg B. The Ancient Metallurgy of Copper. – L.: Institute for Archaeo-Metallurgical Studies, 1990. – P. 123–157.

УДК 903.46

С.Ф. Кокшаров¹, А.А. Погодин²¹Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
E-mail: istor@uran.ru или volot@mail.ru²Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
Уральского государственного университета им. А.М. Горького
ул. Тургенева, 4, г. Екатеринбург, 620083, Россия
E-mail: Andray.Pogodin@usu.ru

МАСТЕРСКАЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА РЕКЕ ЕНДЫРЬ

Введение

С 1999 г. ведется изучение комплекса археологических памятников в большой излучине р. Ендырь, левого притока нижней Оби, в 71 км к юго-юго-востоку от г. Нягань в Октябрьском р-не Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской обл. Излучина находится в верхнем течении реки, берущей начало на холмистых склонах Северососьвинской возвышенности (рис. 1, А). В ее внутренней петле расположены поселение Ендырское VIII и могильник Ендырский II. Они занимают участок левого коренного берега высотой 3–5 м, заросший хвойным лесом и покрытый лесной подстилкой из мхов, багульника и хвойного опада.

В 1999–2004 гг. было изучено 366,5 м² культурного слоя поселения и могильника и выявлено несколько сооружений эпохи раннего металла – средних веков (рис. 1, Б). Частично они разрушены могилами XVI–XVII вв.

Предметом данной публикации являются материалы, связанные с объектом начала бронзового века. Интерес к ним вполне объясним. Во-первых, они происходят с территории Нижнего Приобья, остающегося до сих пор слабо изученным в археологическом отношении; во-вторых, связаны с полузакрытым комплексом – жилищем; в-третьих, коллекция включает вещи, рассматривающиеся обычно в качестве хроноиндикаторов.

Описание памятника и находок

До начала раскопок на месте жилища фиксировалась впадина трапециевидной формы, размером 15×12 м, глубиной относительно окружающей поверхности до 0,5 м. Объект был ориентирован длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ. В процессе раскопок выяснилось, что на внешнем валу, окружающем впадину, находились девять захоронений и две позднесредневековые ямы. Судя по стратиграфии, одно из погребений на уч. Н–О/25–26 не связано со средневековым могильником, и поэтому оно рассмотрено в данной статье вместе с жилищным комплексом.

Котлован жилища проявился на уч. И–О/22–25 на уровне –105...–115 см (рис. 2). Он имел подпрямоугольную форму, размеры 6,9×6 м, ориентирован длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ. Его глубина от уровня погребенного подзола не превышала 30 см. В сторону заболоченной поймы р. Ендырь обращен коридорообразный выход длиной более 1,9 м, шириной 0,5 м. Он расположен не по центру котлована жилища, а смещен к его южному углу. В пределах котлована прослежены остатки очага, ямки и канавки.

Очаг, представленный линзой буро-красной супеси, находился в центре помещения. Он подпрямоугольной формы, размером 96×70×9 см, ориентирован по длинной оси жилища.

С конструкцией стен могут быть связаны ямки и канавки, отмеченные по внутреннему периметру кот-

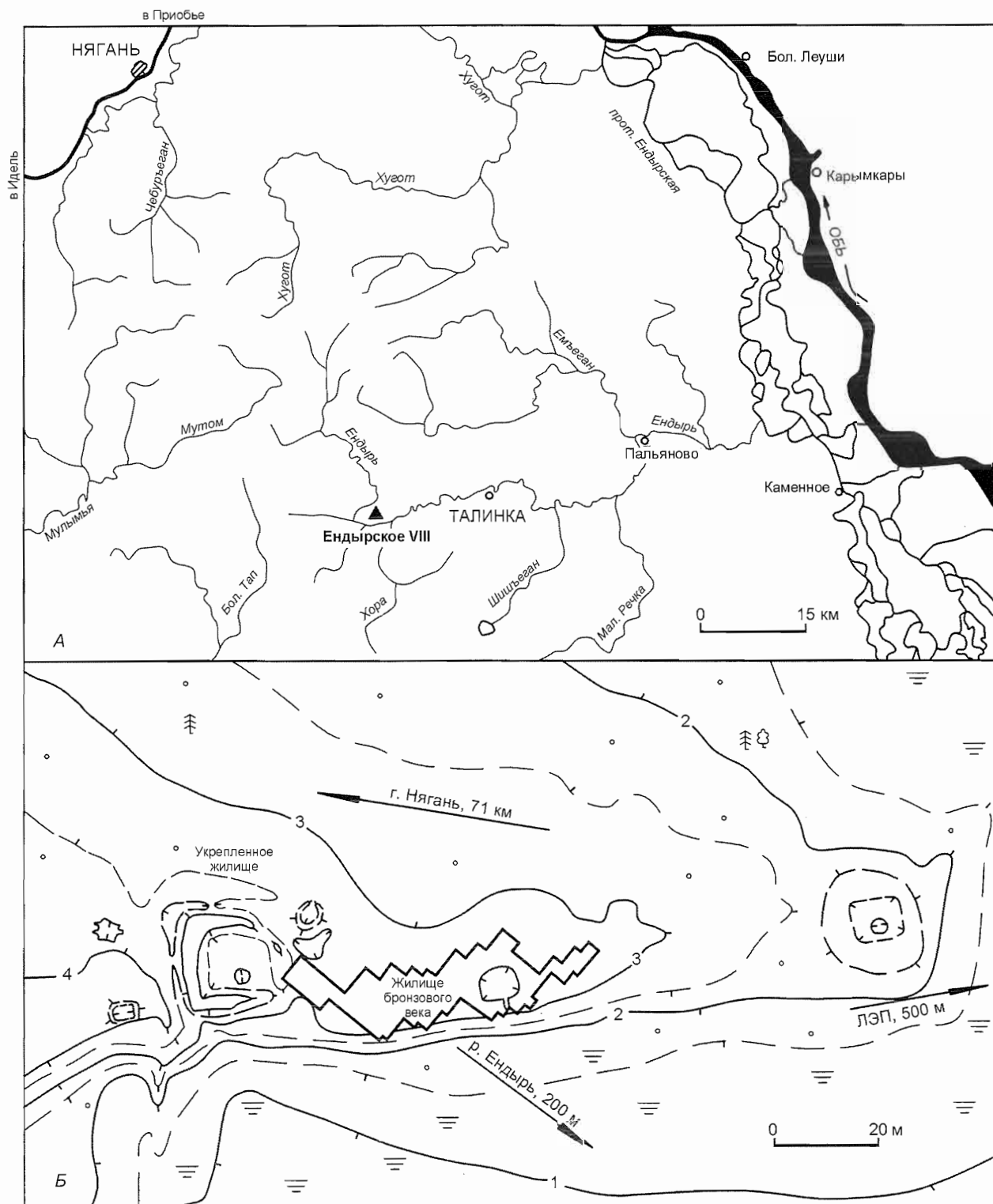

Рис. 1. Расположение поселения Ендырское VIII (А) и план раскопов 1999–2004 гг. на этом поселении (Б).

лована. Одна из них, имеющая Г-образную форму, повторяет контуры северного угла котлована. Две канавки на уч. К–Л/25 могли быть на месте расположения ступени, ведущей к выходу из жилища. Еще две

длинные канавки расположены в северо-восточной половине котлована. Одна прокопана вдоль северо-восточной стены и имеет размеры $3,2 \times 0,32 \times 0,05$ м. Другая – длинная и извилистая – протянулась от оча-

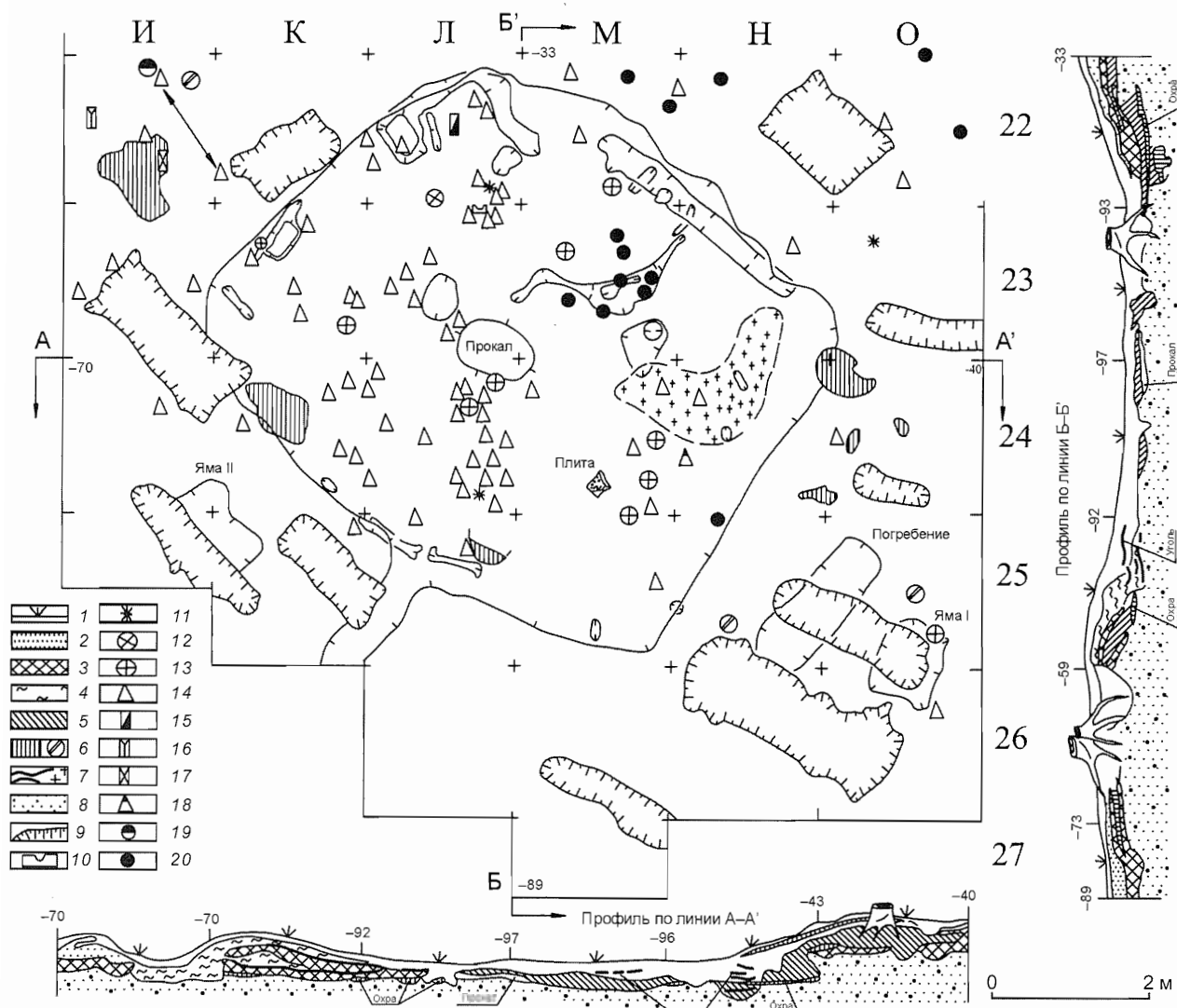

Рис. 2. План и профили жилища бронзового века.

1 – современный подзол и лесная подстилка; 2 – переложенный желтый песок; 3 – погребенный подзол; 4 – слои позднего средневековья; 5 – слои бронзового века; 6 – охра и кусочки охры; 7 – углистые слои в плане и профиле; 8 – материк; 9 – позднесредневековые могилы и хозяйственные ямы; 10 – наковальня; 11 – нуклеус; 12 – нуклеидный кусок; 13 – преформа; 14 – отщеп; 15 – ребристый скол; 16 – скребок; 17 – пластинчатый скол; 18 – острие на отщепе; 19 – поперечный скол; 20 – обломки литейных форм.

га почти до середины северо-восточной стены. В ее заполнении и рядом найдены семь фрагментов керамики, связанной с литейным производством. К юго-востоку от канавки расположена самая глубокая ямка (58 см от уровня пола). Из других объектов выделяется большое углистое пятно в восточном углу котлована. Сосредоточение ямок, канавок, наличие углистого пятна и почти полное отсутствие находок из камня позволяют предполагать, что в этой половине дома располагались либо нары, либо какой-то деревянный помост.

Пол жилища окрашен охрой. Вдоль юго-западной стороны котлована прослежены два пятна охры размерами 100×56 и 55×17 (?) см.

С жилищем связаны ямы I–III, находящиеся за пределами котлована.

Яма I (рис. 2) расположена на уч. О/25–26 на уровне –87 см. Она прямоугольная, размером 100×88×20 см, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Заполнение соответствует по цветности обваловке жилища.

Яма II (рис. 2) находится на уч. И–К/24–25 на уровне –100 см. Она имеет подпрямоугольную форму, размеры 124×62×22 см, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Заполнение такое же, как и ямы I.

Яма III расположена в 7,5 м к северо-западу от жилища, на краю террасы (уч. Е–Ж/20–21), на уровне –114 см. Форма ямы в плане каплевидная, размеры 210×158×76 см. Стенки, пологие в верхней части, за-

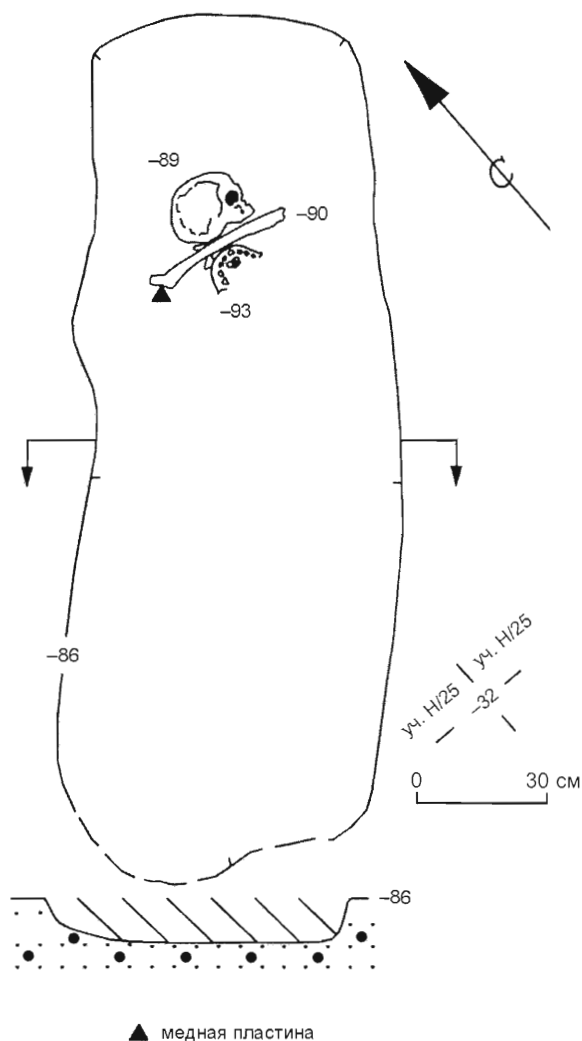

Рис. 3. План и профиль погребения.

тем круто переходят в корытообразное дно. Яма заполнена желтым песком с включениями угольков и охры. В верхней части заполнения найдены 26 фрагментов керамики от трех сосудов и три кварцевых отщепы.

Еще одним объектом, связанным предположительно с раскопанным жилищем, является одиночное захоронение, расположенное между ямой I и юго-восточной стенкой котлована.

Погребение (рис. 3) зафиксировано на уровне -86 см на уч. Н-О/25-26 и на поверхности не прослеживалось. Оно было перекрыто двумя средневековыми могилами и отличалось от них более светлым грунтом, аналогичным заполнению ям I и II. Могильная яма подпрямоугольной формы, размером 201 (?) × 70 × 10 см, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В северо-восточной ее части лежали череп человека с отделившейся нижней челюстью, фрагменты шести шейных позвонков, ниж-

1

2

Рис. 4. Лицевая часть черепа из погребения (1) и вид снизу на верхнюю челюсть (2).

ний диафиз бедренной кости, возле которой находилась согнутая пополам медная пластинка размером ок. 1 см.

Останки принадлежали мужчине, умершему в возрасте 40–55 лет*. Череп мезокранный, со средними абсолютными размерами мозговой коробки. Лицевой отдел широкий, с абсолютно и относительно малой высотой, сильно уплощенный. Глазницы высокие. Нос средний по высоте и ширине (рис. 4, 1). На правом височно-челюстном суставе имеется выраженный остеоартроз (рис. 4, 2). Патологии такой формы и локализации возникают при ударе в нижнюю челюсть слева. Подобная травма могла быть следствием межличностного столкновения. Эта патология затрудняла пережевывание пищи и, очевидно, была болезнен-

* Исследование и анализ антропологических остатков проведен сотрудником Института истории и археологии УрО РАН, канд. ист. наук Д.И. Ражевым.

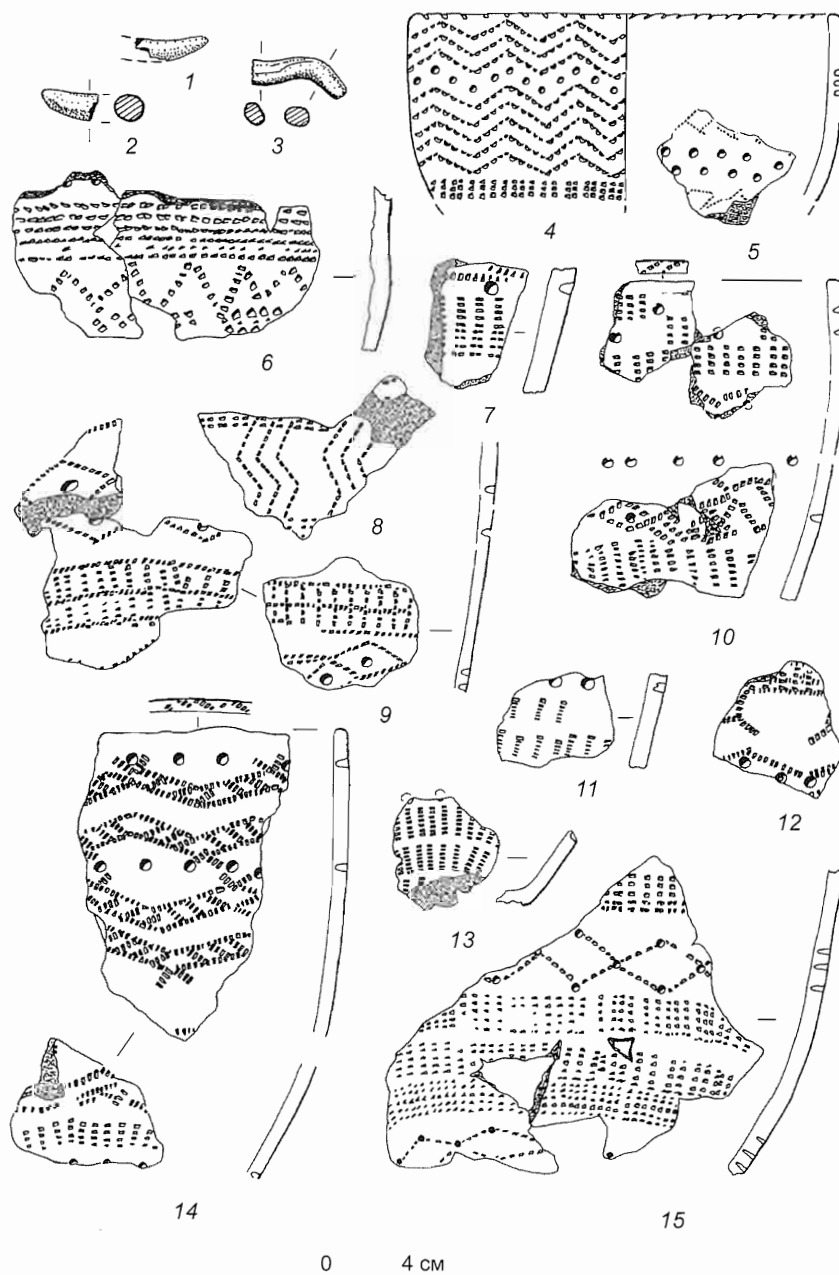

Рис. 5. Керамика, связанная с жилищем.

1-3 – обломки глиняных палочек; 4-15 – фрагменты бытовой керамики.

ной. Вполне вероятно, что ее проявление и определило специфику стирания зубов. На останках исследуемого человека также обнаружены последствия генерализованного гипертрофированного остеобластического (костеобразовательного) процесса, развившиеся в заполнении лобных пазух черепа, полости костномозгового канала правой бедренной кости и поверхностных наслоениях на диафизе этой же кости. Костные разрастания вели к давлению на окружающие мышцы и сильной деформации мест их прикреплений. Весьма вероятно, что это забо-

левание сопровождалось болями и нарушением движений. Ввиду малочисленности костных остатков и их плохой сохранности достоверно определить характер заболевания весьма проблематично. Однако кажется вполне правдоподобным, что описанный гиперостоз мог быть обусловлен остеобластическими раковыми проявлениями (метастазами) [Райнберг, 1955, с. 572-575; Ortner, Putschar, 1985, p. 391-398]. Травма правого челюстного сустава также могла быть инициирована метастатическим поражением этой области.

Малочисленность костных остатков объясняется либо разграблением могилы в древности, либо захоронением неполного, расчлененного (?) тела человека.

Из исследованного жилища и связанных с ним объектов происходят керамика и каменные предметы.

Керамика. По функциональному назначению она разделена на бытовую и технологическую, отдельную группу образует глиняная пластика. В жилище и на прилегающих к нему участках найдены обломки не менее 10 сосудов бытового назначения (рис. 5, 4-15), три из которых представлены венчиками. Обломки от трех сосудов (рис. 6, 1, 3, 5) обнаружены в яме III.

Посуда имела баночную форму, плоское или круглое дно (см. рис. 5, 13; 6, 5). В качестве при-

меси глиняное тесто содержит обычно шамот, часто в сочетании с белой кварцевой галькой, дробленой каменной крошкой (гранит?) и песком. В некоторых черепках хорошо видны блески слюды и фракции лимонита. Керамику отличает толстостенность (5-10 мм). Снаружи стенки всегда хорошо заглажены и даже залощены. На внутренних поверхностях часто встречаются "расчесы" от штампов или грубых шпателей. Ввиду фрагментации находок судить о параметрах посуды сложно.

Керамика декорирована от венчика до дна и, безусловно, относится к числу гребенчато-ямочных

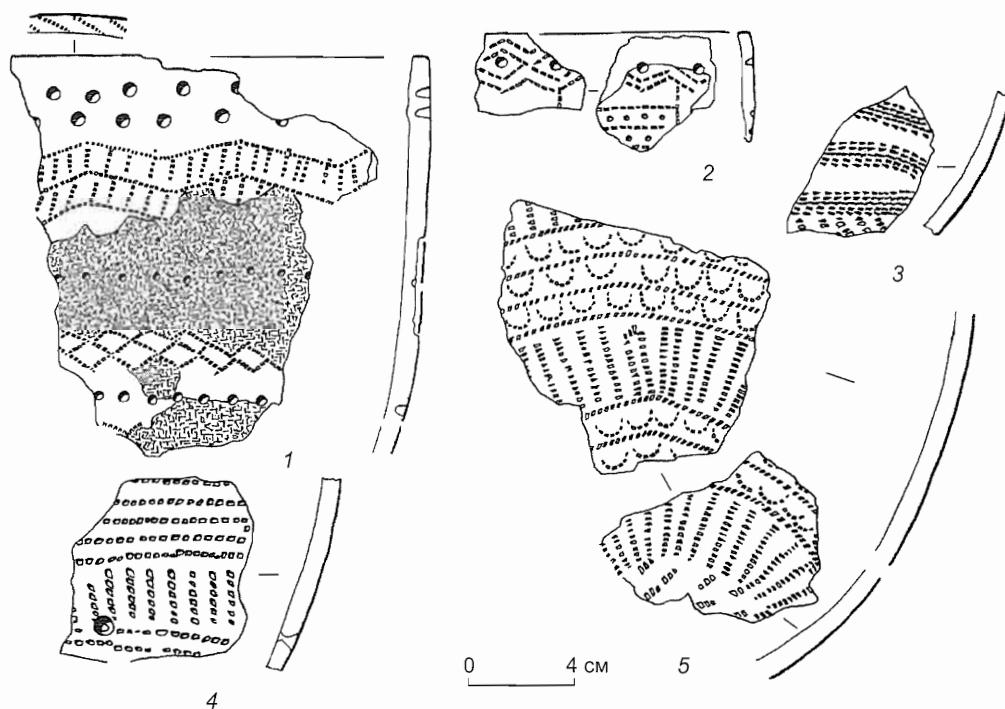

Рис. 6. Бытовая керамика.

комплексов. Орнамент нанесен гребенчатыми штампами различных видов – обычными и арочными (см. рис. 6, 5) – в печатной и “шагающей” технике (см. рис. 5, 6; 6, 3), а также концом круглой палочки. Гребенчатые узоры включают не только чередующиеся монотонные пояса вертикальных и горизонтальных отпечатков штампов (см. рис. 5, 7, 11, 13, 15; 6, 3–5), но и одно- и многорядные зигзаги (см. рис. 5, 4–6), ряды ромбов (см. рис. 5, 9, 10, 15; 6, 1, 2), ленты, усложненные иногда ответвлениями от внешних углов (см. рис. 5, 9, 12, 14; 6, 1), единично отмечены вертикальные колонки и зигзаги (см. рис. 5, 8) и “шахматное” заполнение орнаментального поля в зоне под венчиком (см. рис. 5, 10). Ямки образуют как самостоятельные мотивы – пояса, разделяющие гребенчатые узоры (см. рис. 5, 4, 5, 10, 11, 14; 6, 1), так и комбинированные гребенчато-ямочные узоры. Ямки, помещенные на углах и внутри геометрических фигур, усложняют и разнообразят последние (см. рис. 5, 9, 12, 15; 6, 2).

Завершая рассмотрение комплекса бытовой керамики, следует указать на факт использования сосудов или их фрагментов в литейном производстве. На это указывают четыре черепка, имеющие ошлакованную внутреннюю поверхность (см. рис. 5, 5, 6, 14, 15).

Технологическая керамика представлена обломками трех односторонних литейных форм (рис. 7, 1–3). Все они выполнены из глины с большим содержанием песка. От высокой температуры борта емкостей ошлаковались и потрескались. Изделия отличаются тол-

стостенность и массивность дна. На месте перехода стенок ко дну отмечаются своеобразные перехваты. Судя по графическим реконструкциям, в коллекции представлены литейные формы двух типов. Они позволяют установить облик и параметры получаемых отливок.

В формах первого типа (рис. 7, 1) изготавливались бруски с округлыми концами, подпрямоугольные в поперечном сечении, размером 5 (?) × 1,7 × 1,4 см.

В формах второго типа (рис. 7, 2) получали заготовки плоских тесел в виде равнобедренных трапеций. Они имели следующие размеры: ширина в основании 4,2 и 7 (?) см, высота 6 (?), толщина 1,5 см. Фрагмент бортика от еще одной подобной формы (рис. 7, 3) позволяет говорить, что толщина изделия также не превышала 1,5 см.

С пола жилища происходят обломки трех глиняных палочек (см. рис. 5, 1–3). Они имеют овальное сечение, размеры от 1,2 × 0,9 до 1,5 × 1,2 см. Примеси в глине неразличимы. Судя по закругленности одного из концов, это могли быть обломанные конечности скульптуры (?).

Каменный инвентарь. Коллекция насчитывает 143 предмета. Она разделена на три комплекса: первый происходит непосредственно из жилища, второй локализован к северо-западу от него и связан с производственной площадкой, третий включает находки из внешних ям и межжилищного пространства.

Первый комплекс (97 экз.) представлен орудиями и продуктами первичного расщепления камня (нукле-

усы и отщепы). Материал концентрировался у северо-западной стенки жилища и южнее очага в направлении выхода. Находки в юго-восточной части и у противоположной от входа северо-восточной стены единичны.

Орудийный набор (6 экз.) включает наковальню, острия, тесло, шлифованное изделие и шлифовальную плитку.

Наковальня (см. рис. 7, 4) выполнена из кварцевой гальки округлой формы. Ее размеры $66 \times 81 \times 57$ мм. Рабочие зоны выражены в виде участков интенсивной забитости с конусовидными выбоинами размером не более 20×20 мм на одной плоскости и боковой стороне. Помимо этого, со второй широкой плоскости гальки производилось ее расщепление. Ударными площадками служили боковые стороны без какой-либо подработки. Направление скалывания радиальное, к центру.

Острия (2 экз.) выполнены из кварцевых отщепов (рис. 8, 2, 3). Размеры орудий $21 \times 10 \times 9$ и $29 \times 16 \times 12$ мм. Рабочие части сформированы на нижних концах заготовок в процессе использования. В одном случае жало сверла симметричное, в дру-

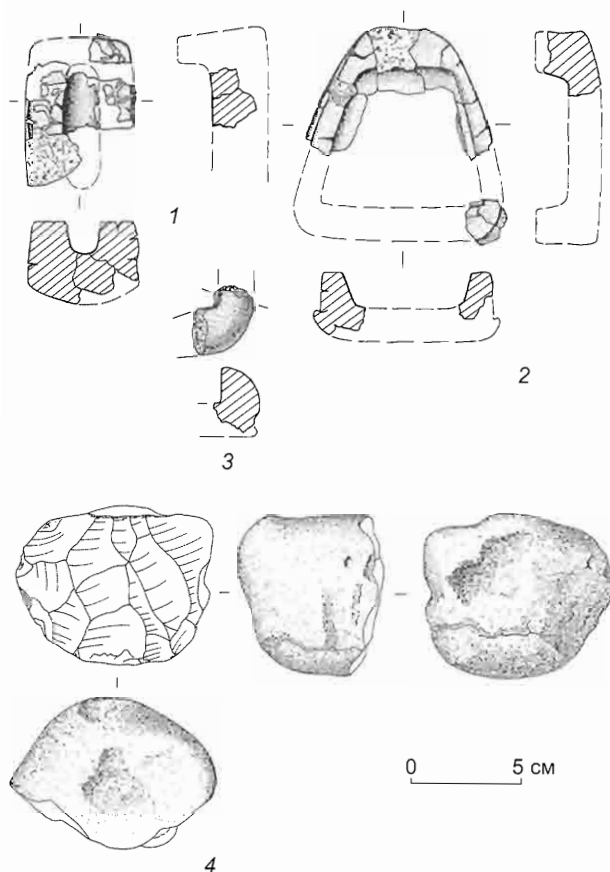

Рис. 7. Технологическая керамика (1–3) и наковальня (4) из жилища.

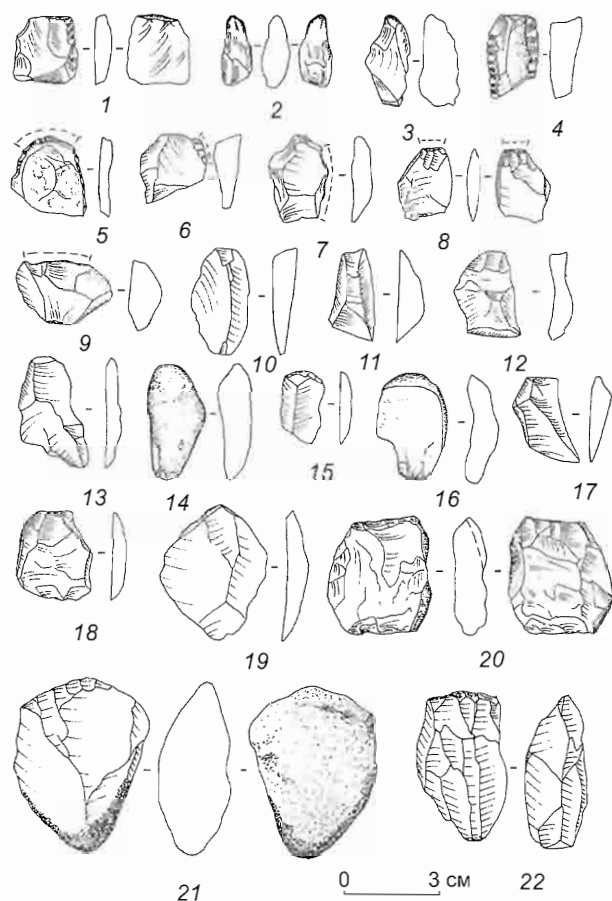

Рис. 8. Каменный инвентарь.

1 – скребок на отщепе; 2, 3 – острия на отщепах; 4 – пластинчатый скол с ретушью; 5 – отщеп с ретушью; 6–19 – отщепы без ретуши; 20 – долотовидное орудие; 21 – острие на остаточном нуклеусе; 22 – кварцевый нуклеус.

гом – асимметричное. Глубина проникновения в обрабатываемый материал 10 и 5 мм, ограничена небольшими плечиками. Орудия использовались для ремонта керамической посуды.

Тесло изготовлено из первичного кварцевого отщепа (рис. 9, 8). Размеры орудия $65 \times 41 \times 22$ мм. Обушковая часть тесла подтреугольная, оформлена сколами. Продольные края изделия у лезвия обработаны пикетажем с целью придания лезвийной части округлой формы. Край, служивший лезвием, не подрабатывался. Он имеет угол заострения 45° , образованный при скалывании отщепа. Судя по следам износа на аккомодационной части, орудие закреплялось в рукоять не менее чем на 35 см. Инструмент использовался при обработке дерева.

Шлифовальная плитка из кварца лежала в юго-восточной половине котлована, ближе к его южному углу. Размеры предмета $25 \times 24 \times 10$ см. На плоской лицевой поверхности видны параллельные бороздки – следы сработанности.

Шлифованное изделие представлено небольшой фрагментированной галькой размером $24 \times 22 \times 10$ мм из кремнистой породы темно-серого цвета. Возможно, что данный предмет является абразивным инструментом.

Технику первичного расщепления характеризуют преформы, нуклевидные куски и нуклеусы. Преформы (9 экз.) из кварцевых галек (рис. 9, 6, 7) имеют размеры от $16 \times 20 \times 12$ до $34 \times 20 \times 25$ мм. На четырех предметах боковыми сколами подготовлена плоскость ударной площадки. С одного экземпляра производилось продольное расщепление без оформления площадки. Еще у четырех она сформирована одним боковым снятием, и затем контрударным способом сняты несколько продольных сколов, в первую очередь, по боковому краю преформы. Нуклевидный кусок представлен кварцевой галькой подпрямоугольной формы размером $37 \times 44 \times 27$ мм. Ее расщепление производилось по короткой оси предмета контрударным способом. Ударная площадка прямая, оформлена сколами с контрфронта. Еще одна нуклевидная форма – кремнистое изделие подконусовидной формы размером $15 \times 10 \times 9$ мм. Скалывание заготовок проводилось по длинной оси контрударным способом без оформления ударной площадки.

Нуклеусы (5 экз.) из кварцевых галек (см. рис. 8, 22; 9, 2, 5) имеют размеры от $23 \times 19 \times 14$ до $53 \times 40 \times 20$ мм. Изделия представлены фронтально-торцевыми и плоскостными формами с одной ударной площадкой. Угол наклона к поверхности расщепления от $45-50^\circ$ до $75-80^\circ$. Площадки естественные или подработаны сколами. Расщепление проводилось контрударным способом, основания нуклеусов сильно забиты или вовсе разбиты. Техническим приемом подготовки ядрищ к расщеплению являлось формирование продольного ребра и уплощение контрфронта ядрищ боковыми снятиями. Три ядрища могут быть охарактеризованы как остаточные. Один нуклеус использовался в работе в качестве скобеля по дереву (см. рис. 8, 22).

В жилище найдены три кремнистые гальки, расколотые контрударом вдоль длинной оси, и три целые гальки. По размерам предметы соотносятся с группой преформ. Технические сколы представлены продольным и ребристым (см. рис. 9, 1) отщепами.

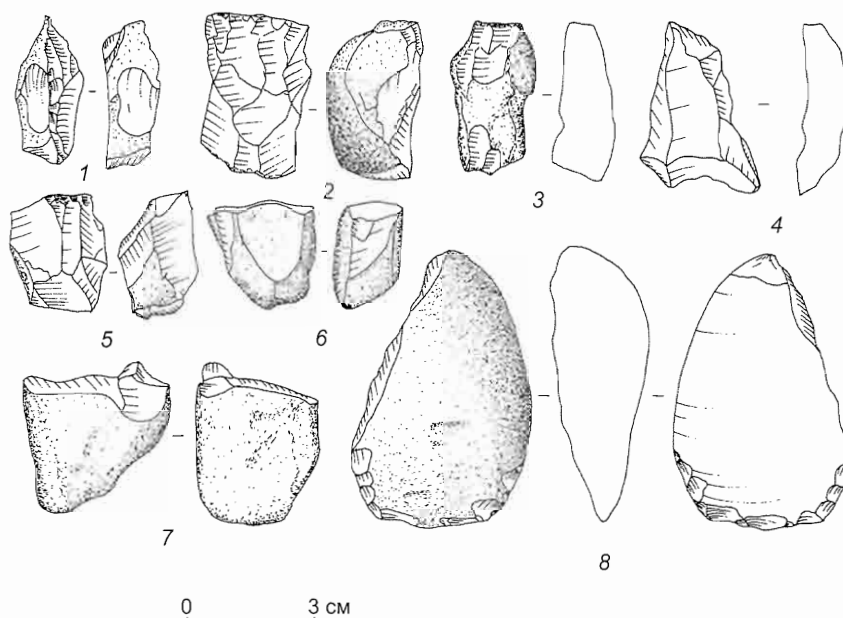

Рис. 9. Изделия из камня.

1 – ребристый скол; 2, 5 – кварцевые нуклеусы; 3, 4 – отщепы без ретуши; 6, 7 – кварцевые преформы; 8 – тесло на отщепе.

Из жилища происходят 67 отщепов (см. рис. 8, 6–19; 9, 3, 4), из них 57 кварцевых, остальные из кремнистых, гнейсовых, кварцитовых и опоковидных пород. Преобладающая часть изделий получена контрударным расщеплением. Размеры кварцевых отщепов от $6 \times 8 \times 2$ до $43 \times 28 \times 10$ мм. По форме преобладают подпрямоугольные изделия (32 экз.). Среди отщепов выделены первичные (10 экз.) и вторичные (4 экз.). Шесть сколов происходят с ударной площадки: отражают первоначальное оформление (2 экз.) и подправку (4 экз.). На четырех заготовках зафиксированы следы работы. Отщепы без оформленных рабочих частей использовались в качестве раскrojного ножа (см. рис. 8, 6), скобеля (см. рис. 8, 7) и долота (см. рис. 8, 8) по дереву, скребка по шкуре (см. рис. 8, 9).

Второй комплекс (9 экз.) включает лишь одно орудие – боковой скребок на кварцевом отщепе контрударного снятия (см. рис. 8, 1). Его размеры $21 \times 20 \times 6$ мм. Негатив ударной площадки и основание заготовки покрыты коркой. Лезвие орудия оформлено крутой ретушью со спинки. Инструмент использовался для обработки шкур.

Поперечный скол с кварцевого нуклеуса имеет размеры $20 \times 18 \times 21$ мм. Его спинка, ранее служившая ударной площадкой, естественная, покрыта коркой. На двух третях периметра прослеживаются негативы сколов. Поперечный скол был снят контрударом с контрфронта ядрища с целью подживления ударной площадки.

Пластинчатый скол зеленовато-серой кремнистой породы получен в контрударной технике. Отщеп полупервичный, его размеры 31×13×5 мм.

В этом комплексе представлены отщепы из кварца (3 экз.) и из кремнистых пород (3 экз.). Два кварцевых предмета составляли одну заготовку, фрагментированную ударом по центру со спинки. На одном кремнистом отщепе размером 13×13×6 мм на углу у нижнего края заготовки фиксируется ретушированный участок длиной 4 мм. Ретушь мелкая, краевая со спинки. Ни на одном из отщепов не выявлено следов сработанности.

Третий комплекс (37 экз.) включает орудия, нуклеусы и отщепы.

Отбойник из кварцевой гальки имеет размеры 59×50×35 мм. Рабочие зоны располагаются по ее периметру. Сработанность интенсивная: при ударах скалывались отщепы, что привело к потере галечной корки на одной плоскости. На другой также имеются негативы сколов у торцевых краев заготовки. Кроме того, на стороне с еще сохранившейся коркой, на возвышенном участке плоскости фиксируются конусовидные выбоины, указывающие на использование данного предмета в качестве наковальни.

Орудие на пластинчатом кварцевом сколе (см. рис. 8, 4) имеет размеры 26×16×9 мм. Для его изготовления использована подпрямоугольная заготовка треугольного сечения, являющаяся сколом второго снятия (на одной грани галечная корка). По боковым сторонам со спинки скол обработан крутой ретушью, кромка имеет зубчатые очертания. Под микроскопом на ней прослеживаются негативы мелких сколов, не образующие ступенчатого рельефа, стертость выступающих участков и диагональная направленность износа. По-видимому, предмет использовался в качестве скобеля по дереву.

Отщеп с ретушью (см. рис. 8, 5) – подовальный в плане скол кливажа темно-серой кремнистой породы, размеры 24×25×2 мм. Спинка покрыта коркой ожелезнения. Две трети периметра отщепа обработаны отвесными и крутыми снятиями. На ретушированном лезвии фиксируется износ в виде скругленности, завальцованности, гофрированности отдельных участков кромочной линии, блеск матовый. Направленность сработанности перпендикулярно-диагональная. Скребок использовался для обработки шкур.

Долотовидное орудие (см. рис. 8, 20) изготовлено из кварцевого отщепа контрударного снятия, подпрямоугольной формы, его размеры 36×32×10 мм. Нижний край заготовки подработан со спинки перпендикулярными уплощающими сколами. Со стороны брюшка рабочий край имеет естественный желобчатый профиль. На рабочем лезвии фиксируется забитость кромочной линии. Негативы мелких сколов,

идущие на плоскость, не образуют многоступенчатого рельефа. Скорее всего, орудие использовалось для обработки дерева.

Сверло (см. рис. 8, 21) изготовлено из остаточного нуклеуса. Рабочая зона инструмента охватывает основание, боковые грани и ребра ядрища. Фиксируется концентрическая направленность износа, глубина проникновения в обрабатываемый материал более 30 мм. Минимальный диаметр сверла 12 мм, максимальный – 35 мм. Орудие использовалось для сверления кости с абразивной подсыпкой в процессе работы. Сам нуклеус-заготовка кварцевый, плоский (монофронт), подтреугольной в плане формы, размером 53×40×20 мм. Площадка не оформлена и не подрабатывалась сколами. Угол между поверхностью расщепления и плоскостью, служившей ударной площадкой, составляет 45°. Скалывание заготовок проводилось в контрударной технике расщепления.

Концевой скребок на кварцевом отщепе подпрямоугольной формы, размером 47×33×12 мм, имеет округлое лезвие, оформленное крутой ретушью со спинки. Такой же ретушью подработана одна боковая сторона заготовки. Скребок использовался для обработки шкур.

Разделочный нож изготовлен из кварцевого отщепа подтрапецевидной формы, сколотого контрударным способом. Режущим краем служила одна из продольных сторон заготовки. Микроретушь утилизации фиксируется на кромке в виде полукрутых и пологих краевых фасеток.

Абразивный инструмент представлен шлифовальником из куса мелкозернистого песчаника сланцевидной структуры. Он подпрямоугольной формы, размером 80×64×28 мм, имеет две противолежащие рабочие плоскости. По характеру износа абразив мог быть использован для заточки металлических инструментов.

Особенности расщепления камня демонстрируют два ядрища. Одно представлено кварцевым нуклеусом контрударного принципа расщепления. Его размеры 45×40×22 мм. Заготовкой послужила галька. Поверхность скалывания фронтальная. Ударная площадка скошена к контрфронту и подработана снятиями от фронта скалывания. Основание забито. Судя по негативам, с ядрища получали заготовки удлиненных пластинчатых очертаний или подовальные отщепы.

Второе ядрище имеет конусовидную форму, размеры 30×33×17 мм. Оно выполнено из куса розового кремня. Фронт скалывания расположен на торце, ударная площадка прямая, подработана сколами. Скорее всего, это остаточный нуклеус. Забитость основания свидетельствует о попытке максимально утилизировать ядрище.

Сколы-заготовки (отщепы) представлены изделиями из кварца (15 экз.) и кремнистых пород (12 экз.). Кварцевые отщепы получены в контрударной технике скола, их размеры от 16×10×4 до 49×47×17 мм. Среди них имеется пластинчатый скол размером 40×11×9 мм, с подтреугольным сечением и прямым профилем. Кремнистые отщепы получены как в ударной, так и в контрударной технике скола. Их размеры от 15×11×3 до 35×30×9 мм. Форма изделий преимущественно подпрямоугольная.

Кроме того, в межжилищном пространстве найдены две мелкие уплощенные кремнистые галечки без следов использования.

Анализ материалов

Хронологическая позиция находок из рассмотренного жилища устанавливается по остаткам литейного производства. На территории Западной Сибири односторонние глиняные литейные формы, близкие рассмотренным, обнаружены на ранних и поздних памятниках полымьянского типа, раскопанных в бассейне р. Конды [Кокшаров, 1993, с. 10, 17]. Это поселения Лева VIII и Геологическое III, расположенные соответственно в среднем и верхнем течении реки.

На поселении Лева VIII представлены матрицы двух типов, изготовленные из запесоченной глины. В одних формах получали слитки в виде эллипсов линзовидного сечения, размером 3,2×1,5×0,4 см [Кокшаров, 1991, рис. 1, 40], а в других – заготовки плоских тесел в форме равнобедренных трапеций со следующими параметрами: ширина торцов – 7,2 и 4 см, высота – 7,4, толщина – 0,5–0,7 см. В полости одной из реконструированных форм имелось куветообразное углубление размером 3,6×1,5×0,25 см [Там же, рис. 1, 36]. Оно оформляло в узкой части слитка утолщение, необходимое для более надежного крепления тесла в рукояти (?). Нетрудно заметить, что продукция литейщиков с поселения Лева VIII отличалась от ендырских изделий меньшей толщиной.

Обломки от четырех односторонних форм были найдены в раскопах III и V на поселении Геологическое III. Обнаруженные здесь матрицы, в отличие от технологической керамики Левы VIII и Ендырского VIII, выполнены из хорошо отмученной глины без видимых примесей. Удалось установить облик двух матриц. В одной отливались заготовки-брусочки размером 3,6×1,6×0,8 см, занимающие по параметрам промежуточное положение между продукцией мастеров Левы VIII и Ендырского VIII. В другой, с полостью в виде равнобедренной трапеции, изготавливались слитки с длиной оснований 4,5 и 6,5 (?) см, высотой 6,5 (?) и толщиной 1,5–1,7 см. По массивности они сближаются с изделиями из Ендырского VIII.

Матрицы с памятников в бассейнах Ендыря и Конды достаточно оригинальны, т.к. не имеют аналогов ни на юге, ни на севере Западной Сибири. Для конкретизации времени функционирования таежных мастерских и понимания процессов сложения металлообработки в районах, удаленных географически от рудных источников, следует обратиться к материалам с территорий, где традиции обработки металла имеют глубокие корни.

Литейные формы, близкие рассмотренным сибирским образцам, встречаются среди древностей раннего и среднего бронзового века, происходящих из производственных и погребальных комплексов, которые входили в состав Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП). Время ее существования укладывается в период от середины IV тыс. до н.э. до середины II тыс. до н.э. [Черных, 1978, с. 59].

Представительная серия матриц для получения слитков-брусков овально-вытянутой формы известна на памятниках куро-аракской культуры [Кушнарева, 1993, рис. 31, 6–8, 13, 16], имевшей распространение на значительной части Южного Кавказа. Наиболее интересна массовая продукция производственных центров Северного Предкавказья и Восточной Европы. Это такие изделия, как долота, стамески, шилья, ножи, плоские тесла, в т.ч. и укороченные [Черных, 1978, с. 59–69]. Самое главное заключается в том, что заготовки для них отливались в простых открытых формах, среди которых есть изделия, близкие материалам памятников в бассейнах Ендыря и Конды. Матрицы для отливки плоских тесел и заготовок в виде брусков и эллипсов были найдены в погребениях новотитаровской, катакомбной и полтавкинской культур [Гей, 1986, с. 19, рис. 7, 5, 6; 8, 1, 2; 9, 1; Кубышев, Черняков, 1985, рис. 7, 1–9; Шилов, 1959]. Литые стандартной продукции (слитков-заготовок) объясняется исследователями популярностью у мастеров ЦМП технологических схем, по которым полученные заготовки подвергались последующей формующей ковке [Рындина, Дегтярева, 2002, с. 109, 136].

Сходство сибирских материалов с кавказскими и поволжскими вряд ли случайно. Оно может быть объяснено заимствованием таежным населением технологии обработки металла, получившей широкое распространение в зоне ЦМП. В этой связи приведем мнение С.В. Кузьминых, рассматривавшего литейные формы из Левы VIII в качестве матриц для производства “заготовок-болванок, которые ковкой доводились до нужной формы” (цит. по: [Визгалов, 1988, с. 51, 53]). Функционирование литейного производства на этом памятнике датировано досейминским временем [Там же, с. 51]. В отличие от Левы VIII поселение Геологическое III по облику керамического материала относится к числу поздних полы-

мьятских. Обнаруженные здесь литейные формы свидетельствуют о более крупных размерах получаемых отливок. Вместе с тем следует учитывать, что на поздних полымьятских поселениях в нижнем течении Конды (Пашкин Бор I, Волвонча I) уже появляются формы и сердечники для кельтов самусьско-кижировского облика (разряды К-38 и К-42) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 148, 152; рис. 75, 3–5; рис. 77, 6].

Прежде в наших работах говорилось, что время существования ранних и поздних полымьятских поселений определяется по наличию на них остатков литейного производства досейминского и сейминского облика и ограничивается второй-третьей четвертями II тыс. до н.э. [Кокшаров, 1991, с. 97; 1993, с. 17]. Сейчас, после получения абсолютных дат для целого ряда алтайских памятников доандроновского и андроновского времени, когда обозначилась тенденция к удревнению сеймо-турбинских комплексов [Черных, Кузьминых, 1989, с. 261; Кирюшин, 2002, с. 80, 82], следует пересмотреть и хронологию полымьятских поселений в бассейне Конды. Нижние границы должны определяться по случаям перекрытия ранними полымьятскими слоями энеолитических объектов волвончинского типа, которые по имеющимся некалиброванным датам (2290 и 1950 лет до н.э.) относятся к последней трети III – рубежу III–II тыс. до н.э. [Кокшаров, 1991, с. 95, 100]. Характер остатков литейного производства на поздних полымьятских поселениях на верхней и нижней Конде свидетельствует о неравномерном приобщении к новым технологическим достижениям отдельных таежных коллективов даже внутри одного речного бассейна. Они отражают самый начальный процесс вхождения Северо-Западной Сибири в поздний бронзовый век, который ассоциируется обычно с сеймо-турбинскими древностями. Однако пересмотр хронологии последних и отсутствие абсолютных дат для большинства кондинских памятников бронзового века не дает достаточных оснований для жесткого разграничения ранних и поздних полымьятских поселений. Время их существования должно укладываться в первую половину, а может быть, первую треть II тыс. до н.э., т.е. они относятся в целом к досейминскому периоду. Правда, нельзя исключить кратковременного сосуществования поздних полымьятских и сменяющих их комплексов сейминской эпохи, речь о которых пойдет ниже.

Возвращаясь к публикуемым материалам, обратим внимание на такой признак, как массивность отливок. Эта особенность позволяет синхронизировать поселение Ендырское VIII с поздними полымьятскими памятниками на верхней Конде. Думается, что речь может идти о рубеже досейминского и сейминского периодов.

Бытовая керамика из ендырского жилища, безусловно, входит в круг т.н. гребенчато-ямочных комплексов бронзового века севера Западной Сибири. Однако при кажущемся однообразии ее декора из перечня параллелей следует исключить керамику варпаульского типа, представленную на таких памятниках, как могильник Сатыга XVI и поселение Ленино на р. Конде, культовый комплекс Сайгатино VI в Сургутском Приобье и могильник Товкуртлор-3 на р. Казым. Обычно это слабопрофилированные горшки с плоским дном, украшенные предельно упрощенными гребенчатыми узорами [Кокшаров, Чемякин, 1991, рис. 1]. В одних комплексах с такой керамикой обнаружены литейные формы кельтов сеймо-турбинского (разряд К-10) и самусьско-кижировского (разряды К-36 и К-46) типов [Черных, Кузьминых, 1989, с. 46, 148, 152; рис. 75, 1, 2; 77, 7], ножи турбинского типа, нож срубно-андроновского типа, кремневые наконечники стрел и крупные асимметричные ножи (наконечники дротиков?), каменные булавы, изделия из кости [Кокшаров, Чемякин, 1991; Погодин, 2002; Археология Западной Сибири..., 2002]. Материалы варпаульских памятников имеют самые полные соответствия среди сеймо-турбинских древностей Евразии (могильники Сейма, Турбино, Ростовка и др.), что дает основания для их синхронизации. Таким образом, они отражают особенности культуры таежного населения Западной Сибири сейминского времени.

Декоративно-морфологические признаки сближают ендырскую керамику с поздними полымьятскими комплексами на верхней Конде, материалами сартыньинской культуры Нижнего Приобья, тазовской культуры Заполярья, древностями кульганского облика Сургутского Приобья, междуречья Пура и Надыма.

Сходство ендырской и поздней полымьятской керамики с верхней Конды неудивительно по причине территориальной близости сравниваемых памятников. Оно проявляется в наличии кругло- и плоскодонных баночных емкостей, присутствии в орнаменте геометрических узоров в виде шахматного поля, сеток, лент, усложненных ответвлениями [Кокшаров, 1991, с. 95, 97, рис. 1, 2]. С одной стороны, на досейминский возраст поздней полымьятской посуды указывают найденные вместе с нею односторонние литейные формы, о чем говорилось выше. С другой стороны, определяя время ее существования, следует учитывать особенности формовки. При лепке часто использовались сосуды-шаблоны, орнамент которых оставался на внутренних стенках горшков. Использование жестких шаблонов в виде сосудов, нередко обернутых тканью, было широко распространено на рубеже среднего и позднего бронзового века у гончаров Южного Урала. Речь идет о синташтинской, петровской и раннеалакульской керамике [Григорьев, 1999, с. 87; Зданович, 1983, с. 61; Виноградов, 1997, с. 90–91].

Поселение Ендырское VIII расположено на территории Нижнего Приобья, входящего в ареал распространения одной из ярких культур бронзового века – сартыньинской, сложение которой также происходит в досейминское время [Васильев, 1983, с. 47–53, рис. 6, А–В; 1989, с. 16]. Действительно, между ендырской и сартыньинской керамикой обнаруживается наибольшее сходство, что прослеживается в стандартной посуде, отнесенной Е.А. Васильевым к первому типу. Это преимущественно банки закрытых форм с круглыми, уплощенными и плоскими днищами, украшенные т.н. фигурно-геометрическими орнаментами; среди узоров широко распространены разнообразные зигзаги и ромбы, тогда как доля шестиугольных элементов (сот) минимальна [Васильев, 1989, с. 15]. Такая керамика бытовала с XIX–XVIII до XVI в. до н.э. Стандартная посуда второго типа также баночная, но, говоря о декоре, Е.А. Васильев отмечает, что для нее является определяющим наличие оригинального “сотового” геометризма. Этот тип керамики связывается со вторым этапом в развитии сартыньинской культуры и ограничен XV–XIII вв. до н.э. [Там же, с. 17]. Отсутствие в ендырской коллекции емкостей индивидуальных форм, типичных как для сартыньинских комплексов, так и поздних полымьятских, можно объяснить немногочисленностью материалов.

Очевидные черты сходства обнаруживаются при сравнении публикуемой коллекции с керамикой тазовской культуры. Оно выражено в баночной форме емкостей, обработке стенок сосудов, наличии в орнаменте зигзагов и ромбов с вписанными в них ямками или розетками, в размещении ямок на внешних изломах геометрических фигур, использовании гребенчатого штампа в виде полой трубочки [Лашук, Хлобыстин, 1986, с. 46, рис. 2, 1–14].

В свою очередь, совершенно явные параллели в форме и орнаменте обнаруживаются между тазовской и поздней полымьятской керамикой с верхней Конды. Наблюдения позволяют уверенно датировать заполярные материалы более ранним временем, чем варпаульские, и рассматривать их в числе досейминских древностей. В этой связи вряд ли правомерны утверждения, что тазовская посуда лишена своеобразия на фоне остальных комплексов общности носителей культур с гребенчато-ямочной керамикой [Васильев, 1989, с. 19]. Попытка объяснить появление тазовских памятников распадом данной общности в последней четверти II тыс. до н.э. также не выдерживает критики [Косарев, 1993, с. 103].

В орнаменте тазовской посуды обращают внимание узоры, нанесенные гребенкой с плотно поставленными широкими зубцами [Лашук, Хлобыстин, 1986, рис. 2, 13]. Использование сходного инструмента от-

мечено как на поздней полымьятской, так и кульганской керамике [Борзунов, Погодин, 2001, с. 207; Чемякин, 1989, рис. 1, 12, 13, 17; Косинская, 1998, рис. 4, 2, 8–11; 2000, с. 18, рис. 4, 1–7; Чемякин, Карачаров, 2002, рис. 8, 11, 14; Стефанов, 2002, рис. 4, 1, 2, 6–8; 5, 1, 2; 6]. Распространение подобного штампа может свидетельствовать об одновременности комплексов. По этому признаку близка кульганской и ендырская керамика. Кроме того, они схожи между собой по форме сосудов, обработке внутренних и внешних стенок, присутствию в декоре многорядных зигзагов, наличию ответвлений, отходящих от углов зигзагов в виде цепочек из ямок [Стефанов, 2002, с. 110, рис. 6]. Заметим особо, что зигзаги с ответвлениями на посуде кульганского типа [Косинская, 2000, рис. 4, 2; Стефанов, 2002, рис. 6] отдаленно напоминают рассеченные надвое шестигранники (соты), которые столь характерны для сартыньинской керамики с нижней Оби и Сосьвы [Васильев, 1983, с. 60].

В определении возраста кульганских древностей на территории Сургутского Приобья не сложилось единого мнения. Ю.П. Чемякин относит их к первой хронологической группе керамики с гребенчато-ямочным орнаментом и ограничивает время ее существования серединой – третьей четвертью или второй третью II тыс. до н.э. [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 30], полагая, что она предшествовала второй группе, связанной с комплексами облика Сайгатино VI (варпаульского типа), которые, как отмечалось выше, укладываются в рамки сейминского горизонта. Л.Л. Косинская и вслед за ней В.И. Стефанов, опираясь на абсолютные даты по углю, полученные на поселении Чернореченское I, – 3760 ± 20 , 3830 ± 40 , 4500 ± 70 л.н. (ЛЕ-5333, 5334, 5339), – предлагают удревнить возраст кульганских комплексов до первой половины II тыс. до н.э. [Косинская, 2000, с. 18; Стефанов, 2002, с. 111]. Как замечает В.И. Стефанов, памятники данного типа отражают начальный или ранний этап бронзового века на территории Сургутского Приобья и при их датировании необходимо учитывать как архаичный облик кульганской керамики (по сравнению со второй, варпаульской группой), так и радиоуглеродные даты [Стефанов, 2002, с. 110–111]. Изложенная позиция представляется нам более аргументированной и дает основания для отнесения кульганских памятников к досейминскому времени и синхронизации их с публикуемым ендырским комплексом.

Каменный инвентарь из жилища поселения Ендырское VIII не столь выразителен, поэтому он не может быть использован для датирования. Вместе с тем наиболее полные соответствия коллекция имеет с материалами досейминских памятников – кульганского Щетнматолор в бассейне р. Пур [Косинская, 2000,

с. 18], полымьятского типа на верхней Конде [Кокшаров, 1993, с. 15], южно-ямальского Вары-Хадыта II (неопубликованные материалы А.Г. Брусницыной). Перечисленные объекты, расположенные в разных частях Северо-Западной Сибири, объединяет использование местного галечникового сырья, в котором значительный процент составляет кварц. Характер сырья предопределил доминирующую технологию расщепления, основанную на контрударной технике скола. Заготовками для орудий являлись отщепы первичного и вторичного снятия, а также гальки, сколы, сработанные нуклеусы и сколы со шлифованных предметов. Как правило, это морфологически не выраженные изделия [Погодин, 1999].

По мнению Е.А. Васильева, достаточно оригинально выглядит сартыньинская индустрия, отличающаяся абсолютным преобладанием изделий, выполненных путем шлифовки, и отсутствием скребущих орудий [1989, с. 17]. Наблюдения, проведенные нами на археологических памятниках нижней Оби и Северной Сосьвы, позволяют усомниться в этой характеристике. Вряд ли сартыньинская индустрия существенно отличается от упомянутых выше комплексов первой половины II тыс. до н.э.

Завершая анализ каменного инвентаря, отметим глубокие традиции в обработке камня в Северо-Западной Сибири в эпоху раннего металла. Их корни уходят, по меньшей мере, в предшествующее энеолитическое время, о чем свидетельствуют материалы поселений Атымья VII на р. Тавде [Стефанов, Кокшаров, 1990, с. 49–52], Геологическое XVI на р. Конде [Кокшаров, 2003], Каксинская Гора-3 и Амня IA в бассейне р. Казым [Морозов, Стефанов, Погодин, 2001, с. 30; Стефанов, Морозов, 1992, с. 84–85]. Следует также отметить, что активная разработка галечников, содержащих кварц, и сходные приемы техники обработки камня сохраняются во второй половине II тыс. до н.э. Это наглядно демонстрируют материалы поселения лозьвинского типа Низямы VIII на нижней Оби [Кокшаров, 1993, с. 15].

Заключение

Исходя из состава находок, сооружение, раскопанное на поселении Ендырское VIII, можно отнести к производственным постройкам. Это одна из немногих мастерских на севере Западной Сибири, где велась обработка камня и выплавлялись слитки-полуфабрикаты, которые впоследствии обрабатывались формирующей ковкой. Совершенно очевидно, что мастер работал по технологическим схемам, распространенным в производственных центрах Циркумпонтийской металлургической провинции. Вынесение литейного производства за пределы жилых помещений вполне рационально и объяснимо, и, вероятно,

где-то поблизости следует искать жилище. Таковым может оказаться большое укрепленное сооружение, находящееся в 31 м к северо-северо-западу от раскопанного.

Появление металлообработки в досейминское время на севере Западной Сибири было связано с опосредованным влиянием металлургических и металлообрабатывающих очагов ЦМП на позднем этапе ее существования. Главная роль в этом принадлежала горнякам и литейщикам Урала, познакомившим своих восточных соседей с секретами обработки металла [Кокшаров, 2002, с. 59–60]. Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что в конце III – первой трети II тыс. до н.э. население, проживавшее восточнее Урала от лесостепного Притоболья на юге (ташковская культура) до Южного Ямала на севере (поселение Вары-Хадыта II), активно осваивает литейное дело. Перенеся периодизацию эпохи раннего металла, предложенную Е.Н. Черных для европейской части России, на северо-запад Сибири, мы увидим, что этот регион вступает в средний бронзовый век, минуя раннебронзовый период.

Сейчас правомерно ставить вопрос о функционировании самостоятельных металлообрабатывающих очагов на севере Западной Сибири уже в досейминское время. Признание этого факта даст убедительное объяснение стремительному распространению в сибирской тайге более совершенных технологий с применением закрытых форм в позднебронзовое (сейминское) время и последующему вхождению территории в зону Евразийской металлургической провинции. Как следствие, должны быть внесены и соответствующие коррективы в модель развития такого явления, как сеймо-турбинский феномен [Черных, Кузьминых, 1989, с. 269–277].

Отсутствие датирующих вещей затрудняет установление возраста обнаруженного одиночного погребения. Исходя из стратиграфии, можно заключить, что захоронение было совершено в период функционирования литейной мастерской или через какое-то время после прекращения ее существования, когда на поверхности террасы образовалась впадина. Речь может идти о бронзовом или железном веке. Таким образом, у нас нет веских оснований для однозначного отнесения могилы и мастерской к единовременному погребально-поселенческому комплексу. Вместе с тем на обособленный характер захоронения могли повлиять в равной степени как профессиональная деятельность умершего (если это литейщик?), так и серьезность заболевания. Физический недуг повлек изменение внешности, и, несомненно, искаженное лицо выделяло данного мужчину из коллектива. Совершенно очевидно одно – статус этого неординарного человека в обществе не позволял окружающим похоронить его на общем кладбище.

Список литературы

- Археология** Западной Сибири в свете новейших открытий: Проспект выставки. – Ханты-Мансийск: [Б. и.], 2002. – 35 с.
- Борзунов В.А., Погодин А.А.** Раскопки укрепленного жилища Быстрый Кульгган-38 // АО 2000 г. – М.: Наука, 2001. – С. 206–207.
- Васильев Е.А.** Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – С. 40–62.
- Васильев Е.А.** Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотажного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 21 с.
- Визгалов Г.П.** Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – С. 47–53.
- Виноградов Н.Б.** Страницы древней истории Южного Урала. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1997. – 160 с.
- Гей А.Н.** Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. – М.: Наука, 1986. – Вып. 1: Древности Северного Кавказа. – С. 13–32.
- Григорьев С.А.** Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: [Б.и.], 1999. – 444 с.
- Зданович Г.Б.** Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Чел. гос. ун-та, 1983. – С. 48–68.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.
- Кокшаров С.Ф.** Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург, 1991. – Вып. 20. – С. 92–101.
- Кокшаров С.Ф.** Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 22 с.
- Кокшаров С.Ф.** Досейминская металлообработка на Северо-Западе Сибири // Северный археологический конгресс. 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск: Тез. докл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 58–60.
- Кокшаров С.Ф.** Раскопки поселения Геологическое XVI в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа // АО 2002 г. – М.: Наука, 2003. – С. 374–375.
- Кокшаров С.Ф., Чемякин Ю.П.** Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1991. – С. 43–52.
- Косарев М.Ф.** Из древней истории Западной Сибири: Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. – М., 1993. – Вып. 4. – 283 с.
- Косинская Л.Л.** Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири: Сб. науч. тр. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. пед. ин-та, 1998. – С. 87–102.
- Косинская Л.Л.** Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Науч. вестн. – Салехард, 2000. – Вып. 3: Археология и этнология: Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. – С. 13–23.
- Кубышев А.И., Черняков И.Т.** К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // СА. – 1985. – № 1. – С. 39–54.
- Кушнарева К.Х.** Южный Кавказ в IX–II тысячелетиях до н.э.: Этапы культурного и социально-экономического развития. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. – 312 с.
- Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П.** Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. – 1986. – № 185. – С. 43–50.
- Морозов В.М., Стефанов В.И., Погодин А.А.** Древнее поселение в бассейне Казыма // Материалы по археологии Обь-Иртышья. – Сургут: Изд-во Сургут. гос. ун-та, 2001. – С. 26–34.
- Погодин А.А.** Кварцевая индустрия на Севере Западной Сибири // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.). – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 37–38.
- Погодин А.А.** Технично-функциональная характеристика каменного инвентаря могильника Товкуртлор-3 // Северный археологический конгресс. 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск: Тез. докл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 247–248.
- Райнберг С.А.** Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. – М.: Изд-во мед. лит., 1955. – 640 с.
- Рындина Н.В., Дегтярева А.Д.** Энеолит и бронзовый век: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. – 226 с.
- Стефанов В.И.** Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКНЦП, 2002. – С. 97–112.
- Стефанов В.И., Кокшаров С.Ф.** Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. – 1990. – № 3. – С. 44–63.
- Стефанов В.И., Морозов В.М.** Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1992. – С. 77–91.
- Чемякин Ю.П.** Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 60–74.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – 2-е изд. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 7–74.
- Черных Е.Н.** Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. – 1978. – № 4. – С. 53–82.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.
- Шилов В.П.** О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // МИА. – 1959. – № 60. – С. 11–38.
- Ortner D.J., Putschar W.G.J.** Identification of Patologycal Conditions in Human Skeletal Remains. – Wash.: Smithsonian Institution Press, 1985. – 488 p.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.27

Ю.Н. Есин

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия
E-mail: esin@minusa.ru*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Среди многочисленных проблем изучения древнего искусства одной из наиболее дискуссионных является интерпретация. Большое внимание ее обсуждению уделено в работе А.-П. Франкфора и Э. Якобсон [2004, с. 68–75]. Исследователи подвергают обоснованной критике привлечение для интерпретации древних изображений сведений по этнографии и мифологии, относящихся к иным эпохам, культурам и регионам, и предлагают сосредоточить внимание на изучении изобразительного и культурного контекстов. По моему мнению, это перспективный подход, т.к. он нацелен на более полное использование собственных информативных возможностей изображений. Однако методика, которая позволяла бы реализовать его потенциал пока несовершенна. Проблеме разработки такой методики и посвящена предлагаемая статья.

Основные подходы к интерпретации изображений

Произведения древнего искусства создавались как носители образной информации. С этой точки зрения они являются единицами одного из способов коммуникации (наряду с естественным языком, жестами, танцем и др.) в рамках определенной социокультурной группы и могут быть уподоблены текстам (сообщениям) на определенном языке (коде). Следовательно, для их понимания нужно знать существовавшие в данной культурной среде правила семантического отождествления использовавшихся изобразительных элементов с объектами за преде-

лами знаковой системы. С этих позиций все многообразие стратегий изучения семантики искусства бесписьменных обществ можно свести к двум основным подходам.

Первый (сравнительно-исторический) подход основан на использовании для объяснения изображений материалов других культурных традиций. Сегодня это самый распространенный способ интерпретации. Однако он имеет особенность, серьезно влияющую на получаемые результаты, которая не всегда учитывается. Речь идет о субъективности выбора исследователем объясняющего материала. Часто объяснения одного и того же рисунка, основанные на разных аналогах, противоречат друг другу. Это свидетельствует о том, что сходство отдельных элементов разных культурных традиций не является достаточным доказательством близости их значений. Таким образом, использование материалов одной культурной традиции для интерпретации изображений другой (как и при дешифровке забытых систем письма с использованием этимологического метода) возможно лишь в случае прямого родства традиций и при условии проверки получаемых результатов при помощи других методов.

Другой (структурно-семиотический) подход нацеливает на реконструкцию правил семантического отождествления через исследование закономерностей самих изображений. В последнее время популярность такого подхода в археологии растет [Структурно-семиотические исследования..., 2002]. Тем не менее идея интерпретации изображений, исходя из изучения закономерностей их внутренней организации, многими исследователями воспринимается скеп-

тически. Одна из причин скепсиса – скромные успехи в интерпретации изображений А. Ламинь-Эмперер и А. Леруа-Гурана, стоявших у истоков данного подхода. Однако полученные ими результаты изучения искусства эпохи палеолита объясняются трудностями начального этапа разработки этого подхода и спецификой материала.

При структурно-семиотическом подходе интерпретации отдельного изображения предшествует его сравнительный анализ в рамках традиции. Цель этой исследовательской процедуры – выявление основных типов изобразительных текстов, набора изобразительных элементов и правил их сочетания. Ограниченность количества типов изображаемых объектов и композиций одной традиции, уже давно отмеченная исследователями [Леруа-Гуран, 1971, с. 88–89; Формозов, 1969, с. 248], обусловлена тем, что в рамках определенной социокультурной общности изображались объекты, их признаки и способы пространственных отношений, соответствовавшие ее мировоззренческой системе. Их повторяемость связана с цикличным повторением ограниченного той же системой числа ритуалов и ситуаций, в которых они использовались. Однако многократно воспроизводимые одинаковые по теме, функции и стилю произведения не являются полностью идентичными. Различия в трактовке одного объекта могут быть отражением: 1) авторских вариаций в рамках единой традиции при относительной синхронности изображений; 2) неоднородности культурной среды, состоящей из компонентов с разными традициями, сосуществовавшими какое-то время; 3) разновременности изображений (необходимо учитывать неизбежные трансформации изобразительной традиции с течением времени под воздействием внутренних и внешних факторов); 4) территориальных особенностей изобразительной традиции. Причиной изменения структуры изображения во всех случаях являются различия в осмыслении темы. Например, среди изображений мифи-

ческих хищников, принадлежащих окуневской культуре Минусинской котловины, нет даже двух одинаковых (рис. 1). Их сравнительный анализ позволяет выявить стандартные элементы рисунков: ноги птицы, туловище волка, медведя, быка или змеи, голова медведя или змеи, рога быка, язык змеи, косой крест, дуги и др. Все они сочетаются по устойчивым правилам и являются смысловыми единицами. Различия в их комбинации могут рассматриваться как варианты трактовки одной темы при сохранении смыслового ядра. Поскольку приведенный пример отражает общую закономерность развития искусства эпохи бронзы Центральной и Северной Азии, то индивидуальность рисунка в рамках выработанной традицией набора тем, изобразительных элементов и способов их сочетания следует рассматривать как одну из характеристик изобразительной деятельности этого времени. Вариативность изображений не является чем-то уникальным в культуре. Она сходна с вариативностью словесных фольклорных произведений, возникающей в процессе их существования в социальной среде [Антонова, 1981, с. 6]. Глубокий анализ этого сходства и причин самой вариативности проведен Д.С. Раевским [2001, с. 367–380], раскрывшим значительную близость принципов построения произведений скифского звериного стиля и ведийских гимнов. Как изобразительный фольклор оценивает первобытное искусство Я.А. Шер [1997, с. 28–30].

Изобразительные знаки подразделяются на *простые*, являющиеся наименьшими единицами изобразительного языка, и *сложные*, состоящие из элементов, которые сами являются знаками [Есин, 2003, с. 118; 2004, с. 9–10]. Иерархический принцип построения изобразительных текстов кардинально отличается от линейного синтаксиса словесных текстов. Он наиболее близок синтаксису мышления, оперирующему со смысловыми комплексами различной сложности как смысловыми единицами.

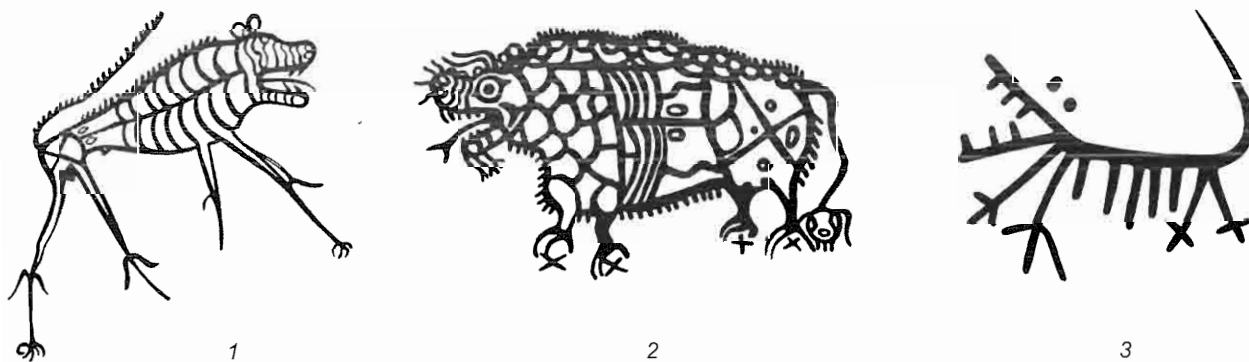

Рис. 1. Мифические хищники окуневского искусства.

1 – Черновая-8 (по: [Вадеекая, 1980, табл. LII, 117]); 2 – р. Аскиз (по: [Leont'ev, Kapel'ko, 2002, № 219]); 3 – Беренжак.

Двухуровневый анализ изобразительных знаков и изобразительные метафоры

Начальный этап интерпретации в рамках структурно-семиотического подхода предполагает определение изображаемых знаками объектов. Эта исследовательская процедура основана на том, что древние изображения своей структурой моделируют свое содержание. По способу передачи содержания изображения можно

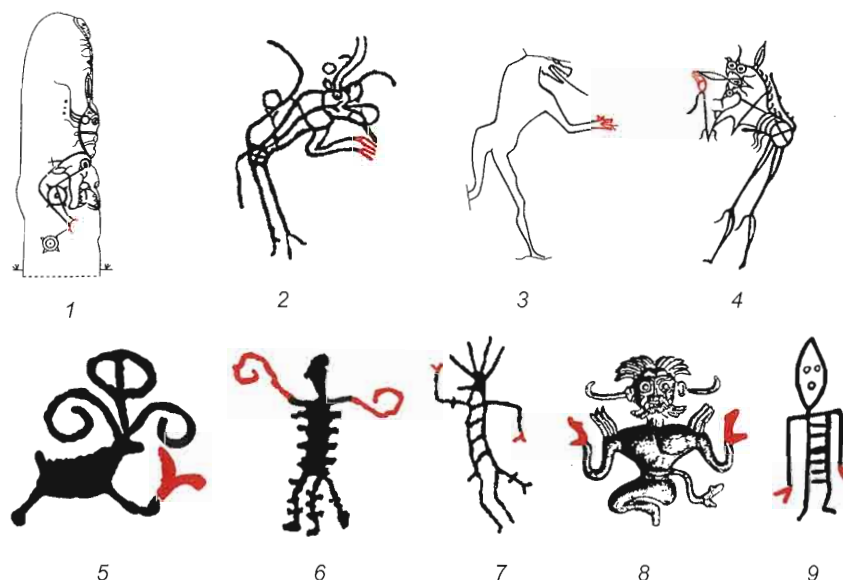

Рис. 2. Метафора “кисть руки – пасть змеи” в окуневском искусстве и близкие по смыслу изображения других традиций.

1–4 – окуневское искусство (по: [Leont'ev, Kapel'ko, 2002, № 103, 141, 204, abb. 19]); 5 – Чагаан-Салаа-3 (по: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 197]); 6 – Тамгалы (по: [Марьяшев, Горячев, 2002, табл. XIX, 6]); 7 – р. Тагил (по: [Широков, 2000, рис. 1]); 8 – Бактрия (по: [Сарианиди, 1999, рис. 25]); 9 – р. Томь (по: [Чиндина, 1984, рис. 19, 3]).

разделить на образы (обладают наглядным внешним сходством с реальными объектами) и схемы (абстрагированы от внешнего облика реальных объектов, сходство проявляется через аналогию между отношениями частей и отдельные признаки). При распознавании образов важно учитывать культурный и природный контексты изобразительной традиции, т.к. отдельные изображения моделируют предметы, бытовавшие в узких культурно-хронологических рамках, отражают видовые особенности фауны и т.п. Появление знаков-схем объясняется редукцией образов либо сложностью создания внешне схожей модели некоторых объектов и явлений, таких как небо, земля и т.п. Поэтому, чтобы раскрыть предметное значение схем, необходимо изучать их и в диахроническом, и в синхроническом аспектах. Последний предполагает сравнение знаков-схем с позиционно равнозначными более реалистичными знаками в других вариантах текста того же типа и анализ контекстов использования. Например,

сравнительный анализ окуневских изображений позволяет сделать вывод, что уголок или дуга вместо кисти руки тождественны раскрытой пасти (рис. 2, 1–4).

Специального анализа требуют не только структура изобразительных знаков, но и контексты их использования. Собственное значение некоторых изображений не согласуется с контекстом. Так, отмеченное выше изображение пасти вместо кисти руки демонстрирует определенное противоречие: изобразительный знак “пасть”,

принадлежащий к языку описания зверя (зооморфный код), используется на месте кисти руки, т.е. по правилам языка описания человека (антропоморфный код). Объяснить отождествление изобразительных элементов, относящихся к разным кодам, можно только с учетом исторических изменений в мышлении человека. Для первобытного мышления универсальным способом осмысления любого объекта являлось использование ассоциативных связей, строящихся по принципу метафоры и метонимии, т.е. путем подмены одного представления другим, находящимся с ним в каком-то отношении. Примеры того, как они возникают, демонстрируют древние словесные тексты [Дьяконов, 1977, с. 9–13]. Ассоциативные связи служили инструментом обобщения, заменяющим отвлеченные понятия, т.к. позволяли выражать свойство

через отождествление, эпитет, сравнение. Вероятно, именно такой ассоциативной связью обусловлено использование изобразительного элемента одного кода по правилам другого.

Для обоснования предложенного объяснения рассмотрим рисунок, результаты анализа которого можно проверить письменным текстом. В древнеегипетском искусстве встречается изображение крупной коровы, ноги которой поддерживают антропоморфные персонажи, на животе показаны звезды, под животом – лодки с фигурами богов (рис. 3). Исходя из этого изобразительного контекста можно заключить, что знак “корова” использован в метафорическом значении. Данное предположение подтверждается сопоставляющим рисунок письменным текстом, в котором говорится о корове-небе. Однако значение фигуры коровы как небесного свода на четырех опорах, а лодки как индикатора небесных вод можно было бы реконструировать и без письменного текста

на основании анализа самой композиции и сравнения ее с другими древнеегипетскими изображениями. Важно учитывать, что суть мифологической метафоры, созданной первобытным мышлением, существенно отличается от возникшей позднее на ее основе поэтической метафоры: первая выражает реальное тождество, вторая лишь переносит значение с одного предмета на другой [Фрейденберг, 1988, с. 28]. Отношение к мифологической метафоре как к реальности демонстрируют жертвоприношения египтян небесной корове.

Таким образом, план содержания изобразительного знака целесообразно разделять на два уровня: 1) собственное значение, моделируемое структурой знака, которое определяет его соотношенность с тем или иным классом объектов или явлений мира; 2) значение, определяемое контекстом использования, которое отражает место изображаемого объекта и его ассоциативные отождествления в рамках культуры. Выявление и сопоставление этих уровней позволяет понять, как осмысливался изображенный объект или действие создавшей его культурной средой, изучать мифологическую логику конкретных ассоциативных отождествлений. Для этого необходимо выяснить, какие общие свойства и функции имеют отождествляемые объекты, какими качествами наделяется один объект благодаря отождествлению с другим.

Возможности, которые дает применение такого метода анализа, проиллюстрирую на материале разных культурных традиций населения Центральной и Северной Азии. Например, отождествление пасти с кистью руки в окуневском искусстве придает руке свойства пасти и указывает на смертельную опасность прикосновения ею (см. рис. 2, 3). Иногда вместо раскрытой пасти использовались знак дугообразной формы, возможно ее схема, и знак в виде языка змеи. Таким образом, выстраивается семантический ряд взаимно отождествляемых элементов “рука – пасть/голова змеи – язык змеи”. Известны примеры изображения на месте змеиного языка еще одной змеи с реалистично трактованной головой [Leont’ev, Kapel’ko, 2002, № 194, 254] или рук (рис. 4, 3). По смыслу это одна пасть внутри другой. В окуневском искусстве такая модель соответствует изображению одного знака рта внутри или ниже другого, которое, вероятно, отражает представления о двойственности функций рта [Есин, 2001, табл. 1]. У окуневских мифических хищников вместо звериных обычно изображены птичьи лапы (см. рис. 1). Они, видимо, наделяют зверя качеством, присущим птице, – способностью перемещаться по небу.

В искусстве самусьской культуры Приобья существует изобразительный знак в виде вертикальной линии с дугой на вершине. На одном антропоморф-

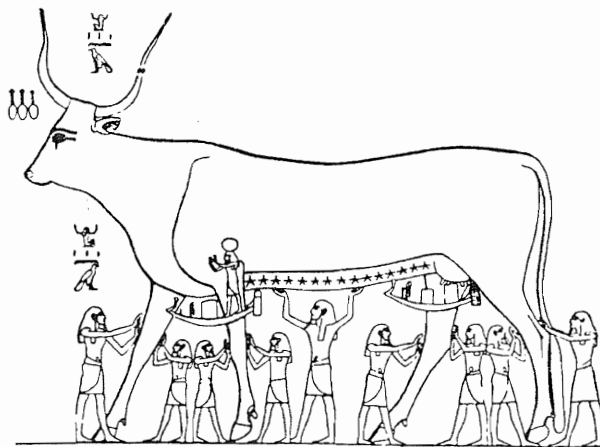

Рис. 3. Метафора “небо – корова” в искусстве Древнего Египта (по: [Антес, 1977]).

ном лице он показан посередине и имеет значение носа. Однако в ряде образцов структурно близкие знаки расположены над лицами и в этой позиции предстают как высокий головной убор (рис. 5). Одновременно быть моделью и носа, и головного убора эти знаки-схемы не могут. Их структура (если учитывать все контексты использования в изобразительных текстах на самусьских сосудах) связана со смысловым полем мифологического образа Мирового столпа, на вершине которого покоится небо. Таким образом, выстраивается семантический ряд, метафорически отождествляющий Мировой столп (собственное значение знака), высокий головной убор (контекстное значение) и нос (контекстное значение), а среди кодов самусьского искусства важнейшая роль принадлежит космологическому. Сходные изобразительные метафоры демонстрируют антропоморфные лики, зафиксированные в Минусинской котловине (рис. 6), Туве, Монголии, на северо-западе КНР (рис. 7). Их антропоморфность условна, она создается благодаря правилам организации элементов, отражающих представления об отдельных частях мироздания. У всех этих изображений на месте носа – знаки, символизирующие Мировой столп, Мировую гору или змея, выполняющего функцию столпа. Мифологическая логика отождествления носа и столпа может быть реконструирована следующим образом: позиция носа в середине лица подобна расположению столпа в центре мира, позиция носа между верхней и нижней частью лица подобна расположению столпа между небом и землей, форма носа подобна форме столпа.

Другая изобразительная метафора – показ вместо рта повозки и лодки (рис. 8, 9). Повозка изображена в плане с перегородкой внутри (аналоги см.: [Есин, 2001, рис. 2, 2, 3]). Схема лодки с пассажира-

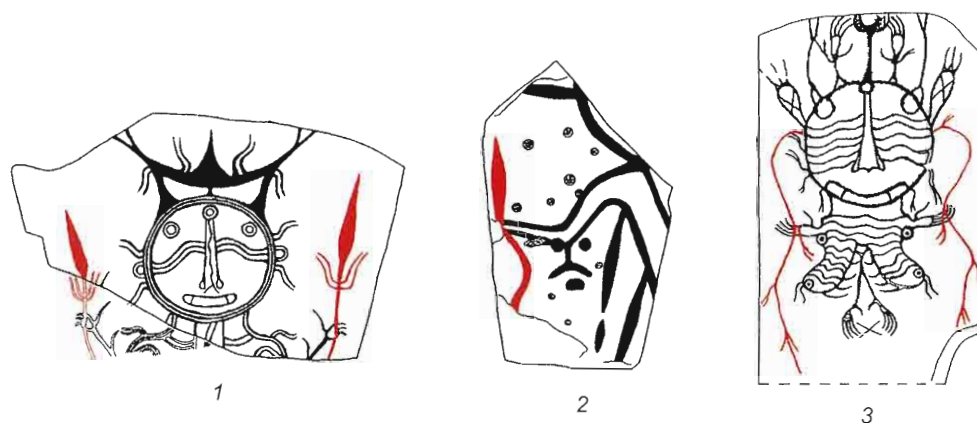

Рис. 4. Метафора “копье – змея” в окуневском искусстве
(по: [Leont'ev, Kapel'ko, 2002, № 114, 222, 269]).

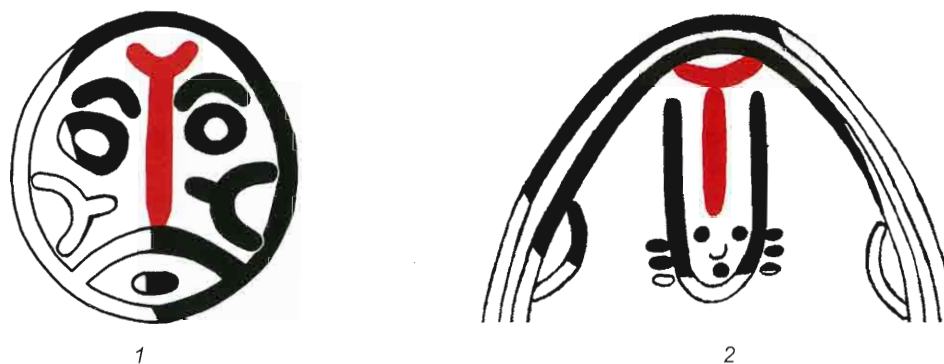

Рис. 5. Знаки-схемы одного типа на месте носа (1) и головного убора (2) в самусьском искусстве (декор на фрагментах сосудов, Самусь-4, раскопки В.И. Матюшенко, фонды Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ).

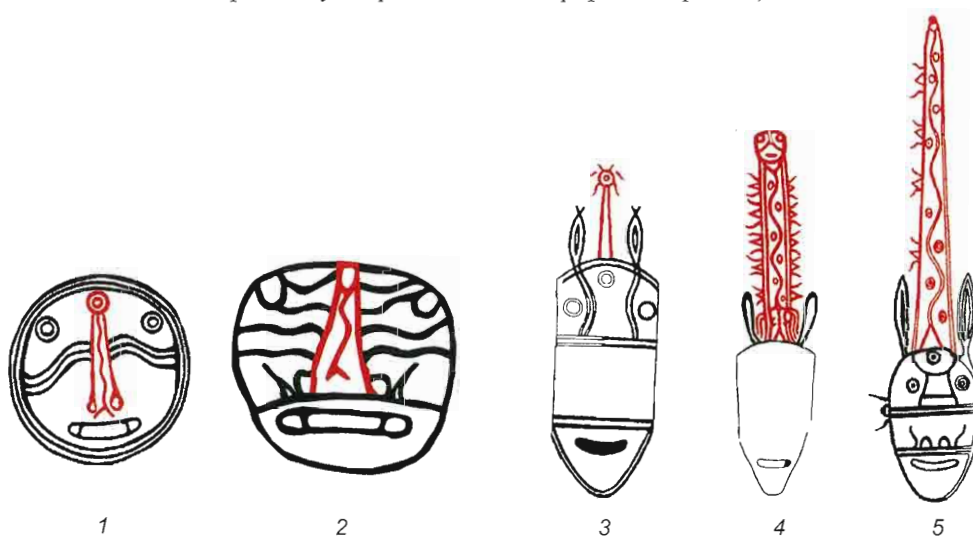

Рис. 6. Знаки-схемы, моделирующие Мировой столп, на месте носа и головного убора в окуневском искусстве (по: [Leont'ev, Kapel'ko, 2002, № 58, 99, 111, 114, 182]).

ми дана в профиль. Поскольку функциональная семантика рта включает противопоставленные, но взаимосвязанные смысловые поля смерти (прогла-

тивание-исчезновение) и дарования жизни (результат приема пищи), а функция повозки и лодки – перемещение, то отождествление рта, повозки и лодки

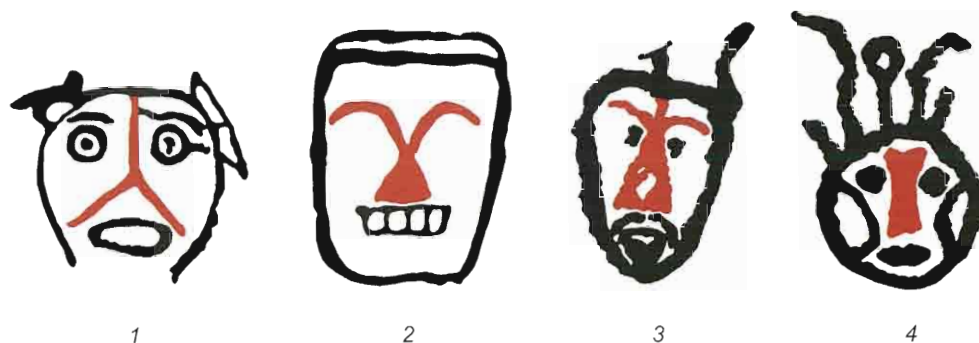

Рис. 7. Некоторые варианты воплощения метафоры “нос – Мировой столп” в искусстве населения Центральной Азии.
1 – Цагаан-Салаа (по: [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 1997, рис. 2]); 2 – Иньшань (по: [Гай Шаньлинь, 1986, рис. 1024]);
3, 4 – Улуг-Хем (по: [Дэвлет М.А., 1976, табл. 19, 22]).

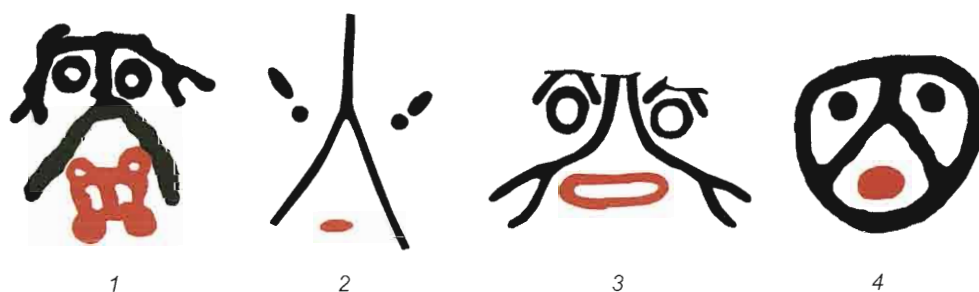

Рис. 8. Лик с повозкой на месте рта (1) и его аналоги в окуневском искусстве (2–4).
1 – р. Туба (по: [Шер, 1980, рис. 76, 4]); 2–4 – изображения на окуневских стелах
(по: [Leont'ev, Kapel'ko, 2002, № 285, 290, 21]).

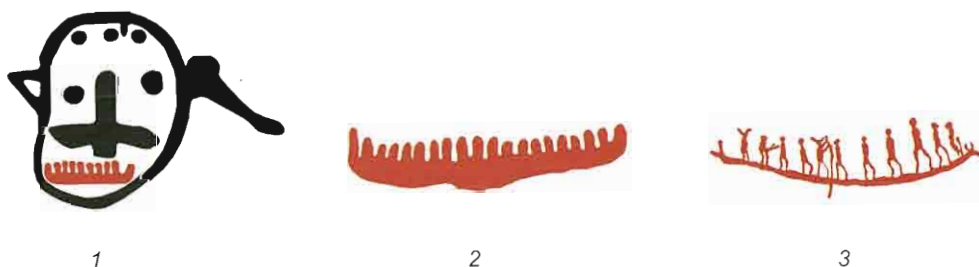

Рис. 9. Метафора “рот – лодка”.
1 – р. Ангара (по: [Окладников, 1966, табл. 32, 2]); 2 – р. Чара (по: [Кочмар, 1990, рис. 1, 120]);
3 – р. Туба (по: [Советова, Миклашевич, 1999, табл. 2, 1]).

раскрывает осмысление последних как средства перемещения между этим и потусторонним мирами. Данное объяснение подтверждается широко распространенным в различных культурах Евразии использованием повозок и лодок в погребальном обряде. Включение изображений повозки и лодки в контекст лика указывает на семантику соответствующего мифологического персонажа [Там же, с. 231–232]. Лик с повозкой вместо рта интересен еще и тем, что может восприниматься как человеческая фигура без головы. В Центральной и Северной Азии известно несколько изображений, построенных по аналогич-

ному принципу (рис. 10). Их структура раскрывает параллельное отождествление элементов мироздания с элементами лика и частями тела, т.е. совмещает три кода. Этот прием можно сравнить с параллельным космологическим отождествлением органов чувств и частей тела, представленным, например, в ведийском гимне Пуруше (Рв., X, 90, 13–14).

К числу распространенных метафор относится использование в качестве туловища животных знаков-схем битреугольной, прямоугольной и даже круглой формы. На некоторых изображениях, зафиксированных в Западной Монголии, внутри прямо-

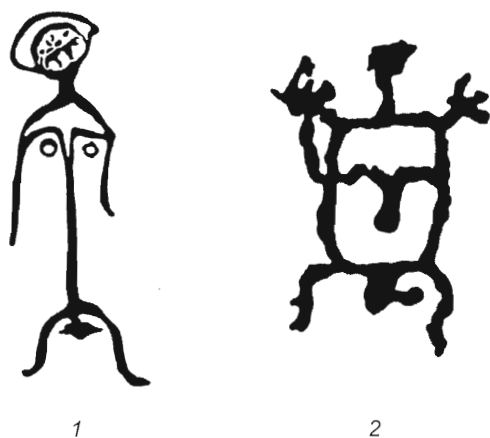

Рис. 10. Изображения, совмещающие элементы человеческой фигуры и лица по правилам космологического отождествления.

1 – Есино-3, Хакасия (по: [Савинов, 2000, рис. 1]); 2 – Иньшань, КНР (по: [Гай Шаньлинь, 1986, рис. 782]).

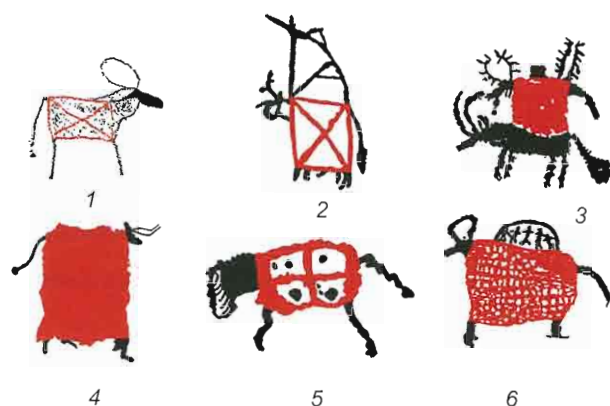

Рис. 11. Прямоугольник на месте туловища животных в петроглифах Западной Монголии (по: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 193, 323, 429, 703, 1064, 1123]).

угольного “туловища” выбит крест или многолучевая фигура (рис. 11; [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 1246]). Подобную структуру в виде квадрата с выделенным центром и радиальными лучами имеют и другие наскальные изображения, декор на дне некоторых сосудов, планировка погребальных и ритуальных сооружений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии. Она отражает представления о форме земли и сторонах света [Савинов, Рева, 1993, с. 48; Есин, 2002а, рис. 1]. Возможность и даже необходимость сопоставления структуры таких разных явлений, как наскальное искусство, декор сосудов, планировка сооружений, обусловлены особенностями первобытного мышления. Оно основывалось на ограниченном количестве правил метафорического отождествления, поэтому при осмыслении разных явлений и объектов мира повторялись одни и те же структурные модели. Например, четыре знака в виде двойных или тройных линий на ребрах четырехгранных самусьских сосудов, моделирующие мировые столпы, аналогичны таким же знакам на четырех ребрах самусьских кельтов и сопоставимы с четырьмя опорными столбами, на которых держалась крыша самусьского жилища на поселении Крохалевка-1 в Новосибирском Приобье [Есин, 2004, с. 18]. Если у одних изображений животных все туловище отождествлялось с землей или небом, то у других оно, будучи разделенным на две или три части, символизировало несколько ярусов мира (см. рис. 1, 2; [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 404, 1222]).

Иногда на голове животных и антропоморфных фигур показан знак, близкий по форме полуовалу (см. рис. 11, 1, 6; 12, 1, 2). Исследователи, исходившие

из зооморфного контекста, интерпретировали его как запечатленные в особом ракурсе рога. Необходимо, однако, учитывать противоречие между формами этого знака и реальных рогов. Очевидно, что полуовал моделирует не рога, а что-то иное, а его позиция на месте рогов отражает отождествление этих объектов. В окуневском искусстве полуовал на месте головного убора антропоморфной фигуры разделен поперечными линиями на два или три яруса (см. рис. 12, 1, 2). По принципу трехъярусности моделировано большинство антропоморфных ликов, расположенных в центре изваяний, и сами изваяния. Это структурное совпадение подкрепляется тождеством персонажей, выбитых внутри одного из полуовалов (рис. 12, 3), с персонажами, образующими ярусы изваяний: внизу и тех, и других изображены пасть мифического хищника, составленная из частей двух отдельных голов, и знак в виде круга с лучами; в центре выбит условно антропоморфный лик, разделенный двумя горизонтальными линиями на три яруса; на вершине показан реалистичный антропоморфный лик с двумя выгнутыми друг к другу дугами. Ярусность окуневских изваяний и ликов отражает представления о вертикальной структуре мира [Есин, 2002а, с. 101]. Близкие по смыслу контексты составляют расположенные внутри полуовала схемы Мирового столпа и выполненные в форме полуовала каменные плиты с изображениями окуневских божеств (рис. 12, 4, 5). С учетом выявленной связи с представлениями о структуре мира полуовал может трактоваться как вертикальная проекция небосвода. Небольшие полуовалы (иногда образованные двойными линиями) изображались также в среднем ярусе антропоморфных ликов (рис. 12, 6).

В этой позиции они имеют значение “ноздри”, хотя моделировать реальные ноздри эти знаки-схемы не могут. Что объединяет “ноздри” и полуовал-небосвод? Через ноздри осуществляется дыхание, которое невозможно без воздушного пространства, расположенного над землей. С воздушным пространством ассоциацией по смежности связан и небосвод. Таким образом, изображение полуовала-небосвода используется вместо ноздрей как метонимия воздушного пространства. Она указывает на отождествление среднего яруса лица с воздушным пространством, а его дыхания – с дуновением ветра.

Мифологическая логика отождествления небосвода и рогов животного менее понятна. Возможно, эта метафора использовалась для возвеличивания персонажа, рога которого охватывают небо подобно небосводу. Однако она должна иметь и буквальное значение – животное поддерживает небо. У одного из окуневских быков четыре полуовала изображены сверху туловища (рис. 12, 7). Вероятно, они символизируют четыре стороны света и выражают идею о том, что весь мир покоится на быке. На изображении, зафиксированном на Алтае, на спине быка показан большой полуовал с людьми внутри (см. рис. 11, 6). “Вьюк” может также иметь треугольную или трапециевидную форму (см. рис. 11, 2, 3; 13, 6). Этот “груз” моделирует разные объекты космологического значения. Например, “вьюк” может состоять из двух треугольников: один поделен на ярусы и направлен вершиной вверх, другой не имеет ярусного деления и перевернут вершиной вниз (см. рис. 11, 2). Композиция из двух отдельных треугольников с такими же признаками известна в окуневском искусстве [Лазаретов, 1997, табл. XII, 4]. Она отражает представления о двух противопоставленных друг другу мифических горах [Леонтьев, 2000, с. 33]. Оппозиция двух треугольников-гор снимается включением их

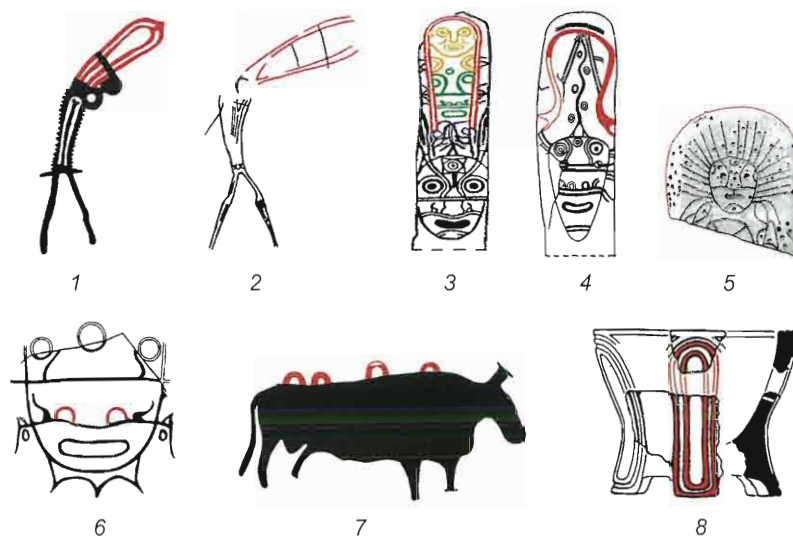

Рис. 12. Некоторые контексты использования полуовала в окуневском искусстве (по: [Leont'ev, Kapel'ko, 2002, abb. 10, № 46, 103, 115, 174, 215]).

Рис. 13. Метафора “рог – змея”.

1, 13, 14 – Минусинская котловина (по: [Leont'ev, Kapel'ko, 2002, abb. 16, 4, № 288, 227]); 2, 8, 12 – Монголия (по: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 203, 1262, 1289]); 3, 5, 9, 11 – р. Елангаш (по: [Окладников и др., 1982, табл. 2, 10; 22, 1; 34, 2; 47, 22]); 4, 6, 15–17 – Тува (по: [Дэвлет М.А., 1998, табл. 39, 105; 43, 116; 48, 133; 1976, 4, 1, 2]); 7, 10 – Саймалы-Таш (по: [Шер, 1980, 107, 17; Мартынов, Марьяшев, Абетеков, 1992, фото 27]).

в структуру “вьюка”, который является еще одной, более сложной Мировой горой. Многочисленные аналоги развилке на вершине этого “вьюка-горы” широко представлены в изображениях мировых гор и столпов в искусстве населения Центральной и Северной Азии эпохи бронзы (см. рис. 6, 3; 7, 2; [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 713; Leont'ev, Kapel'ko, 2002, № 84, 220, 288]). Образ вьючного животного, судя по разным вариантам его художественного воплощения, мог трактоваться как опора земного мира или соотноситься с землей и нести на себе другие объекты (небосвод, Мировая гора, столп). Наиболее сложная композиция такого рода языком метафор выражает концепцию о трех ярусах мира (см. рис. 11, 3). Типологически схожие представления о том, что земля покоится на быке, сохранились в преданиях ряда народов Евразии [Потанин, 1883, с. 799].

Иногда рога животных показаны длинными извилистыми линиями, которые могут заканчиваться развилкой (см. рис. 13). Подобные линии, показанные отдельно, передают змей, а развилка является схематичным изображением змеиной пасти [Окладников, 1980, табл. 145; Tashbayeva, 2001, fig. 23, 65, 66]. Следовательно, данные изображения отождествляют рог со змеей. Иногда в виде змей показаны рога у антропоморфных ликов. В контексте метафор “рог – змея” и “кисть руки – пасть змеи” можно найти объяснение кисти руки на конце рога (см. рис. 13, 18). Следует также учитывать, что в окуневском искусстве извилистая линия в верхней части изваяний параллельно символизирует небесные воды. Таким образом, отождествление со змеями прославляет величие и опасность рогов, раскрывает сакральный характер персонажей, а более глубоко может быть понято в контексте пространственного кода.

Интересный вариант метафоры демонстрируют изображения глаз на окуневских ликах. Обычно они показаны двойной окружностью и представляют собой знак-схему, которая получает значение органа чувств только в антропоморфном коде (см. рис. 6, 1, 3, 5). Судя по другим контекстам, в которых используется такой знак (на вершине Мирового столпа, с четырьмя знаками столпа по краям), его структура моделирует линию горизонта (границу небосвода) и выделяет центр, т.е. передает схему неба в плане [Есин, 2002б, с. 138–139]. В единичных случаях глаза изображены полуовалами, которые, как было показано выше, являются схемой небосвода в вертикальной проекции (см. рис. 6, 2). В структуре лика правый “глаз” и левый “глаз” противопоставлены друг другу, отражая противопоставленность двух состояний неба, а третий “глаз” снимает эту оппозицию. Метафора “глаз – небо” раскрывает отож-

дествление верхнего яруса окуневских ликов с верхним ярусом мира и указывает на всевидение и всеведение персонажа. Возможно, существовало ассоциативное отождествление кружка и со светилami, но этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

В наскальном искусстве Центральной Азии эпохи бронзы имеются изображения антропоморфных фигур с полуovalом или дугой вместо головы или над ней (рис. 14, 1–5; 15, 1; 16, 1–3). География их очень широка: от Тянь-Шаня на западе до Внутренней Монголии на востоке. Изображения эти неоднородны, что связано с локальными, хронологическими и другими различиями. Исходя из контекста и привлекаемых материалов других культурных традиций, полуoval-дугу исследователи объясняли как наголовье из перьев птиц или воинский шлем из кожи и войлока [Окладников, 1989, с. 159; Борисенко, Худяков, Табалдиев, 2000, с. 62; Борисенко, Худяков, 2002, с. 22–23], головной убор в виде шляпки галлюциногенного гриба [Дэвлет М.А., 1976, с. 22–24; Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 2002, с. 42], меховую или кожаную шапку [Якобсон, 2002, с. 36]. Если рассматривать данный центрально-азиатский изобразительный закон с точки зрения генезиса, то его начальный этап следует связывать, вероятно, с изображениями, зафиксированными в Саймалы-Таше в Киргизии [Молодин, Черемисин, 1997, с. 250]. Самым устойчивым признаком различных вариантов изображения большого полуovalа над фигурами Саймалы-Таша является дугообразный внешний край, огибающий фигуру сверху и по бокам (см. рис. 14, 6–8). Поэтому полуoval трактовался как схема небосвода [Мартынов, Марьяшев, Абетеков, 1992, с. 33]. Можно предположить, что и на рисунках более позднего времени уменьшившийся в размерах полуoval сохранил прежнее значение небосвода. Эта на первый взгляд парадоксальная с точки зрения нашей культуры ситуация – изображение вместо головы или головного убора знака, моделирующего небосвод, – весьма наглядно иллюстрирует метафоричность мышления древних. Отождествление частей человеческого тела с элементами макрокосма является универсалией, характерной для мифологических представлений народов разных языковых семей. Например, голова ведийского Пуруши отождествляется с небом, пуп – с воздушным пространством, ноги – с землей. Как можно было бы передать такого рода отождествления и эпитеты графически? Именно так, как это демонстрируют рассматриваемые центрально-азиатские изображения – путем замены изобразительного элемента одного уровня (микрокосм) на метафорически связанный с ним элемент другого уровня (макркосм).

Предложенное объяснение не исключает того, что в ритуалах и на некоторых рисунках образ небосвода мог быть воплощен в форме головного убора или каком-то ином предмете. Например, с полуовалом-дугой у наскальных изображений сопоставимы схожие по форме каменные подвески на головном уборе из погребений кротовской культуры на р. Омь (Сопка-2, кург. 6, погр. 13). В этом погребении в области тазовых костей обнаружен также диск из розоватого мрамора [Молодин, 1985, с. 42–44]. Учитывая форму и место в могиле, этот предмет можно сравнить с объектом, изображавшемся на скалах за антропоморфными фигурами. В пользу проводимой аналогии свидетельствуют гипотеза о южных истоках некоторых черт кротовской культуры [Молодин, 1988, с. 36–37; 1993, с. 11–13; Гришин, 2002, с. 16] и совпадение всего набора сопроводительного инвентаря с атрибутами антропоморфных фигур на скалах: полуовал сверху, круглый предмет сзади, стрелы. Ранее изобразительный элемент позади антропоморфных фигур предлагалось считать подвешенной кожаной сумкой или сосудом [Дэвлет М.А., 1976, с. 22], шаманским бубном [Окладников и др., 1981, с. 7], хвостом быка или булавой [Кубарев, 1987, с. 152–155], горитом [Борисенко, Худяков, Табалдиев, 2000, с. 62], охотничьим приспособлением из палки с пучком шерсти [Якобсон, 2002, с. 36]. Однако для интерпретации этого изобразительного элемента следует не только искать похожие по форме предметы, но и выяснять его ассоциативное отождествление в контексте космологического кода. О правомерности именно такого подхода свидетельствует трактовка круга на конце хвоста у ряда окуневских изображений, которую нельзя объяснить никакими реалиями (см. рис. 1, 2).

Космологические отождествления имеют не только элементы антропоморфных фигур, но и показанные действия. В качестве примера приведу композицию из Бага-Ойгура-4, названную В.Д. Кубаревым сценой “круговой” охоты [2003, с. 75]. В центре композиции расположено животное с головой кабана и силуэтным полуовалом вместо туловища. Вокруг него – семь персонажей, шесть из них держат направленные в центр копьё и стрелу. В четырех секторах между копьями изображены собаки или какие-то хищники (см. рис. 15, 1). Понять идею, заложенную в пространственной организации данной композиции, помогает стилистически близкое изображение, обнаруженное в Цагаан-Салаа-3. Несмотря на отсутствие “охотников”, по структуре оно сходно с бага-ойгурской композицией: вместо туловища кабана изображен круг с десятью и четырьмя лучами (см. рис. 15, 2). Такая трактовка соответствует уже проанализированному оформлению туловища животных и планировке некоторых ритуально-погре-

Рис. 14. Полуовал-дуга вместо головы или над головой. 1, 2, 4, 5 – Саяно-Алтай (по: [Дэвлет М.А., 1998, рис. 7, 12, 13; Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 284, 452]); 3, 6–8 – Тянь-Шань (по: [Борисенко, Худяков, Табалдиев, 2000, рис. 2, 2; Мартынов, Марьяшев, Абетеков, 1992, рис. 64; Шер, 1980, рис. 107, 4]).

Рис. 15. Разные формы реализации одной структурной модели.

1 – Бага-Ойгур-4 (по: [Кубарев, 2003, рис. 3, 2]); 2 – Цагаан-Салаа-3 (по: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 212]).

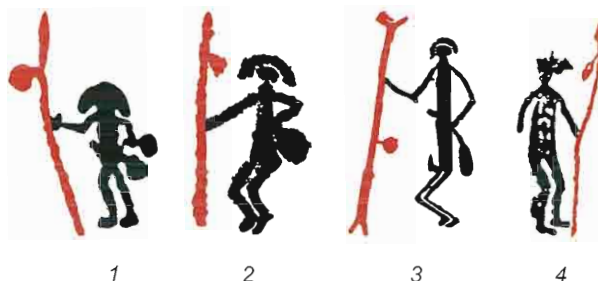

Рис. 16. Позиционное и структурное отождествление копья, Мирового столпа и змеи в петроглифах р. Чуя (по: [Черемсин, 1997, рис. 2; Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 423, 429, 449]).

бальных сооружений [Худяков, 1987, табл. 1] и, видимо, отражает понимание пространственной организации мира. Сопоставимые представления о четырех и шести сторонах света зафиксированы в древнеиранской мифологии [Маковельский, 1960,

с. 66–67]. Вероятно, в описанной композиции запечатлено не бытовое, а ритуальное действие, в котором животное-жертва соотносено с центром мира. Сама жертва, судя по “туловищу” кабана в Цагаан-Салаа-3, тоже отождествляется со всем миром. Композиция показывает кульминационный этап ритуала космогонического характера, целью которого являлось создание/обновление мира через жертвоприношение животного. Кто совершает жертвоприношение – мифические персонажи или уподобленные им люди в ритуальном облачении – пока не ясно.

Содержание изображений и прагматика изобразительной деятельности

Исследователи по-разному трактуют произведения искусства эпохи бронзы Центральной и Северной Азии – как отражение реалий быта, мифов, магии и др. Сегодня уже очевидно, что односторонний подход к решению этого вопроса некорректен – искусство содержит в себе информацию сразу о нескольких сферах культуры. Характер отражения этих сфер и их соотношение определяются спецификой мифологического мировосприятия и вытекающей из него прагматикой изобразительной деятельности. В самом общем смысле прагматика изобразительных текстов подобна социальной функции религиозных гимнов (молитв), адресованных сверхчеловеческим силам и нацеленных на восхваление какого-либо мифологического персонажа, определенного объекта, жертвы, ритуала или события для достижения желаемого. Изучение цели создания конкретного типа изобразительных текстов требует сопоставления содержания, выявленного в ходе анализа их внутренней структуры, с характером предмета или объекта, на который они нанесены, условиями обнаружения, способом и вероятным временем (в рамках календарного цикла) использования. Изображение может быть связано с обрядами, влияющими на благополучие человека и коллектива (например, окуневские изваяния – с календарными обрядами [Есин, 2002а, с. 104]), либо иметь прикладное значение – усиливать нужные качества у определенного предмета (например, знак-схема раскрытой змеиной пасти на клинке окуневского кинжала [Лазаретов, 1997, табл. XIII, 3; Ковалев, 1997, с. 82]). Обе цели могут быть взаимосвязаны.

Хотя содержание искусства тесно связано с мифом и ритуалом, искусство не излагает мифологические сюжеты, бытовавшие в соответствующей социокультурной среде, а лишь упоминает их, используя отдельные мифологические образы и события как способ воздействия на мир. Мифы приходится реконструировать, изучая отношения между различ-

ными персонажами и объектами. Искусство также не является описанием ритуала. В нем находят воплощение лишь кульминационные этапы ритуала и основные принципы жертвоприношения.

Отмеченное влияние на древнее искусство мифологического мировосприятия должно учитываться и при изучении на его материалах некоторых сторон материальной культуры, хозяйства, военного дела и др. Несмотря на реалистичность морфологии используемых изобразительных элементов и способов их пространственных отношений, изображение повседневной действительности не являлось целью изобразительной деятельности; содержанием искусства была не действительность, а ее осмысление. С учетом этого сводить изучение изображений эпохи бронзы только к реконструкции реалий быта не стоит, иначе их объяснение будет искаженным и неполным. Так, предметы в руках божества, изображенного на плите окуневского могильника Черновая-8 в Минусинской котловине, традиционно рассматривались как копьа (см. рис. 4, 1) [Вадецкая, 1980, с. 53]. Такое объяснение вызвало сомнения у А.И. Мартынова [1983, с. 30] и Д.А. Мачинского [1997, с. 278]. Они обратили внимание на изогнутость древка и сходство предметов со злаковым растением. Копье с изогнутым древком представлено еще на одном окуневском рисунке (см. рис. 4, 2). Однако “растительную” трактовку тоже нельзя полностью принять, т.к. ей противоречат хорошо распознаваемые рога быка у основания черновского наконечника. Понять смысл изогнутости древка позволяет изображение на плите из могильника Разлив-10 в Минусинской котловине: в руках персонажа, напоминающего божество на плите из Черновой-8, вместо копий изображены змеи (см. рис. 4, 3). В контексте метафоры “копье – змея” наконечник копья, выбитый на плите из Черновой-8, отождествляется с головой мифического рогатого змея (реалистичное изображение головы рогатого змея-столпа см. на рис. 6, 4). Кроме того, две пары рогов у основания наконечника образуют дугообразный знак, который в окуневском искусстве обозначает раскрытую змеиную пасть. Следовательно, наконечник может отождествляться не только с головой, но и с языком змеи. В пользу такой гипотезы свидетельствуют изображения некоторых реалистично трактованных мифических окуневских хищников, у которых вместо языка показан наконечник копья (см. рис. 2, 4). Возможно ли прочтение анализируемых изображений с позиции растительного кода, пока не вполне ясно. Но основания для этого есть, т.к. многочисленные головы змей на плите из Разлива-10 расположены по принципу ветвей, отходящих от центрального стебля. В качестве косвенного аргумента можно рассматривать также декор в виде колоса на наконечнике копья самусьской куль-

туры [Молодин, Глушков, 1989, рис. 25, 1], поскольку самусьское искусство демонстрирует близкие окуневскому коды. Прагматический смысл ассоциации копия не только со змеей, но и с растением может объясняться связью жертвоприношения с идеей возрождения и усиления земного плодородия. Изображение “копия-змеи” из Черновой-8 могло иметь значение и в космологическом коде, т.к. змея в окуневском искусстве часто отождествляется с Мировым столпом.

Вполне узнаваемый исторический облик имеют типы вооружения, с которыми запечатлены на скалах фигуры с полуovalом-дугой вместо головы или над ней. Они свидетельствуют, что создатели этих изображений были носителями бронзолитейных традиций, родственных сейминско-турбинской и карасукской. Например, рукоять ножа на одном из рисунков (см. рис. 14, 3) ближе всего рукояти с изображением головы животного ножей елунинской культуры из северных предгорий Алтая [Кирюшин, 2002, рис. 148]. Отмечено изображение кинжала, сопоставимого с кротовскими изделиями [Ковтун, 2004, с. 283]. Кинжалы на более поздних изображениях напоминают уже карасукоидные формы, но, как и кротовские изделия, запечатлены не на поясе, а за спиной [Кубарев, 2004, рис. 22, 15, 17, 18]. Наконечник копия на рисунке в Калбак-Таше показан с двумя петлями у основания (см. рис. 14, 4), что позволяет сопоставить его с наконечником сейминско-турбинского типа с двумя петлями на втулке из могильника Ростовка на р. Иртыш [Матющенко, Синицына, 1988, рис. 18, 5]. Серия подобных наконечников (типологически более поздних), датируемых эпохой Инь, найдена в Китае [Варенов, 1989, рис. 8, 9]. Известны наскальные изображения копий с длинным и коротким [Samashev, 1993, fig. 105] древком, подтверждающие гипотезу о существовании функционально различных типов сейминско-турбинских копий [Кожин, 1993, с. 23–24; Соловьев, 2003, с. 28]. Ареал антропоморфных изображений с полуovalом-дугой связывает предполагаемую территорию возникновения металлургии сейминско-турбинского облика в районах Тянь-Шаня и Западного Алтая с верховьями Хуанхэ [Сюй Чэн, Вэй Чжун, 1993, рис. 271, 316, 1641; Гай Шаньлинь, 1986, рис. 1088; и др.], причем типологически ранние изображения известны лишь в его западной части. Данное обстоятельство позволяет предположить, что носители именно этой изобразительной традиции оказали влияние на развитие иньской металлургии, отмеченное исследователями по материалам из Аньяна [Кожин, 1993, с. 38; Молодин, Комиссаров, 2001, с. 379]. Вместе с тем известно много изображений людей, держащих копия не в боевом положении, а вертикально, при этом

к древку подвешен предмет округлой или овальной формы, аналогичный изображавшемуся сзади фигур. Имеются также рисунки, на которых вместо копия в той же позиции и с теми же атрибутами изображен “жест” с развилками на концах. У копия в петроглифах Алтая, как на окуневских изображениях, может быть показано изогнутое древко (см. рис. 16). Эти особенности изображений указывают на метафорическое значение копия, его ритуальную функцию. О том же свидетельствует применение серебра при изготовлении некоторых реальных сейминско-турбинских наконечников копий, такие их особенности, как сложный декор, увеличенный размер и др.

Совмещение в одном изображении сразу нескольких кодов (достигалось путем сочетания элементов, собственное значение которых соотносится с разными объектами), актуализирующее максимальное число ассоциативных связей и придающее изображению многозначность, обнаруживает сходство с принципами построения ведийских гимнов. В окуневском искусстве, дающем наиболее сложные примеры такого совмещения, оно было, несомненно, преднамеренным. Такой творческий метод создания изображений, видимо, тоже обусловлен прагматикой и был призван усилить их магическую силу.

Заключение

При внешнем различии конкретных мифологических метафор принципы их построения у различных народов были одинаковыми. Использование этих принципов при анализе изобразительных метафор той или иной традиции позволяет получать более надежные выводы о семантике изображений древних бесписьменных обществ, чем привлечение аналогов из инокультурных вербальных текстов. Приведенные примеры двухуровневого анализа плана содержания изобразительных элементов разных традиций, помимо демонстрации возможностей самого метода, выявили сходство между изобразительными метафорами разных культур эпохи бронзы Центральной и Северной Азии. Оно обусловлено одинаковым уровнем развития мышления их носителей, а также близостью ритуально-мифологических представлений. Последнее обстоятельство указывает на существование достаточно обширной культурной области, северная периферия которой включала южную часть бассейнов рек Енисей, Обь, Иртыш.

В процессе интерпретации двухуровневый анализ плана содержания должен сочетаться с другими способами извлечения информации из самих изображений. Среди них наиболее важен предложенный

Е.В. Антоновой и Д.С. Раевским метод изучения пространственного кода изобразительного языка [1991, с. 219–222]. В будущем, несомненно, будут разработаны и другие исследовательские приемы, ориентированные на анализ иных аспектов и учитывающие особенности изобразительных знаковых систем других типов. В этом ряду должен занять свое место метод реконструкции календарных представлений, находивших отражение в числовых закономерностях изображений. Пока наиболее уязвимым для критики моментом большинства работ, посвященных изучению числовых комбинаций в искусстве эпохи бронзы [Ларичев, 2003; и др.], является способ выделения и подсчета графических элементов, основанный на анализе единичных изображений. Такой способ нельзя признать корректным, поскольку он допускает произвольное решение вопросов, какие элементы считать, а какие нет, какие элементы суммировать, а какие противопоставлять, в какой последовательности это делать. Избежать субъективизма можно, изучая не отдельное изображение, а серии, строя интерпретацию на базе структурно-знакового анализа. Ориентация на внутреннюю информативность не означает полного отказа от сравнительно-исторического метода, однако его использование более оправдано на завершающей стадии интерпретации [Есин, 2004, с. 9–12].

Список литературы

- Антес Р.** Мифология в древнем Египте // Мифологии древнего мира. – М.: Наука, 1977. – С. 55–121.
- Антонова Е.В.** Орнаменты на сосудах и “знаки” на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. – М.: Наука, 1981. – С. 5–21.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С.** О знаковой сущности вещественных памятников и о способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М.: Наука, 1991. – С. 207–232.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Функциональный анализ металлических защитных наголовий древних nomadов Центральной Азии // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Т. 2. – С. 22–24.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш.** Сравнительный анализ изображений лучников на петроглифах Алтая и Тянь-Шаня // Междунар. конф. по первобытному искусству. – Кемерово: Никалс, 2000. – Т. 2. – С. 60–63.
- Вадецкая Э.Б.** Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 37–87.
- Варенов А.В.** Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1989. – 92 с.
- Гай Шаньлинь.** Иньшань яньхуа (Петроглифы гор Иньшань). – Пекин: Вэньу, 1986. – 490 с. (на кит.яз.).
- Гришин А.Е.** Погребальный обряд кротовской культуры: типология погребальной практики (по материалам могильника Сопка-2): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 18 с.
- Дьяконов И.М.** Введение // Мифологии древнего мира. – М.: Наука, 1977. – С. 5–54.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы Улуг-Хема. – М.: Наука, 1976. – 120 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 286 с.
- Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г.** Шаманские петроглифы горы Устю-Мозага в Саянском каньоне Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Т. 2. – С. 40–43.
- Есин Ю.Н.** Семантика изображений рта в окуневском искусстве // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 229–232.
- Есин Ю.Н.** О семантике изображений окуневского искусства в виде круга или квадрата с лучами // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002а. – № 1 (9). – С. 96–105.
- Есин Ю.Н.** Проблемы семантики антропоморфных ликов окуневского искусства // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002б. – Т. 1. – С. 138–140.
- Есин Ю.Н.** Социальная направленность первобытного искусства и изобразительный текст // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 2003. – С. 117–122.
- Есин Ю.Н.** Искусство самусьской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 22 с.
- Киришин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.
- Ковалёв А.А.** Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 80–112.
- Ковтун И.В.** Изображение младенца с кинжалом (постсейминский тип кинжалов в контактной зоне евразийской и центрально-азиатской металлургических провинций) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 277–285.
- Кожин П.М.** Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 16–41.
- Кочмар Н.Н.** Корреляция петроглифов Южной и Центральной Якутии // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. – С. 231–236.
- Кубарев В.Д.** Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 150–169.
- Кубарев В.Д.** Образ кабана в петроглифах Алтая // Археология Южной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 72–77.
- Кубарев В.Д.** Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19). – С. 65–81.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Я.** Некоторые итоги работ по изучению петроглифов Монголии // Про-

блемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 213–214.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19–64.

Ларичев В.Е. Всесокрушающее Время (семантика образа фантастического зверя и зервано-зороастрийский аспект религии окуневской культуры) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 112–122.

Леонтьев Н.В. Образ Мировой горы в памятниках искусства окуневской культуры // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – № 3. – С. 30–35.

Леруа-Гуран А. Религии доистории // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 81–90.

Маковельский А.О. Авеста. – Баку: Изд-во АН АзербССР, 1960. – 144 с.

Мартынов А.И. Растительная символика на изваяниях окуневской культуры // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1983. – С. 19–33.

Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К. Наскальные изображения Саймалы-Таша. – Алма-Ата: Каз. гос. пед. ун-т, 1992. – 111 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы: Фонд “XXI век”, 2002. – 264 с.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Мачинский Д.А. Уникальный сакральный центр III–I тыс. до н.э. в Хакаско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 265–287.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. О южных связях носителей кротовской культуры // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. – Вып. 1: Досоветский период. – Новосибирск, 1988. – С. 36–37.

Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 4–16.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 167 с.

Молодин В.И., Комиссаров С.А. Сейминское копье из Цинхая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 374–381.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Петроглифы эпохи бронзы плоскогорья Укок // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 247–252.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии: Хобд-сомон (гора Тэбш). – Л.: Наука, 1980. – 271 с.

Окладников А.П. Олень Золотые Рога. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. – 208 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Чанкыр-Келя. Алтай. Елангаш. – Новосибирск: Наука, 1981. – 145 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы урочища Сары-Сатак: Долина р. Елангаш. – Новосибирск: Наука, 1982. – 149 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: Рус. геогр. об-во, 1883. – Вып. 4. – 1026 с.

Раевский Д.С. Скифский звериный стиль: поэтика и прагматика // Древние цивилизации Евразии: история и культура. – М.: Изд. фирма “Вост. лит.” РАН, 2001. – С. 364–381.

Савинов Д.Г. Антропоморфная фигура на каменной плите из Есино III // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб.: Петро-РИФ, 2000. – С. 119–125.

Савинов Д.Г., Рева Л.И. К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири (могильники Барлык II и Узунтал IV) // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 45–51.

Сарианиди В.И. Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // ВДИ. – 1999. – №1. – С. 53–73.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенеисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южно-сибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Никалс, 1999. – С. 47–74.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 224 с.

Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: Дон. нац. ун-т, 2002. – Т. 1. – 342 с.

Сюй Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа (Петроглифы гор Хэлань). – Пекин: Вэньу, 1993. – 446 с. (на кит. яз.).

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. – М.: Наука, 1969. – 255 с.

Франкфор А.-П., Якобсон Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2 (18). – С. 53–78.

Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Изд. фирма “Вост. лит.” РАН, 1988. – 800 с.

Худяков Ю.С. Херексур и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 136–162.

Черемисин Д.В. Петроглифы левого берега реки Чуи (Горный Алтай) // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 78–88.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 256 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Шер Я.А. Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 28–35.

Широков В.Н. Кирьяшевская писаница и один из сюжетов в наскальных изображениях по реке Тагил (Средний Урал) // Святители: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2000. – С. 150–155.

Якобсон Э. К вопросу об информативности петроглифических и погребальных памятников эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 32–47.

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor: En 2 t. – P.: De Boccard, 2001. – 481 p., 1318 figs. – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; N 6).

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tash I (République de Altai) – P.: De Boccard, 1996. – 45 p., 622 figs. – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; N 3).

Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F. Steinstelen der Okunev-Kultur. – Mainz: von Zabern, 2002. – 238 S. – (Archäologie in Eurasien; Bd. 13).

Samashev Z. Petroglyphs of the East Kazakhstan as a historical sources. – Almaty: Rakurs, 1993. – 288 p.

Tashbayeva K. Petroglyphs of Kyrgyzstan // Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek: [s.l.], 2001. – P. 9–79.

Материал поступил в редколлегию 20.01.05 г.

УДК 903.27

Д.В. Черемисин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Cheremis@archaeology.nsc.ru*

О СЕМАНТИКЕ МАСКИРОВАННЫХ РОГАТЫХ ЛОШАДЕЙ ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНОВ

Введение

Оригинальные маски, надетые на коней, сопровождавших захоронения вождей в могильнике Пазырык на Алтае, археологи всегда единодушно оценивали как замечательные редчайшие находки. Мнения специалистов относительно семантики и назначения этих артефактов не были однозначными и неизменными. По-разному определяли назначение масок (М.П. Грязнов считал их исключительно ритуальными (погребальными), С.И. Руденко, М.И. Артамонов, Л.Л. Баркова – парадно-церемониальными), а также истоки и семантику образа коня с рогами на голове.

Обсуждение проблемы

Интерпретация конской маски с рогами оленя из Первого Пазырыкского кургана была предопределена положением лингвистической теории Н.Я. Марра о том, что в истории развития средств передвижения олень “стадиально” предшествует коню, поэтому в разных языках термины, обозначающие оленя, были позднее перенесены на лошадь, сменившую оленя в хозяйстве в качестве транспортного животного [1926]. После раскопок М.П. Грязновым в 1929 г. Первого Пазырыкского кургана факты уподобления коня оленю долгое время привлекались для обоснования этой концепции, а археологические материалы понимались и использовались “точно препараты, специально изготовленные для иллюстрации известных языковедных положений” [Марр, 1929, с. 324]. С точки зрения сторонников теории перехода хозяйственных (транспортных) функций от оленя к коню, в сфере куль-

та пазырыкцев законсервировалось почитание оленя, чье место в реальной жизни к середине I тыс. до н.э. заняла лошадь, которую при погребении с человеком маскировали “под оленя”. Эта идея, рожденная в условиях господствовавшей теории стадиальности, получила отражение в историко-культурных и этнографических исследованиях. Привлечение археологических источников Центральной Азии и Южной Сибири для решения проблемы происхождения оленеводства получило критическую оценку (см.: [Грязнов, 1978]).

М.П. Грязнов описал рога в маске коня № 10 из Первого Пазырыкского кургана как рога северного оленя, увидев в факте маскирования коней блестящее подтверждение “выводам, сделанным Марром за три года до раскопок Пазырыкского кургана” (рис. 1) [1937, с. 21]. С.В. Киселев также полагал, что рога в маске этого коня “выполнены с соблюдением всех отличий, свойственных северному оленю... мастер, их изготовивший, очевидно, специально поработал над тем, чтобы рога маски нельзя было принять за рога никаких других оленей, кроме северного” ([1951, с. 374], ср.: [Грязнов, 1937, с. 21]). По мнению С.В. Киселева, в гунно-сарматскую эпоху, к которой он относил большие пазырыкские курганы, олень “под верх уже не употреблялся”, лишь в области культа “оживают воспоминания о первоначальной роли оленя”, а в практике маскирования коней отражается “древняя традиция превращения их в оленя”, т.е. отголоски оленеводческой культуры [1951, с. 375].

С.И. Руденко, сначала также интерпретировавший головной убор коня из Первого Пазырыкского кургана как отражение “религиозного пережитка”, связанного с фактом существования “древнего оленевод-

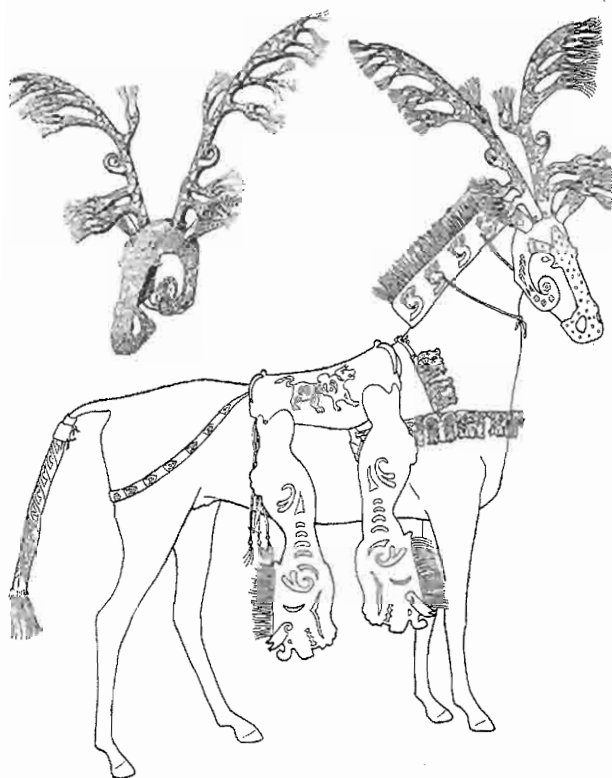

Рис. 1. Маска коня № 10 из Первого Пазырыкского кургана. Реконструкция М.П. Грязнова.

ства, предшествовавшего коневодству», впоследствии отказался от этой трактовки: «о какой бы то ни было маскировке коней, и в частности, оленями, не может быть речи» [1953, с. 226]. В одной фигуре из кожи на седельной покрывке из пазырыкского памятника он, полагая, что в пазырыкском искусстве реальным прототипом изображений мог служить как благородный, так и северный олень, видел северного оленя [1960, с. 267]. «Нет нужды, как мне кажется, — отмечал исследователь, — разбираться в том, кого хотели изобразить — северного оленя или благородного, марала... сам мастер изображал, надо полагать, оленя, не задаваясь целью показать, северный он или благородный» [Там же, с. 296].

М.П. Грязнов подвергал критике идею С.И. Руденко о том, что в пазырыкском искусстве мог изображаться некий «олень вообще», а не марал (*Servus elaphus*) или северный олень (*Rangifer tarandus*) [1978, с. 222]. Следует отметить, что сам М.П. Грязнов первоначально именно маску коня № 10 из Первого Пазырыкского кургана считал единственным обнаруженным на Алтае изображением северного оленя, культ которого был «перенесен» на коня, а пазырыкские маски — «немым свидетельством перехода древних племен Алтая от использования верхового оленя к использованию верхового коня» [1937,

с. 21; 1940, с. 318, 365; 1950, с. 39, 85]. Впоследствии М.П. Грязнов отмечал, что подушки всех седел из Первого Пазырыкского и большей части других больших алтайских курганов были набиты шерстью северного оленя, но исходя из результатов изучения содержательной стороны скифо-сибирского искусства пришел к заключению: «изображения оленя скифо-сибирского звериного стиля никакого отношения к северному оленю не имеют и для решения вопросов о распространении, происхождении и т.д. оленеводства решительно ничего не дают» ([1978, с. 224], ср.: [Руденко, 1953, с. 226]).

Совершенно очевидно, что развитие взглядов и изменение точек зрения крупнейших «пазырыковедов» М.П. Грязнова и С.И. Руденко происходили на фоне господства и затем развенчания идей Н.Я. Марра. Полагаю, что здесь следует говорить не столько о стремлении ведущих скифологов и сибириеведов М.П. Грязнова, С.В. Киселева и С.И. Руденко, принципиально отстаивавших свои оригинальные научные концепции, следовать официальным доктринам, сколько о притягательности для археологов в 1920–1940-е гг. стадийных теорий Н.Я. Марра, хрестоматийным подтверждением которых считались маскированные пазырыкские кони [Алпатов, 2004, с. 47].

Вопрос о том, образ благородного или северного оленя моделировался конской маской из Первого Пазырыкского кургана, фактически не обсуждался. Логика Н.Я. Марра была основана на однозначном понимании «маскировки» пазырыкского коня под северного оленя — «древнейшего транспортного животного» в Северной Евразии и Южной Сибири. Поскольку благородный олень (марал) не мог использоваться как транспортное животное (верховое или упряжное), археологи, опираясь на учение Н.Я. Марра, видели в маске коня № 10 из Первого Пазырыкского кургана образ северного оленя. Пересмотренные и отвергнутые гипотезы, трактующие археологические и лингвистические данные как пережитки древнего оленеводства, предшествовавшего коневодству, возрождаются сегодня, однако с той разницей, что, согласно экстравагантному мнению С.В. Жарниковой, «коню в качестве ездового животного предшествовал лось» [1990, с. 94].

Лингвистические данные всегда были полем, урожай с которого «раскапывался» и привлекался в качестве объясняющего материала: в свете древних и современных языков прочитывалась семантика археологических артефактов. В свою очередь, последние, «иллюстрируя» лингвистические теории, должны были служить подтверждением теоретических построений языковедов. Так, явление лексического полисемантизма, характерное для обозначения копытных животных в тюркских языках, стало основой для реконструкций, объяснявших близость образов лошади и оле-

ня в культовой сфере населения Евразии начиная с эпохи раннего железа. Феномены сакральной практики, культовой атрибутики, а также лексики трактовались на основе производственной (домашний олень – предшествовавшее лошади хозяйственное (транспортное) животное) и тотемической концепции (дикий олень – объект охоты) [Потапов, 1935, 1960, 1977, 1978; Киселев, 1951, с. 375; Грач, 1980, с. 90–91; Нестеров, 1990, с. 95–97; и др.].

Тотемическая концепция факт совмещения в одном персонаже образов диких и домашних копытных животных не связывала с развитием транспортных средств, а объясняла консерватизмом религиозных представлений при последовательной смене хозяйственных укладов населения Евразии в ходе перехода от охоты к скотоводству [Потапов, 1935; 1960, с. 355]. Для ее сторонников не существовало принципиальной разницы в определении вида животного – у финно-угров и самодийцев “священным” животным был северный олень (“боговы олени” хантов или эвенков), у тюрков Южной Сибири – марал, т.е. олень благородный. Видимо, поэтому при интерпретации образа оленя в наскальном искусстве Евразии исследователи, рассматривая изображения благородных оленей и лосей в контексте этнографических данных о северных оленях, т.е. домашних животных, в культуре оленеводов, не всегда дифференцируют разные виды семейства *Cervidae* [Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2004]. При этом приводятся важные сведения о том, что в ходе обряда посвящения домашнего оленя у эвенков на теле посвящаемого животного шаман наносил специальные метки кровью дикого оленя, убитого охотниками и “принесенного в жертву” [Там же, с. 420–421].

Факт существования в пазырыкском искусстве синкретичных образов не подвергается сомнению. Представляется, что данные о языках народов Сибири, как и о лексике древних индоевропейских языков, могут быть привлечены для интерпретации полиморфных образов пазырыкского звериного стиля. Для обозначения домашних и диких животных в лексике тюрко-монгольских языков сохранялись термины, семантическое развитие которых шло от обобщенного к видовому обозначению [Щербак, 1961, с. 84, 98]. Одним из критериев, равным образом важных для производственной и сакральной сфер культуры, являлась способность животного к репродукции. Показателем в этой связи лексический комплекс ‘бука’ / ‘буга’ (бык, бык-производитель, буйвол, олень, пороз и т.д.), ‘бугу’ (олень, марал, лось), ‘бугра’ / ‘бура’ (верблюд-самец, самец-производитель, бык). С большой долей вероятности данные слова квалифицируются как обозначения носителя действия, производного от глагола ‘бук’ – ‘покрывать’. Наиболее ранней из перечисленных является основа ‘бука’, имеющая общеалтайский

характер (ср. эвен. ‘бука’ – бык, пороз, буйвол; манч. ‘бука’ – баран, козел; ‘буха’ – зверь и т.п.). Существует предположение, что все эти формы были модификациями названия самца животного [Этимологический словарь..., 1978, с. 230–232; 235–238].

Именно эта лексика использовалась для обозначения животных в культовой практике тюркских народов Саяно-Алтая. Наибольший интерес представляют сведения о небесном коне шаманов, которого обозначали словом “бура”. Конь – ездовое животное шамана – в интерпретации тувинского шамана представал диким рогатым животным (маралом или горным козлом). Шаманский бубен также символизировал ездовое домашнее и одновременно дикое рогатое животное, чьей шкурой обтягивали бубен (использовались шкуры лошади, оленя или лося). В шаманских импровизациях бубен представал маралом, лосем, горным козлом, конем или верблюдом, а также фантастическим существом “горным козлом-лошадью” или “конем-маралом” [Потапов, 1935]. Другие шаманские атрибуты, например комус (варган), тувинский шаман называл летящим конем-маралом: “Он летит, поджав ноги, рогатый, а я лечу рядом, держусь за него, но не как в седле, как люди на коне ездят. Называю своего марала малым конем Чагаа дайым. Но с моим маралом-конем я не могу летать в верхний мир” [Вайнштейн, 1992, с. 162].

Сведения о придании ездовым коням черт оленя засвидетельствованы у монголов. В одной из их свадебных песен говорится о том, что гости “прибыли на лошадях, покачивающих рогами оленя, украшенных ожерельем из соболей” [Галданова, 1992, с. 80]. Тот же мотив нашел отражение в одной из тувинских сказок: ее герой перед обретением богатырской силы и женитьбы получает от отца “коня Хулук-Бора – ветвистые рога в шестьдесят один отросток и стрелу золотую с золотым пером” [Тувинские сказки, 1970, с. 99]. В зачине шаманского камлания, записанного Н.Ф. Катановым у тувинцев на Енисее, говорится: “Внемли, внемли, мой конь-маралуха!... Мои верховые животные – марал и маралуха” [Образцы народной литературы..., 1907, с. 47]. В другом камлании, записанном у тофаларов, шаман поет: “Животное, на котором я езжу, это зверь-изюбрь” [Там же, с. 649]. Показательно, что не оленеводы-самодийцы, а тюрки Саяно-Алтая используют в мифоритуальной сфере образ коня-оленя, в котором олень – дикое животное (марал, изюбрь), а не домашний северный олень.

Приведенные феномены культуры тюрко-монгольского мира свидетельствуют о том, что образ коня-оленя имел глубинную подоснову в мировоззрении и, возможно, языке древних кочевников Евразии. Изображения копытных животных с чертами

различных природных видов – коня, быка, оленя, горного козла – известны в наскальных изображениях Саяно-Алтая (Калбак-Таш, Цаган-Салаа IV), Тянь-Шаня (Чу-Илийские горы, Тамгалы), Центральной Азии (Хангай, Чулуут), Южной Сибири (Енисей, Оглахты) (рис 2, 4) [Шер, 1980, с. 243–245, рис. 120; Советова, 1987; Francfort, 1995; Новгородова, 1984, с. 68, рис. 21; Дэвлет М.А., 1993, с. 85; Кубарев, 2002, с. 51]. А.-П. Франкфор полагает, что изображения “рогатых лошадей” запечатлены в представительной серии петроглифов на территории Казахстана, Синьцзяна и Алтая, а семантика этого образа не прочитывается ни с точки зрения мифологии индо-

иранцев, ни при установке на “шаманизм” поздних кочевников Евразии, тюрков и монголов [Francfort, 1995, р. 185–198; 1998, р. 314–315].

А.-П. Франкфор отмечает широкое распространение данного образа в петроглифах бронзового и раннего железного веков на территории Средней и Центральной Азии и приводит наскальным изображениям убедительные предметные аналоги (привлекаются известные пазырыкские артефакты, материалы кургана Иссык, рельеф Гандхары, золотая поясная сарматская бляха) [Francfort, 1995, р. 194–197, fig. 10–13]. Принципиально важно, что рогатые лошади в петроглифах Тамгалы представлены в качестве жертвы, в момент заклания [Ibid, р. 186–188, fig. 1–4]. В петроглифах Чулуута в изображении колесницы первоначально выбитые упряжные лошади заменены на оленей (рис. 2, 1) [Новгородова, 1984, с. 66–67, рис. 22]. Большой интерес представляет захоронение в Ханларе (Южное Закавказье), в котором вместе с ритуальной повозкой погребена пара благородных оленей (рис. 2, 2) [Гуммель, 1992]. М.Н. Погребова выдвинула гипотезу, связывающую происхождение ханларских захоронений с импульсами из южно-кавказского центра металлургии в Лшацене, и предложила видеть истоки культов “оленипоклонников” из Ханлара в хеттской ритуальной традиции [2001].

Приведенные факты свидетельствуют об актуальности ритуального комплекса “конь/олень”, восходящего к древнейшим зоологическим классификациям. Данный комплекс известен в мифологии народов индоевропейской и урало-алтайской семьи [Шнирельман, 1987] и отражен в археологических памятниках по крайней мере со II тыс. до н.э. Вероятно, лошадь, наиболее близкое кочевнику хозяйственное животное, в сфере ритуала и в изображениях должна была иметь черты дикого, более сакрально значимого, по сравнению с домашними, животного. Традиция усматривать в обряженном в маску с рогами коне исключительно образ северного оленя, домашняя форма которого, как и лошадь, могла служить средством передвижения, на мой взгляд, не обоснована достоверными археологическими источниками.

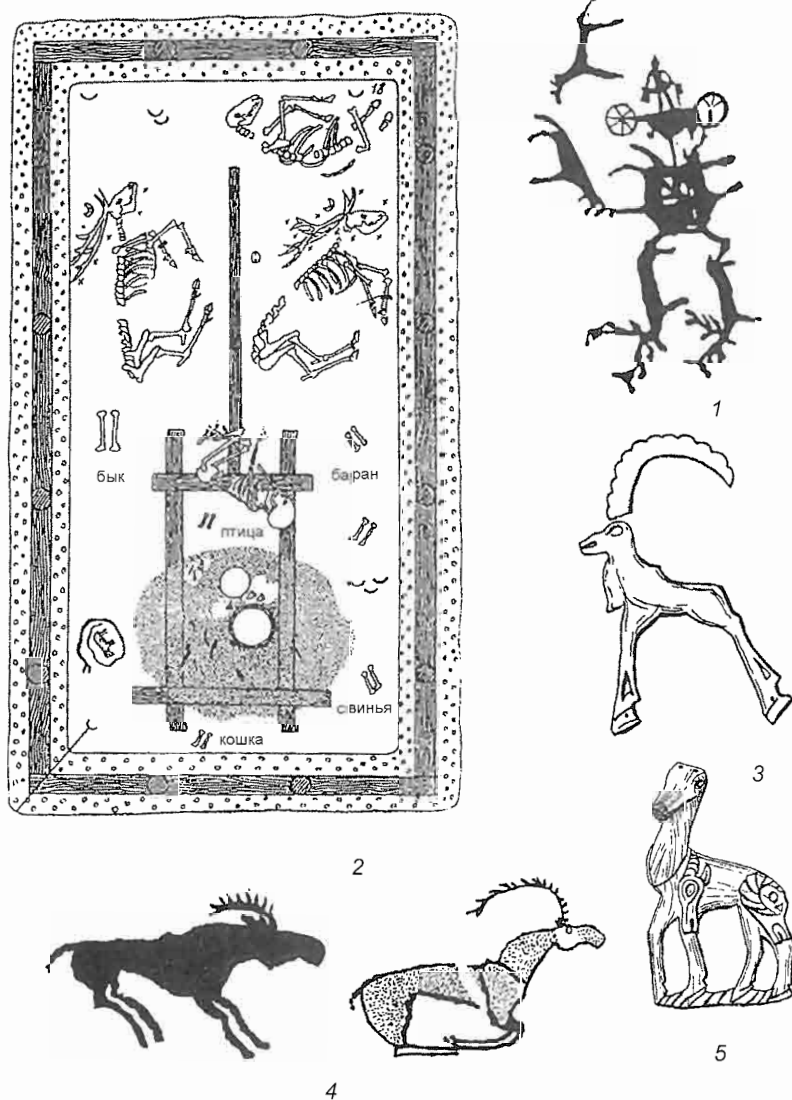

Рис. 2. Петроглифы (1, 4); план захоронения в Ханларе (Закавказье) (2); деревянные атрибуты головных уборов пазырыкцев (3, 5).

1 – Чулуут, Монголия (по: [Новгородова, 1984]); 2 – Ханлар, Закавказье (по: [Гуммель, 1992]); 3 – Уландрык IV, кург. 2, Алтай (по: [Кубарев, 1989]); 4 – Оглахты, Енисей (по: [Шер, 1980]); 5 – Уландрык I, кург. 6 (по: [Кубарев, 1989]).

Л.Л. Баркова, описывая рога на пазырыкской маске, выполненные из двух слоев кожи, вслед за М.П. Грязновым, С.И. Руденко и С.В. Киселевым определяет их как “имитирующие рога северного оленя”, хотя при этом отмечает, что “ни у одного реального вида оленей такой формы отростков... не бывает” [1999, с. 97]. М.П. Грязнов в 1950 г. также констатировал, что на маске “отростки рогов, как у марала, направлены вперед от основного стержня, но на концах своих разветвляются, как это характерно для северного оленя” [1950, с. 39].

На мой взгляд, очевидно, что научная парадигма 1920-х – 1930-х гг., связанная с представлениями об этапах развития древнего транспорта, определила подход археологов к интерпретации конской маски с рогами оленя из Первого Пазырыкского кургана. Если же принять во внимание заключения М.П. Грязнова [1978] и Н.М. Ермоловой [1980] о прототипе образа скифского оленя (им был благородный олень), а не стадиальные постулаты Н.Я. Марра, то “оленоводческая” версия прочтения семантики маски не выглядит достаточно обоснованной. В форме рогов маски коня № 10 из Первого Пазырыкского кургана вопреки однозначным определениям, на мой взгляд, можно увидеть соответствия особенностям благородного оленя – два направленных вперед первых отростка. По манере размещения рога на голове пазырыкского коня совершенно не соответствуют рогам северного оленя, основной ствол которых сначала отклоняется назад, затем вперед, а нижние отростки уплощены. Дикий северный лесной олень, который и сегодня обитает на восточной окраине Алтайских гор и южной оконечности Салаирского кряжа, от марала отличается низкорослостью, короткими конечностями, “большая голова на укороченной толстой шее образует почти прямую линию со спиной... разница с высоконогим маралом с горделиво поднятой осанкой, высоко поднятой головой сразу бросается в глаза” [Собанский, 1988, с. 134]. Представляется, что облик высокопородного, “самого лучшего по экстерьеру” коня № 10 из Первого Пазырыкского кургана [Грязнов, 1950, с. 39] определен не только маской и никак не соответствует морфологии северного оленя. У коня в маске с рогами больше общего с маралом.

Искусство звериного стиля скифской эпохи представляет солидный корпус источников, засвидетельствовавших представления о полиморфных персонажах, в частности, об образах рогатых животных. Крылатые кони с рогами горных козлов в иссыкском головном уборе [Акишев, 1978, с. 18, рис. 9] трактуются как “коне-птице-козлы”; по мнению А.К. Акишева, “иссыкские кони увенчаны рогами козлов” [1984, с. 35], А.-П. Франкфор обоснованно включает эти образы в ряд изображений “рогатой лошади”. Мате-

риалы погребальной пазырыкской атрибутики свидетельствуют о том, что на головных уборах помещались фигурки, изображавшие синкретичный образ, в котором сочетались черты коня и рогатого копытного или нескольких животных. Все фигурки “коней” из рядовых пазырыкских погребений в верховьях Чуи или из захоронений на Укоке имели золотые или кожаные плакированные золотом рога горного козла. В случаях, когда приставные рога не сохранились, на головах “коней” осталось по две пары отверстий: одна – для вставных ушей, другая – для рогов козла, золотая обкладка которых отразила форму последних (рис. 2, 3, 5) [Кубарев, 1981; 1991, с. 142, табл. XXXIII, 3, 4 и т.п.]. М.П. Грязнов и С.В. Киселев отмечали на головах фигурок лошадок из Катандинского кургана отверстия для вставных рогов, полагая, что в них вставлялись рога оленя. Но только после раскопок рядовых курганов на Юго-Восточном Алтае и комплексов на Укоке стало очевидно, что такие вставные рога из кожи или войлока, плакированные золотой фольгой, имели вид рогов горного козла. Традиции наделять фигурки коней козлиными рогами полностью соответствуют деревянные имитации рогов горного козла в натуральную величину в наголовниках коней из Туэкты, Башадара и Берели. На мой взгляд, и в миниатюрных деревянных фигурках, и в принесенном в жертву коне, на которого была надета маска с рогами, воплощен образ одного и того же мифологического персонажа.

Н.В. Полосьмак трактует данные изображения на головных уборах как образ коня-козерога, полагая, что “олень-козерог и конь-козерог – вероятно, взаимозаменяемые священные образы пазырыкцев”, сопровождавшие умерших в иной мир, на небесные пастбища [2001, с. 158]. Быстро преодолеть горные пики на пути к небесным обетованным пастбищам способны горные козлы-“козероги”. В древнеиндийской мифоритуальной традиции есть свидетельства того, что козлы могли приравняться коням как “средство передвижения” (ведийский термин ‘*ajāśva*’ – ‘козел-конь’ – использовался для обозначения животных, впряженных в колесницу бога Пушана) [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 586–587]. Пушан – “тот, у кого козлы-кони, тот, кто охраняет скот” (Рв., VI, 58, 2), Пушан ведет жертвенную лошадь к месту жертвоприношения [Топоров, 1988а]. В ведийском описании архаического ритуала ашвамедхи – приношения в жертву лошади – перед тем, как убить коня, козла приносят в жертву и отправляют к богам как вестника, возвещающего о начале обряда жертвоприношения (Рв., I, 162, 4).

Представления о “небесных пастбищах” восходят к общеиндоевропейским мифологемам. Ведийские арии полагали, что пожертвованный боевой конь оказывается в ряду тягловых животных богов на небе-

сах, где лошади запряжены в колесницы разных божеств [Елизаренкова, 1989, с. 644]. По мнению Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, в Ригведе связь козла с лошадей подчеркивается тем, что “одноногий козел” описан стоящим у средней части “Мирового дерева” ашваттха, и эта композиция отражена в переднеазиатских изобразительных памятниках [Иванов, 1974, с. 112–115; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 587–588, рис. 10]. В петроглифах Саймалы-Таша известны изображения “чудесных повозок”, запряженных разными животными, в т.ч. быком и козлом или козлом и лошадей. Эту изобразительную традицию Я.А. Шер интерпретировал как графическое выражение индоевропейских мифологем [1978]. В древнеисландской мифологии козел выступает как животное, впрягаемое в колесницу бога Тора; аналогичные сюжеты имеются в мифологии балтов [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 586]. Подобное сочетание животных, запряженных в колесницу, зафиксировано в наскальном искусстве Центральной Азии. В Чулууте, по мнению Э.А. Новгородовой, “изображение дикого козла в паре с диким конем, а также конструктивные детали, подчеркивающие нереальность бытования подобной колесницы в практике, позволяют допустить чисто ритуальное значение рисунка” [1984, с. 67]. В петроглифах Оглахты “маскированные лошади” изображены с рогами горного козла, а в Тамгалы – с бычьими и козлиными рогами.

В гимне Ригvedы “Восхваление коня”, посвященном прославлению жертвенного животного, конь описывается рогатым: “он с золотыми рогами” (Рв., I, 163, 9–11); рога, по мнению Т.Я. Елизаренковой, осмысляются как лучи солнечного коня [1989, с. 645]. Существует и буквальное прочтение подобных поэтических эпитетов – “ведийские арии надевали на жертвенных коней золотые оленьи рога” [Шнирельман, 1987, с. 257]. Вот одно из описаний жертвенных столбов, к которым привязывали жертвенных животных (коней) в гимне “К жертвенному столбу”: “Они выглядят как рога рогатых (животных), столбы с наверху, стоящие на земле” (Рв., III, 10). Жертвенный столб воспринимался как связующее звено между небом и землей, в ритуалах служил прообразом Мирового дерева с птицами на вершине и копытными у его ствола. Роль такого столпа может играть копытное животное: в нанайском фольклоре герой забирается на небо по рогам огромного лося-олени, соединяющего небо и болото [История..., 2003, с. 166].

Наиболее ярким свидетельством актуальности подобного мировоззренческого комплекса являются материалы Первого Пазырыкского кургана (конские маски), Башадара II и Туэжты I (конские наголовники в виде рогов горного козла) [Руденко, 1960, с. 78, 231] и аналогичные туэжтинские маски-наголовники из кург. 11 могильника Берель (Юго-Западный Алтай) на территории Восточного Казахстана [Сама-

шев, Мыльников, 2004, с. 165–172]. В Берели на четырех из 13 коней зафиксированы кожаные маски с деревянными рогами горного козла в натуральную величину, плакированными золотой фольгой. Именно эти кони были помещены в могильную яму первыми [Самашев, Базарбаева, Жумабекова, Сунгатай, 2000, с. 30–31, реконструкция на с. 12–13], что можно сравнить с ролью козла в ритуале ашвамедхи. В связи с зафиксированной традицией не только облачать коней, сопровождающих элитные пазырыкские погребения, не только в “оленьи” маски, но и использовать в их ритуальном убранстве наголовники с рогами горного козла стоит привести сведения о роли козла в ритуалах, связанных с жертвоприношением. Этот широко распространенный комплекс представлений, прослеживаемый в обрядовой сфере и языках разных индоевропейских народов (идиома “забивать козла” дожила до наших дней), отмечен в древнейшей традиции у хеттов – обряд принесения в жертву козла, приуроченный к весеннему празднику равноденствия [Ардзинба, 1982, с. 41–42, 69]. Заклание козла должно было способствовать плодovitости скота, богатому урожаю и т.п., роль козла как эксклюзивной жертвы отражена в практике “козлодрания” на праздниках у скотоводов, а также в аграрных культах земледельцев.

Горные таджики, памирцы и горцы Гиндукуша имели близкие представления, в частности, обширный цикл верований, связанных с горным козлом. Чрезвычайно интересны материалы, собранные К. Йеттмаром у дардов и кафиров Гиндукуша: воплощением чистоты и святости в мире животных считаются дикие козлы и козы (*Ibex*, *Capra sibirica* и *Capra falconeri*), иногда к той же категории животных, обозначаемых особым термином “майаро”, причисляют дикую овцу. «Только одно животное, находясь во власти человека и тем самым принадлежа к его культурной сфере, может, однако, пребывать в горах; это животное – домашняя коза. Возможно, что ее причислению к “святости козла” способствовало сходство (которое проявляется в форме рогов, особенно с дикой козой). Считается, что между ними существует подлинное родство... козлы майаро спариваются с домашними козами... Поэтому домашняя коза считается священным и чистым животным, как перенесенный в мир людей потомок рода майаро» [Йеттмар, 1984, с. 228–229, 260–263, 275]. Согласно верованиям охотников, рога и кости горных козлов следует оставлять на скалах, чтобы духи оживляли убитых животных, стада горных козлов, чистых животных, принадлежат духам, обитающим в верхней, чистой, сфере мира. О том, что петроглифы изображают “скот духов”, мне говорили в долине р. Аргут на юге Российского Алтая алтайцы-охотники, выставлявшие огромные рога горного козла у скалы с рисунками и запрещающие разламывать кости копытных при разделке туши.

На мой взгляд, сходным комплексом представлений (вполне вероятно, что и генетически изобразительный ряд пазырыкцев, и верования народов Гиндукуша о священных животных восходят к древнему пласту индоевропейской мифологии) может объясняться традиция ритуального “маскирования” лошадей, сопровождающих элитные пазырыкские захоронения, а также синкретичный характер образов копытных животных на головных уборах в рядовых пазырыкских погребениях. В них наиболее многочисленны артефакты в виде фигурок лошадей с рогами горного козла. Кочевники-скотоводы, вероятно, считали, что мелким рогатым одомашненным животным соответствовали их дикие родичи, коня же в ритуалах “трансформировали”, превращая в дикое рогатое животное путем придания черт благородного оленя или горного козла, надевая рогатые маски, скрывая гриву и хвост.

Следует отметить, что “маскировке” или, вернее, перевоплощению обнаруженного в Первом Пазырыкском кургане коня в оленя служили не только маска, но и нагивник, а также нахвостник [Руденко, 1953, с. 220–221, рис. 135; с. 227]. С подобным моделированием, видимо, связана представительная группа артефактов из материалов скифской культуры – скифские конские наушники, нащечники, налобники, наносники, составляющие комплекты украшения т.н. культовой узды [Болтрик, Фиалко, 1987]. По мнению А.Ю. Алексеева, скифские наушники являлись, возможно, рудиментарными частями масок, аналогичных пазырыкским [1987]. Это предположение подтверждается структурой декора и других скифских конских наголовных украшений. Так, нащечники в виде бедра и пары ног хищника, широко распространенные в Северном Причерноморье с рубежа VI–V вв. до н.э., сходны с алтайскими масками тем, как фигура хищника размещена на морде лошади [Артамонов, 1973, с. 64].

Скифские наборы уздечных принадлежностей IV в. до н.э. в своем составе имеют зооморфные налобники в виде скульптурной литой головки со схематичным изображением туловища зверя на щитке-основании, которые ассоциируются с пазырыкскими конскими налобными деревянными бляхами в виде грифона с плоским туловищем и приставной скульптурной головой. В пазырыкских материалах Укока (Ак-Алаха, Кутургунтас) отражена исключительная роль образа грифона в ансамбле конской упряжи [Полосьмак, 2001, с. 78–89]; она наглядно представлена и в материалах могильников Пазырык и Берель. Скифские налобники в виде оленей Е.Е. Кузьмина по аналогии с пазырыкскими наголовниками убедительно интерпретировала как семантический эквивалент обряду “обряжения коня в оленя”, видя и в скифских, и в пазырыкских артефактах отражение представ-

лений, восходящих к мифологии индоиранцев [1977, с. 104]. Наиболее часто на скифских конских наносниках изображался грифон (Мелитопольский и Краснокутский курганы, Носаки, Чмырева могила, Солоха и т.д.). В отдельный тип украшений скифской узды выделены уборы со сценами борьбы животных, или “терзания копытного животного кошачьим хищником”; отмечены сюжетные соответствия в оформлении разных деталей узды внутри набора – “птицеклювые” нащечники сочетаются с наносниками в виде головы или фигуры льва [Болтрик, Фиалко, 1987, с. 25–26].

М.И. Артамонов полагал, что эти наносники в уменьшенном виде воспроизводят характерный для пазырыкских масок мотив борьбы зверей и свидетельствуют о том, что у скифов “существовали такие же формы культа, как на Алтае, и, вероятно, употреблялись такие же конские маски” [1973, с. 64]. Так, маска коня № 10 из Первого Пазырыкского кургана была частью сюжета терзания, который моделировался сложным образом: персонажей представляли реальный конь, на голову которого помещались рога (деталь маски), “превращавшие” этого коня в оленя, и вырезанное из кожи изображение хищника (деталь маски), помещенное на морде коня и представлявшее тигра, вцепившегося в голову “коня-оленя” (см.: [Грязнов, 1950, с. 39 рис. 16; Баркова, 1999, с. 97–101]). Маска коня № 2 из того же кургана аналогичным образом может воплощать и “сцену борьбы рогатого и крылатого львиного грифона с тигром” [Руденко, 1953, с. 219–220, рис. 134], и терзание этими чудовищами коня, на голове которого развернуты оба изображения фантастических хищников [Грязнов, 1950, с. 30, рис. 10]. В данных конских уборах сюжет терзания представлен с большей наглядностью, чем в других конских наголовниках из Пазырыка II и Пазырыка V, навершиями которых служили объемные фигуры оленя и горного козла, животных, черты которых воспроизведены и в масках [Руденко, 1953, табл. LXXII]. Вероятно, сцену терзания с реальным приносимым в жертву и сопровождающим погребенного человека конем моделировали также большие седельные подвески с изображением волков и рыб [Черемисин, 1993].

Пазырыкские изображения персонажей-участников сюжета терзания, хищников и копытных животных, нередко сочетают в себе обобщенные черты природных прототипов. Так, в образе хищника часто слиты черты барса и волка. Совмещение в одном образе почитаемых домашних и диких копытных создавало представление о классе животных в целом. Подобные полиморфные существа осмыслились одновременно принадлежащими и миру культуры, созданному людьми, и природному сообществу, подвластному

богам. Материалы индоиранской мифологии (Атхар-ваведа, Ригведа, Шатапатха-брахмана) позволяют видеть в них отражение совокупного ряда жертвенных животных (конь, олень, козел, бык, баран) и представлений об определенном изоморфизме диких и домашних видов копытных, а также трактовать подобные образы как результат попытки преодоления средствами семиотической системы антиномии “животных богов” и домашнего скота (Рв., I, 163, 9–11; Шб., VI, 2, 15; АВ, VI, 71). Обряд посвящения домашнего оленя у эвенков-оленьеводов включал убийство охотниками дикого оленя и использование его крови для превращения домашнего животного в “небесного,

божьего” оленя. В ходе обряда на теле посвящаемого домашнего оленя шаман наносил специальные метки кровью дикого оленя, убитого охотниками в указанном шаманом месте и таким образом “принесенного в жертву”; прошедшее обряд домашнее животное изымали из хозяйственной сферы, а после естественной смерти голову этого “небесного оленя” с рогами помещали на дерево вместе с атрибутами упряжи [Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2004, с. 420–421]. Обряд был призван, видимо, актуализировать качества священного оленя как дикого животного, точнее, как дикого и домашнего одновременно, принадлежащего и миру природы, и людям.

Изображения копытных на головных уборах, обнаруженных в рядовых пазырыкских курганах в Юго-Восточном Алтае, имеют интересную особенность: на некоторых фигурах оленя – деталях мужских и женских головных уборов – помещены парциальные изображения других копытных; причем во всех случаях на передней ноге показана голова сайгака, на крупе – голова горного барана (архар) (рис. 3). Отмечены две фигуры оленя, в которые “вписано” по одному дополнительному изображению, но и в этих случаях схема совмещения изображений сохранена – образ архара занимает место на задней ноге оленя, сайгака – на передней. На одном из частично несохранившихся фрагментов толстой кожи из Пазырыка II с изображением хищной птицы, впившейся когтями в спину горного козла (археологический контекст данного изображения разрушен грабителями), на крупе козла, как и на деревянных фигурках оленя из Юго-Восточного Алтая, показана голова архара [Руденко, 1948, с. 49, табл. XXVI, 4].

Изобразительную традицию строго определенным образом совмещать образы копытных животных можно трактовать как манифестацию иерархизированной общности представителей животного мира, ряда копытных, семантика которых близка и наиболее полно раскрывается в их совокупности. Например, такие копытные рогатые животные, как горный козел, гор-

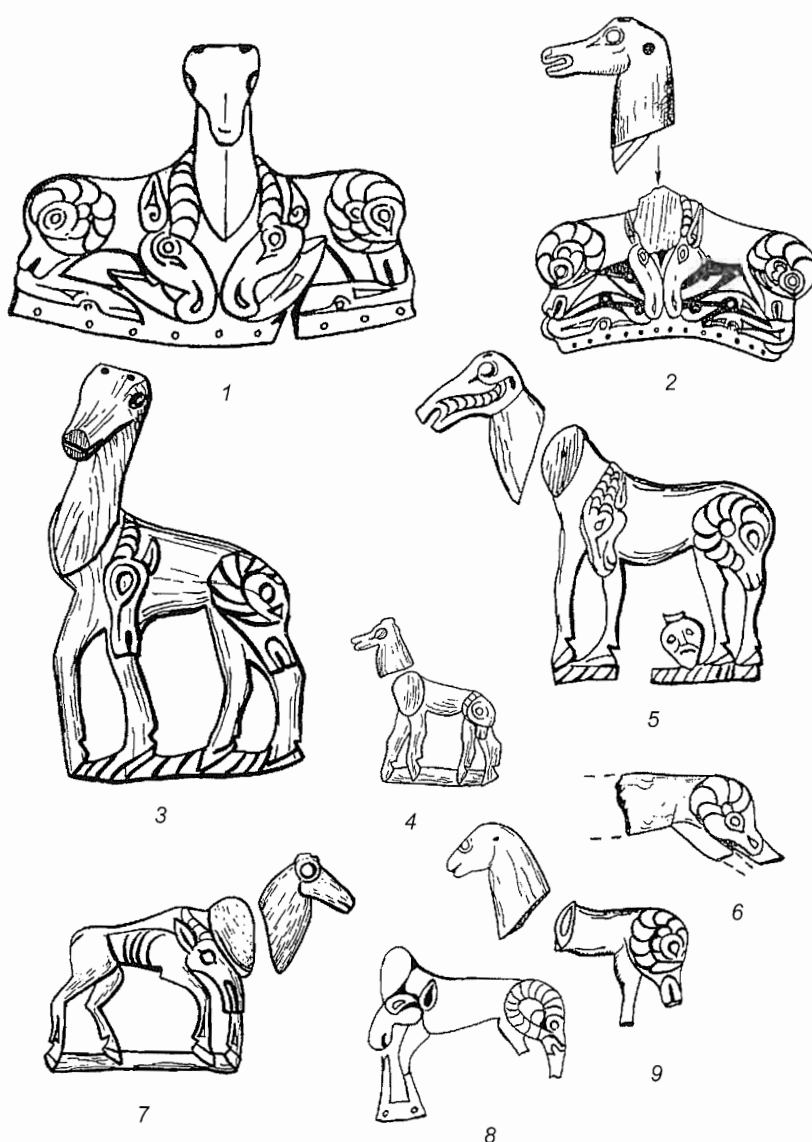

Рис. 3. Деревянные атрибуты головных уборов пазырыкцев.

1, 4 – Юстыд XII, кург. 21; 2 – Юстыд XII, кург. 8; 3 – Уландрык I, кург. 6; 5 – Уландрык III, кург. 4; 6 – Юстыд XII, кург. 16; 7 – Барбургазы I, кург. 25; 8 – Кош-Тал I, кург. 3; 9 – Юстыд XII, кург. 20. 1–7, 9 – по: [Кубарев, 1989, 1991]; 8 – по: [Суразаков, 1988].

ный баран, косуля, у киргизов обозначались одним термином “кийик” и считались “божьим скотом”; раз в году у них было принято есть мясо кийика, “чтобы очиститься” [Баялиева, 1972, с. 16]. Видимо, сходные представления отражены в лексике и других тюркских народов Евразии. Так, у тюрков Саяно-Алтая жертвенное или посвящаемое божеству или персонифицированному подразделению Вселенной животное – лошадь, бык, баран, козел – независимо от вида называлось ‘ыдык’ (алт. ‘ыйых’, хак. ‘ызых’, тув. ‘ызык’, по Л.П. Потапову, восходят к древнетюркскому термину ‘ыдук’, известному по руническим памятникам) [Потапов, 1977, с. 169, 174; 1978, с. 35; Дьяконова, 1984, с. 32].

Наиболее подробно изучен ряд жертвенных животных (конь–бык–баран–козел) в индоевропейской мифологической традиции [Иванов, 1974, 1979; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 470]. На мой взгляд, материалы пазырыкских комплексов могут быть интерпретированы в свете индоарийских мифологем. Образы синкретичных копытных рогатых животных использовались в оформлении пазырыкских головных уборов; парциальное изображение горного барана совмещалось с фигурой оленя так, что голова барана всегда совпадала с крупом оленя (см. рис. 3). Эту изобразительную традицию можно соотнести с предпочтениями пазырыкцев в выборе “сопроводительной пищи”, что отражено в погребальном обряде. Сопроводительным или жертвенным куском мяса в пазырыкских захоронениях была задняя часть барана (крестец), которая считалась самой престижной долей (пазырыкские захоронения содержат отделенный крестец барана нередко с железным ножом; в кург. 1 Ак-Алахи III железный нож был обнаружен воткнутым в крестцовую часть барана, лежавшую на деревянном блюде). Н.В. Полосьмак отметила, что пазырыкцы отдавали этой части туши животного исключительное предпочтение как сопроводительной ритуальной пище [2001, с. 39].

Очевидно, не случайно именно на крупе оленей, запечатленных на диадемах, изображался архар, т.к. безусловно осознавался определенный изоморфизм диких и домашних копытных. Особенности погребальной обрядности пазырыкцев и традицию изображать горных баранов на крупе оленей на диадемах можно связать с общеиранскими представлениями о фарне [Литвинский, 1968; Топоров, 19886]. Согласно осетинским этнографическим материалам, образ или понятие “баран фарна” того или иного осетинского рода заключен именно в курдюке барана, принадлежащего данному роду. Исследователи отмечают особую роль курдючной части барана в осетинском свадебном обряде; именно “кончик курдюка” считался покровителем мелкого рогатого скота, с ним связаны репродук-

тивная функция, плодородие скота, процветание рода и дома и т.п. К “святому барану” в брачном обряде осетин обращаются за тем, чтобы рождались мальчики [Топоров, 19886, с. 557], избирался желтый или рыжий баран, кровью которого окроплялся центральный столб дома [Чочиев, Кочиев, 1989, с. 76–77].

У таджиков овца является наиболее почитаемым животным; согласно традиционным верованиям, если когда-либо человек зарезал барана с богоугодной целью, то на “том свете” баран подходил к мосту, ведущему в рай, и перевозил человека на себе (подобные представления о том, что душа барана помогает душе человека перейти через мост, ведущий в рай, существуют у туркмен). В свете этих данных Б.А. Литвинский интерпретировал кости овцы, присутствующие в сакских погребениях на Памире [1968, с. 95–98, 110; 1981]; он усматривал истоки обряда в индоиранской и еще более древней традиции культа рогатого животного. Обычай класть в могилу мясо барана был известен в Южной Сибири уже в карасукскую эпоху, у ранних кочевников крестец барана – наиболее предпочтительная “сопроводительная пища”, в древнетюркскую эпоху в погребении вместо коня нередко оставляли барана, особенно это характерно для детских захоронений. Данный обычай А.Д. Грач трактовал как факт замены бараном лошади, с чем соглашался М.П. Грязнов. В.П. Дьяконова считала кости барана в могилах приношением животного, принадлежавшего погребенному [1975, с. 156–157]. По этнографическим данным, тувинцы “с покойником клали лошадь или сарлыка, или овцу, а в могилу богатого погребали одновременно лошадь, сарлыка и барана” [Потапов, 1960, с. 133].

На мой взгляд, синкретичный характер копытных животных, который разными способами манифестирован в образах искусства пазырыкцев и отражен в сакральных текстах (от ведических арийских до шаманских тюркских и монгольских), связан с архаичной классификацией копытных животных, чрезвычайно актуальной для скотоводов Евразии. В индоиранской и скифской культурных традициях копытные являлись маркерами среднего мира, это наиболее близкие человеку животные. Их изображения структурированы согласно иерархии животных-прототипов в обрядовой сфере, где за каждым образом закреплена своя роль в системе изображений на ритуальных атрибутах [Черемисин, 1997]. Актуализация мифологем происходила путем создания визуального ряда и манифестации изобразительных текстов в парадно-церемониальных ритуалах.

Копытные, являвшиеся неотъемлемой частью хозяйственной жизни скотоводов-кочевников в I тыс. до н.э.,

были основными жертвенными животными, играли важную роль в погребальном ритуале. Это отражено в археологических комплексах и артефактах (примером могут быть конские захоронения Аржана или пазырыкские “маскированные” лошади). А.Д. Грач обоснованно писал о «многослойности и взаимоперекрываемости понятий линии “олень”(горный козел, баран) – конь» и о том, что именно «скифское время... было той эпохой, когда родилась полисемантическая термина “буура”, объединявшего образы рогатых животных и коня» [1980, с. 91]. Атрибуты пазырыкских головных уборов с изображениями в зверином стиле, на мой взгляд, наглядно выражают данный комплекс представлений языком изобразительного искусства: в курганах Уландрыка обнаружена серия объемных резных фигурок с чертами разных животных – коня и барана. В.Д. Кубарев отмечает синкретичный характер этих изображений “баранов”. Воспроизведение подшейного клок – “свисающей с шеи шерсти, или, точнее, бороды” [Кубарев, 1987, с. 113] подчеркивает принадлежность этих животных к горным баранам, а не оленям или лошадям (см. рис. 2, 3). При этом у ряда “баранов” изображены непропорционально длинные конечности, характерные скорее для лошадей или оленей; зафиксировано также, что приставные рога у всех лошадей имеют особенности рогов горного козла, а не архара или оленя. Таким способом в изображениях копытных обобщены и совмещены признаки разных животных; возможно, другой изобразительный эквивалент презентации данной идеи – это фигуры оленей с вписанными в них образами архаров и сайгаков (см. рис. 3).

Преобладание в искусстве ранних кочевников образов диких животных, ритуальное “маскирование” жертвенных коней, сопогребенных с вождями в могильниках Пазырык, Туэкта и Берель, а также особенности ритуалистики эвенков-оленоводо-вод (принесение в жертву дикого оленя и использование его крови в обряде посвящения домашних оленей), основаны, видимо, на установленном для многих традиций более сакральном, по сравнению с домашними, значении диких животных*. С этой концептуальной идеей, на мой взгляд, связана традиция наделения лошадей, задействованных в погребальном ритуале пазырыкской знати, чертами диких рогатых копытных – благородного оленя (марала) и горного козла, а также совмещение образов различных копытных животных, представленных на ритуальной атрибутике погребенных пазырыкцев.

* Этимологически надежно установлено, что в индоевропейских языках исходным значением слова “дикий” было слово “божий” [Топоров, 1978; Иванов, 1979].

Заключение

Традиция сопровождать захоронения в элитных пазырыкских курганах лошадьми в богатом убранстве, на атрибутах которого – узде, седлах, подвесках и т.п. – развернуты сложные ансамбли зооморфных изображений, а также лошадьми, обряженными в маски с рогами оленя, не связана с “древним оленеводством” – археологических свидетельств его распространения нет ни в евразийских культурах скифского круга, ни в материалах культур эпохи бронзы. Семантика сюжетов изображений, манифестированных в убранстве коней, сопогребенных с вождями пазырыкских племен, прочитывается в контексте мифологизированных классификационных систем скотоводов Евразии, которые отражены в индоевропейской лексике, нарративных, изобразительных источниках и обрядовой сфере ирано- и тюркоязычных народов. Сюжет терзания моделирован изображениями на ритуальных атрибутах убранства лошадей; в актуализацию этого сюжета задействованы реальные жертвенные животные в рогатых масках, что полностью соответствовало контексту погребального ритуала, сценарий которого определялся идеей смерти-возрождения и включал жертвоприношение лошадей. Изобразительный строй или система зооморфных образов на артефактах, задействованных в погребальной обрядности, – лишь часть языка погребального комплекса, отражающего определенный мифом и реализованный в ритуале сценарий.

Список литературы

- Акишев К.А. Курган Иссык. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.
- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алмата: Наука, 1984. – 176 с.
- Алексеев А.Ю. Значение некоторых украшений конского оголовья в европейской Скифии V–IV вв. до н.э. // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. Всесоюз. конф. – Омск, 1987. – С. 184–186.
- Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2004. – 284 с.
- Ардзинба В.Г. Мифы и ритуалы древней Анатолии. – М.: Наука, 1982. – 252 с.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 279 с.
- Баркова Л.Л. Конская маска из Первого Пазырыкского кургана // АСГЭ. – 1999. – Вып. 34. – С. 97–101.
- Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972. – 168 с.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. К семантике изображений на конской узде кургана Огуз // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина. – Кировоград, 1987. – Ч. 1. – С. 24–27.

- Вайнштейн С.И.** Очерк тувинского шаманства // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. – М.: Наука, 1992. – С. 150–195.
- Галданова Г.Р.** Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 71–89.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.** Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1984. – Т. 1/2. – 1329 с.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** Пазырыкский курган. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 46 с.
- Грязнов М.П.** Пазырык. Погребение племенного вождя на Алтае: Дис. ... д-ра ист. наук. – Л., 1940. – 592 с.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 92 с.
- Грязнов М.П.** Саяно-алтайский олень (этиод на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1978. – Вып. 2. – С. 222–231.
- Гуммель Я.И.** Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г. // ВДИ. – 1992. – № 4. – С. 5–15.
- Дьяконова В.П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.
- Дьяконова В.П.** Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве народов Саяно-Алтая // Этнокультурные контакты народов Сибири. – Л.: Наука, 1984. – С. 30–49.
- Дэвлет М.А.** О наскальных изображениях быков в Туве // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1993. – С. 74–87.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А.** Об изображениях оленей с солярными знаками на корпусе // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 418–422.
- Елизаренкова Т.Я.** “Ригведа” – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. – М.: Наука, 1989. – С. 427–543.
- Ермолова Н.М.** К вопросу об интерпретации изображений животных // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1980. – С. 358–366.
- Жарникова С.В.** Возможные истоки образов коня-гуса и коня-олenea в индоиранской (арийской) мифологии // Информ. бюл. Междунар. ассоц. по исследованию культур Центральной Азии. – М., 1990. – Вып. 16. – С. 89–97.
- Иванов Вяч. Вс.** Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* – “конь” (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в Древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. – М.: Наука, 1974. – С. 75–138.
- Иванов Вяч. Вс.** О последовательности животных в обрядовых и фольклорных текстах // Проблемы славянской этнографии. – Л.: Наука, 1979. – С. 150–154.
- История и культура нанайцев.** Историко-этнографические очерки. – СПб.: Наука, 2003. – 323 с.
- Йеттмар К.** Религии Гиндукуша. – М.: Наука, 1984. – 524 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
- Кубарев В.Д.** Конь в сакральной атрибутике ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 84–94.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 188 с.
- Кубарев В.Д.** Образ быка в петроглифах Алтая // Первобытная археология. Человек и искусство: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения Якова Абрамовича Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 48–53.
- Кузьмина Е.Е.** Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. – Киев: Наук. думка, 1977. – С. 96–119.
- Литвинский Б.А.** Кангюско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). – Душанбе: Дониш, 1968. – 198 с.
- Литвинский Б.А.** Семантика древних верований и обрядов памирцев (1) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. – М.: Наука, 1981. – С. 90–122.
- Марр Н.Я.** Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. – Л.: АН СССР, 1926. – 48 с.
- Марр Н.Я.** К отчету о заграничной командировке (17.III – 22.VI.1929) // Докл. Академии наук СССР. – 1929. – № 17. – С. 321–327.
- Нестеров С.П.** Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 141 с.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 167 с.
- Образцы народной литературы** тюркских племен, изданные В. Радловым. – СПб.: [Б.и.], 1907. – Ч. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. – 659 с.
- Погребова М.Н.** К особенностям культа оленя на Южном Кавказе // Миф 7. На акад. Дмитри Сергеевич Равевски. – София: История на културата, 2001. – С. 30–47.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 335 с.
- Потапов Л.П.** Следы тотемистических представлений у алтайцев // СЭ. – 1935. – № 4/5. – С. 134–152.
- Потапов Л.П.** Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя // ТКАЭЭ 1957–1958. – М.; Л., 1960. – С. 171–237.
- Потапов Л.П.** Конь в верованиях и эпосе Саяно-Алтая // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л.: Наука, 1977. – С. 164–178.
- Потапов Л.П.** К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 3–36.
- Руденко С.И.** Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 65 с., XXIX табл.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 403 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.
- Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С.** Берел. – Алматы: Берел, 2000. – 57 с.

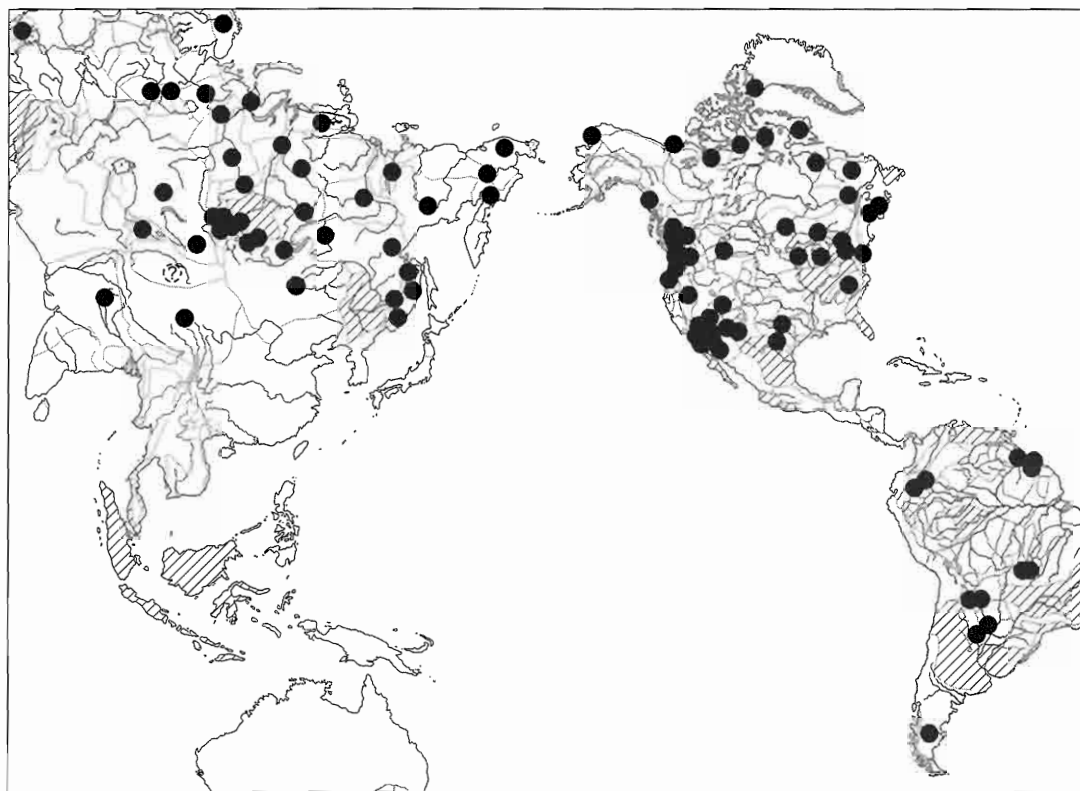

Рис. 1. Распространение сюжета космической охоты в Старом и Новом Свете. Заштрихованы территории, данные по которым не обработаны или отсутствуют.

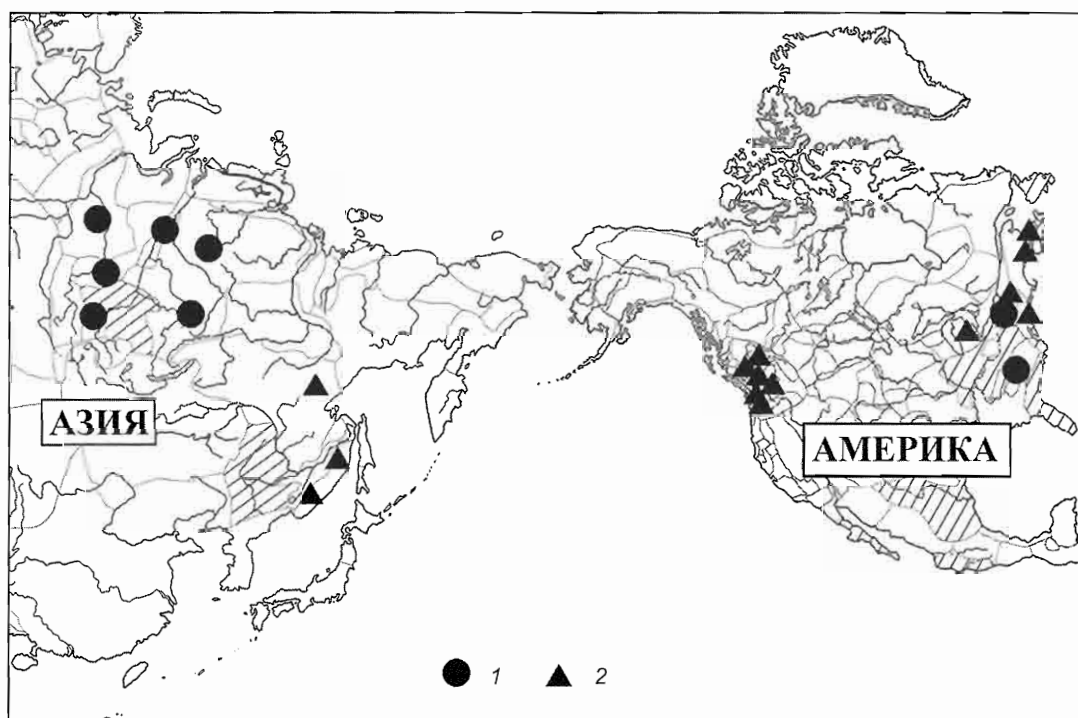

Рис. 2. Распространение первого варианта сюжета космической охоты (Большая Медведица – трое охотников и животное).
1 – Алькор – котелок для варки мяса; 2 – Алькор – собака, сопровождающая охотников.

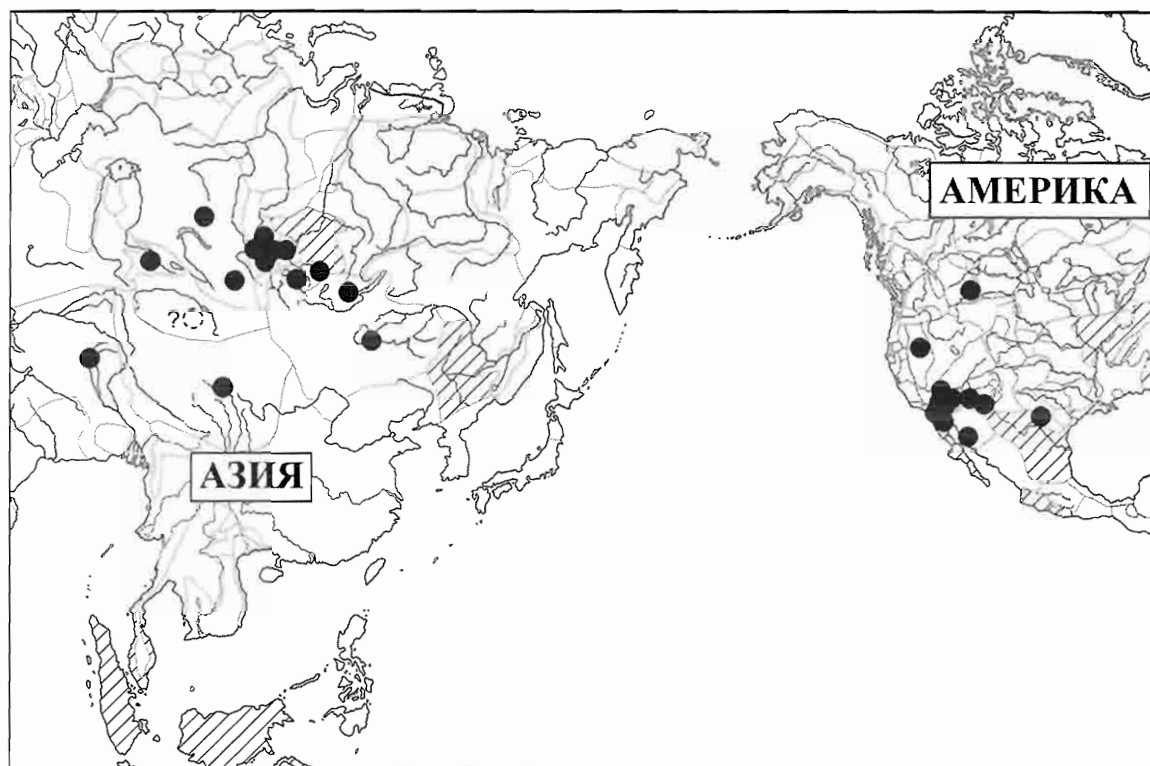

Рис. 3. Распространение второго варианта сюжета космической охоты (Пояс Ориона – три (реже одно) копытных животных; Бетельгейзе или голова Ориона – пущенная охотником стрела).

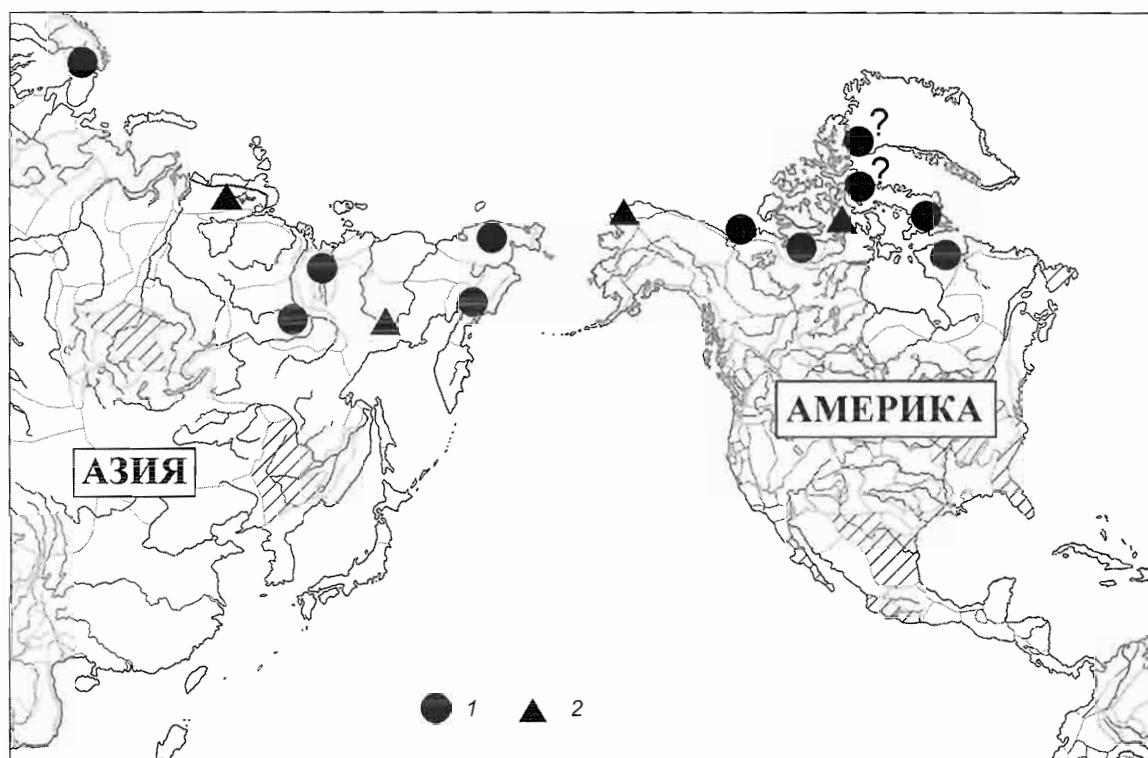

Рис. 4. Распространение третьего варианта сюжета космической охоты.
1 – охотник – Орион, животное – Кассиопея или Плеяды; 2 – охотник – Плеяды.

Первый вариант – западно-сибирский

Первый рассматриваемый в статье вариант сюжета космической охоты можно условно назвать западно-сибирским. В текстах этой группы несколько охотников преследуют лоса (большинство евразийских версий) или медведя (большинство североамериканских), причем люди ассоциируются со звездами ручки ковша Большой Медведицы, а зверь – с ковшом. Хотя внимание к Большой Медведице как к полярному созвездию логично для мифологий Северного Полушария, устойчивое отождествление охотников с одной частью созвездия, а зверя – с другой этим объяснить трудно. К тому же, на Крайнем Севере, где Большую Медведицу прекрасно видно, в рассказах о космической охоте она как раз не фигурирует.

Специфичность данного варианта мифа усиливается тем, что слабая звездочка рядом с Мицаром (вторая звезда ручки ковша) истолковывается как котелок, который несет с собой один из охотников (см. рис. 2, 5). Подобный мотив известен у хантов [Лукина, 1990, № 9, с. 69; Потанин, 1883, с. 778], селькупов [Прокофьева, 1961, с. 64–65], кетов [Алексеев, 1976, с. 84–85], хакасов [Радлов, 1907, № 181, с. 273–274] и западных (но не юго-восточных) эвенков [Василевич, 1936, № 2, с. 274–275; 1959, с. 162–163]. В Америке мы встречаем его у ирокезов – как северных [Smith, 1883, р. 81], в частности, сенека [Curtin, 2001, р. 503–504; Curtin, Hewitt, 1918, № 54, р. 276–277], так и южных – чироки [Stansbury, 1906, р. 357]. Это позволяет уверенно отнести представление о звездочке-котелке как минимум ко времени общеирокезского языкового единства, поскольку в историческое время южные и северные ирокезы прямо друг с другом не контактировали.

Существует еще ряд мифологий, в которых четыре звезды ковша Большой Медведицы обозначают зверя (или амбар, к которому зверь подкрадывается), а три звезды ручки – охотников. Они прослежены на российском Дальнем Востоке у эвенков-орочоных, удэгейцев и орочей [Авrorин, Козьминский, 1949, с. 328; Березницкий, 2003, с. 80; Мазин, 1984, с. 9–10; Подмаскин, 1991, с. 12], а в Америке – у береговых и внутренних элишей, включая лиллуэт, томпсон и шусвап [Elliott, 1931, р. 180; Teit, 1917a, № 3, р. 16]*, халкомелем [Boas, 1916, № 61, р. 604], снохомиш [Clark, 1953, р. 149], кёрдален [Teit, 1917b, № 3, р. 125–126; Teit, Boas, 1930, р. 178–179], возможно, твана [Elmendorf, 1960, р. 537]. Та же версия пред-

ставлена у некоторых чинук – соседей элишей [Clark, 1953, р. 153–155; Hines, 1996, № 5, р. 32–35]. На востоке континента этот же образ созвездия был знаком ирокезам-мохавкам [Rustige, 1988, р. 32–34] и нескольким алгонкинским народам, жившим от ирокезов к западу (фокс) [Jones, 1907, № 4, р. 71–75] и востоку (делававы, микмак, может быть, пенобскот) [Gibbon, 1972, р. 243; Hagar, 1900, р. 93–97; Speck, 1935b, р. 19]. О соответствующем толковании образа Большой Медведицы обитателями Восточной Канады и Новой Англии сообщают источники конца XVII – начала XVIII в. [Allen, 1899, р. 423]. Другие алгонкины Среднего Запада и Восточной Канады (меномини, оджибва, наסקапи) видели в Большой Медведице выдру (fisher), в хвост которой попала стрела [Bloomfield, 1928, № 86, р. 247–253; Hagar, 1900, р. 93–94; Speck, 1925, р. 28–31; 1935a, р. 66–69].

Во многих из перечисленных версий слабая звездочка рядом с ярким Мицаром продолжает фигурировать в мифе, хотя истолковывается иначе: это собака одного из охотников. В Сибири в этом качестве она отражена у эвенков-орочоных, удэгейцев и орочей, а в Америке – у элишей, чинук, мохавков, делававов и фокс. Если источники сообщают, о какой именно звездочке идет речь, то они неизменно указывают на Алькор. На карте звездного неба Алькор почти вплотную примыкает к Мицару, и способность увидеть эту звезду издавна считалась признаком высокой остроты зрения. По-видимому, Алькор был самым мелким небесным объектом, выделенным в донаучную эру; это нашло отражение в древних и средневековых китайских, арабских и латинских текстах [Allen, 1899, р. 445–446; Gibbon, 1964, р. 239]*.

В связи с сюжетом космической охоты Большая Медведица без указанных ассоциаций (ручка ковша – трое охотников, Алькор – котелок или собака) фигурирует еще в ряде евразийских и североамериканских повествований. Если хакасские (семь лисиц) [Алексеев, 1980, с. 87–88; Потанин, 1893, с. 322], ненецкий (лось) [Семенов, 1994, с. 115], обско-угорский (лось) [Лукина, 1990, № 6, с. 67–69; № 110, 297; Окладников, 1950, с. 299; Потанин, 1893, с. 385], эвенкийский (лось) [Анисимов, 1959, с. 15; Василевич,

* Опубликованные тексты томпсон и шусвап недостаточно подробны, но, учитывая языковое родство и культурную близость этих групп с лиллуэт, наличие у них мифа о космической охоте в той же редакции, что и у лиллуэт, крайне вероятно.

* Не исключено, что известная в христианстве и исламе легенда о Семи спящих отроках эфесских также связана с представлениями о Большой Медведице как о семи мужчинах и Алькоре-собаке. Согласно распространенной версии, шестеро праведных юношей бегут от нечестивого царя и, захватив с собой встреченного по дороге пастуха с собакой, скрываются в пещере. Они просыпаются через несколько веков и, поведав свою историю, умирают. Есть вариант с семью отроками, за которыми увязалась собака [Снесарев, 1983, с. 131–135]. Собака в рассказе не играет существенной роли, и устойчивость ее образа легче всего объяснить этимологическим характером сюжета.

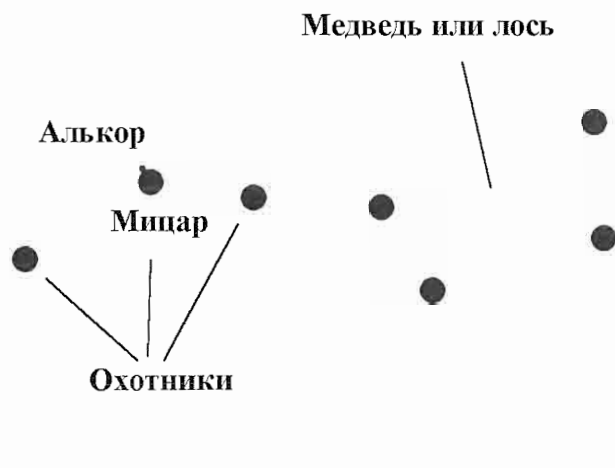

Рис. 5. Схема расположения главных звезд созвездия Большой Медведицы.

Рис. 6. Схема расположения главных звезд созвездия Ориона.

1959, с. 162–163] персонажи принципиально не расширяют географию образа, то древнегреческий (медведица) [Paus. VIII 3, 3], мари́йские (лосиха с лосенком) (Потанин, 1883, с. 713) и чувашские (охотники на лошадях и с собаками) [Ашмарин, 1984, с. 26] доказывают, что миф о космической охоте с Большой Медведицей в качестве основного небесного объекта был известен не только в Азии, но и Европе. Что касается Берингоморского региона, то коряки, ительмены и алеуты отождествляли Большую Медведицу с лосем или оленем [Богораз, 1939, с. 29; Крашенинников, 1994, с. 22, 160; Потанин, 1883, с. 942], но о связи этого образа в данных традициях с мифами об охоте сведений нет.

Второй вариант – центрально-азиатский

Центрально-азиатский вариант мифов о космической охоте, тюрко-монгольские варианты которого подробно рассматривались С.Ю. Неклюдовым [1980], распространен от Южной Сибири до Индии. В центре внимания находятся три звезды Пояса Ориона, обозначающие антилоп или оленей – как правило, трех маралух (см. рис. 3, 6). Одна из соседних звезд обозначает стрелу (в поздних записях – пулю), посланную в животных охотником. Тексты подобного рода (одни более, другие менее подробные) записаны у казахов [Потанин, 1972, с. 54], киргизов [Брудный, Эшмамбетов, 1989, с. 350], тибетцев [Окладников, 1950, с. 300 (по материалам Г.Н. Потанина)], тувинцев [Дьяконова, 1976, с. 285; Потанин, 1883, № 38н, с. 206], алтайцев [Гарф, Кучияк, 1978, с. 179–181; Никифоров, 1915, с. 251–252; Потанин, 1883, № 38б, с. 204; Суразаков, 1982, с. 127–128, 134], телеутов [Потанин, 1883, № 38а, с. 204], теленгитов [Там

же, № 38г, 38д, с. 204–205], хакасов [Бутанаев, 1975, с. 236–237; Бутанаев, Бутанаева, 2001, с. 59–61; Радлов, 1907, № 181, с. 273–274], тофаларов [Катанов, 1891, с. 51; Рассадин, 1996, № 2, с. 9–10], бурят [Жамбалова, 2000, с. 283; Потанин, 1883, № 38л, с. 206; Хангалов, 1960, № 10, с. 16; Шаракшинова, 1980, с. 58], монголов [Потанин, 1883, № 38ж, с. 205]. О космографии народов Синьцзяна нет достаточных сведений, но наличие тибетской версии, позволяет предполагать, что ареал мотива охватывал Центральную Азию сплошь и что уйгуры должны были знать этот миф не хуже, чем другие тюркские народы региона. Индуистская версия близка, но не полностью идентична центрально-азиатским (Орион – олень, три звезды Пояса Ориона – пронзившая животное стрела [Gibbon, 1972, р. 245]) и могла быть принесена в Южную Азию индоариями. В китайской мифологии сюжет космической охоты отсутствует, а Большая Медведица воспринимается скорее как локус, чем персонаж [Рифтин, 1980, с. 655–656; Allen, 1899, р. 435]. В Западной и Восточной Сибири граница между центрально-азиатским и западно-сибирским вариантами совпадает с границей между тюркскими и монгольскими народами на юге и уральскими, енисейскими и тунгусскими – на севере. Географически и сюжетно промежуточное положение занимает хакасский миф из собрания В.В. Радлова [1907, № 181, с. 273–274]. В отличие от прочих хакасских вариантов, он принадлежит к западно-сибирскому типу, но в нем охотники гонят не лося, а двух маралух.

Как и западно-сибирский, центрально-азиатский вариант мифа обнаруживает соответствия в Северной Америке: на юго-западе континента в пределах регионов Большого Бассейна и Большого Юго-Запада. Соответствующие тексты записаны у различных юматских народов, у сери Северо-Западной Мексики

(скорее всего, отдаленно родственных юма), у юто-ацтеков ветви нума, у южно-калифорнийских юто-ацтеков ветви така и некоторых апачей, несомненно, заимствовавших свои представления после переселения с территории Канады. Территориально обособлена версия алгонкинов гровантр на севере Великих Равнин. У павиоцо [Curtis, 1976, p. 147–148; Lowie, 1924, № 12, p. 232–234], чемеуэви [Fowler, 1995, p. 147–148], явапай [Gifford, 1933a, p. 381–382, 413–414], мари-копа [Spier, 1933, p. 146–147], килива [Meigs, 1939, p. 69–78] и гровантр [Kroeber, 1908, p. 280] Пояс Ориона – это три копытных животных (горные бараны, антилопы, бизоны), преследуемые охотниками. У мохаве [Fowler, 1995, p. 147], типаи [Drucker, 1937, p. 26], кокопа [Gifford, 1933b, p. 286], сери [Kroeber, 1931, p. 12], юто-ацтеков така (кауилья, луизеньо, купеньо) [Hooper, 1920, p. 362; Drucker, 1937, p. 26], западных апачей, мескалери, липан и южных юте [Gifford, 1940, № 2266, p. 60, 155] три звезды Пояса Ориона мыслятся фигурой одного-единственного животного. Во всех случаях, когда в источнике содержатся дополнительные подробности, Меч Ориона ассоциируется с оперением выпущенной стрелы, а ее наконечник – со звездами, образующими голову Ориона. Те звезды, которые ассоциируются с охотником, неизменно расположены ниже Пояса Ориона, что характерно и для всех тюрко-монгольских версий. Разница лишь в том, что в Азии пронзившая животных стрела считается окрашенной кровью и поэтому ассоциируется не с головой Ориона, а с расположенной левее красноватой звездой – Бетельгейзе. Однако не исключено, что так было и в некоторых вариантах в Америке; по крайней мере кауилья ассоциировала охотника со звездой Ригель, и, следовательно, чтобы поразить животное, этот охотник должен был стрелять в направлении Бетельгейзе. В мифах апачей Бетельгейзе покраснела от гнева, когда пущенная в горного барана стрела чуть не задела ее.

Ассоциация трех ярких звезд Пояса Ориона с тремя животными или людьми могла возникать независимо (ср. испанское Три Марии). Однако упоминание стрелы, чей наконечник отождествляется с одним из ярких небесных объектов выше Пояса Ориона (голова Ориона либо его плечо – Бетельгейзе), слишком специфично, чтобы оказаться случайным совпадением.

Третий вариант – циркумарктический

Объединение соответствующих повествований в одну группу несколько условно. Правильнее, возможно, говорить о двух или даже трех вариантах, в которых главную роль играют созвездия Ориона и Плеяд, причем Орион ассоциируется не с животными, а с охот-

никами. У инупиак Северной Аляски охотники-Плеяды преследуют белого медведя-Альдебарана [Gibbon, 1964, p. 245; Simpson, 1875, p. 272]. У эскимосов дельты Маккензи упоминаются собаки, которые сопровождают охотников [Ostermann, 1942, p. 78]. В повествованиях этой группы эскимосов ассоциация с созвездиями не указана, но в рассказе близкородственных медных эскимосов преследующие медведя люди ассоциируются с Поясом Ориона [Rasmussen, 1932, p. 23]. У нетсилик, живущих восточнее медных эскимосов, охотники с собакой преследуют медведя и ассоциируются с Плеядами [Rasmussen, 1931, p. 211, 263, 385]. У иглулик и полярных эскимосов Плеяды – это собаки-преследователи и медведь, которого они окружили [Меновщиков, 1985, № 265, с. 488–489; Holtved, 1951, № 6, p. 50–55; Kroeber, 1899, № 10, p. 173–174], а у эскимосов Лабрадора медведь и собаки – это, видимо, Орион [Kroeber 1899, № 10, p. 173]. У эскимосов Баффиновой Земли медведь – Бетельгейзе, охотники – Пояс Ориона, сани – Меч Ориона [Boas, 1888, p. 636–637]. Все рассказы о космической охоте записаны у эскимосов ветви инупиак – инуит. У юпик как аляскинских, так и азиатских, данный сюжет отсутствует. Эти мифы, как и многие другие записанные у инуит-инупиак, имеют ближайшие параллели не на юго-западе Аляски, а к западу от Берингова пролива: у чукчей и коряков охотник-Орион преследует оленей – Плеяды или Кассиопею [Богораз, 1939, с. 25, 28–29; Bogoras, 1924, p. 243]. Дальше на запад ближайшей параллелью чукотской является саамская версия [Потанин, 1893, № 87, с. 328; Харузин, 1890, с. 347]. Охотник в ней – тоже Орион, а преследуемые им лось или олень – Кассиопея.

Космимифия юкагиров известна плохо. Повествования метисов Марково рисуют Большую Медведицу как преследуемого тремя братьями и тремя сестрами лоса [Дьячков, 1992, с. 232], и этим они относительно близки эвенкийским представлениям. В якутских мифах охотник-Орион преследует лоса [Серошевский, 1896, с. 660; Эргис, 1974, с. 135], а Большая Медведица не упоминается. Якутская традиция гетерогенна: в одних версиях есть характерное для части западно-сибирских, тунгусских, негидальских и удэгейско-орочских мифов представление о единственном охотнике, оставившем лыжный след (Млечный Путь), а в других описывается группа охотников, не имеющих отношения к происхождению Млечного Пути. В Америке образ Млечного Пути как лыжного следа встречается в мифах населения Аляски и тлинкитов Британской Колумбии [De Laguna, 1972, p. 875–879; Swanton, 1909, № 31, p. 102; № 96, 97, p. 296–298], центральных юпик [Krenov, 1951, p. 194; Nelson E.W., 1899, p. 449], ингалик [Vanstone, 1978, p. 61] и талтан [Teit, 1919, № 6, p. 229]; причем с сюжетом космической охоты этот образ связан только в пове-

ствованиях тлинкитов. У эвенов трое охотников, преследующих снежного барана, ассоциируются с Плеядами [Бурыкин, 2001, № 22, с. 113]. Плеяды фигурируют и в одной из нганасанских версий – это охотники, ловящие оленей сетями [Попов, 1984, с. 48]*. Ассоциация охотников с Орионом или Плеядами сближает соответствующие якутские, нганасанские, эвенские и эскимосско-чукотские варианты.

Выводы

Первый и второй варианты сюжета космической охоты обнаруживают евразийско-североамериканские параллели на уровне мелких подробностей, что доказывает их историческую обусловленность. В первом варианте три звезды ручки ковша Большой Медведицы ассоциируются с охотниками, а сам ковш – со зверем, причем внимание акцентируется на маленькой звездочке, очевидно, Алькоре, расположенной близ второй звезды ручки ковша. Ассоциация Алькора с собакой и особенно с походным котелком высокоспецифична и вряд ли могла возникнуть независимо в Азии и Америке**.

Во втором варианте космической охоты специфичны ассоциация Пояса Ориона с тремя оленями, антилопами или горными баранами и особенно представление о пронзившей зверя стреле, с которой (или, точнее, с ее наконечником) ассоциируется либо Бетельгейзе, либо звезды, образующие голову Ориона.

Оценивая последовательность проникновения описанных вариантов мифа о космической охоте из Ста-

рого Света в Новый, следует учитывать удаленность соответствующих ареалов от Берингова пролива. Чем дальше в глубины Азии и Америки локализованы версии, тем менее вероятно их недавнее распространение. Западно-сибирский и центрально-азиатский варианты по-разному локализованы как в Евразии, так и в Америке. Оценивая соотношение между ними, вспомним еще один евразийско-североамериканский сюжет – о превращении в Большую Медведицу семерых братьев. В Старом Свете его ареал в значительной мере совпадает с ареалом центрально-азиатского варианта космической охоты, а в Северной Америке охватывает Великие Равнины, т.е. находится между эллиптическим (на западе) и ирокезско-алгонкинским (на востоке) ареалами мифа о преследовании медведя тремя охотниками [Березкин, 2003, с. 100]. Западно-сибирский вариант мифа о космической охоте отдельными подробностями напоминает миф о семи звездных братьях. В обоих случаях звезды Большой Медведицы (все семь или только звезды ручки ковша) мыслятся отдельными людьми, что выделяет данные мифы на фоне представлений о Большой Медведице как о единственном человеке, ложе, повозке и пр. Кроме того, в мифе о семи звездных братьях у индейцев Великих Равнин Алькор также обыгрывается, обозначая младшую сестру братьев (черноногие [Spence, 1985, p. 182–184]), их младшего брата или ребенка (кроу [Lowie, 1918, p. 126], шейены [Erdoes, Ortiz, 1984, p. 205–209], вичита [Dorsey, 1904, № 10, p. 74–80]) или, наконец, собаку сестры (сарси [Simms, 1904, p. 181–182], кроу [Lowie, 1918, p. 205–211]).

Центрально-азиатский вариант мифа о космической охоте и миф о семи звездных братьях могли появиться в Америке в ходе очень близких по времени миграционных эпизодов. Речь идет, скорее всего, о той же самой эпохе, наследием которой является большой комплекс мотивов, общих для Центральной Евразии, с одной стороны, и Великих Равнин – Среднего Запада, с другой [Березкин, 2003]. Отсутствие этого комплекса в Южной Америке делает маловероятным его связь с самыми начальными этапами заселения Нового Света. Что же касается западно-сибирского варианта, то он, вероятно, проник в Америку еще позже, ибо локализован ближе к Чукотке и Аляске, нежели центрально-азиатский вариант. Во всех случаях, однако, речь идет о времени, когда на северо-востоке Азии и на Аляске еще не было ни эскимосов, ни палеоазиатов, ни тлинкитов и атапасков. Проблема происхождения палеоазиатов выходит за рамки статьи, но все же отметим факт, дающий некоторое направление поискам. У чукчей стрелок-Орион горбат с тех пор, как жена (созвездие Льва) приревновала его к Плеядам и ударила по спине доской [Богораз, 1939, с. 24]. Близкий сюжет отмечен Г.Н. Потаниным у тибетцев Цинхья (которых Г.Н. Потанин

* Образ Плеяд-охотников есть во всех тех амазонских мифах на сюжет космической охоты, в которых четко просматривается, о каком именно созвездии идет речь. Это версии акавайи или каринья [Roth, 1915, № 211, p. 265–266], калинья [Magaña, 1983, № 1, p. 32], сиона и секоя [Vickers, 1989, p. 161–167], камаюра [Münzel, 1973, S. 187–190; Villas Boas O., Villas Boas C., 1973, p. 171–173]. Для гипотезы о единых корнях сибирских и амазонских версий этих фактов, разумеется, недостаточно.

** Если котелок – древний образ, то предки ирокезов должны были уметь варить мясо еще до своего переселения в Новый Свет. Сосуды из дерева, кожи, водонепроницаемые плетеные емкости, в которых готовили пищу, бросая в воду раскаленные камни, скорее всего, использовались задолго до появления керамики. Об этом, возможно, свидетельствует и сходство звучания слова “сосуд” в индоевропейских, уральских, дравидских и юкагирском языках [Напольских, 1989]. Правда, оно может быть обусловлено относительно поздним распространением культурного термина, обозначающего именно глиняный сосуд (личное сообщение В.В. Напольских), поэтому вопрос остается открытым, и данные сравнительной мифологии представляют интерес для его решения.

именует тангутами). Красная звезда Гачари приревновал свою жену (Плеяды) к Ориону и спустил ему на спину камень. С тех пор это созвездие посередине надломлено [Потанин, 1893, с. 327]. Данная параллель вряд ли свидетельствует об особой близости тибетцев и чукчей, но она настолько специфична, что может считаться доводом в пользу локализации палеоазиатской прародины где-то во внутренней Азии.

Что касается третьего, циркумполярного, варианта космической охоты, то вполне допустимо, что самская и чукотская версии с Орионом-охотником сохранили ту форму мифа, в которой он был известен на крайнем севере Азии до исторически недавнего проникновения туда самодийцев, тюрков и тунгусов. Отсутствие этой версии у юпик и ее наличие у инуит – инуиты заставляют думать, что она проникла в Восточную Арктику уже после рубежа эр вместе с неоэскимосской традицией туле. Эскимосские тексты имеют мало общего с текстами на сюжет космической охоты у североамериканских индейцев. Арктический вариант с Орионом-охотником отделен от прочих американских пространством Субарктики, у атапасского населения которой “астральный код” в мифологии вообще не развит [McKenna, 1959, p. 110]. У мускогов и других (кроме чироки) обитателей американского Юго-Востока, как и у населения Мексики (кроме сери) и Центральной Америки, миф о космической охоте также отсутствует. Это соответствует представлению о неодинаковом евразийском прошлом представителей различных языковых семей аборигенов Америки – эскимосов, алеутов, на-дене и отдельных групп собственно америндов.

Список литературы

- Аврорин В.А., Козьминский И.И.** Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на “карте” // Сб. МАЭ. – 1949. – Вып. 11. – С. 324–334.
- Алексеев Н.А.** Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 317 с.
- Алексеев Е.А.** Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 67–105.
- Анисимов А.Ф.** Космологические представления народов Севера. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 166 с.
- Ашмарин Н.И.** Введение в курс чувашской народной словесности (окончание). Исследования по чувашскому фольклору. – Чебоксары: НИИ языка, литературы, истории и экономики, 1984. – С. 3–48.
- Березницкий С.В.** Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амура-сахалинского региона. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 486 с.
- Березкин Ю.Е.** Южносибирско-североамериканские связи с области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 94–105.
- Богораз В.Г.** Чукчи. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – Т. 2: Религия. – 195 с.
- Брудный Д., Эшмамбетов К.** Киргизские народные сказки. – Фрунзе: Кыргызстан, 1989. – 364 с.
- Бурыйкин А.А.** Малые жанры эвенского фольклора. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2001. – 276 с.
- Бутанаев В.Я.** Представление о небесных светилах в фольклоре хакасов // Уч. зап. / Хак. НИИЯЛИ. Сер. филол. – 1975. – Вып. 20, № 3. – С. 231–240.
- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.** Хакасский исторический фольклор. – Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та, 2001. – 148 с.
- Василевич Г.М.** Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. – 290 с.
- Василевич Г.М.** Ранние представления о мире у эвенков (материалы) // ТИЭ. – 1959. – Вып. 51. – С. 157–192.
- Гарф А.Л., Кучняк П.В.** Танзаган – отец алтайцев. – М.: Худ. лит., 1978. – 286 с.
- Дьяконова В.П.** Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 268–291.
- Дьячков А.Е.** Анадырский край // Дьячков А.Е., Жихарев Н.А. Повесть об Афанасии. – Магадан: Кн. изд-во, 1992. – С. 163–267.
- Жамбалова С.Г.** Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. – Новосибирск: Наука, 2000. – 394 с.
- Катанов Н.Ф.** Поездка к карагасам в 1890 году. – СПб.: [Паровая скоропечатня П.О. Яблонского], 1891. – Отд. отт. – 96 с. – (Зап. имп. Рус. геогр. об-ва по отд. этнографии; Т. 17, вып. 2).
- Крашенинников С.П.** Описание земли Камчатки. – СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Kammas, 1994. – Т. 2. – 319 с.
- Лукина Н.В.** Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
- Мазин А.И.** Традиционные верования и обряды эвенков-орочоных (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.
- Меновщиков Г.А.** Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии. – М.: Наука, 1985. – 669 с.
- Напольских В.В.** Историческая импликация двух уральских этимологий // Сов. финно-угроведение. – 1989. – Т. 25, № 2. – С. 81–83.
- Никифоров Н.Я.** Аноосский сборник. – Омск: [Б.и.], 1915. – 293 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 411 с. – (МИА; № 18).
- Подмаскин В.В.** Духовная культура удэгейцев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1991. – 160 с.
- Попов А.А.** Нганасаны. Социальное устройство и верования. – Л.: Наука, 1984. – 152 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип. Киршбаума], 1883. – Вып. 4. – 1025 с.
- Потанин Г.Н.** Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. – СПб.: [Тип. А.С. Суворина], 1893. – Т. 2. – 437 с.
- Потанин Г.Н.** Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. – 382 с.

- Прокофьева Е.Д.** Представления селькупских шаманов о мире // Сб. МАЭ. – 1961. – Вып. 20. – С. 54–74.
- Радлов В.В.** Образцы народной литературы тюркских племен. – СПб.: Имп. академия наук, 1907. – Ч. 9. – 658 с.
- Рассадин В.И.** Легенды, сказки и песни седого Саяна. Тофаларский фольклор. – Иркутск: Комитет по культуре Иркут. обл. администрации; Обл. центр народного творчества и досуга, 1996. – 249 с.
- Рифтин Б.Л.** Китайская мифология // Мифы народов мира – М.: Сов. энцикл., 1980. – Т. 1. С. 653–662.
- Семенов В.А.** О некоторых способах организации и описания космоса народами уральской языковой семьи (к интерпретации числовых дефиниций) // Смерть как феномен культуры. – Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 1994. – С. 115–121.
- Серошевский В.Л.** Якуты. Опыт этнографического исследования. – СПб.: Имп. Рус. геогр. об-во, 1896. – Т. 1. – 720 с.
- Снесарев Г.П.** Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. – М.: Наука, 1983. – 212 с.
- Суразаков С.С.** Из глубины веков. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1982. – 144 с.
- Хангалов М.Н.** Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – Т. 3. – 421 с.
- Харузин Н.** Русские лопари. – М.: [Б.и.], 1890. – 472 с. – (Изв. Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Тр. этногр. отд.; Т. 10).
- Шаракшинова Н.О.** Мифы бурят. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. – 167 с.
- Эргис Г.У.** Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.
- Allen R.H.** Star-Names and Their Meanings. – N.Y.: G.E. Stechert, 1899. – 563 p.
- Bloomfield L.** Menomini Texts. – N.Y.: G.E. Stechert, 1928. – 607 p. – (Publications of the American Ethnological Society; Vol. 12).
- Boas F.** The Central Eskimo // 6th Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1884–1885. – Wash.: Smithsonian Institution, 1888. – P. 399–669.
- Boas F.** Tsimshian mythology // 31th Annual Report of the Bureau of American Ethnology. – Wash.: Smithsonian Institution, 1916. – P. 29–1037.
- Bogoras W.** New Problems of Ethnographic Research in Polar Countries // Proceedings of the 21st International Congress of Americanists. – Leiden: E.J. Brill, 1924. – Pt. 1. – P. 226–246.
- Clark E.E.** Indian Legends of the Pacific Northwest. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1953. – 225 p.
- Curtin J.** Seneca Indian Myths. – Mineola; N.Y.: Dover Publications, 2001. – 516 p.
- Curtin J., Hewitt J.N.B.** Seneca fiction, legends, and myths. Pt. 1 // 32th Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1910–1911. – Wash.: Smithsonian Institution, 1918. – P. 37–819.
- Curtis E.S.** The North American Indian. – N.Y.; San Francisco; L.: Johnston Reprinting Corporation, 1976. – Vol. 15. – 225 p.
- De Laguna F.** Under Mount Saint Elias. The History and Culture of the Yakutat Tlingit. – Wash.: Smithsonian Institution, 1972. – Pt. 2. – P. 549–913. – (Smithsonian Contributions to Anthropology; Vol. 7).
- Dorsey G.A.** The Mythology of the Wichita. – Wash.: Carnegie Institution of Washington, 1904. – 351 p. – (Carnegie Institution of Washington; Publ. 21).
- Driver H.E.** Culture element distributions: VI: Southern Sierra Nevada // University of California Anthropological Records. – 1937. – Vol. 1, N 2. – P. 53–154.
- Drucker P.** Culture element distributions: V. Southern California // University of California Anthropological Records. – 1937. – Vol. 1, N 1. – P. 1–52.
- Elliott W.C.** Lake Lillooet tales // J. of American Folklore. – 1931. – Vol. 44, N 171. – P. 166–181.
- Elmendorf W.W.** The Structure of Twana Culture. – Pullman: Washington State University, 1960. – 576 p.
- Elwin V.** The functional character of Baiga mythology // The Anthropological Society of Bombay, Jubilee Volume. – Bombay: Anthropological Society of Bombay, 1938. – P. 138–158.
- Elwin V.** The Baiga. – L.: John Murray, 1939. – 550 p.
- Erdoes R., Ortiz A.** American Indian Myths and Legends. – N.Y.: Pantheon Books, 1984. – 527 p.
- Fowler C.S.** Mountain sheep in the sky: Orion's Belt in Great Basin mythology // J. of California and Great Basin Anthropology. – 1995. – Vol. 17, N 2. – P. 146–152.
- Gibbon W.B.** Asiatic parallels in North American star lore: Milky Way, Pleiades, Orion // J. of American Folklore. – 1964. – Vol. 77, N 305. – P. 236–250.
- Gibbon W.B.** Asiatic parallels in North American star lore: Ursa Major // J. of American Folklore. – 1972. – Vol. 85, N 337. – P. 236–247.
- Gifford E.W.** Northeastern and Western Yavapai Myths // J. of American Folklore. – 1933a. – Vol. 46, N 182. – P. 347–415.
- Gifford E.W.** The Cocopa // University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. – 1933b. – Vol. 31, N 5. – P. 257–334.
- Gifford E.W.** Culture element distributions: XII: Apache-Pueblo // University of California Anthropological Records. – 1940. – Vol. 4, N 1. – P. 1–207 p.
- Hagar F.** The celestial bear // J. of American Folklore. – 1900. – Vol. 13, N 49. – P. 92–103.
- Hines D.M.** Celilo Tales. Wasco myths, legends, tales of magic and the marvelous. – Issaquah; Wash.: Great Eagle Publishing, 1996. – 263 p.
- Holtved E.** The Polar Eskimos. Language and Folklore. – Köbenhavn: C. A. Reitzels Forlag, 1951. – P. 1: Texts. – 366 p.
- Hooper L.** The Cahuilla Indians // University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. – 1920. – Vol. 16, N 6. – P. 315–380.
- Jenness D.** Myths of the Carrier Indians of British Columbia // J. of American Folklore. – 1934. – Vol. 47, N 184/185. – P. 97–257.
- Jones W.** Fox Texts. – Leyden: [s.l.], 1907. – 383 p. – (Publications of the American Ethnological Society; Vol. 1).
- Krenov J.** Legends from Alaska // J. de la Société des Américanistes. – 1951. – T. 40. – P. 173–195.
- Kroeber A.L.** Tales of the Smith Sound Eskimo // J. of American Folklore. – 1899. – Vol. 12, N 46. – P. 166–182.
- Kroeber A.L.** Ethnology of the Gros Ventre // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1908. – Vol. 1, N 4. – P. 141–281.
- Kroeber A.L.** The Seri. – Highland Park, Los Angeles: Southwestern Museum, 1931. – 60 p.

- Lowie R.H.** Myths and Traditions of the Crow Indians. – N.Y.: American Museum of Natural History, 1918. – 308 p.
- Lowie R.H.** Shoshonean tales // J. of American Folklore. – 1924. – Vol. 37, N 143/144. – P. 1–242.
- Magaña E.** Star myths of the Kaliña (Carib) Indians of Surinam // Latin American Indian Literatures. – 1983. – Vol. 7, N 1. – P. 20–37.
- McClelland C.** My Old People Say. An Ethnographic Survey of Southern Yukon Territory. – Ottawa: National Museums of Canada, 1975. – 637 p. – (Publications in Ethnology; N 6).
- McKenna R.A.** The Upper Tanana Indians. – New Haven: Yale University, Department of Anthropology, 1959. – 226 p.
- Meigs P.** The Kiliwa Indians of Lower California. – Berkeley: Univ. of California Press, 1939. – 88 p. – (Ibero-Americana; Vol. 15).
- Münzel M.** Erzählungen der Kamayura. Alto Xingú; Brasilien. – Wiesbaden: Steiner, 1973. – 378 S.
- Nelson E.W.** The Eskimo about Bering Strait. – Wash.: Smithsonian Institution, 1899. – 518 p. – (18th Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1896–1897; Pt. 1).
- Nelson R.H.** Make Prayers to the Raven. A Koyukon View of the Northern Forest. – Chicago; L.: University of Chicago Press, 1983. – 292 p.
- Ostermann H.** The Mackenzie Eskimos. – Copenhagen: [s.l.], 1942. – 164 p. – (Report of the Fifth Thule Expedition 1921–1924; Vol. 10, N 2).
- Rasmussen K.** The Netsilik Eskimos. Social Life and Spiritual Culture. – Copenhagen: [s.l.], 1931. – 542 p. – (Report of the Fifth Thule Expedition, 1921–1924; Vol. 8, N 1/2).
- Rasmussen K.** Intellectual Culture of the Copper Eskimos. – Copenhagen: [s.l.], 1932. – 350 p. – (Report of the Fifth Thule Expedition, 1921–1924; Vol. 9).
- Roth W.E.** An Inquiry into the Animism and Folklore of the Guiana Indians // 30th Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1908–1909. – Wash.: Smithsonian Institution, 1915. – P. 26–745.
- Roy S.-C.** The Khāriās. – Ranchi: Man of India Office, 1937. – 530 p.
- Rustige R.** Tyendinaga Tales. – Kingston; Montreal: McGill-Queen's University Press, 1988. – 78 p.
- Simms S.C.** Traditions of the Sarcee Indians // J. of American Folklore. – 1904. – Vol. 17. – P. 180–182.
- Simpson J.** Observations on the Western Eskimo, and the Country they inhabit; from Notes taken during two years at Point Barrow // A Selection of Papers on Arctic Geography and Ethnology. Ethnology. – L.: John Murray, 1875. – Vol. 3: The Western Eskimo. – P. 233–275.
- Smith E.A.** Myths of the Iroquois // 2nd Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1880–1881. – Wash.: Smithsonian Institution, 1883. – P. 47–116.
- Speck F.G.** Montagnais and Naskapi tales from the Labrador Peninsula // J. of American Folklore. – 1925. – Vol. 38, N 147. – P. 1–32.
- Speck F.G.** Naskapi. The Savage Hunters of the Labrador Peninsula. – Norman: University of Oklahoma Press, 1935a. – 248 p.
- Speck F.G.** Penobscot tales and religious beliefs // J. of American Folklore. – 1935b. – Vol. 48, N 187. – P. 1–107.
- Spence L.** North American Indians. – N.Y.: Avenel Books, 1985. – 393 p.
- Spier L.** Yuman Tribes of the Gila River. – N.Y.: Dover Publications, 1933. – 433 p.
- Stansbury H.** Cherokee star-lore // Anthropological Papers Written in Honor of Franz Boas. – N.Y.: G.E. Stechert & Co., 1906. – P. 354–366.
- Swanton J.R.** Tlingit Myths and Texts. – Wash.: Smithsonian Institution, 1909. – 351 p. – (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology; Bull. 39).
- Swanton J.R.** Religious beliefs and medical practices of the Creek Indians // 42th Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of Smithsonian Institution, 1924–1925. – Wash.: Smithsonian Institution, 1928. – P. 473–672.
- Teit J.A.** Thompson tales // Memoires of the American Folk-Lore Society. – 1917a. – Vol. 11. – P. 1–63.
- Teit J.A.** Coeur d'Alène tales // Memoires of the American Folk-Lore Society. – 1917b. – Vol. 11. – P. 119–128.
- Teit J.A.** Tahltan tales // J. of American Folklore. – 1919. – Vol. 32, N 123. – P. 198–250.
- Teit J.A., Boas F.** The Salishan tribes of the Western Plateau // 45th Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of Smithsonian Institution, 1927–1928. – Wash.: Smithsonian Institution, 1930. – P. 23–396.
- Thompson S.** Motif-index of folk-literature. – Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. – Vols. 1–6.
- Vanstone J.W.** W. Nelson's Notes on the Indians of the Yukon and Innoko Rivers, Alaska. – Chicago: Field Museum of Natural History, 1978. – 80 p. – (Fieldiana: Anthropology; Vol. 70).
- Vickers W.T.** Los Sionas y Secoyas. Su Adaptación al Ambiente Amazónico. – Quito: Ediciones Abya-Yala, 1989. – 374 p.
- Villas Boas O., Villas Boas C.** Xingu: The Indians, their Myths. – N.Y.: Farrar a.o., 1973. – 270 p.
- Waterman P.P.** A Tale-Type Index of Australian Aboriginal Oral Narratives. – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1987. – 173 p. – (Folklore Fellows Communications; Vol. 238).

Материал поступил в редколлегию 29.11.04 г.

А.Ю. Майничева

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: ketcup@academ.org*

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЦЕРКОВНОМ ЗОДЧЕСТВЕ ПРИБАЙКАЛЬЯ XVII–XIX ВЕКОВ. В АСПЕКТЕ АДАПТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РУССКОГО ЭТНОСА*

Введение

Своеобразие русского зодчества остается дискуссионным вопросом. Во многих церковных сооружениях, например, можно усмотреть заимствования элементов образного языка архитектуры других стран и народов, начиная с принципов построения византийских храмов, усвоенных с введением на Руси христианства. Очевидно и существенное влияние в зодчестве России идей итальянского Ренессанса [Валишевский, 1989; Подъяпольский, 1975; Гуляницкий, 1978; Майничева, 2004].

Самобытность культуры обычно рассматривается как непреложное свидетельство ее высокой ценности. Но всегда ли восприимчивость культуры, в частности русской, к иноэтническим элементам, феноменам и явлениям свидетельствует о ее несамостоятельности и неспособности к продуцированию собственных аутентичных форм и идей? Отчасти ответить на этот вопрос поможет обращение к особенностям церковной архитектуры русских Прибайкалья XVII–XIX вв. В качестве рабочей гипотезы была принята версия о проявлении в сфере зодчества характерных черт адаптационных возможностей русского этноса.

* Работа выполнена в рамках интеграционной программы РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”, проекта “Русский этнос в Сибири: сохранение и трансформация культуры”, проекта РГНФ № 04-01-00469а “Славяне в сибирском сообществе: бытование и развитие этнокультурных традиций. XVII–XXI вв.”.

Православные храмы Иркутской епархии

Обращение к проблеме заимствования архитектурных форм в зодчестве русских Прибайкалья закономерно. Этот регион, как и Сибирь в целом, был и остается обширной контактной зоной различных этносов, что обуславливает специфические черты и русской, и аборигенной культуры. Особенно ярко результаты межатнического взаимодействия проявляются в церковном зодчестве как выразителе основополагающих идей о мироустройстве, включая и понимание места и роли в нем человека. В Прибайкалье культура русских со времени их прихода сюда испытывала влияние ближайших соседей – бурят и китайцев, а через них и других народов Востока.

Среди разнообразных церквей Иркутской епархии, в XVII–XVIII вв. в большинстве своем выполненных в духе следования традициям северорусского деревянного зодчества, а затем с конца XVIII в., как правило, имеющих барочные, русско-византийские, псевдорусские формы и черты романского искусства, а позже – классицизма, модерна и откровенной эклектики (рис. 1–3), обнаруживаются сооружения, в которых можно заметить свойственные архитектуре Востока конструкции и детали декора.

В середине XVIII в. на Крестовой горе г. Иркутска было возведено взамен деревянного новое каменное здание Крестовоздвиженского храма [Калинина, 2000, с. 113]. Общая массивная и компактная объемно-пространственная композиция церкви, мощный купол сложной формы с надстройками, поддержанный двумя меньшими куполами приделов, шатровое завершение коло-

Рис. 1. Богоявленская церковь. Село Знаменка. Фото начала XX в. ИОКМ.

Рис. 2. Знаменский монастырь. 1760 г. Иркутск. Фото И. Портнягина, 1911 г. Фотоархив ИИМК, № Q441-7.

кольные, четкая и строгая расчлененность прямоугольных фасадов напоминают храм-ступу индийского культового зодчества (рис. 4). Подобно ему, стены иркутской Крестовоздвиженской церкви покрыты очень красивой сплошной резной орнаментацией, в которой используются разнообразные мотивы, включая и те, что характерны для буддийского искусства, например фрон-

Рис. 3. Вознесенский монастырь. Иркутск. Фото начала XX в. Фотоархив ИИМК, № O472-1279.

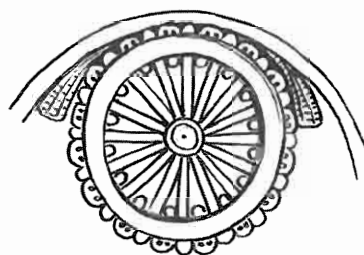

Рис. 4. Церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. 1746–1760 гг. Иркутск. Фото начала XX в. Фотоархив ИИМК, № I-20765.

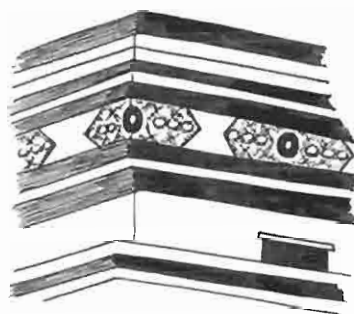
тальные и боковые изображения колеса с множеством спиц, подкарнизные украшения в виде мелких кронштейнов (рис. 5). Однако в отличие от буддийских храмов в резьбе совершенно отсутствуют фигуры людей. Богатая резная пластика фасадов иркутской церкви заставляет вспомнить московский храм Василия Блаженного, в архитектуре которого усматривали влияние Индии. К. Валишевский справедливо пишет о путях возможного проникновения черт буддийского искусства: «Рядом с листом русского орнамента, близкого, по мнению Виоле ле Дюка, к индусскому типу, Дарслю удалось указать и на византийский тип орнамента, средний между этими двумя образцами. Но передача идей и форм могла принять другое направление и сделать поворот еще в другую сторону. Например, “Бова Королевич”, очень популярная на Руси сказка, без сомнения, индусского происхождения. Она принадлежит к циклу Сомадэвы “Океан сказок”. Однако Бова не герой Со-

а

б

в

г

Рис. 5. Буддийские мотивы в церковной архитектуре Сибири.

а – церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Иркутск, фрагмент фасада. Фото И.Ю. Бержинского. 1995 г. (см.: [Калинина, 2000, с. 114]); б – прорисовка барельефа “Поклонение колесу”. Индия. I в. до н.э.; в – прорисовка орнамента на фасаде буддийского храма. Тибет; г – прорисовка фрагмента барельефа. Сарнат.

мадевы, это рыцарь *Beuves d'Antone*, герой каролинского цикла. Индии, таким образом, пришлось пройти через Западную Европу, чтобы попасть в Россию» [1989, с. 120]. Не следует забывать и о знаменитом “Хождении за три моря” Афанасия Никитина, познакомившего русских с Индией, и о тесных контактах начиная с конца XVII – начала XVIII в. с Монголией и Китаем, через которые шли и индийские товары, и идеи, значимые в культуре. Крестовоздвиженская церковь – одна из ранних каменных церквей, построенных в Прибайкалье. В регионе еще не было достаточного опыта в строительстве культовых сооружений такого типа, это, возможно, и послужило причиной того, что за образец были взяты оригинальные

декоративные и объемно-пространственные принципы храмового зодчества иной культуры, веками апробированные и художественно выверенные.

В 1862 г. в с. Коченгском возвели церковь, колокольня которой имеет ярусную конструкцию, напоминающую пагоду [Калинина, 2000, с. 299] (рис. 6, 7). Сохранившийся чертеж 1860-х гг. Троицкой церкви в с. Янгуты [Там же, с. 365], которое ранее числилось бурятским улусом, также показывает образ небольшой пагоды (рис. 8). В 1873 г. в д. Чикан, а в 1877 г. в с. Головском построили церкви (рис. 9) [Там же, с. 228, 422] с подчеркнуто ярусным объемным решением, что особенно заметно в колокольнях. Те же архитектурные принципы повторяются и в начале XX в.

Рис. 6. Алексеевская церковь Иркутской епархии. Село Коченгское.
Фото Н.А. Пономарева. 1913 г. (см.: [Калинина, 2000, с. 299]).

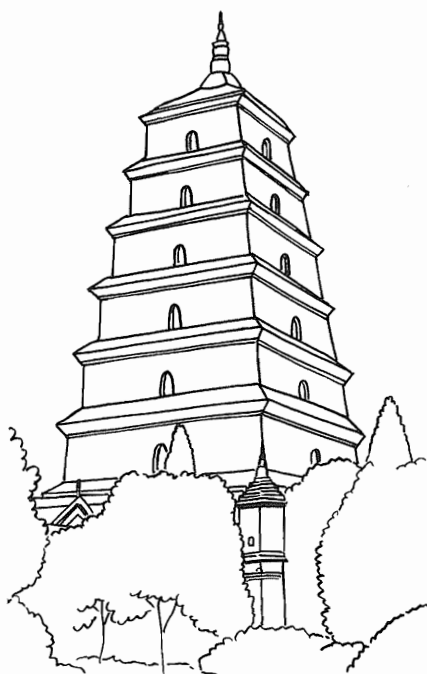

Рис. 7. Пагода. Китай. 700 г. Прорисовка.

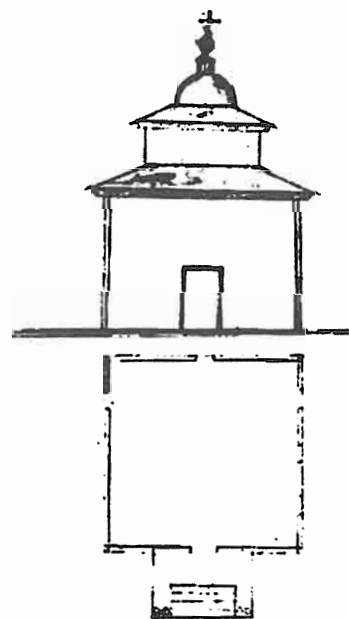

Рис. 8. Троицкая церковь Иркутской епархии.
Село Русские Янгуты. Рисунок 1860-х гг.
(см.: [Калинина, 2000, с. 365]).

в колокольне церкви Михаила Архангела в с. Сурове (рис. 10). Нельзя сказать, что ярусность не свойственна русской архитектуре. Деревянные шатровые храмы Русского Севера, в которых четверик водружается на восьмерик, уже могут рассматриваться как церкви с ярусами, основным принципом архитектуры которых является постановка нескольких уменьша-

ющихся срубов один над другим. Далее расчлененность объемов сооружений была развита настолько, что церквям этого типа было присвоено название ярусных. Кроме районов Русского Севера они были распространены в центральных областях России. Таковы деревянные Афанасьевская церковь в с. Верхняя Кокшеньга и Воздвиженская в с. Шижднема (Архангель-

Рис. 9. Петропавловская церковь Иркутской епархии.
Село Головское. Фото Н.А. Пономарева. 1913 г.
(см.: [Калинина, 2000, с. 228]).

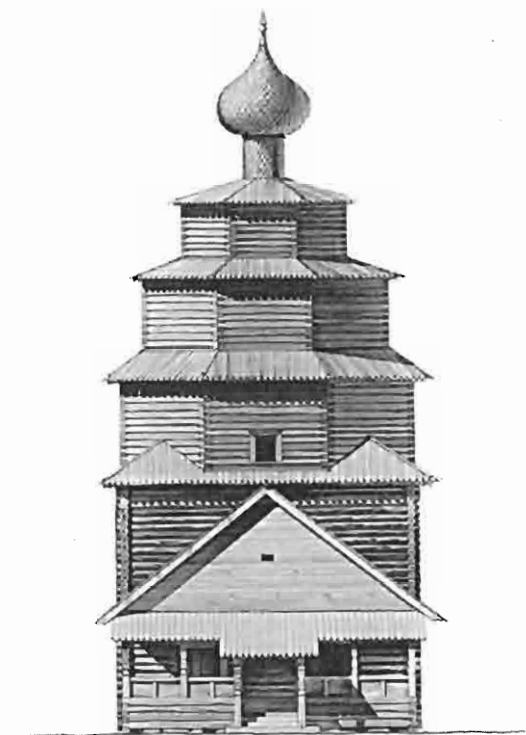

Рис. 11. Троицкая церковь в с. Черкасове. Реконструкция
(см.: [Ополовников, 1982, с. 260]).

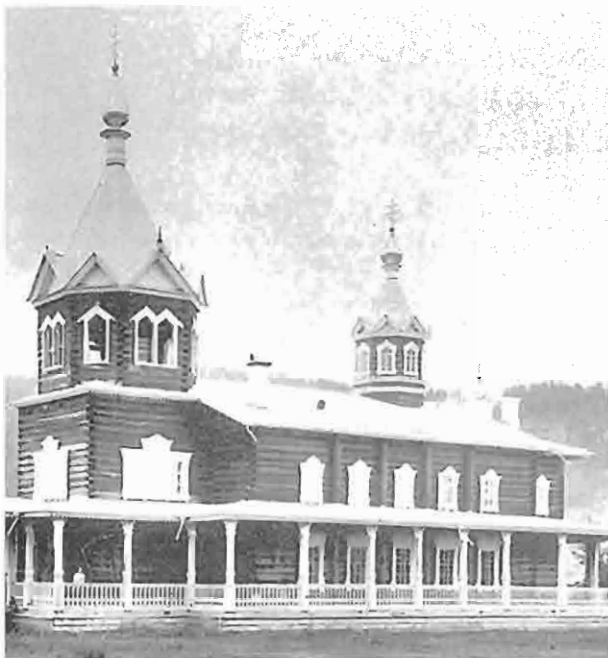

Рис. 10. Церковь Михаила Архангела
Иркутской епархии. Село Сурово. Фото 1989 г.
(см.: [Калинина, 2000, с. 375]).

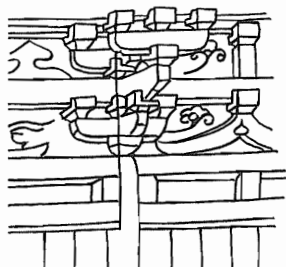
ская обл.), Тихвинская в Торжке и Троицкая в с. Черкасове Ярославской обл. (рис. 11, 12), каменные — в с. Бражниково Московской обл. и Рождества Христова в г. Кинешме. Вместе с тем их конструктивная система принципиально отличается от храмов Иркутской епархии, так как составляющие их ярусы образуются восьмериками, а не четвериками. Одна деревянная четвериковая ярусная церковь располагалась в Ширковском погосте Архангельской обл., однако покрытия ее четвериков были выполнены на восемь скатов, что также отличает ее от ярусных церквей Иркутской епар-

Рис. 12. Тихвинская церковь в Торжке. Фото Е.А. Ополовниковой (см.: [Ополовников, 1982, с. 233]).

а

б

Рис. 13. Влияние буддийской архитектуры на церковное зодчество Иркутской епархии.

а – Алексеевская церковь Киренского Святотроицкого монастыря. Фото Н.А. Пономарева. 1913 г. (см.: [Калинина, 2000, с. 285]); б – кронштейны буддийского храма. Прорисовка фрагмента гравюры на подиуме пагоды.

Рис. 14. Успенская церковь Иркутской епархии. Село Оек. Фото Н.А. Пономарева. 1913 г. (см.: [Калинина, 2000, с. 346]).

хии. Кроме того, время возведения перечисленных храмов – конец XVII–XVIII в., а ареал распространения ограничен. Позже русские мастера только в Прибайкалье обращались к подобной образной системе, воплощая ее в прямоугольных формах, возможно, как раз под влиянием китайской архитектуры.

Еще одна архитектурная реплика связана с буддизмом, а точнее, с ламаизмом. В 1891 г. в г. Киренске была возведена Алексеевская церковь Святотроицкого монастыря [Там же, 2000, с. 285]. Казалось бы, вполне типичное для русской деревянной архитектуры сооружение имеет некоторые особенности, выводящие его за рамки традиционности. Круговая галерея на столбах опоясывает все здание церкви, что совершенно не характерно для русских храмов, но присуще ламаистским дацанам. Своеобразные трехлопастные капители галерей также уведут нас в сторону от привычных форм. Внутреннее пространство церкви разделяют столбы, что может быть связано с традициями ламаистской архитектуры (рис. 13). Вместе с тем столбовые конструкции в интерьере православных храмов все же встречаются, например в церквях Русского Севера – Никольской (с. Ковда, 1613 г.), Златоустовской (д. Саунино, 1665 г.), Петропавловской (д. Пучуга, 1698 г.), Успенской (г. Кондапога, 1774 г.) и Благовещенской (Турчасово, 1793 г.). Но там колонны размещаются в трапезных и не в центре помещения напротив иконостаса, как это сделано в киренском храме, а приближены к боковым стенам. Лишь в Никольской церкви с. Согницы (1696 г.) расположение колонн напоминает особенности интерьера Алексеевской церкви в Киренске.

В XIX в. в Иркутской епархии появляются несколько оригинальных церквей, выполненных восьмериком от основания. Таковы, например, храмы Успения Пресвятой Богородицы в с. Оек (1812–1847 гг.) (рис. 14) и Скорбященской иконы Божьей Матери в с. Банщикове (1889 г.). Исследователи предполагают, что их специфическое конструктивное решение связано с желанием достичь внешнего сходства с традиционной формой бурятской бревенчатой юрты [Там же, с. 183, 346]. Размещение на фасадах Успенской церкви мотивов бурятского орнамента, видимо, должно было дополнять создание образа, близкого местному коренному населению (рис. 15). Опять-таки восьмерик от основания известен в архитектуре русских и ранее: в конструкциях сторожевых башен, колоколен и церковных зданий. Например, башня Кемского острога, колокольня в с. Цывозере, Никольские церкви в селах Лявля, Зачачье и Панилово, Богородицкая в с. Холм, Ильинская Выйского погоста, Георгиевская в с. Вершины, Владимирская в с. Белая Слуда (рис. 16–18). Однако в храмах Русского Севера алтарь вынесен за пределы восьмерика, тогда как в Иркутской епархии в ряде случаев он устроен в едином объеме с другими помещениями.

Таким образом, конструкции зданий, заимствованные на Востоке, уже имели подобие в архитектуре русских, что облегчило их внедрение в практику культового строительства. Насколько осознанно и для каких целей использовали заимствованные формы? Вероятно, применение их было вполне обоснованно. Примером, иллюстрирующим такое утверждение, является история возведения церкви Святителя Иннокентия в с. Аларь (1884–1890 гг.), приведенная И.В. Калининой [Там же, с. 169]. В Аларском инородческом ведомстве к моменту принятия решения о строительстве храма насчитывалось 11 тыс. бурят, которые исповедовали шаманизм и ламаизм. В селе был богатый буддийский дацан, где

Рис. 15. Фрагмент фасада Успенской церкви в с. Оек. Фото 1986 г. (см.: [Калинина, 2000, с. 346]).

Рис. 17. Никольская церковь в с. Лявля. Северодвинское поречье (см.: [Ополовников, 1982, с. 172]).

Рис. 16. Башня Кемского острога. Реконструкция (см.: [Ополовников, 1982, с. 149]).

Рис. 18. Владимирская церковь в с. Белая Слуда (см.: [Ополовников, 1982, с. 205]).

Рис. 19. Иннокентьевская церковь Иркутской епархии. Село Аларь. Фото начала XX в. (см.: [Калинина, 2000, с. 170]).

служило 17 лам, поэтому православие имело там сильного соперника. Чтобы ослабить влияние ламаизма, епископ Вениамин обратился с просьбой собрать средства на строительство церкви в новом миссионерском стане, открытие которого было приурочено к 150-летию Иркутской епархии и назначению первого епископа – святителя Иннокентия. В основе архитектурного решения каменного храма лежала идея епископа Вениамина придать зданию форму жилища бурят – восьмиугольной юрты, завершенной куполом-колоколом в знак Благовестия Христова. Такая совершенно неканоничная форма купола, однако, находит соответствие в завершениях буддийских храмов-ступ (рис. 19, 20). Массивный крест на куполе должен был символизировать победу христианства в среде непосвященных. В день освящения храма крестилось более 320 чел., ранее исповедовавших шаманизм. Таким образом, символика возведенной аларской Иннокентьевской церкви была глубоко продумана, отличалась своей буквальностью в трактовке форм, что диктовалось стремлением сделать ее максимально понятной местному населению. Отступления от традиционных конструктивных решений обосновывались необходимостью достижения наибольшего эффекта в деле христианизации.

Заключение

Использование заимствованных восточных форм в архитектуре православных церквей Прибайкалья было вполне осознанным и имело целью зрительно и семантически приблизиться к знаковой системе аборигенного населения, чтобы склонить его к принятию христианства. То, что на первый взгляд могло бы по-

Рис. 20. Буддийский храм-ступа. XV в. Тайланд.

казаться слабостью культуры, не способной к сопротивлению влияниям извне, напротив, является свидетельством ее сильной стороны, что выражается в целенаправленных изменениях, необходимых для решения поставленных задач. Чтобы предотвратить катастрофические для культуры трансформации, гибкость адекватного ответа на новые обстоятельства должна была сочетаться с неизменностью сущностных черт. Адаптационным возможностям церковного зодчества русских такая задача оказалась под силу. Здания не потеряли своих высоких эстетических качеств и не утратили своей функции – быть материальным воплощением идей и символики православия.

Список литературы

- Валишевский К.** Иван Грозный. – М.: Икпа, 1989. – Репр. с изд. 1912 г. – 418 с.
- Гуляницкий Н.Ф.** Традиции классики и черты Ренессанса в архитектуре Москвы XV–XVII вв. // Архитектурное наследство. – 1978. – № 26. – С. 16–19.
- Калинина И.В.** Православные храмы Иркутской епархии XVII – начала XX в. – М.: Галарт, 2000. – 496 с.
- Майничева А.Ю.** Русские православные храмы Сибири и творчество итальянских архитекторов // Искусство народов Сибири: прошлое, настоящее, будущее: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 19–20 октября 2004 г. – Омск, 2004. – С. 47–51.
- Ополовников А.В.** Сокровища Русского Севера. – М.: Стройиздат, 1989. – 337 с.
- Подъяпольский С.С.** Венецианские истоки архитектуры московского Архангельского собора // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. – М., 1975. – Т. 7. – С. 264–272.

ЗОЯ АЛЕКСАНДРОВНА АБРАМОВА

19 марта 2005 г. отмечался юбилей ведущего научного сотрудника-консультанта Института истории материальной культуры РАН, доктора исторических наук Зои Александровны Абрамовой. З.А. Абрамова – всемирно признанный авторитет в области изучения древнейшего искусства, достойная ученица и продолжательница дела академика А.П. Окладникова.

Значительная часть научной деятельности З.А. Абрамовой связана с Сибирью. Начав с изучения палеолита Забайкалья, Зоя Александровна вела раскопки стоянок каменного века на Ангаре и Енисее. На протяжении многих лет она возглавляла палеолитический отряд Красноярской экспедиции и занималась изучением серии многослойных позднепалеолитических стоянок в районе Кокорева и Таштыка, а позже – мустьерских остатков в гроте Двуглазка. Итогом этих изысканий стали монографии “Палеолит Енисея: Афонтовская культура” (Новосибирск, 1979) и “Палеолит Енисея: Кокоревская культура” (Новосибирск, 1979), а также “Палеолит Енисея” (Л., 1991; соавторы: С.Н. Астахов, С.А. Васильев и др.) Перу З.А. Абрамовой принадлежат крупные обобщающие работы по древнекаменному веку Сибири, опубликованные в виде глав в многотомных изданиях “Археология СССР” (Палеолит СССР. – М., 1984) и “Палеолит мира” (Палеолит Кавказа и Северной Азии. – Л., 1989).

З.А. Абрамова всегда рассматривала палеолитические древности Сибири в широком контексте развития культур Азиатского материка и Нового Света. Ею написаны главы по палеолиту Кореи и Китая для тома “Палеолит Центральной и Восточной Азии” (Л., 1994), изданного в серии “Палеолит мира”.

Другая часть многогранной деятельности З.А. Абрамовой связана с исследованием верхнего палеолита Русской равнины. Давняя участница работ в Костенках, Зоя Александровна возглавила изучение стоянки охотников на мамонта поздней поры верхнего палеолита Юдиново. В ходе раскопок здесь были вскрыты и изучены великолепные жилые сооружения из костей мамонта, собрана большая коллекция каменного и костяного инвентаря, украшений. Итогом работы явился музейный павильон, созданный над одним из комплексов. Материалы выдающегося памятника нашли отражение в трех выпусках монографии “Верхнепалеолитическое поселение Юдиново” (СПб., 1995–1997).

Магистральная тема научного творчества З.А. Абрамовой – древнейшее искусство. На протяжении десятилетий Зоя Александровна кропотливо собирает и систематизирует информацию о палеолитических произведениях изобразительного творчества, обнаруженных на территории нашей страны. Ею опубликован исчерпывающий свод такого рода находок (Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л., 1962), который был переведен на английский язык (Paleolithic art in the USSR // Arctic Anthropology. – 1967. –

Vol. 4, N 1). Дополненные новыми данными материалы свода легли в основу монографии, вышедшей во Франции (L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie. – Grenoble, 1995).

Труды З.А. Абрамовой отличаются редким сочетанием глубокого знания источников с высокопрофессиональным анализом творчества людей древнекаменного века, что в полной мере демонстрирует ее книга “Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии” (М.; Л., 1966).

Зоя Александровна встречает юбилей в расцвете творческих сил. Готовятся к изданию ее монументальная сводка по древнейшему искусству, не имеющая аналогов в мировой археологической литературе, и каталог палеолитических изображений мамонта.

З.А. Абрамова – пример доброжелательности, постоянной готовности прийти на помощь коллегам, высочайшей интеллигентности. Десятки археологов из различных научных центров Сибири и Дальнего Востока хранят добрую память о поддержке, оказанной им в разные годы Зоей Александровной.

С.А. Васильев

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ – Бурятский научный центр СО РАН
БФ – Бурятский филиал СО АН СССР
ВДИ – Вестник древней истории
ГИН – Геологический институт АН СССР
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ – Институт геологии СО РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИОКМ – Иркутский областной краеведческий музей
ИПОС – Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭА – Институт этнографии и антропологии РАН
КНЦ – Коми научный центр УрО РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МУ ИКНЦП – Муниципальное учреждение “Историко-культурный научно-производственный центр”
РА – Российская археология
РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
СМАЭ – Сборник Музея археологии и этнографии
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
ТИЭ – Труды Института этнографии
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
УрО – Уральское отделение РАН

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ "АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ" на 2005 год

Редакция журнала "Археология, этнография и антропология Евразии" принимает подписку на 2005 год. Стоимость одного номера русскоязычной версии для подписчиков в России 90 руб., годовой подписки 360 руб. Цена подписки включает стоимость пересылки журнала по Российской Федерации. Подписку можно оформить как на весь год (номера 1, 2, 3, 4), так и на определенный номер, в том числе уже вышедший. На очередные номера журнала Вы можете своевременно оформлять подписку по каталогу Роспечати.

Предоплата подписки физическими лицами, проживающими на территории Российской Федерации, производится через систему Сбербанка РФ по прилагаемой квитанции (**Форма 1**). Просим учесть, что **за проведение платежа Сбербанк взимает 3% от суммы перевода**. Юридические лица оплачивают подписку банковским поручением на основании счета редакции журнала (**Форма 2**).

Внимание! После оплаты подписки не забывайте прислать почтой (электронной почтой) в редакцию сообщение об оплате и точный адрес доставки.

		(Форма 1)																							
ИЗВЕЩЕНИЕ	ИНН	5	4	0	8	1	0	5	5	2	0	КПП	5	4	0	8	0	1	0	0	1				
	Получатель платежа	ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)																							
	Учреждение банка	РКЦ Советский г. Новосибирск																							
	Счет получателя	4	0	5	0	3	8	1	0	3	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6	2				
	БИК	0	4	5	0	0	3	0	0	0															
	Фамилия																								
	Имя																								
	Отчество																								
	Адрес																								
КВИТАНЦИЯ	ИНН	5	4	0	8	1	0	5	5	2	0	КПП	5	4	0	8	0	1	0	0	1				
	Получатель платежа	ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)																							
	Учреждение банка	РКЦ Советский г. Новосибирск																							
	Счет получателя	4	0	5	0	3	8	1	0	3	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6	2				
	БИК	0	4	5	0	0	3	0	0	0															
	Фамилия																								
	Имя																								
	Отчество																								
	Адрес																								
Кассир	Вид платежа	Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год Код 40130202010010000440, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.												Дата				Сумма							
	Платательщик													Всего											
	Подпись																								
	Печать																								

Для оформления подписки юридическим лицам необходимо:

- перечислить сумму годовой подписки по реквизитам, указанным в счете;
- после оплаты непременно переслать в адрес редакции заполненный бланк-заказ (редакция не несет ответственности за некорректно оформленную подписку).

По поступлении денег на счет редакции и получении ею заполненного бланка-заказа номера журналов будут высылаться по мере выхода простой бандеролью на указанный Вами адрес.

Данный рекламный лист в соответствии со ст. 435 Гражданского кодекса РФ является офертой (т.е. публичным договором) и может служить основанием для оплаты подписки.

Поставщик: ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 Институт археологии и этнографии СО РАН л/с 06401138981), счет 40503810300001000062 в РКЦ Советский г. Новосибирска, БИК 045003000, ОКПО 04981331, ОКОНХ 95110.

Адрес: пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. Тел.: (3833) 304491. Факс: (3833) 301191.

СЧЕТ № ААЭ-2005**от 31.12.2004**

Платательщик и его адрес:			
Предмет счета	Кол-во комп.	Стоимость компл. (руб.)	Сумма
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год (годовой комплект — номера 1, 2, 3, 4)	1	360=	360=
Всего к оплате: триста шестьдесят рублей 00 коп. (в том числе НДС 18%).			

Руководитель

А.П. Деревянко

М.П.

Главный бухгалтер

О.В. Осипова

Бланк-заказ на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии"

Просим оформить подписку на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год. Подписка оплачена. Журнал высылать по адресу:

Организация	
Адрес	
Почтовый индекс	
Телефон	
E-mail	
Код города (МТС)	
Телефакс	
Фамилия	
Имя	
Отчество	
Должность	
Плат. поручение №	
от	
на сумму	
руб.	

М.П.

Образец оформления банковских платежных поручений:

Сумма прописью	
Платательщик	
Банк платателя	
Получатель	ИНН 5408129419, ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 Институт археологии и этнографии СО РАН л/с 06401138981)
Банк получателя	РКЦ Советский г. Новосибирска, БИК 045003000.
Счет получателя	40503810300001000062
Кор. счет	н е т
Назначение платежа	Код 40130202010010000440, Ист. 03. (Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.) Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год (за книги — "предоплата за научную литературу согласно заявке")
Фамилия, имя, отчество платателя, адрес доставки	

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Авторы представляют статьи на русском или английском языке объемом около 1,4 тыс. знаков. Обязательным условием является авторский перевод географических названий, а также терминов, впервые предлагаемых в статье. Следует приводить также латинские названия животных и растений.

Необходимо указать учреждение, в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты.

Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рекомендуется выделять: введение, основную часть, обсуждение результатов, выводы (заключение).

Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации; 1 иллюстрация форматом 190 x 270 мм равняется 1/6 авторского листа (6,7 тыс. знаков).

Объем сообщений, рецензий, заметок — до 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

ТРЕБОВАНИЯ К НАБОРУ, ПОДГОТОВКЕ БИБЛИОГРАФИИ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Статья (основной текст, список литературы, подписи к рисункам и таблицам) должна подаваться в виде распечатки компьютерного набора на листах формата А4 (210 x 297 мм) вместе с дискетой с набором в формате WinWord или DOS Word. Размер кегля 14 для Times New Roman, 28 строк на странице, 64 знака в строке.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Не следует:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- разделять абзацы пустой строкой;
- пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме (вставка сноска на литературу и примечания, маркировка и нумерация абзацев и пр.);
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой "только для чтения";
- форматировать текст и делать принудительные переносы.

Приводимые единицы измерения должны соответствовать системе СИ.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилии авторов, год издания; в конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц - для монографии, первая и последняя страницы - для статьи).

Библиографические описания должны быть составлены по следующим образцам:

авторская монография

Алексеев В.П. География человеческих рас. – М.: Наука, 1974. – 777 с.

коллективная монография (все фамилии должны быть упомянуты)

Археологические исследования Энской пещеры / В.В. Васин, И.И. Иванов, П.П. Петров, С.С. Сидоров. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 999 с.

раздел в монографии

Иванов И.И. Палинология предвходовой площадки пещеры К-ва // *Археологические исследования Энской пещеры.* - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – Гл. 3. – С. 777 – 888.

статья в сборнике

Иванов П.И. Палинология стоянки Детский Сад II // *Каменный век на территории Алтая.* - М.: Артимс, 1999. – С. 77 – 99.

статья в ученых записках (ученых трудах)

Скрипка А.С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. – 1977. – Вып. 2. – С. 66 – 77.

статья в журнале

Иванов П.И. Психология запоминания // Вопр. психологии. – 1966. – № 1. – С. 12 – 34.

автореферат

Бобров В.В. Олень в скифо-сибирском искусстве (тагарская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973. – 35 с.

рецензия

Исаев М.И. [Рецензия] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – № 3. – С. 30 – 31. – Рец. на кн.: Иванова Р.П. Медвежий праздник у кетов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 222 с.

При наличии примечаний – кратких пояснений основного текста и дополнений к нему, в тексте у того места, к которому относится примечание, необходимо поставить знак звездочки (*), а само примечание набрать следом в квадратных скобках. Например: Введение* [* Данная статья...]

На полях рукописи должны быть помечены места желательного размещения иллюстраций. Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотоотпечатки и слайды (позитивы)) следует присылать в оригинале. Ксерокопии не принимаются. Рисунки и чертежи должны быть выполнены тушью на белой бумаге или кальке и не иметь следов карандаша. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм. Для черно-белых фото рекомендуемый размер отпечатка 100 × 150 мм. Цветные фотографии публикуются преимущественно при наличии слайдов (позитивов), желательно размером 60 × 60 мм. Каждый слайд необходимо упаковать в индивидуальный конверт. Редакция оставляет за собой право на публикацию цветных фотографий в черно-белом варианте.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что если нет возможности выполнить электронные версии, то к картам нужно приложить абрис без надписей и обозначений, то же желательно для планов раскопов и т.п. В случае создания электронных версий рисунков (только в форматах .tif, .cdt не старше версии 9.0) обязательно прилагать их распечатки высокого качества на белой бумаге. Все надписи и символы на них следует перевести в кривые. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок.

На обороте каждой иллюстрации (или на конверте со слайдом) за полем рисунка карандашом должны быть написаны фамилия автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации, указание "верх", "низ".

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel, с обязательным приложением файлов используемых шрифтов (.ttf), кегли шрифтов в надписях не должны быть менее 9. Каждая таблица печатается на отдельной странице с полем изображения не более 190 × 270 мм.

Адрес редакции:

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
Тел: (383) 330 83 66
Fax: (383) 330 11 91
E-mail: eurasia@archaeology.nsc.ru

Уважаемые читатели!

**Изменился номер телефона редакции. Теперь, чтобы связаться с нами,
Вам следует набрать (8-383) 330 83 66**